

тельно воплощала свою, доморощенную идею экономических и общественных реформ. Представители московской деловой и культурной элиты видели перед собой картины допетровского величия, когда Москва была, по сути, единственным стратегически и экономически значимым городом в Центральной Евразии. Сочетание коммерческого динамизма и философской консервативности вызвало к жизни ту типично московскую среду, определить которую представляется затруднительным и по сей день. Корни многих противоречий в истории Москвы кроются в ее развитии от пограничного сторожевого поселения до столичного города в XIV, XV и XVI веках.

Рано утвердившееся главенство Москвы в жизни России объясняется отчасти и тем, что город располагался на периферии монгольских, новгородских и литовско-польских земель. Пользуясь тем обстоятельством, что иноземным захватчикам непросто было добраться до пределов княжества, московские князья умело развивали свою цитадель, ставшую со временем самым могущественным городом в регионе. Возвышение Москвы подтверждает справедливость наблюдения Питера Хола о том, что новые города, которые служат транзитными пунктами между развитыми странами и лежащим за этими зарождающимися городами неведомым миром, обладают потенциалом развиться в крупные урбанистические центры¹.

Москва обрела черты большого поселения во время длительного периода упадка Киевской Руси, последовавшего за смертью Ярослава Мудрого в 1054 году². По мере ослабления центральной власти в Киеве, на фоне разгорающихся феодальных распрей и междоусобицы мир восточных славян становился все более мрачным. К концу XII века часть русичей, переселившись на северо-восток, в лесистые и более защищенные от набегов области Верхневолжья, основали новое государство со столицей во Владимире. Но уже через пятьдесят лет, в конце 30-х годов XIII века, большая часть русских земель подпала под монгольское иго.

Согласно преданию, Москва была основана великим князем Киевским и Суздальским Юрием Долгоруким, в 1147 году выстроившим бревенчатую, соснового дерева, крепость, или *кремль*, на месте слияния рек Москвы и Не-

глинной. Есть основания полагать, что эта местность, расположенная на окраине ростовско-суздальских земель, управлявшихся из Владимира, была обитаемой и до основания Москвы.

Пока монгольские ханы разоряли богатые русские города, Москва крепла, пребывая в кажущейся неизвестности. Между 1325 и 1340 годом Иван I, прозванный Калитой (кошель), укрепил княжескую власть и сосредоточил в Москве значительные денежные средства, а в 1380 году великий князь Московский Дмитрий Донской впервые за историю Руси разгромил татаро-монгольское войско в жестокой битве на Куликовом поле. Донской же и выстроил на месте прежней деревянной крепости первый каменный кремль.

Московское княжество установило полновластное господство над северорусскими землями ко времени Ивана III, известного как Великий и правившего в 1462—1505 годах. При Иване III были возведены важнейшие религиозные сооружения Кремля. Иван IV, или Грозный, утвердил роль Москвы как политического и экономического центра России, провозгласив себя царем (этимология слова восходит к Цезарю) в 1547 году. В 1589-м, спустя только пять лет после кончины Ивана Грозного, православная церковь основала в Москве патриархию. Так Москва заменила Владимир в роли духовного центра объединяющейся России. Безоговорочное первенство Москвы во всех сферах русской жизни прервалось только в 1712 году, когда Петр Великий перенес самодержавный престол в свою новую столицу, Санкт-Петербург³.

Громоздящийся город

Характерные черты Москвы определились уже в период ее беспрецедентного возвышения в XVI и XVII веках. Расходящиеся от крепостных стен Кремля и огороженного Китай-города средневековые московские улицы и тогда не отличались современностью по сравнению с другими европейскими столицами⁴. Известная хаотичность была присуща как архитектурной, так и культурной среде

Москвы. К концу XVIII столетия древняя Москва воспринималась более провинциальной и отсталой, чем взметнувшийся на северо-западе России рациональный Санкт-Петербург⁵.

Литературный критик и публицист XIX века Виссарион Белинский способствовал распространению таких взглядов. В 1845 году он отмечал, что Москва остается городом патриархальной приверженности семейной жизни⁶. Спустя сто двадцать лет Белинскому вторил американский русист Сидни Монас, обращавший внимание на то, что акцент в московской жизни XIX века был на частную жизнь, на внутренний мир⁷. В рассказе Владимира Гиляровского – одного из виднейших бытописателей города, оставившего нам описания как московских закоулков и подворотен, так и блестящих бальных залов и гостиных, – герой сетует, вернувшись в Москву после двухлетнего отсутствия: «Я иду вдоль Тверской, и все выглядит ровно так же, как раньше»⁸.

Все же, впитывая новые технологии и привлекая сезонных рабочих, город менялся, и эти изменения носили вполне драматичный характер⁹. Располагаясь концентрическими кольцами, город рос вдоль радиальных лучей, на местности, которая, подобно той, где был выстроен Чикаго, не создавала топографических преград для его развития¹⁰. Постепенно на фоне московского неба стали вырисовываться столь присущие городу силуэты с возвышающимися маковками и куполами церквей, в том числе массивный купол возведенного в XIX веке храма Христа Спасителя¹¹. Джон Белл Бутон, американец, посетивший Москву с «эпикурейской» поездкой, писал, что город словно вырастал из озера: «С ее [Москвы] поверхности, будто то была водяная гладь, вздымались бесчисленные купола, башни и башенки, шпили и зубчатые стены укреплений»¹².

Эмигрировавший после революции либеральный политический деятель Павел Милюков сходным образом выражал изумление этой новой Москвой. В своих воспоминаниях он отмечает, что, вернувшись в Москву в 1905 году после многих лет за границей, был сбит с толку: «Я с трудом узнавал город. Благодаря купеческому сословию в мос-

ковской архитектуре возник новый стиль. Рядом со старыми дворянскими особняками в стиле ампир, вдоль бульваров и улиц выросли строения, изощреннейшим образом воссоздававшие творения европейской архитектуры различных эпох... К примеру, тарасовский особняк на Спиридоновке дышал античным классицизмом Палладио. Там же, на Спиридоновке, Иван Абрамович Морозов выстроил замок в готическом стиле, а на Пречистенке он же выстроил дворец в духе португальского Возрождения. На Зубовском бульваре его брат Михаил возвел дворец с классическим фасадом, в котором каждая комната была отделана в соответствии с одним из исторических стилей»¹³.

Милюков мог не знать, что во второй половине XIX века московское купечество преобразило свой город, перестроив каждую пядь земли, которую можно было купить за деньги¹⁴. В центре города пяти- и десятиэтажные жилые дома и деловые здания пришли на смену старинным, более скромным и степенным двух- и трехэтажным постройкам¹⁵. Генри М. Гроув, неоднократно бывавший в Москве англичанин, так сетовал в 1912 году: «С каждым годом исчезает все больше и больше старой Москвы, и город все меньше походит на старинную столицу России. Если не считать случайного старого дома или церквушки, главные улицы застроены теперь современными зданиями в три, четыре и пять этажей, а ведь когда-то Москва почти полностью была одноэтажной, с горсткой двухэтажных строений»¹⁶.

Испытывая страх перед пролетариатом, почтенные горожане, не обладавшие достатком больших купеческих родов, селились в холмистой части города, на юго-западе от Кремля. Воробьевы горы, где теперь располагается Московский государственный университет, стали излюбленным пасторальным местом отдыха для богатых и просто обеспеченных москвичей.

Город обрастал все новыми кольцами, и разнообразнейшие сферы его жизни обращались вокруг единственного, великолепного, центрального памятника – Московского Кремля. Эти очертания так же хорошо узнаваемы московскими обитателями в конце XX столетия, как и в его начале.

Разросшаяся деревня

Бульвары, окружающие сердце города, поделены на три прогулочные дорожки: то тут, то там вырастает памятник, а вездесущие церкви и монастыри выполняют роль ориентиров в хитросплетениях городского лабиринта¹⁷. Недавно созданные и переобустроенные площади и скверы даруют утомленным москвичам недолгие минуты передышки, а также служат для проведения общественных мероприятий¹⁸. Москва была городом, где причудливейшие виды повергали путешественника в немое изумление¹⁹. Персонаж Ивана Бунина, потрясенный великолепием города, восклицает: «И помню, как сейчас: ехал я к Кремлю, а Кремль был озарен вечерним солнцем, ехал через Кремль, мимо соборов, — ах, как хороши они были, Боже мой! — потом по пахучей от всякой москательи Ильинке, где уже была вечерняя тень, потом по Покровке, уже осеняемой звоном и гулом колоколов, благословляющих счастливо кончившийся суетный день, — ехал и не просто радовался и самому себе, и всему миру, а истинно тонул в радости существования...»²⁰

В то же время Москва постепенно приобретала репутацию разросшейся деревни. Как отмечает Джозеф Брэдли, здесь сосуществовали образы европейского урбанизма и российской глубинки, привнося двойственность в общественную, политическую, культурную и экономическую организацию города²¹.

В последней четверти XIX века многоукладность московской жизни за пределами Садового кольца стала определяться железными дорогами²². Для обеспечения транспортировки сырья и готовой продукции к железным дорогам потянулись фабрики²³. Сосредоточение железных дорог на востоке города предопределило размещение там и крупных заводов. За ними последовали рабочие трущобы, что отчасти было вызвано патернализмом нанимателей, предоставлявших рабочим койки в заводских бараках, отчасти же объяснялось хронической неэффективностью общественного транспорта, что заставляло рабочих добираться до заводов пешком²⁴.

Эта беспорядочно растущая рабочая деревня удивительным образом напоминала сельскую местность. В 1912 году

почти все из 4564 городских строений, высотой доходивших или превосходивших три этажа, располагались внутри Садового кольца. Несмотря на размах строительства в центре, более 90 процентов всех московских построек оставались одно- или двухэтажными. На местности, застроенной менее чем наполовину, были разбросаны небольшие деревянные и кирпичные здания. К февралю 1917 года в хаотически растущем пролетарском, квазигородском мире вне Садового кольца под сельскохозяйственные нужды все еще было занято почти 15 процентов земли²⁵. Незадолго до этого система из почти двухсот прудов в должной мере обеспечивала подачу воды для проводившихся в черте города сельскохозяйственных работ. Чистые, а также столь очаровательно обрисованные Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите» Патриаршие пруды стали центром престижных кварталов, своей живописностью напоминая о недалеком ушедших днях сельской старины²⁶.

На сумрачный мир московских окраин приходилась значительная доля промышленного развития города²⁷. Если в 1871 году почти половина городского населения жила в центральных районах, то к 1917 году в благоустроенном и престижном центре проживало менее четверти всех москвичей²⁸. Московские окраины стали домом для приезжих крестьян, все более настойчиво определявших облик города. В 1902 году только 27,6 процента московского населения были уроженцами города; еще треть жителей проживала здесь не более пяти лет²⁹.

Многие из рабочих проживали в городе сезонно, периодически возвращаясь в деревню и тем самым усиливая неустойчивый характер московской городской среды³⁰. Промышленный спад 80-х годов XIX века и политический кризис, последовавший за убийством царя Александра II в марте 1881 года, привел к ухудшению социально-экономических условий в аграрных областях Центральной России³¹. Москва как крупнейший торговый и фабричный центр империи стала наиболее привлекательной целью для переселенцев. Освященная десятилетиями традиция отходничества, согласно которой крестьяне отправлялись из родных сел на временные заработки, вполне соответствовала потребностям москов-

ской промышленности в мобильной рабочей силе и большом числе сезонных рабочих³². Укреплению такой ситуации на рынке труда способствовало и развитие национальной сети железных дорог³³.

Не следует утверждать, что все московские рабочие были наиболее квалифицированными в стране, однако они в полной мере соответствовали нуждам легкой промышленности, которая составляла основу московского фабричного производства. В Москву стекались и вновь уезжали из нее десятки тысяч крестьян, не порывавших связей с сельским хозяйством и родной деревней³⁴. Фабрика и село не были полярными противоположностями в России в целом или в Москве в частности. Жизнь крестьянина на московской фабрике означала скорее жизненный этап, нежели перемену общественного статуса³⁵.

Сезонные рабочие приезжали в Москву преимущественно из прилежащих к городу уездов Московской губернии, а также из Тверской и Ярославской губерний³⁶, и лишь незначительная их часть прибывала из других провинций европейской России³⁷.

Барбара Андерсон справедливо предостерегает от ошибочного мнения, будто все прибывавшие в Москву крестьяне были неотесанными мужланами. Многие из приезжих принадлежали к общественно активной прослойке своих довольно развитых в культурном отношении³⁸ поселений. Как убедительно показывает Джеффри Брукс, Москва находилась в центре развивающейся народной культуры, все в большей степени основывающейся на грамотности³⁹.

Популярная литература и растущая как на дрожжах бульварная пресса создавали некую общую культурную среду для многих из тех трех четвертей мужского и четверти женского населения Москвы, которое считалось грамотным. Своими копеечными романами и газетами московские книжные магнаты Сергей Шарапов, Иван Сытин и Николай Пастухов оказывали, быть может, более сильное влияние на общественное сознание России, чем высокая литература Петербурга. Из всех российских городов в Москве было сосредоточено наибольшее число книжных лавок и магазинов⁴⁰. Никольский рынок в Москве стал всероссийским центром распространения печатной продукции.

Те же железные дороги, что привозили в Москву крестьян и доставляли в деревню книги, побудили промышленников наладить заводское производство в кольце губернских городов, окружавших древнюю столицу⁴¹. Так, связанные с московскими рынками новыми ветками железных дорог, крупными промышленными центрами стали Владимир, Иваново-Вознесенск, Ярославль и Тула⁴². В результате население центрального промышленного региона почти удвоилось в период с 1863 по 1914 год: от 7,6 миллиона жителей в Москве и прилегающих областях до 13 с небольшим миллионов жителей, значительная часть которых оказалась вовлечена в экономическую орбиту Москвы⁴³.

Железные дороги и фабрики стали новыми чертами российского ландшафта; их развитие не представлялось бы возможным без тесного сотрудничества с государством⁴⁴. Рассмотрение особенностей индустриализации России выходит за рамки настоящего исследования⁴⁵. «Царское правительство осуществляло контроль [государства] над экономикой как орган уполномочивающий, регулирующий, производящий и потребляющий, хотя оно никогда не подчиняло себе экономику целиком»⁴⁶. Решающую роль в развитии российской промышленности сыграли иностранный капитал, отечественные монополии и государство⁴⁷. В этом отношении российский опыт индустриализации ближе к Японии эпохи Мэйдзи, чем к Западной Европе, не говоря уж о Северной Америке⁴⁸.

Старообрядческий капитализм

В истории развития российского промышленного и торгового капитализма Москва стоит особняком, ведь именно здесь купеческая элита пользовалась невиданной для России свободой в управлении своими финансами и предприятиями⁴⁹. Джо Энн Рукмэн отмечает, что, говоря об участии деловых кругов в различных сферах московской культурной и общественной жизни, следует в первую очередь иметь в виду наиболее влиятельную и немногочисленную группу семей, которая возглавляла всю деловую прослойку города. Вновь и вновь нам встречаются знако-

мые фамилии... Мы можем перечислить эти династии, составлявшие цвет московской деловой элиты: Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины, Боткины, Вишняковы, Гучковы, Коноваловы, Крестовниковы, Мамонтовы, Морозовы, Найденовы, Прохоровы, Рукавишниковы, Рябушинские, Солдатенковы, Третьяковы, Ушковы, Хлудовы, Щукины и Якушниковы⁵⁰. Семейное дело как феномен общественной жизни обладал особой важностью именно в Москве, в частности на предприятиях, принадлежавших узкому кругу старообрядческих родов и их потомков.

Под старообрядцами мы понимаем совокупность схизматических религиозных групп и церквей в России, отделившихся от Русской православной церкви в XVII веке, в результате жестких реформ, проводившихся во время царствования Алексея Михайловича, второго правителя из династии Романовых и направленных на централизацию церкви и государства⁵¹. Патриарх Никон, стремясь к упрочению московской религиозной культуры перед лицом иностранного влияния, а также в целях установления более последовательной и однородной практики христианского богослужения, проводил реформу, направленную на изгнание из церковной жизни суеверных, по мнению патриарха, обрядов⁵². За советом и помощью Никон обратился к многочисленным ученым и праведным мужам православного мира. Убежденный в правоте своего дела, патриарх указом ввел ряд изменений в литургический канон православной церкви: эти изменения относились в том числе к направлению процессии вокруг церкви во время крестного хода, написанию имени Иисуса и замене двуперстного сложения для крестного знамения трехперстным. Указы Никона, многие из которых написаны с имперским высокомерием, потрясли устои московской религиозности, основывавшейся на догмате телесности икон и обрядах больше, чем на письменном слове. Нововведения Никона вызвали сильные волнения, и раскольники отказались подчиниться власти патриарха.

Православная церковь и царское правительство яростно преследовали раскольников на протяжении нескольких десятилетий; гонения только усилились, когда в среде старообрядцев возникла и получила определенное распро-

странение идея о том, что Петр Великий – воплощенный Антихрист. Старообрядческие общины, пребывавшие в состоянии жестокого противостояния церковным и светским властям, а потому находившиеся под постоянной угрозой тюрьмы, пыток и смерти, высылались в окраинные области империи, в особенности на Дальний Север. В этих изолированных сообществах развивались дух первопроходцев, полагающихся только на собственные силы, и чувство глубокой солидарности.

Старообрядческие семьи стали селиться в московских пригородах при Екатерине Великой, когда правители снизили до политики относительной религиозной терпимости⁵³. После пожара, разрушившего в 1812 году Москву, приток людей в город возрос⁵⁴. Развалины, в которых город лежал после наполеоновского нашествия, знаменовали поворотный миг в истории Москвы, ведь наряду с городскими зданиями в груды тлеющих углей обратился и старый порядок. В город хлынули переселенцы, что способствовало оживлению городского хозяйства⁵⁵. Среди новоприбывших были и будущие московские старообрядцы-промышленники. Город воссоздал себя за классическими фасадами⁵⁶. Уже к 1820 году Москва качественно отличалась от города, который менее десяти лет назад подвергся нападению французов.

В середине XIX столетия, когда правительство Александра II расширило гражданские свободы старообрядческих общин, Москва пополнилась новыми переселенцами-раскольниками. Впоследствии под воздействием вновь ужесточившихся предписаний и с негласного общественного одобрения часть старообрядцев вернулась в лоно официального православия. Политика их ассимиляции ширилась и затихала циклично, вплоть до принятия в 1905 году Акта о веротерпимости, согласно которому после революции 1905 года общинам старообрядцев была дарована полная религиозная свобода⁵⁷.

Глубокая приверженность принципам общинной солидарности сочеталась в старообрядцах с верой в собственные силы: эти качества способствовали утверждению яркой самобытности происходивших из старообрядческой среды московских купеческих семей, таких как Рябушин-

ские, Морозовы, Гучковы и Коноваловы. Эти черты весьма способствовали успешному ведению дел: в конце XIX века, на гребне русской индустриальной революции, бережливость и взаимовыручка сослужили старообрядческим семьям добрую службу⁵⁸.

В цикле знаменитых лекций 1968 года Александр Гершенкрон исследовал кажущееся противоречие между теологическим консерватизмом и экономическим новаторством старообрядцев. Гершенкрон утверждал, что истоки старообрядческого капитализма следует искать не в какой-либо строгой доктрине, но в вековом опыте преследований и гонений. Именно из-за того что старообрядцы в течение длительного периода российской истории являлись объектом жестокой нетерпимости, в них развилось чувство нравственного превосходства над чужаками, превосходства, которое они утверждали посредством опрятности, честности, надежности, бережливости, усердия и трудолюбия⁵⁹. Как отмечает Джеймс Уэст, богатство старообрядцев было в их собственных глазах достоинством, позволяющим отличать истинных верующих от менее благополучных и менее удачливых «никонианцев»⁶⁰. Дух веберовского капитализма* жил в старообрядцах не благодаря их догматическим убеждениям, но вследствие усвоенной ими стратегии выживания в условиях жестокого преследования со стороны государства⁶¹.

В поисках русской самобытности

Поиски национальной самобытности и романтический консерватизм, присущие московским интеллектуалам-славянофилам, нашли отклик у старообрядцев-промышленников и близких к ним предпринимателей⁶². Старообрядческие семьи исторически противопоставляли себя западническому государству Романовых (хотя это и не относилось к личности царствующего монарха). Корни

* Макс Вебер (1864—1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист. В происхождении западноевропейского капитализма отводил решающую роль протестантизму.

истинной русскости надлежало искать в эпохе, предшествовавшей Романовым и их петербургскому окну в Европу.

Политическую жизнь и настроения купеческого сословия определяли деятели консервативного толка, придерживавшиеся откровенно реакционных и националистических взглядов, подобно Николаю Найденову, долгие годы заседавшему в Московской городской думе⁶³. Ярый консерватор, Найденов до самой своей кончины в 1905 году оставался одной из влиятельнейших фигур в общественной жизни города.

Реакционные взгляды Найденова проявились довольно рано. К примеру, осенью 1882 года он жалуется в письме к Константину Победоносцеву, самому, пожалуй, известному консервативному деятелю эпохи, что московская городская дума превратилась в подобие социалистического сборища и осуществить что-либо стало сложно, если не невозможно⁶⁴. Эти слова написаны об органе власти, который избирался из числа самых состоятельных горожан. Тем не менее, по мнению Найденова, городская дума успела превратиться в теплицу для эгалитаристов. Философский и культурный консерватизм часто подстегивал экономические интересы, что выражалось, например, в последовательном отстаивании высоких ввозных пошлин, призванных защитить городскую экономику от конкуренции с иностранными товарами⁶⁵.

При относительной немногочисленности в городе не-славянских этнических групп, экономическое преуспевание старообрядческих промышленных кругов в сочетании с увлеченностью славянофильской интеллигенции русским Средневековьем вызвало к жизни напряженные духовные поиски русской национальной самобытности, в которых Москве отводилась главенствующая роль⁶⁶. Павел Третьяков, Савва Мамонтов, Николай Рябушинский и другие магнаты-коллекционеры создали в Москве рынок произведений искусства, исполненных очарования русских мотивов⁶⁷. Преуспевшие старообрядческие семьи образовали то ядро купеческих династий, к которому тяготели другие московские нувориши.

Элизабет Кридл Валькенге справедливо замечает, что, рассуждая о старообрядческой сущности московского ку-

печества, легко впасть в преувеличение. Старообрядческие семьи, утверждает Валькенъе, не всегда оставались верны дедовским заветам: некоторые из их представителей стали агностиками, иные вернулись к официальному православию⁶⁸. Однако выдающиеся старообрядческие семьи были тем центром, вокруг которого в известной мере вращалась московская жизнь, несмотря на то что сам этот центр претерпевал изменения.

Основатели нескольких московских купеческих династий происходили из крепостных, то есть из зависимого состояния, как это часто случается в бурно растущих городах⁶⁹. Савва Морозов, основатель рода, прибыл в Москву вскоре после пожара 1812 года; Морозов начинал коммивояжером, торгуя тканями по домам⁷⁰. Чуть позже кожаными изделиями начал торговать вразнос Алексей Бахрушин, в то время как Алексеевы, Прохоровы, Щукины, Солодовниковы и Третьяковы вели свой род от мелких сельских предпринимателей, приехавших в город в XVIII веке⁷¹. Они переселились в Москву, чтобы иметь возможность начать небольшое торговое дело⁷².

Другие происходили из среды свободных посадских людей⁷³. Развитие экономики привело этих мелких торговцев к производству, которое стало промышленным к концу XIX столетия. К началу XX века в активах крупных семей московских предпринимателей мануфактура занимала гораздо более важное место, чем торговля, хотя многие по-прежнему широко занимались оптовой и розничной торговой деятельностью⁷⁴.

Браки в среде купечества способствовали превращению этих тесно связанных между собой династий в сложную, многоуровневую иерархию, оказавшую влияние на все сферы московской жизни⁷⁵. Значение связей в московской жизни трудно переоценить. К примеру, продолжавшаяся всю жизнь дружба Павла и Сергея Третьяковых с Антоном и Николаем Рубинштейнами родилась во время их летних послепопуденных заплывов, которые мальчишки совершали на Москве-реке, убегая из своих убогих замоскворецких предместий⁷⁶.

В конечном итоге личные связи стали приобретать организационный статус посредством различных коммерче-

ских объединений и групп, таких как учрежденное после 1905 года Торгово-промышленное объединение⁷⁷. Деловые связи тянулись и в другие крупные российские города, такие как Нижний Новгород, где московские купцы играли ведущую роль на знаменитой нижегородской ярмарке⁷⁸. Денежные ресурсы в московских банках, учрежденных с минимальной государственной поддержкой (следует отметить, что поддержка государства была жизненно необходима для деятельности их петербургских конкурентов), уступали по величине только столичным⁷⁹. Однако запутанность и иерархичность отношений в московском обществе подчеркивала разительное отличие Москвы от Санкт-Петербурга, ведь, как выразился Евгений Замятин, «ничья единая воля не направляла ее [Москвы] развитие»⁸⁰.

Противоречия и загадки

Во второй половине XIX века, по мере того как растущая сеть железных дорог доставляла в Москву все больше сырья и рабочей силы, городская промышленность – в первую очередь текстильная индустрия, металлообработка и станкостроение – увеличила объемы производства более чем на 300 процентов⁸¹. На Москву и прилегающие территории приходилась почти четверть промышленного оборота и почти 18 процентов торгового оборота России⁸². Местная промышленность ориентировалась преимущественно на отечественный рынок сбыта, отсюда забота московских деловых кругов о высоких ввозных пошлинах. С течением времени получил развитие экспортный сектор экономики: это в первую очередь относилось к текстильной продукции, производимой для балканского, ближневосточного и монгольского рынков, в также для областей Польши, входивших в состав Российской империи⁸³.

Собственно производство размещалось на крупных фабриках и в сравнительно небольших ремесленных мастерских, в которых зачастую работало менее 100 человек. В 1902 году из 263 078 московских рабочих 151 359 чело-

век считались ремесленными, а не фабричными рабочими⁸⁴. В экономической жизни Москвы доминировала текстильная промышленность – индустрия, допускавшая существование множества небольших производств. Такая ориентированность на средних размеров мастерские отличала Москву от Петербурга, где преобладали крупные заводы⁸⁵.

Москва была преимущественно городом рабочих: в 1902 году 60 процентов трудящихся жителей определялись как мануфактурные, заводские или ремесленные рабочие, и менее 20 процентов работающего населения именовались предпринимателями и специалистами⁸⁶. Небольшие производственные предприятия процветали в Москве вплоть до начала Первой мировой войны⁸⁷. В широко раскинувшейся сети мастерских и мануфактур, по соседству с розничными и оптовыми закупочными центрами, трудились, на временной или постоянной основе, десятки тысяч рабочих⁸⁸.

Революция 1905 года знаменовала в России начало бурного развития профсоюзного движения. В профессиональные союзы вступали наиболее образованные и квалифицированные из российских рабочих, в то время как политизированные рабочие объединения стали появляться на волне стачек рубежа веков⁸⁹. Число профсоюзов неуклонно росло на протяжении всего 1905 года, а после легализации профсоюзов и объединений работодателей 4 марта 1906 года рабочее движение получило новый импульс. К началу 1907 года в Москве функционировало шестьдесят три профессиональных союза, насчитывавших более 52 тысяч членов. Вскоре, однако, запретительные политические и законодательные меры самодержавия вновь урезали права рабочих на объединения. Некоторое оживление профсоюзной деятельности наблюдалось в Москве в канун Первой мировой войны.

Карательная политика имперского правительства вытеснила многих недовольных рабочих в подполье, где они пополняли ряды и радикальных социалистических партий, таких как большевики и меньшевики, и правоэкстремистских групп⁹⁰. Пользуясь общей социальной нестабильностью 1905—1906 годов, бандитствующие боевые

братства учинили самые страшные из московских погромов: их кульминацией стал учиненный черносотенным Союзом русского народа 16 октября 1905 года печально известный погром, целью которого было физическое уничтожение как можно большего числа московских евреев и социалистов⁹¹. В течение всех лет, что составляют предмет исследования настоящей книги, сквозь порою безмятежный лик Москвы проступали черты неминуемого распада Российской империи. Все же социальные различия между московскими предпринимателями и рабочими были значительно менее острыми, чем в промышленных городах с преобладающей долей крупных заводов.

Изобилующая новыми миллионерами, Москва была городом богачей и пролетариев⁹². То был, по сути, богатейший город империи, с наиболее многочисленным, из всех российских городов, купеческим сословием⁹³. В Москве оказались сосредоточены больше четверти всех торговых домов Российской империи, притом что на долю Петербурга их приходилось не более 13 процентов⁹⁴. К 1910 году в Москве проживало и наибольшее из российских городов число людей с ежегодным доходом свыше 1000 рублей (в 1903 году эта сумма составляла 515 долларов США)⁹⁵.

Таким образом, богатство и нищета существовали в Москве бок о бок⁹⁶. «Архитектурная и социальная пестрота, свойственная российским городам вообще, – пишет Тимоти Колтон, – особенно ярко проявлялась в Москве, и историки часто объясняли этим сравнительно низкий уровень классовой ненависти у московских рабочих»⁹⁷. Москва была городом крупных фабрик и крохотных мастерских, городом торговым и промышленным, городом богатства и нищеты. В истории Москвы поражает многообразие ее человеческого опыта, что, кстати, проявляется и в архитектурном облике города.

Уже в 1882 году московские бедняки, в первую очередь крестьяне, перебравшиеся в город на время или навсегда из разоряющихся деревень, ютились где попало: в переполненных постройках-временках, в подвалах, бараках и пресловутых углах (то были арендуемые в комнатах углы в буквальном смысле слова)⁹⁸. Более обеспеченные пролетарские семьи устраивались чуть лучше, то есть арендовали комна-

ту или две в двухэтажном деревянном строении, вмещавшем дюжину квартир и около восьми десятков жильцов (в домах отсутствовали ванны и туалеты, кухни были коммунальными, а за водой приходилось бегать на соседнюю улицу)⁹⁹. Люди среднего достатка селились в новых многоквартирных домах, а купцы-богатеи предпочитали чрезмерно прочные, чрезмерно украшенные и чрезмерно меблированные особняки, которые призваны были не подражать дворцам русской аристократии, но создавать новый, неповторимый стиль¹⁰⁰. Частные жилища москвичей всех классов и сословий изобличали типично московскую тягу к эксцентричности, театральности и неожиданности – эти же черты мы встретим в московских извилистых переулках, прячущихся дворах, причудливо изогнутых улицах и на широких бульварах¹⁰¹. Наблюдательный глаз Вальтера Беньямина запечатлел этот путанный город в экспрессивной прозе. Посетив Москву в самый канун 1927 года, Беньямин нашел московские улицы чрезвычайно любопытными, отметив, что русская деревня играет на них в прятки; впрочем, таковыми эти улицы были в течение столетий¹⁰².

Вне зависимости от их социального положения, москвичи предпочитали драматическое действо обыденности. Склонность к непредсказуемости пропитывала всю городскую жизнь; она и по сей день в значительной мере определяет облик Москвы, стала и физическим воплощением многих присущих городу противоречий. В посвященном Москве исследовании Тимоти Колтону удалось выявить некоторые из сложных загадок дореволюционного города. Колтон особо подчеркивает несоответствие между сложностью и динамизмом экономической и общественной системы Москвы и неэффективностью ее политических институтов. Колтон заключает, что несмотря на ужас и несправедливости, которых, увы, хватало и в жизни дореволюционного города, «частная» Москва храбро противостояла то и дело обостряющемуся общественному кризису и безусловно стремилась к удовлетворению нужд большинства своих жителей. К сожалению, политическую Москву ожидала иная судьба¹⁰³. Отзвуки этого несоответствия между частной и государственной Москвой не утихали еще целое столетие.

Управление Москвой

Муниципальный плюрализм в Москве – так же как политика терпимости во многих других крупных городских центрах – возник не столько от желания всеобщей справедливости, сколько от необходимости совместного выживания. Последнее относится ко всему рассматриваемому в настоящей работе периоду, который начинается 1873 годом, когда были проведены в жизнь провозглашенные Александром II за три года до этого установления по муниципальной реформе¹⁰⁴. Либеральные реформы оказались недолговечны¹⁰⁵. Контрреформы 1892 года вновь урезали права местного самоуправления¹⁰⁶. Более того, в стране резко обозначились классовые противоречия. Гражданские волнения 1905—1907 годов вскрыли глубокие различия в скоплении несовместимых социальных групп города¹⁰⁷. В стороне от революции 1905-го не осталась ни одна из общественных групп, столкновения этого бурного года не обошли стороной ни одно частное или государственное учреждение¹⁰⁸. В эпицентре событий революции 1905 года оказалось и само муниципальное управление, ведь официальная власть в городе была временно замещена советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹⁰⁹.

Легализация в 1905 году политических партий впервые за время существования институтов управления Москвой привела к возникновению партийной политики. Реакционная найденовская группа во главе с архиконсерваторами Николаем Найденовым, Григорием Крестовниковым и членами семьи Боткиных противостояла молодым, прогрессивным предпринимателям, группировавшимся вокруг Рябушинских и Морозовых¹¹⁰. Московские большевики отличались большей терпимостью, чем их революционные собратья в Петербурге¹¹¹. Тем не менее фанатизм революций 1917 года смел большую часть московских политических и общественных образований.

На протяжении всего рассматриваемого в этой книге отрезка времени органы муниципального управления Москвой оставались частью высокоцентрализованной бюрократической и политической машины Российской империи¹¹². Вопрос оптимального места муниципальных вла-

стей в системе имперской администрации занимал российских самодержцев в течение десятилетий, если не столетий. И если, как будет показано в последующих главах, можно с известной долей определенности говорить о компетентности и самостоятельности органов местной власти в Америке начала XX века и в Японии периода Мэйдзи, это в гораздо меньшей степени относится к самодержавной России¹¹³.

Эксперименты с местным самоуправлением происходили в России на протяжении всей эпохи самодержавия, и периоды относительной автономии чередовались с периодами ужесточения центральной власти. В Москве время наибольшей либерализации местного самоуправления началось с принятого Александром II в 1870 году акта о муниципальной и земской реформе¹¹⁴. Согласно этому закону управление Москвой возлагалось на достаточно представительную (от 160 до 180 депутатов) городскую думу, определявшую политику городских властей и в свою очередь избиравшую правление или думскую управу (от семи до десяти членов), в обязанности которой вменялись определение повестки думских заседаний и решение текущих вопросов¹¹⁵. Градоначальник, избиравшийся квалифицированным большинством голосов думцев, председательствовал как в думе, так и в управе. В четырех из крупнейших городов империи – Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и Риге – существовал также пост помощника градоначальника. Все местные чиновники избирались на четырехлетний срок.

Российские муниципальные власти привлекали в городские благотворительные фонды значительные пожертвования и завещательные дары, часть которых направлялась в учреждения помощи неимущим¹¹⁶. К 1900 году благотворительные пожертвования на душу населения в Москве превзошли аналогичные показатели для Парижа, Берлина и Вены¹¹⁷. Между 1863 и 1912 годами Московская городская дума привлекла в качестве пожертвований более 32,5 миллиона рублей. В 1912 году для управления этими благотворительными средствами городская дума учредила Департамент управления городскими фондами; средства, накопленные на благотворительных счетах, составляли к этому времени более трети всех городских расходов на социаль-

ные нужды. В целом Москва расходовала большую часть городского бюджета на здравоохранительные, образовательные и социальные программы; сходная ситуация прослеживалась и в других городах России¹¹⁸.

Здравоохранение, образование и социальное обеспечение стали именно теми сферами российской жизни, в которых наиболее деятельное участие принимали женщины. Барбара Альперн Энгель отмечает, что, конечно же, в России XIX века, как и во всей Европе, быть женщиной означало в первую очередь быть дочерью, женой и, за редкими исключениями, матерью, а значит, находиться в полной зависимости от мужчин в первых двух из перечисленных общественных состояний. Однако, продолжает Энгель, «в России семейная иерархия и положение в ней женщины существенно отличались от ситуации, которую мы наблюдаем в западноевропейских странах. Русские женщины в известном смысле пользовались большей самостоятельностью, так как сохраняли имущественные права и после замужества и, в зависимости от общественного положения, выполняли множество обязательств, имевших ключевое значение для поддержания экономического и социального статуса семьи»¹¹⁹.

С другой стороны, Энгель отмечает, что во многих отношениях русские женщины были беспомощнее европейских вследствие авторитарности, что была присуща как политической системе российского самодержавия, так и семейному укладу в царской России. Потому неудивительно, продолжает Энгель, что многие необразованные и часто неграмотные женщины, переселяясь из деревни в город, попадали в полузависимое положение прислуги, кухарок и нянек¹²⁰.

Было бы ошибочным полагать, что каждая москвичка на рубеже веков была готова или способна пожертвовать всем ради общего дела. Однако заслуживает удивления число незаурядных, замечательных русских женщин, сыгравших в конце XIX – начале XX столетия не последнюю роль в революционной деятельности, медицине и искусстве, оказавших значительное влияние на развитие городской культуры в целом¹²¹. Многие москвички (их число было несопоставимо больше, чем в остальной Европе)

способствовали развитию здравоохранения, образования и программ общественной помощи в родном городе, не придавая значения классовым различиям между своими согражданами. Успехи московского правительства в здравоохранении, образовании и социальном развитии города в немалой степени объясняются самоотверженной деятельностью женщин; к сожалению, имена многих из них не сохранились в истории.

Имперские установления для местных властей

Несмотря на значительные успехи в муниципальной сфере, деятельность городских властей находилась в прямой зависимости от множества неблагоприятных факторов. Назначаемые царем губернаторы были уполномочены представлять в Петербург для рассмотрения все муниципальные постановления, в то время как имперские чиновники обладали неограниченными правами аннулировать местные законодательные акты или решения¹²². В течение всех последних лет существования Российской империи консервативные московские генерал-губернаторы всячески сдерживали либеральные инициативы муниципальных властей¹²³.

Губернаторы осуществляли надзор за полицией и имели право издавать обязательные к исполнению указы, зачастую противоречившие муниципальным постановлениям. Князь Владимир Долгоруков, генерал-губернатор Москвы с 1865 по 1891 год, был, безусловно, самой влиятельной политической фигурой в городе в период Великих реформ¹²⁴. Принимая во внимание те почти неограниченные полномочия, которыми наделялись назначаемые из Петербурга губернаторы, становится понятным, почему по всей России именно они, а не избираемые на местах градоначальники считались истинными городскими головами¹²⁵. Однако, как справедливо указывает Ричард Роббинс, власть губернаторов все больше становилась запретительной, то есть властью права вето, а их роль в формировании будущего города или губернии часто сводилась к нулю¹²⁶.

Обозначившееся в последней трети XIX века противостояние между назначавшимися из центра губернаторами и избиравшимися на месте градоначальниками и управами было в равной мере присуще общественной жизни Москвы и других российских провинций, а также зависимых от Российской империи областей Восточной и Центральной Европы¹²⁷. Борьба за местное самоуправление часто оказывалась сопряжена с националистическим движением. Москва одновременно подпадала под общие критерии развития и составляла важное исключение. Главными действующими лицами в древней столице были все-таки русские, а потому противостояние засилью центральных властей отличалось в Москве от борьбы национальных меньшинств против политики насильственной ассимиляции.

Проводившаяся одновременно с муниципальной реформа сельского самоуправления привела к учреждению влиятельных и преимущественно либеральных законодательных органов в губерниях – земств¹²⁸. Томас Портер и Уильям Глизон убедительно доказывают, что институт земства расшатывал основы самодержавной власти и стал причиной заметного оживления общественной жизни в России¹²⁹. Земские советы часто соперничали с городскими властями за право сбора местных налогов – эти разногласия не утихали в Москве на протяжении всего рассматриваемого периода¹³⁰.

Полномочия городских властей ограничивались управлением муниципальным хозяйством¹³¹. Под эту категорию подпадало осуществление общегородских функций и управление муниципальными предприятиями. Для московского бюджета последнее означало чрезвычайно важную независимую статью доходов в условиях фискальной системы, строго ограничивавшей сбор местных налогов¹³². К середине 70-х годов XIX столетия городские доходы безнадежно отстали от расходов, и к 1887 году аккумулированный дефицит примерно равнялся всему муниципальному бюджету за этот год¹³³.

К началу второго десятилетия XX века доход от находящегося в муниципальном владении имущества, концессий и предприятий составил более 40 процентов доходов московского городского правительства¹³⁴. Еще быстрее

возрастали доходы от скотобоен, муниципальной системы канализации, водоснабжения и транспорта, а также от регистрации имущественных прав¹³⁵. Огромную прибыль начали приносить находящиеся в ведении города трамвайные линии, притом что в 1914 году пассажирооборот трамвайных обществ превысил 330 миллионов человек¹³⁶. Тем временем доля местных налогов в городском бюджете становилась все ниже¹³⁷.

К началу 1890-х годов текущий бюджет московского городского правительства превзошел бюджет других российских городов. К примеру, городской бюджет Москвы за 1892 год составил 11,2 миллиона рублей, в то время как муниципальные власти Петербурга распоряжались только 10,3 миллиона рублей. На третье место среди городов империи вышло одесское правительство, с бюджетом 3,3 миллиона рублей¹³⁸.

Избирательное право в России оставалось дискриминационным¹³⁹. Более того, Министерство внутренних дел имело право вмешиваться в эту и без того сложную избирательную систему и аннулировать результаты выборов, показавшиеся неприемлемыми в Петербурге.

Выборы основывались на сословном принципе, притом что крупные налогоплательщики обладали значительно большим весом в городской думе¹⁴⁰. Российские сословия обладали только поверхностным сходством с общественными организационными формами в Европе. Переход из одного сословия в другое представлялся в России более осуществимым, чем в Западной Европе; по словам Грегори Фриза, сословия в России легко приспособлялись к требованиям общественного и экономического развития¹⁴¹.

Сословия отличались узкофункциональной направленностью, их роль была довольно механистичной, и на думских заседаниях представители сословий могли высказываться только о непосредственно затрагивавших их сословие вопросах¹⁴². В результате основанные на сословном принципе политические институты не обладали и долей того динамизма, что был присущ самому российскому обществу, хотя и, возвращаясь к цитате из Фриза, в пореформенной России сословия не растворились в классах, как

это традиционно постулируется в сословно-классовой парадигме¹⁴³. Это утверждение особенно справедливо в отношении Москвы, одного из самых динамичных российских городов¹⁴⁴.

Вышеописанные законодательные и административные ограничения необычайно снизили уровень участия городского населения в муниципальных выборах. Явка избирателей оставалась шокирующе низкой – в 1888 и 1889 годах к урнам пришли только 8 процентов избирателей¹⁴⁵. В подобных условиях упорно держащаяся за власть городская политическая элита оставалась высокомерной¹⁴⁶, невосприимчивой к общественному мнению и уязвимой для волюнтаристских решений имперских чиновников¹⁴⁷. Между 1870 и 1917 годами шесть из десяти московских градоначальников, в том числе четверо из последних пяти, произошли из купеческой среды¹⁴⁸.

Царским министрам показались слишком демократическими даже избирательные законы 1870 года, и в 1892-м правительство еще больше сузило избирательное право и автономию местных властей, в то же время расширив полномочия имперских чиновников по отмене муниципальных и земских решений¹⁴⁹. В результате новых установлений по избирательному цензу число допущенных к выборам жителей Москвы снизилось с 4,4 до 0,6 процента населения¹⁵⁰. Попытки проведения либеральной политики в подобных условиях были обречены на провал. Тем не менее, как показывают приведенные далее в настоящей работе социологические очерки, московское городское правительство выказывало удивительную гибкость и проявляло незаурядную заботу об общественном благе в те последние пятьдесят лет, что отделяли старую Россию от революций 1917 года¹⁵¹.

Системный кризис

Непоследовательность имперского правительства на всех уровнях государственной власти изобличала неготовность царя и царских министров к системным преобразованиям. Общероссийская политическая история рассмат-

риваемого периода – это история агрессивных попыток самодержавия утвердить монаршью волю во всех сферах общественной жизни и история вынужденных уступок обществу. Гражданская жизнь в России медленно формировалась по мере то обостряющегося, то утихающего конфликта между обществом и царской властью. Кристин Руан верно определила сущностные признаки данного периода в следующих строках: «Несмотря на непоследовательность действий правительства, все больше российских граждан начинали принимать участие в экономической, общественной и политической жизни страны. Мужчины и женщины, получившие образование в реформированных школах и училищах, искали работу в растущих секторах российской экономики – в промышленности, торговле и сфере общественного обслуживания. Они были частью новой, современной России, они желали создать новое гражданское поле, где стало бы возможным утверждение и защита их прав, где в формировании общественного мнения могли бы на законных основаниях участвовать новые голоса»¹⁵².

Москва находилась в самом центре конфликта между государством и обществом. Московские промышленники были в числе самых яростных критиков петербургских властей¹⁵³. У городской интеллигенции, крестьян, обедневших дворян и рабочих были свои, хотя и разные счёты к самодержавию. В настоящем исследовании предпринята попытка показать, как в условиях нетерпимости и жесткости имперской бюрократии Москве удавалось оставаться городом, с необычайной гибкостью принимающим и обеспечивающим взаимодействие между самыми различными и раздробленными социальными группами.

Дважды в начале XX века российская политическая и общественная система погружалась в глубокий кризис. Февральская и Октябрьская революции 1917 года знаменуют начало новой Москвы, изучение которой выходит за рамки настоящей работы, в то время как революция 1905 года непосредственно связана с рассматриваемыми ниже вопросами.

Поражение России в войне с обновленной японской монархией стало той искрой, что в октябре 1905-го разо-

жгла многомесячные гражданские волнения. Согласно красноречивому определению Абрахама Эшера, глубинные причины беспорядков лежали в государственной политике, направленной на модернизацию экономики без каких-либо изменений в политических и общественных институтах, политике, приведшей к одновременному зарождению организованного либерализма и радикализма¹⁵⁴. Катастрофический голод 1891—1892 годов, а также эпидемии холеры и брюшного тифа в 1892 и 1893 годах выявили полное бессилие правительства с той же очевидностью, что и поражение в Крымской войне за полвека до этого¹⁵⁵.

Социальные группы российского общества, придерживавшиеся разных, нередко противоположных взглядов на будущее России, были вполне единодушны в своей враждебности к самодержавию, и царское правительство платило обществу тем же¹⁵⁶. Несмотря на растущее стачечное движение, крестьянские волнения и политические убийства властям удавалось сдерживать общественное движение – вплоть до унижительного поражения в русско-японской войне¹⁵⁷. Та же война, что послужила толчком для бурного развития Осаки, посеяла хаос в Москве.

В водоворот революционных событий оказались вовлечены все слои московского общества, и глубокие раны 1905-го не заживали еще много лет. События 1905 года не были генеральной репетицией революции 1917-го, как позднее утверждал Ленин. Даже после реакционного столыпинского переворота 3 июня 1907 года, когда погребенными оказались столь многие демократические завоевания предыдущих месяцев, у России оставалось несколько путей развития¹⁵⁸.

Николай II, следуя советам своих наиболее реакционных министров, распустил Государственную думу именно в этот день, 3 июня 1907 года, и многим в Москве – интеллигенции, рабочим, промышленникам и купцам – оставалось только отчаянно бороться за свои исчезающие в ледяном вихре реакции интересы. Достигнутые в подобных условиях успехи в муниципальном развитии Москвы доказывают, насколько глубокой была приверженность города к принципам гражданского общества, основанного на плюрализме и трезвом прагматизме.

Примечания

¹ Peter Hall, *Cities in Civilization* (New York: Pantheon, 1998), p. 302.

² Очерки ранней истории Москвы можно найти в книгах: Kathleen Berton, *Moscow: An Architectural History* (London: I. B. Tauris, 1990), pp. 11–59; Иван Забелин, *История города Москвы* (М., И. Н. Кушнерев, 1905). Превосходный исторический очерк развития города содержится также во вступительной части монументального труда Тимоти Колтона: Timothy J. Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), pp. 11–36.

³ Описание московских земель в этот период содержится в работе: Галина Латышева и Михаил Рабинович, *Москва и Московский край в прошлом* (М., Московский рабочий, 1973).

⁴ Петр Васильевич Сытин, *Из истории московских улиц* (очерки), 3-е изд. (М., Московский рабочий, 1958), 7.

⁵ Николай Анциферов, один из самых проникательных и красноречивых российских исследователей, обращавшихся к теме Санкт-Петербурга, часто рассматривал в своих работах тему взаимоотношений двух столиц, особенно в раннесоветский период. Его важнейшие работы переизданы в 1991 году: Николай Павлович Анциферов «Непостижимый город...» *Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина* (СПб., Лениздат, 1991). См. также не менее увлекательную, хотя и написанную с современной точки зрения работу Григория Каганова: *Санкт-Петербург: образы пространства* (М., Индрик, 1995).

Катерина Кларк рассматривает эту тему в замечательном исследовании культуры Петербурга первой трети XX века. См.: Katerina Clark, *Petersburg: Crucible of Cultural Revolution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), pp. 1–73. Присцилла Рузвельт также рассматривает вопросы противостояния Москвы и Петербурга, но через призму провинциальной России: Priscilla R. Roosevelt, *Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History* (New Haven: Yale University Press, 1995), p. 26.

⁶ Виссарион Белинский, *Петербург и Москва* (1845), в сборнике *Физиология Петербурга*, под ред. В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова. (М., Советская Россия, 1984), с. 42–72: 57.

⁷ Sidney Monas, *St. Petersburg and Moscow as Cultural Symbols*, in Theophanis George Stavrou, ed., *Art and Culture in Nineteenth-Century Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 1983), pp. 26–39: 29.

⁸ Владимир Гиляровский, *Сожженная книга*; В. А. Гиляровский, *Сочинения* в 4 томах, под общ. ред. В. М. Лобанова, подготовка текста и комментарии Е. М. Киселевой (М., Библиотека Огонек, изд. Правда, 1967), т. 3, сс. 315–327: 318. О самом Гиляровском см.: Я. М. Белицкий и Г. М. Глезер, *Москва незнакомая* (М., Стройиздат, 1993), с. 151–154.

⁹ Эти изменения в городском облике отражены в работе Ирины Ненароковой – сочувственно написанной постсоветской биографии купца, мецената и коллекционера Павла Третьякова: И. Ненарокова, Павел Третьяков и его галерея (М., Галарт, 1994).

¹⁰ Краткое, но исчерпывающее описание топографических особенностей Москвы в указанный период содержится в работе Лауры Энгельштейн: Laura Engelstein, *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982), pp. 43–51.

¹¹ О Храме Христа Спасителя см.: Richard S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1: *From Peter the Great to the Death of Nicholas I* (Princeton: Princeton University Press, 1995), pp. 384–387.

¹² John Bell Bouton, *Roundabout to Moscow: An Epicurean Journey* (New York: D. Appleton, 1887), p. 251.

¹³ Павел Милюков, *Политические воспоминания, 1905–1917*.

¹⁴ Richard S. Wortman, *Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914*, in Sean Wilentz, ed., *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985), pp. 244–271: 246.

¹⁵ Более обстоятельное описание этого процесса см. в: William Craft Brumfield, *Architectural Design in Moscow, 1890–1917*, in William Craft Brumfield, ed., *Reshaping Russian Architecture: Western Technology, Utopian Dreams* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1990), pp. 66–110; Евгения Ивановна Кириченко, *Москва на рубеже столетий* (М., Стройиздат, 1977).

¹⁶ Henry M. Grove, *Moscow* (London: Adam and Charles Black, 1912), p. 79.

¹⁷ Дух московских дворов, улиц и переулков передан в работе Я. М. Белицкого, где предпринята попытка проследить судьбу исторических московских кварталов. См.: Я. М. Белицкий, *Забытая Москва* (М., Московский рабочий, 1994).

¹⁸ Об этом пишет Леонид Рапутов из Московского архитектурного института в нескольких неопубликованных статьях, в том числе: *Современная жизнь исторических площадей Москвы и сохранение их традиций* (1994). Влияние центральных площадей Москвы на современную городскую жизнь рассматривается в работе О. Трушенко: *Аккумуляция символического капитала в пространстве столичного центра* (Российский монитор, 3, 1993 г.), с. 145–165. Описание Москвы в начале XX века см. в: И. П. Машков, *Путеводитель по Москве* (М., Московское архитектурное общество, 1913).

¹⁹ A. S. Rappoport, *Home Life in Russia* (New York: Macmillan, 1913), p. 173.

²⁰ Иван Бунин, *Далекое*.

²¹ Joseph Bradley, Muzhik and Muscovite: *Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), p. 68.

²² Бульвары Садового кольца пришли на смену круговым средневековым укреплениям, располагавшимся примерно в двух километрах от стен Кремля.

²³ О росте железных дорог и их значении для Москвы пишет Колтон: *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, pp. 35–63.

²⁴ О железнодорожном транспорте в городе на закате Российской империи см.: И. П. Машков, *Путеводитель по Москве*, с. 106–126.

²⁵ Петр Васильевич Сытин, Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов (М., Новая Москва, 1926), с. 52—53; Е. Г. Болдина, Статистический портрет Москвы на 1910 год. «Московский архив: историко-краеведческий альманах», под ред. А. Киселева и др. (М., Московское городское объединение архивов, 1996), с. 162—182.

²⁶ Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита; Петр Васильевич Сытин, История планировки и застройки Москвы. Том 3: Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет: 1812—1862 (М., Московский рабочий, 1972), 311.

²⁷ Robert Gohstand, The Shaping of Moscow by Nineteenth-Century Trade, in Michael F. Hamm, ed., The City in Russian History (Lexington: University Press of Kentucky, 1976), p. 160—181: 163—165.

²⁸ Адольф Григорьевич Рашин, Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки (М., Госстатиздат, 1956), 117.

²⁹ Там же, 140.

³⁰ Bradley, Muzhik and Muscovite, pp. 27—31.

³¹ П. Г. Рындинский, К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX—XX в.». Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина, под ред. Л. Тихвинского (М., Наука, 1986), с. 155—172; Robert Eugene Johnson, Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1979), p. 9.

³² Johnson, Peasant and Proletarian, pp. 12—16; и Jeffrey Burds, Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861—1905 (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998).

³³ Johnson, Peasant and Proletarian, pp. 12—16; и Е. А. Дуджинская, Строительство железных дорог в России в экономической программе славянофилов. Социально-экономическое развитие России, под ред. Тихвинского, с. 172—183.

³⁴ Johnson, Peasant and Proletarian, pp. 20—21, 29, 50—51.

³⁵ Там же, с. 50—52; Burds, Peasant Dreams. В 1912 году соотношение между москвичами и москвичками составляло 100 и 84 жителя соответственно, в то время как дети составляли всего 16,8 процента населения города. А. Михайловский, Муниципальная Москва. По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям, под ред. Н. А. Гейнике, Н. Елагина, Н. А. Ефимова и И. И. Шитц (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 121—158: 122.

³⁶ Рашин, Население России за 100 лет, с. 136—137.

³⁷ Barbara A. Anderson, Who Chose the Cities? Migrants to Moscow and St. Petersburg Cities in the Late Nineteenth Century, in Ronald Demos Lee et al., eds., Population Patterns in the Past (New York: Academic, 1977), p. 277—296: 279.

³⁸ Там же, 294.

³⁹ Jeffrey Brooks, When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Culture, 1861—1917 (Princeton: Princeton University Press, 1985); и В. А. Куманев, Революция и просвещение масс (М., Наука, 1973).

⁴⁰ В 1890 году в Москве существовало 205 книжных магазинов. По данным за тот же год, в Петербурге их было только 142. Jeffrey Brooks, When Russia Learned to Read, p. 110.

⁴¹ R. Portal, Industriels muscovites: le secteur cotonnier (1861—1914), Cahiers du monde russe et soviétique 4, nos. 1—2 (January – June 1963), pp. 5—46: 23—27.

⁴² В. Я. Лаверичев, Московские фабриканты и среднеазиатский хлопок (Вестник Московского университета 9, № 1, январь – февраль 1970), с. 53—72; Michael Owen Gately, The Development of the Russian Cotton Textile Industry in the Pre-Revolutionary Years, 1861—1913 (Ph.D. diss., University of Kansas, 1968), p. 34.

⁴³ В Московский промышленный регион входили Московская, Владимирская, Тверская, Нижегородская, Костромская и Ярославская губернии. Рашин, Население России за 100 лет, 62. См. также: Bradley, Muzhik and Muscovite, pp. 10—12.

⁴⁴ Валерий Иванович Бовыкин, Зарождение финансового капитала в России (М., Издательство Московского университета, 1967).

⁴⁵ Для более глубокого изучения истории российской индустриализации читатели могут обратиться к следующим классическим работам: Alain Besancon, La Russie et l'esprit du capitalisme (Cahiers du monde russe et soviétique 8, no. 4, October – December 1967), pp. 509—527; William L. Blackwell, The Beginnings of Russian Industrialization, 1800—1860 (Princeton: Princeton University Press, 1968); William L. Blackwell, The Industrialization of Russia: An Historical Perspective (New York: Thomas Y. Crowell, 1970); Alexander Gerschenkron, Economic Development in Russian Intellectual History of the Nineteenth Century, in Alexander Gerschenkron, Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962), pp. 152—187; Theodore H. von Laue, Sergei Witte and the Industrialization of Russia (New York: Columbia University Press, 1963); и Theodore H. von Laue, Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930 (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1964).

⁴⁶ Jonathan Coopersmith, The Electrification of Russia, 1880—1926 (Ithaca: Cornell University Press, 1992), p. 11.

⁴⁷ Различные взгляды на роль иностранного капитала и отечественных монополий в процессе индустриализации России отражены, в частности, в следующих работах: В. Я. Лаверичев, Некоторые особенности развития монополии в России (1900—1914 гг.) (История СССР, 1969, № 3), с. 80—97; John P. McKay, Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885—1913 (Chicago: Chicago University Press, 1970); и Thomas C. Owen, The Corporation under Russian Law, 1800—1917: A Study in Tsarist Economic Policy (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1991). Исследования Мак-Кея и Оуэна могут представлять особый интерес для изучающих экономику переходного периода в современной, постсоветской России.

⁴⁸ Информативное сравнительное описание японского и русского опыта индустриализации и экономических преобразований содержится в работе: Cyril E. Black et al., The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study (New York: Free Press, 1975).

⁴⁹ Исаак Ильич Левин, Акционерные коммерческие банки в России (Петроград: И. П. Белопольский и Ко., 1917), том 1; Г. Беляев, Банки и финансы России, история, история. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909—1914 гг.» (СПб: АО «Эн-Пи», 1995).

⁵⁰ Jo Ann Ruckman, *The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984), p. 19.

⁵¹ Краткую историю старообрядчества и очерк современного положения старообрядческих общин в России можно найти в работе Роя Робсона: Roy R. Robson, *Old Believers in Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995).

⁵² См.: James L. West, A Note on Old Belief, in James L. West and Iurii A. Petrov, eds., *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie* (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 13—18.

⁵³ А. Проворихина, Московское старообрядчество (Москва в ее прошлом и настоящем, 12), с. 49—75.

⁵⁴ West, A Note on Old Belief, pp. 16—17.

⁵⁵ Татьяна Алексеевна Молокова и Владимир Павлович Фролов, История Москвы в памятниках культуры к 850-летию столицы (М., Московский лицей, 1997), с. 172—177; Александр Сергеевич Нифонтов, Москва во второй половине XIX столетия. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 26 марта 1947 года в лекционном зале в Москве (М., Правда, 1947), 14—15.

⁵⁶ Евгения Ивановна Кириченко, Архитектурно-градостроительное развитие Москвы в середине XIX – начале XX веков, в сборнике Архитектурно-градостроительное развитие Москвы. Архитектурное наследство-42», под ред. Н. Ф. Гуляницкого (М., НИИТАГ, 1997), 144—184; Albert J. Schmidt, *The Architecture and Planning of Classical Moscow: A Cultural History* (Philadelphia: American Philosophical Society Press, 1989).

⁵⁷ Robson, *Old Believers*, p. 57.

⁵⁸ Anthony Serge Beliajeff, *The Rise of the Old Orthodox Merchants of Moscow, 1771—1894* (Ph.D. diss., Syracuse University, 1975); West, A Note on Old Belief, pp. 16—18.

⁵⁹ Alexander Gerschenkron, *Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1970), pp. 14—47: 34.

⁶⁰ West, A Note on Old Belief, p. 16.

⁶¹ Gerschenkron, *Europe in the Russian Mirror*, p. 46. Схожую мысль высказывает Блэквелл: Blackwell, *The Beginnings of Russian Industrialization*, pp. 212—227.

⁶² См. также исследования, в которых рассматриваются связи между московским купечеством и славянофилами: Thomas C. Owen, *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1981), pp. 53—59, 71—106; Andrzej Walicki, *The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*,

trans. Hilda Andrews-Ruiecka (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1973), pp. 509—530; В. Я. Лаверичев, Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861—1900 (М., Мысль, 1974), с. 139—153; Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I, pp. 395—402; Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 125—129; А. Воробьев, Московский университет (Москва в ее прошлом и настоящем, № 12), с. 76—105.

⁶³ Ненарокова, Павел Третьяков, 131—144; Owen, *Capitalism and Politics in Russia*, pp. 82—95; Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 141—143.

⁶⁴ Так сообщает Лаверичев, Крупная буржуазия, с. 155.

⁶⁵ Owen, *Capitalism and Politics in Russia*, pp. 59—70; и Owen, *The Corporation under Russian Law*, pp. 102—104.

⁶⁶ Болдина, *Статистический портрет Москвы*, с. 167—169.

⁶⁷ О дальнейшем развитии московских художественных коллекций см.: John O. Norman, Pavel Tretiakov and Moscow Art Patronage, 1850—1900, in Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds., *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* (Princeton: Princeton University Press, 1991), pp. 93—107; John E. Bowl, *The Moscow Art Movement*, там же, pp. 108—128; Ненарокова, Павел Третьяков. Превосходные рисовки московской художественной жизни даны в работе начала XX века: Ю. И. Шамурин, *Художественная жизнь Москвы в XIX веке* (Москва в ее прошлом и настоящем, № 11), с. 91—116.

Джо Энн Рукмэн поясняет, что интерес московских коллекционеров к русским художественным мотивам был, вероятно, вызван не только патристическими чувствами. Например, Третьяков начал свою коллекцию с полотен европейских старых мастеров. Очевидно, его не раз обманывали, потому что в дальнейшем он покупал только те художественные произведения, подлинность которых установлена наверняка; сделать это было гораздо проще, если картины покупались непосредственно у художников. Ruckman, *The Moscow Business Elite*, p. 83.

Двое из московских коллекционеров – Иван Морозов и Сергей Щукин – собрали самую, пожалуй, представительную для того времени коллекцию современных французских художников, включая значительные работы импрессионистов, Пикассо и других будущих европейских знаменитостей. Впоследствии эти картины образовали ядро нескольких крупнейших московских музеев, а в случае Морозова и Щукина – также и великолепного эрмитажного собрания искусства XIX и XX веков в Санкт-Петербурге и коллекции Вашингтонской национальной галереи искусств. О собраниях Морозова и Щукина см. также: Beverly Whitney Kean, *French Painters, Russian Collectors: The Merchant Patrons of Modern Art in Pre-Revolutionary Russia* (London: Hodder and Stoughton, 1994). О судьбе собраний Морозова и Щукина в Советском Союзе см.: Geraldine Norman, *The Hermitage: The Biography of a Great Museum* (New York: Fromm International, 1998), pp. 114—132, 179—201.

⁶⁸ Elizabeth Kridl Valkenier, Book Review: «Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie», edited by James L. West and Iurii A. Petrov (Harriman Review 10, no. 4, August 1998), pp. 38—40: 40.

- ⁶⁹ Hall, *Cities in Civilization*, pp. 302—304.
- ⁷⁰ Белицкий и Глезер, Москва незнакомая, 175—177; Valentine T. Bill, *The Forgotten Class: The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900* (New York: Praeger, 1959), pp. 16—26; James Lawrence West, *The Moscow Progressists: Russian Industrialists in Liberal Politics, 1905—1914* (Ph.D. diss., Princeton University, 1974), p. 57.
- ⁷¹ Ненарокова, Павел Третьяков, 10—25; Павел Бурышкин, Москва купеческая: записки (Репринт, М., Современник, 1991), 102—129; West, *The Moscow Progressists*, pp. 76—77; Евгений Захарович Баранов, Московские легенды, записанные Евгением Барановым. Сост. Вера Бокова. (М., Литература и политика, 1993), 165—171. Несмотря на присвоенный ей после основания Петербурга статус второй столицы, Москва в екатерининскую эпоху оставалась на удивление живым городом. О Москве в екатерининскую эпоху см.: Albert J. Schmidt, *Westernization as Consumption: Estate Building in the Moscow Region during the Eighteenth Century* (Proceedings of the American Philosophical Society 139, no. 4, 1995), pp. 380—419.
- ⁷² См. работы о дореформенном развитии московского купечества: В. Я. Лаверичев, Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861—1900 (М., Мысль, 1974), с. 63—71; а также Василий Бахрушин, Описание построения храма Св. Василия Исповедника в Москве за Рогожской заставой в Новой Деревне, Московский архив. Историко-краеведческий альманах, под ред. А. Киселева и др. (М., Московское городское объединение архивов, 1996), 131—153.
- ⁷³ Valkenier, Book Review: «Merchant Moscow»..., p. 40.
- ⁷⁴ Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 49—51.
- ⁷⁵ Bill, *The Forgotten Class*, pp. 99—102. См. также более поздние статьи, как то: Сергей Рогатко, Боткины (Былое, 1998, № 2), 7; Валерий Осин, Река-кормилица (Былое, 1998, № 2), 8—9; Павел Примаченко, Наполеон книжного дела (Былое, 1998, № 2), 10; Елена Шухова, Дома дешевых квартир (Былое, 1998, № 2), 12.
- ⁷⁶ Ненарокова, Павел Третьяков, с. 18—19.
- ⁷⁷ Ruth AmEnde Roosa, *The Association of Industry and Trade, 1906—1914: An Examination of the Economic Views of Organized Industrialists in Prerevolutionary Russia* (Ph.D. diss., Columbia University, 1967).
- ⁷⁸ Лаверичев, Крупная буржуазия, 86—108; Дмитрий Николаевич Смирнов, Нижегородская старина (Нижний Новгород, Нижегородская ярмарка, 1995), с. 484—518.
- ⁷⁹ Об истории русского банковского дела см.: И. Ф. Гиндин, Банки и промышленность в России. К вопросу о финансовом капитале в России (М., Промиздат, 1927); И. Ф. Гиндин, Государственный банк и экономическая политика царского правительства, 1861—1892 годы (М., Госфиниздат, 1960); Б. В. Ананьич, Банкирские дома в России, 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства (Ленинград, Наука, Ленинградское отделение, 1991); В. И. Бovyкин и Ю. А. Петров, Коммерческие банки Российской империи (М., Перспектива, 1994). Об истории сберегательных объединений и банков

- см.: Ю. А. Петров и В. Калмыков, Сберегательное дело в России. Вехи истории (М., К. И. Т», 1995), с. 22—68.
- ⁸⁰ Евгений Замятин, Советский еретик.
- ⁸¹ Bradley, Muzhik and Muscovite, pp. 70—99; Berton, *Moscow* (London: I. B. Tauris, 1990), p. 172.
- ⁸² Ruckman, *The Moscow Business Elite*, p. 2.
- ⁸³ В. Я. Лаверичев, К вопросу об особенностях экспорта тканей из России в конце XIX – начале XX века (Вестник Московского университета, 9, № 6, 1965), с. 58—69; Б. Иппо, Москва и Лондон. Исторические, общественные и экономические очерки и исследования (М., Университетская типография, 1888), с. 217—258.
- ⁸⁴ Victoria E. Bonnell, *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914* (Berkeley: University of California Press, 1983), p. 33.
- ⁸⁵ Там же, p. 39.
- ⁸⁶ Engelstein, *Moscow*, 1905, pp. 19—21.
- ⁸⁷ Bonnell, *Roots of Rebellion*, p. 366.
- ⁸⁸ Г. Васильич, Москва, 1850—1910 гг. (Москва в ее прошлом и настоящем, 11), с. 2—38.
- ⁸⁹ Victoria E. Bonnell, *Radical Politics and Organized Labor in Prerevolutionary Moscow, 1904—1914* (Journal of Social History, 12, no. 2, 1979), pp. 282—300.
- ⁹⁰ Don C. Rawson, *Russian Rightists and the Revolution of 1905* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1995).
- ⁹¹ Там же, pp. 129—142.
- ⁹² Ruckman, *The Moscow Business Elite*, p. 18.
- ⁹³ Michael F. Hamm, *The Breakdown of Urban Modernization: A Prelude to the Revolutions of 1917*, in Michael F. Hamm, ed., *The City in Russian History*, pp. 182—200: 192. Согласно переписи 1897 года, к купцам было отнесено 19 491 москвичей, в то время как купечество Санкт-Петербурга составляло только 17 411 жителей. А. Н. Боханов, Крупная буржуазия России (М., Наука, 1992), с. 31. Несмотря на то что этот показатель изменялся вместе с переменами в российской и московской экономике, по числу проживавших в городе купцов Москва сохраняла первенство среди российских городов до самого распада империи. Лаверичев, Крупная буржуазия, с. 64.
- ⁹⁴ По данным на 1904 год, в Москве располагалось 28 процентов торговых домов России. Боханов, Крупная буржуазия России, с. 99.
- ⁹⁵ Такое соотношение доллара к рублю приводится в книге Анри Труайя: Henri Troyat, *Daily Life in Russia under the Last Tsar*, trans. Malcolm Barnes. (Stanford: Stanford University Press, 1979), p. 8.
- Если быть точным, в Москве проживало 76 610 человек с годовым доходом более тысячи рублей, что на 285 человек превышало аналогичные показатели для всей Петербургской губернии. Лифляндия (куда входила современная столица Латвии – Рига) была на третьем месте: здесь проживало 72 234 жителя с годовым доходом свыше 1000 рублей. От этих показателей значительно отставали Варшава, Херсонская губерния (включая Одессу) и Киев, где проживало 25 000 и 32 000 человек с такими же

доходами. Потому неудивительно, что Петербургская, Московская, Херсонская губернии и Лифляндия были наиболее урбанизированными провинциями империи, притом что две столицы считались урбанистичными более чем на 50 процентов. Рашин, *Население России*, с. 101.

⁹⁶ Как очевидно из описания Замоскворечья, данного Ненарокомовой на с. 10—25 биографии Павла Третьякова (Ненарокомова, Павел Третьяков). *Очерки современника* см.: Г. Васильич, *Улицы и люди современной Москвы* (Москва в ее прошлом и настоящем, 12), с. 3—16.

⁹⁷ Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, p. 44.

⁹⁸ К 1882 году только 26,2 процента городского населения были уроженцами Москвы. М. Я. Выдро, *Население Москвы* (по материалам переписи населения, 1871—1970 гг.; М., Статистика, 1976), с. 11.

⁹⁹ Diane Koenker, *Moscow Workers and the 1917 Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 1981), pp. 54—55.

¹⁰⁰ John Russel, *The Twilight of the Russian Bourgeoisie* (New York Times, May 19, 1991), pp. H35—H36.

¹⁰¹ Ю. И. Шамурин, *Архитектура Москвы* (Москва в ее прошлом и настоящем, 11), 117—125; Г. Балтийский, *Внешний вид Москвы середины XIX века* (Москва в ее прошлом и настоящем, 10), с. 9—76.

¹⁰² Walter Benjamin, *Moscow Diary*, ed. Gary Smith, trans. Richard Sieburth. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986), p. 67. Подробнее о посещениях Москвы Бенямином см.: Bernd Witte, *Walter Benjamin: An Intellectual Biography*, trans. James Rolleston (Detroit: Wayne State University Press, 1991).

¹⁰³ Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, p. 69.

¹⁰⁴ А. А. Кизеветтер, *Местное самоуправление в России. IX—XIX ст. Исторический очерк* (М., Изд. Московского университета, 1910); Walter Hanchett, *Tsarist Statutory Regulation of Municipal Government in the Nineteenth Century*, in Hamm, ed., *The City in Russian History*, pp. 91—114, 196—207; Larissa Zakharova, *Autocracy and the Reforms of 1861—1874 in Russia: Choosing Paths of Development*, trans. Daniel Field, in Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova, eds., *Russia's Great Reforms, 1855—1881* (Bloomington: Indiana University Press, 1994), pp. 19—39; Valeriia A. Nardova *Municipal Self-Government after the 1870 Reform*, trans. Lori A. Citti, там же, pp. 181—196.

¹⁰⁵ Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 175—210.

¹⁰⁶ Hanchett, *Tsarist Statutory Regulation*, pp. 107—113; Nardova *Municipal Self-Government*, pp. 195—196.

¹⁰⁷ Engelstein, *Moscow, 1905*, p. 4.

¹⁰⁸ Там же, с. 10—15. Подробный анализ общественных беспорядков в Петербурге в тот же период см.: Joan Neuberger, *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914* (Berkeley: University of California Press, 1993). См. также фундаментальный труд Абрахама Эшера: Abraham Ascher, *The Revolution of 1905*, 2 vols. (Stanford: Stanford University Press, 1988—1992).

¹⁰⁹ Об учреждении советов см.: Oscar Anweiler, *The Soviets: The Russian Workers, Peasants, and Soldiers Councils, 1905—1912*, trans. Ruth Hein (New York: Pantheon, 1974). В указанной работе содержится ис-

следование московских Советов в 1905—1907 годах (с. 40—64). О московском совете в частности см.: Robert Melville Slusser, *The Moscow Soviet of Workers' Deputies of 1905: Origin, Structures, and Policies* (Ph. D. diss., Columbia University, 1963).

¹¹⁰ Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 156—157; В. Я. Лавричев, *Московские промышленники в годы первой русской революции* (Вестник Московского университета, 9, №3, 1964), 37—53; В. Я. Лавричев, *По ту сторону баррикад* (из истории борьбы московской буржуазии с революцией) (М., Мысль, 1967); и West, *The Moscow Progressists*.

¹¹¹ Robert C. Williams, *The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics, 1904—1914* (Bloomington: Indiana University Press, 1986).

¹¹² О. Кузовлева, *Управлять Москвой непросто*, «Московский архив», под ред. А. Киселева и др., с. 183—203.

¹¹³ Anders Henriksson, *The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community: Social Change and the Nationality Question, 1855—1905*, East European Monographs. (New York: Columbia University Press, 1983), p. 5.

¹¹⁴ Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 45—76; Nicholas J. Astrov, *The Municipal Government and the All-Russian Union of Towns*, in Paul G. Gronsky and Nicholas J. Astrov, eds., *The War and the Russian Government* (New York: Howard Fertig, 1973), pp. 129—321 : 132—133. О более ранних попытках децентрализации см.: S. Frederick Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870* (Princeton: Princeton University Press, 1972).

¹¹⁵ Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 60—65; Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, p. 52—53; Nardova *Municipal Self-Government*, pp. 183—184.

¹¹⁶ Galina Ulianova, *Pages of History: Private Donations in the Municipal Funding of Moscow Charity Institutions at the Beginning of the Twentieth Century* (World of Learning Forum: NGO Law in Brief, 1, Winter 1995), pp. 9—10. См. также: Г. Н. Ульянова, *Благотворительность московских предпринимателей, 1860—1914 гг.*» (М., Издательство объединения Мосархив, 1999); М. П. Щепкин, *Общественное хозяйство города Москвы в 1863—1887 годах. Историко-статистическое описание* (М., Московская городская типография, 1890).

¹¹⁷ Ruckman, *The Moscow Business Elite*, p. 88.

¹¹⁸ Bradley, Muzhik and Muscovite, pp. 37—40.

¹¹⁹ Barbara Alpern Engel, *Mothers and Daughters: Women of Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1983), pp. 6—7.

¹²⁰ Barbara Alpern Engel, *Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861—1914* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1994), p. 5.

¹²¹ С выходом в свет в 1863 году знаменитого романа Николая Чернышевского *Что делать?* женский вопрос был со всей ясностью внесен в программу радикальных политических течений в России. Русские женщины вели острую и часто безуспешную борьбу за признание своих полных образовательных прав: в середине XIX столетия множество выдающихся женщин, принадлежавших как к среднему классу, так и к высшему обществу, отправились получать высшее образование в Швейцарию.

В поисках независимости, интеллектуального и духовного развития многие женщины обратились к монастырской и религиозной деятельности.

Для дальнейшего изучения женского вопроса в России см.: Richard Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860—1930* (Princeton: Princeton University Press, 1978), pp. 82—90; А. А. Кизеветтер, *На рубеже двух столетий* (Воспоминания, 1881—1914) (Prague: Orbis, 1929), pp. 253—318; Barbara Alpern Engel, *Five Sisters: Women against the Tsar* (New York: Knopf, 1975).

¹²² Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 65—70.

¹²³ Robert William Thurston, *Urban Problems and Local Government in Late Imperial Russia, 1906—1914* (Ph.D. diss., University of Michigan, 1980), pp. 2—3. Необычайно содержательное описание взаимоотношений между имперскими губернаторами и министрами и местными чиновниками в сфере высшего образования можно найти в работе Гвидо Хаусмана: Guido Hausmann, *Akademische Berufsgruppen in Odessa, 1850—1917*, in Charles McClelland, Stephan Merl, and Hannes Siegrist, eds., *Professionen im modernen Osteuropa* (Berlin: Duncker and Humblot, 1995), pp. 427—463.

¹²⁴ Owen, *Capitalism and Politics in Russia*, p. 78.

¹²⁵ Власть губернаторов в небольших провинциальных городах ощущалась сильнее, чем в индустриальных гигантах. Увлекательный литературный портрет таких персонажей дан в романе Василия Немировича-Данченко *Городской голова: роман* (СПб, Изд. П. П. Сойкина, 1904).

¹²⁶ Richard G. Robbins, Jr., *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of Empire* (Ithaca: Cornell University Press, 1987), pp. 16—17.

¹²⁷ Это подчеркивает Хенрикссон, см.: Henriksson, *The Tsar's Loyal Germans*, p. IX.

¹²⁸ Petrov, Feodor A. *Growing the Edifice: The Zemstvo, Local Self-Government, and the Constitutional Movement, 1864—1881*, trans. Robin Bisha, in Eklof, Bushnell, and Zakharova, eds., *Russia's Great Reforms, 1855—1881*, pp. 197—213. Обзор обширной литературы по земству см.: Terence Emmons and Wayne S. Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1982).

¹²⁹ Thomas Porter and William Gleason, *The Zemstvo and the Transformation of Russian Society*, in Mary Schaeffer Conroy, ed., *Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War One*, (Niwt: University of Colorado Press, 1998), pp. 60—87; Thomas Porter and William Gleason, *The Democratization of the Zemstvo during the First World War*, там же, pp. 228—242.

¹³⁰ О соперничестве земских учреждений и думы см.: Owen, *Capitalism and Politics in Russia*, pp. 95—97. Точка зрения земства на эти взаимоотношения представлена в воспоминаниях предводителя московского губернского земства Дмитрия Шипова: Д. Н. Шипов, *Воспоминания и думы о пережитом* (М., Печатная П. Яковлева, 1918).

¹³¹ Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, p. 63.

¹³² Astrov, *The Municipal Government*, pp. 141—153; Щепкин, *Общественное хозяйство города Москвы*.

¹³³ Щепкин, *Общественное хозяйство города Москвы*, 4—6 и прилагаемые таблицы.

¹³⁴ Engelstein, *Moscow, 1905*, p. 52; Г. Ярославский, *Городское самоуправление Москвы* (Москва в ее прошлом и настоящем, 12), с. 17—48: 38—39.

¹³⁵ Михайловский, *Муниципальная Москва*, 124—130.

¹³⁶ Там же, 138—139; Е. Кириченко, *Трамвай и градостроительное развитие Москвы*, «Московский архив: историко-краеведческий альманах», под ред. Киселева и др., 204—217.

¹³⁷ Щепкин, *Общественное хозяйство города Москвы*, 4—6 и прилагаемые таблицы.

¹³⁸ В. А. Нардова, *Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века* (СПб, Наука, 1994), 49. Для сравнения с бюджетом Москвы см. также данные о муниципальном бюджете Одессы в конце XIX века: Patricia Herlihy, *Odessa: A History, 1794—1914* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986), с. 148—151.

¹³⁹ Право голосовать предоставлялось только мужчинам 25 лет или старше, гражданам России, владеющим городской недвижимостью и вносящим муниципальные налоги на недвижимость, или же владеющим торговым или промышленным предприятием в городе, которое уполномочено той или иной купеческой гильдией, или прожившим в городе два года до даты выборов и платившим сравнительно небольшие муниципальные пошлины за различные лицензии и разрешения на торговую и производственную деятельность». Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 77—78.

¹⁴⁰ Там же, с. 84—89.

¹⁴¹ Gregory Freeze, *The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History*, (American Historical Review, 91, no. 1, 1986), pp. 11—36: 24.

¹⁴² Ruckman, *The Moscow Business Elite*, pp. 25—30.

¹⁴³ Gregory Freeze, *The Soslovie (Estate) Paradigm*, p. 36.

¹⁴⁴ Owen, *Capitalism and Politics in Russia*, p. 77.

¹⁴⁵ Там же, 77; Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 127—134; Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, pp. 52—53; и Thurston, *Urban Problems*, pp. 106—108. Столь низкий уровень активности избирателей превосходил, однако, средний показатель в 5,5 процента, зарегистрированный в те же годы на муниципальных выборах в сорока крупных и небольших российских городах. Nardova *Municipal Self-Government*, p. 187.

¹⁴⁶ Как отчетливо видно на фотопортретах и в биографических очерках депутатов городской думы 1897 года, см.: Александр Одинцов, ред., *Московская городская дума* (М., Издание Александра Одинцова, 1897).

В новой Московской городской думе важнейшую роль играли купцы, составлявшие две трети всех избранных депутатов. Этот показатель был одним из самых высоких среди российских муниципальных органов эпохи, но уступал таким городским советам, как Владимирский, где

местные купцы составляли более 70 процентов депутатов. Нардова, Самодержавие и городские думы, с. 35—39.

¹⁴⁷ Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, pp. 135—179; Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, pp. 57—61; и Engelstein, *Moscow*, 1905, pp. 53—54.

¹⁴⁸ Этими купцами-градоначальниками были: И. А. Лямин (1871—1873), Сергей Третьяков (1876—1882), Николай Алексеев (1885—1893), К. В. Рукавишников (1893—1896), Николай Гучков (1905—1912) и Михаил Челноков (1914—1917). См.: Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*, pp. 53, 805.

¹⁴⁹ Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century*, p. III; Astrov, *The Municipal Government*, pp. 134—137. См. также более позднее фундаментальное исследование, где, в частности, рассматривается значение муниципальных реформ 1892 года для Санкт-Петербурга и других городов: Нардова, Самодержавие и городские думы.

¹⁵⁰ Нардова, Самодержавие и городские думы, с. 20.

¹⁵¹ Это убедительно показано в работе Роберта Терстона: Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906—1914* (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1987).

¹⁵² Christine Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914* (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1994), p. 4—5.

¹⁵³ Подробнее об этом см.: Ruth AmEnde Roosa, *Russian Industrialists in an Era of Revolution: The Association of Industry and Trade, 1906—1917*, ed. Thomas C. Owen. (Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1997).

¹⁵⁴ Ascher, *The Revolution of 1905*, Vol. 1: *Russia in Disarray*, p. 29.

¹⁵⁵ Политическая значимость кризиса российской системы здравоохранения в конце XIX века и история медицинских обществ в России рассматриваются в работе Нэнси Фриден: Nancy Mandelker Frieden, *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905* (Princeton: Princeton University Press, 1981). О роли Крымской войны в подготовке Великих реформ начала 1860-х см. соответствующие главы в: Eklof, Bushnell, and Larissa Zakharova, eds., *Russia's Great Reforms*.

¹⁵⁶ Alfred J. Rieber, *Interest-Group Politics in the Era of the Great Reforms*, in Eklof, Bushnell, and Zakharova, eds., *Russia's Great Reforms*, pp. 58—83.

¹⁵⁷ Ascher, *The Revolution of 1905*, Vol. 1: *Russia in Disarray*, p. 42—45.

¹⁵⁸ Это наблюдение основывается на работе Абрахама Эшера: Ascher, *The Revolution of 1905*, Vol. 2: *Authority Restored*.

Всеяпонская кухня

Зажатая в тисках противоречий XIX столетия, Япония периода Мэйдзи представляет собой интересную промежуточную ступень между Соединенными Штатами после Гражданской войны, где формировалось современное понятие капитализма, и имперской Россией. Японии Мэйдзи была свойственна такая же высокая степень административной централизации, как и России, и все же Япония оставалась более восприимчивой к открытым политическим институтам, которые составляли отличительную черту американской системы, а именно к политическим партиям и выборам. Элита Мэйдзи, подобно деловым кругам в царской России, часто отказывалась от политики свободного капитализма, неотделимого от американского мышления в начале XX века. Как и Россия, Япония разрывалась между традициями и современностью. История успехов и неудач Японии в рассматриваемый период образует плодотворный контекст для сравнительного исследования, позволяет перекинуть мостик между такими, казалось бы, разными странами, как Россия и Соединенные Штаты.

В Японии сосуществовали различные уклады. Токио олицетворял ту же бюрократическую власть, стремящуюся полностью подчинить себе все сферы национальной жизни, что и Петербург в России. Осака, в свою очередь, была второй столицей, синонимом безудержного динамизма капиталистического предпринимательства. Осака в Японии, как и Москва в России, соперничала с имперской столицей во всем, кроме одного – политической власти. Не было года, чтобы осакские заводы произвели меньше товаров, осакские финансисты получили меньшую прибыль, а осакские дома вмещали меньше жителей, чем в Токио. Тем не менее волей имперского чиновничества, на вершине япон-

ской урбанистической иерархии оставалась восточная столица – Токио, великий город, некогда известный как Эдо.

Благодаря статусу крупнейшего порта, промышленного и финансового центра Осака привлекала более разнородные социальные элементы, чем другие японские города в ту же эпоху. Некоторые особенности истории Осаки до реставрации Мэйдзи, рассматриваемые в настоящей главе, проливают свет на своеобразие этого города. К концу XIX столетия вторая столица Японии очень напоминала транзитную зону, которая, согласно определению Питера Холла, располагается между развитыми странами и лежащим за этими зарождающимися городами неведомым миром, где постоянно идут поиски нового. Наблюдается чрезвычайно высокий уровень синергизма как между единомышленниками, так и между совершенно различными социальными, экономическими и культурными группами¹. Осака эпохи Мэйдзи, Чикаго «позолоченного века» и Москва серебряного века были, каждый по-своему, архетипами открытого общества².

Сибамура Ацуки отмечает, что Осака была крупнейшим промышленным центром Японии, пионером индустриализации страны и связанной с ней социальной трансформации³. Осака, занимавшая между 1925 и 1932 годами первое место в Японии как по населению, так и по промышленному производству, стала первым в стране городом, которому пришлось войти в эру промышленного капитализма.

Впрочем, роль Осаки как торгового центра Японии утвердилась задолго до этого. Местные финансисты и купцы, избравшие основной сферой своей деятельности важнейшую для Японии торговлю рисом, господствовали в экономической жизни страны еще в эпоху Токугава*. Изобретательные и динамичные, осакские купцы создали первую в Японии кредитную систему⁴. «Осакские банки уже в 1670-х годах играли важнейшую роль в экономике страны, а применявшиеся ими механизмы кредитования и торговых операций отличались такой изощренностью, что могли бы затмить не одного трейдера с Уолл-стрит. «Осакские рисовые брокеры, – писал один такой волшебник с Уолл-

* Династия сёгунов (военно-феодалов правителей), правившая Японией в 1603—1867 гг.

стрит Ал Аллецаузер, – пользовались вполне заслуженной репутацией необузданных, хитрых и пронырливых торговцев»⁵. Так, например, именно в Осаке XVII века, а не в Чикаго XIX-го (как полагают многие американцы), коммерсанты ввели в деловую практику срочные (фьючерсные) контракты⁶. В эпоху Токугава Осака в полной мере использовала естественные преимущества, проистекавшие из ее статуса главной военной базы страны и транзитного порта, через который по реке Йодо переправлялись в имперскую столицу в Киото, а позже в Эдо (Токио) продовольствие, хозяйственные товары и предметы роскоши⁷.

О роли города в начальный период реставрации Мэйдзи рассказывает американский бизнесмен Фрэнсис Холл. Он посетил Осаку через несколько лет после прибытия в Токийскую гавань Черной армады commodore Мэтью Перри в 1853 году. Сразу после прибытия Холл отмечает в дневниковой записи от 26 апреля 1860 года: «С точки зрения коммерции и богатства Осака [*sic*] занимает первое место среди городов Нихона [Японии]. Йедо [*sic*] – это имперская столица, город, где проживают сановники и правитель империи, Осака же – столица торговая... Туда стекаются товары из разных провинций, дабы потом, по необходимости, быть переправленными в иные области страны»⁸.

Осака приобрела статус первостепенного города уже в VI веке, когда в 593 году правитель Сетоку Тайси основал здесь, близ современного городского квартала Теннодзи, один из древнейших в Японии буддийских храмов. В конце XVI столетия, при Тоетомо Хидэеси, Осака стала укрепленной крепостью и потому оказалась вовлечена в жестокую междоусобицу начала XVII века. Разрушенный в 1614 и 1615 годах победоносными войсками Токугава Иэясу, город был отстроен заново и в течение пятнадцати последующих лет превратился в крупнейший торговый центр сёгуната Токугава. Ко времени царствования Генроку (1688—1704) население города возросло до 350 тысяч человек; основным занятием осакских купцов была каботажная торговля с Эдо, позволявшая избежать неудобных, а порой опасных сухопутных маршрутов⁹.

Правители соседних *ханов* (областей) строили в районе осакского порта огромные склады, что давало возмож-

ность ускорить доставку товаров на казавшийся неутолимый потребительский рынок Эдо¹⁰. Развилась сложная иерархия авторизованных брокеров и оптовых купцов: к 1688 году только на знаменитом рисовом рынке Додзима (сегодня это центральный район Кита-ку, располагающийся между вокзалом Умеда и речным островом Наканосима) работало около 1300 торговцев, сообщавшихся с остальной Японией посредством сигнальных костров, флажных сигналов и почтовых голубей¹¹. Торговля началась в восемь утра и продолжалась до тех пор, пока горел подвешенный с главной балки рынка Додзима волшебный канат¹².

Такие методы ведения дел и котировки цен на рисовой бирже перешли и в XX век. В туристическом справочнике, подготовленном к Пятой национальной промышленной выставке 1903 года, посетителям Осаки советовали устремлять взгляды ввысь, где в определенные часы дня на крышах некоторых домов и на специальных платформах можно видеть людей, энергично машущих разноцветными флажками; несколько взмахов слева направо, круговое движение над головой, полдюжины знаков в противоположном направлении, и вот уже десятки рыночных цен переданы в деловые конторы в разных концах города и подобным же образом доведены до сведения торговцев в других областях страны – любопытный пережиток древности в городе, где телеграфные и телефонные провода исчерчивают каждую улицу¹³. На рубеже XX века Осака, подобно Москве, пыталась сохранить равновесие между старым и новым.

Кир Алексеев, агент русского министерства финансов, был очарован осакской мозаикой из новаторских решений и традиций. В 1902 году он докладывал в Петербург министру финансов Сергею Витте о том, что город отражает развитие современной японской промышленности и одновременно сохраняет статус традиционного купеческого центра и хранителя национальных обычаев. Алексеева поразило и то, как в городе, пронизанном самыми современными телефонными и телеграфными линиями, информацию о рыночных сделках до сих пор передают с помощью сигнальных флажков¹⁴.

Так, сочетая новаторство и традиции, Осака заняла ведущее место на формирующемся рисовом, а позже и финансовом рынке страны. Граничащий с наиболее развитыми аграрными областями Японии эпохи Токугава, город успешно развивал связи с фермерскими хозяйствами. Вскоре Осака стала крупнейшим транспортным узлом для сельскохозяйственной продукции, в особенности риса. Рис и торговля были источником валюты в различных ее видах. К царствованию сёгуна Канбуна (1661—1673) осакские менялы выгодно обращали золотые монеты Эдо в серебряные монеты Осаки, а многие купцы и вовсе торговали на медные деньги собственного производства. По мере того как финансисты Осаки играли все возрастающую роль в управлении потоками наличности в Японии времен правления Токугава, местные торговцы рисом постепенно установили монополию на этот основной пищевой продукт страны¹⁵.

Город для горожан

Осака отличалась от двух других важнейших городов Японии, Киото и Эдо, тем, что, как писал Уильям Хаузер, то был город для горожан, город, служивший интересам простых обывателей, которые составляли подавляющее большинство его населения¹⁶. Внимание к рядовым горожанам сформировало характер Осаки. Относительно невысокое число привилегированных купцов благоприятствовало в XVII веке развитию здесь среднего купеческого сословия. Таким образом, Осака не знала ни длительной истории связанных с аристократией привилегированных купеческих домов, как в Киото, ни чрезмерного сосредоточения воинов и их интендантов, как в Эдо. Тем не менее с начала периода Токугава в городе сложилась необычайно динамичная деловая культура¹⁷. Романист Дзюнъитиро Танидзаки проницательно заметил однажды, что Киото и Осаку соединяет река Йодо, но их климат и культура различны¹⁸.

Обычаи и нравы Осаки также отличались от большинства японских городов. Неотесанные, грубые и вульгарные –

по меркам двора в Киото и политической элиты в Эдо – осакские купцы и их домочадцы выделялись своей необычной для японской культуры непосредственностью. «Жители Осаки, – писал недавно автор путевых заметок Алекс Керр, – нетерпеливы и любят нарушать правила»¹⁹. Осакам была присуща тяга к кричащей избыточности, нетипичная для их соотечественников²⁰. Подобный подход к жизни проявлялся в насыщенной театральной жизни города, уникальной для Японии традиции марионеточного театра Бунраку, в характерном местном юморе и осакском диалекте японского, который и сегодня позволяет отличить уроженца Осаки²¹. Осакицы давно поняли целительную природу смеха и превратили юмор в исключительно важный элемент деловых отношений. В Токио, где превалируют понятия статуса и элитарности, юмор часто воспринимается как бесчестие, угрожающее положению человека в социальной иерархии²².

Коммерческие успехи города побудили одну американскую путешественницу, Элизу Рухама Скидмор, сравнить Осаку с Чикаго: «Японский Чикаго» – вот прозвище гораздо более уместное [чем «японская Венеция»], ибо хотя здесь и нет мясоперерабатывающих заводов, город с упоением занят погоней за иеной – всеми почитаемым божеством, которое заменяет здесь всемогущий доллар; Осакая биржа – это самое захватывающее и бурлящее из подобных учреждений империи»²³.

Подобно Чикаго и Москве, коммерческая жизнь Осаки была направлена в первую очередь на местный потребительский рынок. Хаузер отмечает, «что к последней четверти XVII века Осака сложилась как город, ориентированный на экономику массового потребления. Производимые здесь товары предназначались для народа, а не военной и аристократической элиты. Так, пищевые продукты, ткани, книги, предметы прикладного искусства и домашнего обихода, лекарства и хозяйственные товары производились в количествах, необходимых для удовлетворения нужд жителей Осаки и других городов»²⁴. Внутригородская торговля в Осаке, утверждает далее Хаузер, приобрела значение даже большее, чем общеизвестный статус города как главного поставщика Эдо²⁵.

Упадок и промышленное возрождение

Своеобразие Осаки не помогло городу и его купцам избежать сложностей, связанных с вхождением Японии в индустриальную эру. Вероятно, город пережил пик экономического подъема в конце XVIII столетия и к 1840-м годам находился в состоянии упадка²⁶. Безусловно, в эпоху Токугава в Осаке проживало немало замечательных горожан. Взять, к примеру, Огату Коана и его знаменитую Школу голландских исследований²⁷. Все же осакские торговцы, ремесленники и фабриканты вступили в пору испытаний задолго до того, как новое правительство Мэйдзи приступило к стабилизации финансовой системы Японии в 1871 году, служащему отправной точкой для настоящего исторического этюда²⁸. Начавшиеся экономические преобразования тяжело отразились на Осаке – особенно на местных *фудасаци* (рисовых брокерах и агентах), которые ранее господствовали в столь важной для Японии торговле рисом²⁹. Осака тем не менее успешно преодолела экономические трудности и стала крупным промышленным центром, превратившись из моря черепичных крыш в лес дымовых труб³⁰. Всего через четверть века «японская Венеция» (названная так из-за сложной системы каналов, по которым передвигались по городу торговцы) обернулась городом печей, заводов и коммерции; бурлящим котлом современного духа промышленного производства и предпринимательства³¹. Эти экономические перемены как нельзя лучше характеризуют Осаку в рассматриваемый здесь исторический промежуток времени.

Осака не была одинока в тяготах, выпавших на ее долю в ранний период преобразований Мэйдзи; так, эволюция Эдо в Токио весьма болезненно отразилась на экономике и общественной жизни современной японской столицы³². Однако и здесь Осаку выделял ряд особенностей.

Поначалу Осаке предназначалась роль нового международного порта и столицы Японии в эпоху Мэйдзи – город уже тогда производил от 70 до 80 процентов национального дохода³³. Примечательно, что именно по этой причине новой столицей стал Эдо-Токио. Считалось, что Осака продолжит играть роль ведущего экономического центра

вне зависимости от того, станет ли она политической столицей; Эдо-Токио не был самодостаточным городом.

Принимая во внимание масштабы экономических и социальных преобразований, быстрота, с которой Осака превратилась в промышленную динамо-машину, поражает воображение. В Осаке и повсеместно в Японии темпы экономического развития оставались низкими до 1880-х годов, когда японское правительство наконец отказалось от попыток прямого контроля за промышленным производством. По этой причине развитие экономических моделей, присущих всем трем исследуемым в настоящей работе городам, происходило в Осаке с некоторым запозданием. Изменение политики в 80-х годах XIX века, состоявшее в поощрении государством частных промышленных предприятий посредством сети связанных с правительством частных банков, подготовило Японию к рывку в индустриальную эпоху³⁴. Образование картелей привело к упорядочиванию рыночного спроса и цен и в то же время соответствовало поведенческим стандартам традиционного для Японии семейного бизнеса³⁵. Осака, с ее густой сетью взаимосвязанных финансовых домов, в полной мере реализовала преимущества промышленной политики правительства Мэйдзи.

Разумеется, феноменальный экономический скачок Японии благотворно сказался не только на Осаке. В течение полувека после консолидации власти Мэйдзи почти каждый японец принимал непосредственное участие в повышении благосостояния своего народа³⁶. То время стало свидетелем не только взрывообразного роста личных состояний, но и диверсификации потребительских моделей. Между 1870 и 1920 годами расходы на еду, отопление и освещение из бюджета средней японской семьи снизились, в то время как расходы на одежду, культурные мероприятия и развлечения увеличились и в абсолютных, и в относительных цифрах³⁷.

Переход в индустриальную эпоху протекал в Осаке особенно бурно; в 1882 году на участке земли, располагавшемся к юго-западу от тогдашней официальной границы города, Сибусава Эичи основал свою огромную Осацкую хлопкопрядильную компанию³⁸. Озабоченный отрицательным сальдо платежей Японии после восстания Сацумы в 1877 году,

Сибусава рассматривал производство хлопка и тканей как возможность расширения японских экспортных рынков³⁹. Для приведения в действие более десяти тысяч паровых прядильных станков на заводах Осацкой хлопкопрядильной компании использовались британские технологии⁴⁰. К середине 1880-х Сибусава обеспечил Осаке статус текстильного центра – Манчестера Дальнего Востока⁴¹.

Сам Сибусава был человеком огромной энергии и незаурядных способностей⁴². Сын сельского предпринимателя из деревни Хиараидзима, который занимался, среди прочего, торговлей индиго, молодой Эичи получил воспитание самурая⁴³. В 1867 году, двадцатисемилетним молодым человеком, он сумел добиться места в направлявшейся во Францию делегации князя из рода Токугава; через год Сибусава вернулся в Японию, немедленно заняв важный пост в новом министерстве финансов⁴⁴. В 1872 году, в возрасте тридцати двух лет, он оставляет работу в правительстве и становится президентом Первого национального банка, а впоследствии одним из крупнейших акционеров или управляющих в более чем 500 банках эпохи Мэйдзи, так же как одним из основателей Токийской товарной биржи⁴⁵.

Уже к концу 1870-х Сибусава побуждает своих коллег-банкиров инвестировать в развитие японской промышленности⁴⁶. Например, в произнесенной в 1877 году в Июкогаме речи он призывал банкиров обращать внимание на рост национальной промышленности... Так мы можем способствовать росту производства в нашей стране, и, если нам это удастся, наш долг будет выполнен⁴⁷. Сын богатого крестьянина, Сибусава первым подал пример: собрав воедино капиталы своих многочисленных банковских структур, он основал текстильную промышленность, которая всего через полвека стала лидировать в производстве тканей по всему миру.

Осака была сердцем текстильной империи Сибусава – его коммерческие успехи немало способствовали бурному росту города. Первая в Японии электростанция стала снабжать энергией Осацкую хлопкопрядильную компанию в 1886 году, за целый год до того, как электричество было подано в первые токийские дома⁴⁸. К началу века в городе, в котором еще десять лет назад не было ни единого завода,

действовали пять тысяч промышленных предприятий, на которых работали шестьдесят тысяч мужчин и женщин. Осацкие рисовая, хлопковая, сахарная и нефтяная биржи устанавливали цены по всей Японии, а Осацкая фондовая биржа успешно соперничала с токийской⁴⁹. Население города утроилось всего за двадцать лет, что повлекло за собой рост строительной индустрии⁵⁰. В 1897 году, благодаря присоединению к городу близлежащих земель, территория Осаки расширилась в три с половиной раза⁵¹.

Стремительное развитие и расширение производственной базы города не прекратилось и с наступлением нового, XX века. Сибусава был далеко не единственным удачливым предпринимателем в Осаке. Успешный переход от состоятельного купеческого дома в эпоху Токугава до промышленных капиталистов времен Мэйдзи совершил клан Сумитомо; огромную промышленную империю создал барон Фудзита Дэнзабуро (кроме того, он собрал замечательную коллекцию азиатского искусства). К 1912 году в Осаке было зарегистрировано 6415 предприятий, производивших хлопок, шерсть, металлы, масла, суда, спички, станки, мыло, табак, лекарства, подвижной состав, одежду, зонтики, туалетные принадлежности, краску, мебель, бумагу, свечи, консервы, лаки, ковры, сумки, сейфы, бочки, веера, цветы, музыкальные и спортивные товары, лед, часы и иные изделия⁵². В городе располагались управляющие конторы двадцати семи банков⁵³. Именно в рассматриваемый период – между 1901 и 1907 годами – общая стоимость промышленной продукции города выросла на 400 процентов⁵⁴. Продолжался рост текстильной промышленности – общая стоимость текстильной продукции выросла на 186,7 процента. Происходила диверсификация промышленной базы города: прирост производства станков составил 436,8 процента, химикатов – 464,3 процента, пищевых продуктов – 699,7 процента⁵⁵. Объем предоставления новых муниципальных услуг – газа и электричества – вырос на феноменальную величину, 5097 процентов, отражая как относительно позднее появление этих услуг на осакском рынке, так и взрывообразное развитие города. Великая война в Европе стала еще одним стимулом для осакских промышленников: к 1923 году в городе работали 21 600 заводов различных размеров⁵⁶.

Финансовые бароны

Наряду с такими промышленниками-банкирами как Сибусава, в блистательную когорту осакских финансистов входили основатель Осацкой фондовой биржи Годай Томацу и легендарные братья Номура – Токусичи (также известный под именем Синносукэ) и Дзицусабуро. Годай, участвовавший вместе с Сибусавой в Парижской международной выставке 1867 года, считался одним из самых влиятельных осакских дельцов периода раннего Мэйдзи⁵⁷. Как и Сибусава, Годай начал карьеру с работы в правительстве, а позже использовал свои политические связи в коммерции. К 1890-м годам Годай, прямо или косвенно, состоял учредителем почти всех крупных предприятий Осаки⁵⁸.

Годай, в отличие от Сибусавы, не был предпринимателем классического западного образца. Скорее, как выразились Сугихара Сиро и Нисизава Тамоцу, он был бюрократом или администратором... работающим в неправительственных кругах⁵⁹. Дельцы подобные Годая, выступавшие в качестве посредников между правительством и частным сектором, были необходимы в эпоху быстрого, но примитивного накопления капитала под непосредственным контролем государства.

Если история Сибусавы – это сказка о разбогатевшем крестьянском сыне, а Годая – о просвещенном провинциальном управляющем, то у саги семьи Номура еще более выраженный осакский колорит⁶⁰. Отец Синносукэ и Дзицусабуро – Токусичи-старший – родился в 1850 году и был отпрыском старинного самурайского рода. Его отец, смотритель Осацкого замка, принадлежал к числу богатейших людей Японии. К несчастью для Токусичи, его мать была лишь простой служанкой в доме отца. Отец отказался признать Токусичи и передал ребенка на воспитание богатому землевладельцу. Несмотря на высокое происхождение Токусичи, его детство было отнюдь не безоблачным.

В возрасте десяти лет Токусичи стал учеником осакского менялы, Яхеи Осака. В конторе менялы Токусичи выполнял всю обычную для ученика черную работу и, долж-

но быть, преуспел. В 1871-м, за год до своей смерти, Осака усыновил двадцатидвухлетнего юношу. В следующем году, встав во главе маклерского дела Осака, Токусичи основал Номура Сотен (контору Номура) и женился на дочери разорившегося самурая, имя которой было хорошо известно в финансовых кругах. К началу экономических чудес Мэйдзи семья Токусичи уже была достаточно зажиточной.

Младший Номура Токусичи, или Синносукэ, родился в 1878 году, когда его отец стал участником недавно созданной Осакой фондовой биржи. Синносукэ был одним из пятерых детей в семье, включая его младшего брата Дзицусабуро. Синносукэ окончил Осацкую коммерческую школу и, до того как встать во главе семейного дела в 1904 году, вел довольно беспутный образ жизни. На велосипеде он исколесил всю Осаку, пытаясь напрямую торговать ценными бумагами. Он и его брат сыграли заметную роль в развитии срочной (фьючерсной) торговли ценными бумагами, успешно сыграв на повышение в 1906 году, сразу после окончания русско-японской войны. Номура и их клиенты выстояли во время краха фондового рынка в январе 1907 года, завоевав тем самым глубокую преданность акционеров⁶¹. К 1980-м годам наследники Токусичи и Дзицусабуро превратили «Ценные бумаги Номура» в один из крупнейших финансовых домов мира.

Сага о Номура представляет собой классическую историю о возвышении осакской семьи. Приобретя практический опыт денежных маклеров задолго до наступления эпохи развитого капитализма, представители рода Номура – находчивостью, хитростью и дерзостью – создали огромную финансовую империю. Подобно финансовым домам Чикаго, Номура и многие другие осакские предприниматели ориентировались в первую очередь на зажиточных клиентов. Велосипедные прогулки Синносукэ по улицам Осаки были своего рода японским эквивалентом деятельности Арморов, Свифтов, Моррисов, Филдов и Уордов, которые, как известно, работали на американский средний класс. Титаны осакского и чикагского рынков завоевали свою долю растущей как на дрожжах японской или американской экономики именно благодаря тому, что су-

мели очертить новый класс потребностей для нарождающегося среднего класса, людей, только недавно вырвавшихся из тисков нищеты. История этих семей – это и рассказ о коммерческом гении их городов в условиях развивающейся массовой экономики. Хотя в 1870 году понятие среднего класса было в Японии совершенно неведомым, уже к 1910-м годам в японском обществе сформировались и утвердились новые социальные слои.

Семья Номура принадлежала к новой купеческой элите, все более отдалявшейся от городской повседневности⁶². По мере того как в Осаке появлялись новые общественные прослойки, неведомые до реставрации Мэйдзи, происходило расслоение и в среде крупной буржуазии. Промышленная элита города, или, точнее, владельцы средних и мелких предприятий, доминировавших в городской экономике, жили по соседству со своими заводами и рабочими. Трудовые отношения на таких предприятиях – что не может не напомнить нам о Москве в тот же период – были патерналистскими, но и почти родственными. Возмущения рабочих происходили в первую очередь на больших заводах, располагавшихся вне традиционных границ города, на предприятиях, принадлежавших Сибусава, Номура и другим предпринимателям, перешедшим от производства к финансам. В то же время развивавшаяся сеть местных рельсовых дорог способствовала перемещению белых воротничков и профессиональных работников в пригородный пояс.

Децентрализация Осаки ускорилась в 1920-х годах, по мере того как предприятия, а с ними и часть горожан перемещались в пригороды. Такая ситуация не была уникальна ни для Осаки, ни для Японии, ни для других городов, рассматриваемых в настоящей работе⁶³. Электрические трамваи начали рассредоточивать города задолго до появления двигателя внутреннего сгорания⁶⁴. Расширению осакской городской агломерации способствовали также частное и коммерческое строительство и финансировавшаяся правительством программа развития зеленых городов-спутников⁶⁵.

Децентрализация рассматривалась как оптимальное решение проблемы городского перенаселения. Согласно проведенному в 1921 году Осацким городским департаментом труда исследованию, на каждого местного рабоче-

го приходилось в среднем 4,8 квадратных метра жилой площади, притом что школьные учителя едва ли жили в лучших условиях: на каждого приходилось 6,3 квадратных метра. Учителя, однако, платили более высокий жилищный налог – 23,1 процента от общего дохода против 15,6 процента для рабочих. В отчете департамента сказано: Жилищные условия рабочих неизмеримо хуже жилищных условия учителей, какой бы незначительной ни казалась разница. Более того, по сравнению с другими социальными категориями этот контраст покажется еще более разительным⁶⁶. В Осаке, как и в других городах, массовая миграция в пригороды приобрела в риторике защитников социальных программ значение чудодейственного средства.

В первое десятилетие после русско-японской войны изменился как физический, так и социальный облик Осаки – эти изменения углублялись на протяжении 1920-х и 1930-х годов. Из большого, традиционного японского города Осака превращалась в мегарополис* XX века⁶⁷.

Новое и старое меньшинство

В 1910-х годах в Осаке обосновались первые корейские иммигранты, ставшие у истоков крупной осакской – и крупнейшей в Японии – корейской общины⁶⁸. Формирование последней уходит корнями в имперскую экспансию Японии, достигшую кульминации во время тихоокеанской фазы Второй мировой войны. Корейский полуостров стал провинцией растущей Японской империи вскоре после окончания победоносных войн с Китаем (1894—1895) и Россией (1904—1905). Обретя статус великой державы и превратившись в лидера Азии, Япония вознамерилась сеять в Корее просвещение, аннексировав ее в 1910 году⁶⁹. Еще с 80-х годов XIX столетия полуостров был предметом территориальных споров между Китаем и Россией. Пользуясь благоприятной политической ситуацией, японское правительство ввело в Корее колониальное правление, учредив на полуострове различные импер-

* Произношение слова «мегаполис» на японский манер.

ские административные институты, опробованные пятнадцатью годами ранее на Тайване.

Под маской гипотетического культурного родства двух народов и основанной на ассимиляции образовательной системы скрывалась жестокая реальность. Корею следовало воспринимать как колониальное владение Японии, а ее народ – как политически и культурно второстепенный по отношению к японцам⁷⁰.

Теперь, перестав быть иностранными подданными, корейцы могли свободно иммигрировать в Японию. Отягощенные долгами перед живущими вне своих имений помещиками и не питая никаких надежд на будущее, обнищавшие корейские крестьяне покидали свои хозяйства в поисках работы на островах. Процветающие японские заводы – особенно в годы Первой мировой войны – привлекали доведенных до нищеты корейцев настолько же, насколько их отталкивали собственные поля. Если в 1910 году в Японии проживала только горсть корейцев, к 1930-м годам их число достигло 400 тысяч, а в конце Второй мировой войны в Японии уже жило более 2 миллионов корейцев⁷¹. Более половины осакских корейцев прибыли сюда с Чежу, пользуясь открытым в 1923 году прямым пассажирским маршрутом между этим островом и Осакой⁷².

Первым осакским предприятием, которое стало использовать корейскую наемную силу, стал хлопкопрядильный завод Сетцу – корейские рабочие-иммигранты появились здесь в 1911 году⁷³. Довольно скоро, к началу 1920-х, город стал домом для крупнейшей в Японии корейской общины: здесь проживало 21 984 корейца (только 57 из них не были заняты в промышленном производстве)⁷⁴. Корейцы по сей день остаются важной составляющей этнической мозаики Осаки – многие из них живут на пороге нищеты и в социальной изоляции.

Маргинальность корейцев особенно ярко проявлялась в периоды социальных обострений, например во время разрушительного Токийского землетрясения 1923 года. Отчет дипломатической миссии США за тот период содержит сведения о массовых гонениях на корейцев по всей Японии, в продолжение которых сотни корейцев были убиты и тысячи интернированы без средств к существованию;

250 несчастных разделили на группы по пять человек, связали по рукам и ногам, посадили в старые джонки, обмазали маслом и сожгли заживо⁷⁵.

Прибытие такого количества неимущих, чаще всего неграмотных и культурно непохожих иммигрантов изменило облик осакской бедноты. Нищие сельские переселенцы не имели никаких шансов подняться по социально-экономической лестнице и вырваться из растущих в Осаке и ее пригородах корейских гетто⁷⁶.

К корейцам примыкали другие группы осакских отверженных – *хинин* (бродяги, попрошайки, проститутки и скатившиеся на дно горожане, которых называли нелюди) и неприкасаемая каста *эта*⁷⁷. Парии существовали в Японии в течение почти тысячи лет – их вовлеченность в жизнь страны ограничивалась работой на скотобойнях и в дубильных мастерских. Низшая каста *эта* находилась под защитой феодальных правителей, которые зависели от их услуг в замковых городах эпохи Токугава. Париям были дарованы полные гражданские права в августе 1871 года, в рамках ранней программы модернизации Мэйдзи, однако они утратили исторически сложившиеся привилегии и налоговые льготы⁷⁸. Вскоре они стали жертвами экономических потрясений начального периода реставрации Мэйдзи.

Касты отверженных, или *буракумин*, как их называли после гражданской эмансипации, стали объединяться в доморожденные ассоциации, ратовавшие за распространение грамотности, солидарность, бережливость и прилежание. В Японии было и по-прежнему остается много поселений касты отверженных. Кансайские города Киото, Нара, Кобе и Осака исторически служили пристанищем для больших общин *хинин*, *эта* и *буракумин*⁷⁹. В канун Первой мировой войны кансайские и, в частности, осакские общины *буракумин* стали источником радикальных политических настроений.

Доведенные до крайней нищеты и радикально настроенные другие стали штурмовыми отрядами шириющегося в Японии рабочего и студенческого движения⁸⁰. Подобно тому как растущая афроамериканская община Чикаго ставила под сомнение прежние воззрения на природу города, так и социально отверженные слои Осаки самым фактом

своего существования опровергали миф о культурной однородности. Все увеличивающаяся иммиграция корейцев в 1910-х годах и, в особенности, в межвоенные десятилетия, неопровержимо свидетельствовала о том, что в Осаке присутствуют не только классовые различия. Поддержание муниципального мира было возможно только в условиях политики прагматического плюрализма.

Ценности международные и национальные

Бурное развитие Осаки в годы Первой мировой войны указывает не только на возросшую индустриализацию и диверсификацию городского хозяйства, но и на его все большую вовлеченность в международную экономику. Как и после успешных для Японии китайско-японской и русско-японской войн, между 1914 и 1918 годами объем экспортных операций Осаки возрос в иеновом эквиваленте в пять раз, импортных – в два раза⁸¹. Двигателем экономического развития города было растущее хлопкопрядильное производство и экспортная торговля. К окончанию Первой мировой войны Осака стала играть определяющую роль в движении финансовых потоков и развитии промышленности по всей Японии. Город находился в центре японской экономической интеграции.

Высокой оказалась социальная цена осакского экономического чуда. Глубокий кризис в отношениях между имущими и неимущими разразился в июле и августе 1918 года, когда по всей стране – от Хоккайдо до Кюсю – прокатилась волна «рисовых бунтов», начавшихся в рыбацкой деревеньке на берегу залива Тояма⁸². Волнения, спровоцированные постоянным повышением цен на рис, основной пищевой продукт в Японии, были особенно бурными в Осаке, где в стычках с полицией и военными участвовало более четверти миллиона человек. Подобно чикагским расовым бунтам 1919-го и московским революционным потрясениям 1917-го, рисовые бунты в Осаке ограничивают временные рамки настоящего исследования и одновременно определяют границы терпимости и прагматического плюрализма в большом городе. Социальное, политическое

и экономическое согласие не должно ограничиваться формальными признаками. Успешная плюралистичная политика состоит не только в жестах доброй воли, но и в мудром подходе к распределению ресурсов.

Несмотря на возраставшее значение и зависимость города от международной торговли и корейской рабочей силы, Осака не перестала быть глубоко самобытным японским городом⁸³. В соответствии с соглашениями, заключенными в 1854 году commodором Перри с японскими властями, иностранцы получали право создания поселений со статусом экстерриториальности. Первого января 1868 года в Осаке открылось иностранное поселение; впрочем, до пересмотра неравноправных соглашений Перри в июле 1899 года оно оставалось лишь маленьким, самоуправляемым анклавом⁸⁴. К концу 1870-х годов большинство купцов и дипломатов переехали в Кобе, а в осакском поселении остались преимущественно миссионеры, основавшие здесь множество церквей, школ, семинарий, сиротских приютов и больниц, многие из которых по сей день служат городу. Крупнейшей этнической группой на землях осакского поселения были китайцы, хотя, в отличие от европейцев и американцев, они не принимали участия в управлении колонией, оставаясь простыми наблюдателями⁸⁵. Таким образом, международное поселение в Осаке так и не приобрело того значения и влияния, которого выходцам с Запада удалось добиться в Кобе и Иокогаме.

Однако город отличали не только бурные темпы экономического роста: Осака (как и соседствующий с ней Киото) стал средоточием интеллектуальных течений, основанных на сугубо национальном, японском опыте. Изысканная коллекция азиатского искусства барона Фудзита Дэнзабуро была призвана подчеркнуть оригинальность, непохожесть японской художественной культуры, подобно тому как московские коллекции Третьяковых и Мамонтовых акцентировали самобытность русского искусства. Наито Конан, ведущий синолог Японии довоенной поры, сотрудничавший в 1890-х годах с осакской газетой Осака Асахи Симбун, разработал идеологические концепции, которые позже использовались для оправдания гегемонии Японии в азиатско-тихоокеанском регионе⁸⁶. На Западе Наито прежде всего из-

вестен предложенной им периодизацией китайской истории – историографической схемой, принятой впоследствии во всем мире⁸⁷. Из стен Киотского университета, где в 1907 году Наито возглавил новосозданную кафедру восточноазиатских исследований, он провозглашал культурное превосходство азиатской цивилизации. Для Наито и многих других японских интеллектуалов кансайские метрополисы Осака и Киото сохраняли привлекательность именно потому, что влияние Запада и модернизация ощущались здесь слабее, чем в имперской столице⁸⁸.

Осака, подобно Москве и Чикаго, выгодно использовала преимущества расширяющейся мировой экономики, сохранив при этом сугубо национальную систему ценностей и культурных ориентиров. Все три города находились, как говорится в «Городах в цивилизации» Питера Холла, на стыке известного и неведомого миров.

В случае Осаки местная система ценностей часто ставила под сомнение концепцию о деньгах как о главном арбитре человеческих отношений. «Записанное в 1915 году наблюдение Торстейна Веблена о Японии на рубеже веков в полной мере распространяется на Осаку. «Займованные Японией западные новшества, – писал Веблен, – не смогли перекроить «институциональную» ткань японского общества, изменить те этические ценности и традиционные нормы поведения, в соответствии с которыми человек жив не хлебом единым»⁸⁹. То, что жители Осаки жили не хлебом единым, проявилось в их далеко небезуспешных попытках обустроить собственный город, о чем пойдет речь в следующих главах.

Управление Осакой в эпоху Мэйдзи и Тайсё

В 1890 году император Мэйдзи* принял решение о расширении полномочий основанных в 1878 году ассамблей в японских национальных префектурах. Согласно принятой 11 февраля 1889 года конституции был создан национальный Императорский парламент, который начал заседать в

* Император Муцухито стал именоваться так после смерти (1912 г.).

ноябре следующего года⁹⁰. О созыве Национального собрания было объявлено еще в 1881 году, однако, чтобы подготовиться к его торжественному открытию, имперскому правительству потребовалось почти десять лет⁹¹. Отцы реформ Мэйдзи воспринимали парламент как отдушину для политического и социального фрондерства, а также как институт, способствующий развитию национального единства⁹². Парламентские ассамблеи знаменовали вхождение Японии в число цивилизованных демократий. Избирательное право, однако, оставалось весьма ограниченным – так, всеобщее избирательное право для граждан мужского пола старше двадцати пяти лет было установлено только в 1925 году⁹³.

До 90-х годов XIX века, то есть до введения частичной муниципальной автономии, японские префектуры оставались лишь административными департаментами имперского правительства. Статут органов местной администрации эпохи Мэйдзи был определен в законах, принятых между 1871 и 1888 годами, где содержались основные положения о деятельности местного и регионального правительства⁹⁴. Как и в случае многих других правительственных институтов Мэйдзи, структуры местной и региональной администрации формировались на итеративной основе, причем сам процесс оставался сложным и непродуманным. Тем не менее, при всей судорожности реформ Мэйдзи, реальность диктовала новые формы⁹⁵. Япония так и не смогла полностью порвать с дореформенным, феодальным прошлым – люди и общественные институты мучительно приспосабливались к новой жизни, воссоздавая себя в условиях изменившейся экономической реальности⁹⁶.

Согласно новым законам префектуры и муниципалитеты получили частичную автономию, притом что имперское правительство в Токио сохранило решающее влияние почти во всех сферах местной жизни. Скроенное по образцу наполеоновских законов о префектурах в их несколько видоизмененной, германской форме законодательство 1888 года, в частности, по-прежнему определяло органы местного управления как часть национального унитарного государства. К примеру, местные чиновники

оставались служащими центрального правительства, а не местных или региональных институтов.

Провинциальная знать, особенно те ее представители, которые стали мэрами или депутатами местных собраний, пользовалась некоторыми неформальными привилегиями. Это было особенно заметно в аграрных районах, где землевладельцы по-прежнему властвовали над местным населением. Избирательное право было доступно только мужчинам старше 25 лет, способным уплачивать прямой ежегодный налог в пятнадцать иен – это обеспечивало доминирующее положение в провинции традиционных элит⁹⁷.

Токио, Киото и Осака – как крупнейшие на то время города Японии – остались вне муниципальных реформ 1888 года и вплоть до 1898 года находились в прямом подчинении центрального правительства⁹⁸. Значимость этих городских центров была так велика, что правительство Мэйдзи не сочло возможным предоставить им даже урезанную автономию, предусмотренную реформами 1888 года. Кроме того, в глазах имперских чиновников провинциальные помещики были более надежными проводниками токийской власти, чем городская купеческая элита.

Наконец в 1898 году Токио, Киото и Осаке была предоставлена муниципальная автономия⁹⁹. Согласно новым установлениям, с которыми традиционно связывают начало местного самоуправления в Осаке, ограниченный электорат налогоплательщиков мужского пола избирал депутатов Муниципального собрания, в котором заседали до девяти депутатов. Муниципальное собрание, в свою очередь, избирало исполнительный комитет из шести членов, включая председательствующего на его заседаниях мэра. Таким образом, мэр как высшее должностное лицо в городе избирался Муниципальным собранием, но вступал в должность только после одобрения его кандидатуры министром внутренних дел¹⁰⁰. В кабинете мэра состояли советник, или *саньо*, а также несколько вице-мэров и налоговых инспекторов, каждый из которых назначался мэром на четыре года, причем все назначения требовали согласования с губернатором префектуры. Город был поделен на ряд административных округов, в пол-

номочия которых входили надзор за учетом населения, численности местных предприятий, сбором налогов и образованием¹⁰¹.

Образование было передано в ведение местной администрации еще в 1892 году¹⁰². В то время Осака подразделялась на тридцать шесть самофинансируемых школьных округов. Так как сбор налогов производился по образовательным округам, именно они – а не избирательные округа Осаки – стали краеугольным камнем местной политики. Окружные образовательные учреждения часто преследовали местнические интересы, были подвержены коррупции и находились в руках узкого круга мелких и средних купцов, которые входили в число дееспособных налогоплательщиков, имеющих право голоса на местных выборах. Ко времени первых выборов в Муниципальное собрание в 1898 году эта сеть купеческих заправил уже была довольно разветвленной. Клики, сформировавшиеся вокруг окружных образовательных учреждений, образовывали коалиции и с легкостью проводили в Муниципальное собрание своих выдвиженцев. После избрания депутаты Муниципального собрания без труда обеспечивали послушный районным боссам исполнительный комитет.

Власть осакского градоначальника была неустойчивой и расшатывалась сверху, со стороны имперских и губернаторских чиновников, и снизу – окружными заправками. Его единственной исключительной прерогативой было председательское кресло на заседаниях исполнительного комитета, в котором мэр обладал только одним голосом из шести. До 1912 года наиболее влиятельной силой в местной администрации оставались мелкие и средние купцы и заводчики, в то время как пост градоначальника служил лишь декорацией к их тайным махинациям. Ни один из первых четырех осакских мэров, избранных между 1898 и 1912 годами, не прослужил на посту четырехлетнего срока¹⁰³. Районные боссы и их поделники из Муниципального собрания проворачивали аферы, которые заставили бы покраснеть даже их чикагских коллег. Притом что дееспособный электорат составлял не более 20 процентов городского населения, механизмы гражданского контроля в Осаке оставались крайне неразвитыми.

Окружные заправилы

Власть в Осаке, как и в Чикаго, была рассеяна – до 1910—1920 годов реальная власть и значительные экономические ресурсы были сосредоточены в руках формальных и неформальных окружных боссов¹⁰⁴. Под влиянием своевольных окружных заправил и имперских бюрократов из Токио в японских городах и префектурах сформировалась особая политическая субкультура¹⁰⁵. Обязанности мэра Осаки сводились, по сути, к поискам компромиссов между различными общественными силами и группами влияния. В подобных условиях успех проводимой политики напрямую зависел от практики прагматического плюрализма.

Все же, несмотря на могущество осакских окружных и образовательных боссов, основой японской системы управления оставались центральные бюрократические институты. Министерство внутренних дел, министерство образования и другие токийские ведомства инициировали разнообразные социальные программы и спонсировали ряд местных групп: их чрезмерно патерналистская опека распространялась на все японское общество. То были «бюрократы участия», чьи политические взгляды состояли в том, что все японские подданные должны пользоваться благами и разделять обязанности империи¹⁰⁶.

Бюрократия проникала во все сферы японской общественной системы¹⁰⁷. Изменившаяся в результате промышленной революции реальность заставила жителей Осаки пересмотреть концепцию городского управления, как это видно на примере истории затрат местного правительства в конце XIX – начале XX века. Сибамура Ацуки убедительно доказал, что городские расходы в указанный период не только выросли в триста раз, но и что их структура стала более современной¹⁰⁸.

Подавляющая часть муниципальных расходов в рассматриваемый период приходилась на строительство общественно значимых сооружений: к этим проектам относились, в частности, реконструкция осакского порта в 1898—1902 годах и проведение муниципального водопровода и канализации в 1907—1911 годах. Городское прави-

тельство взяло на себя ответственность за развитие сети трамвайных и железнодорожных путей, предложило новые проекты городской застройки и укрепило позиции в сфере образования и здравоохранения¹⁰⁹. К окончанию Первой мировой войны объем муниципальной ответственности в Осаке вполне отвечал уровню метрополиса XX века. Всего двумя десятилетиями ранее муниципальные расходы ограничивались традиционными схемами бессистемных или сугубо целевых инвестиций. Число муниципальных служащих между 1900 и 1920 годами выросло в двенадцать раз¹¹⁰. При всей медлительности системных преобразований Осака переживала революцию в муниципальном управлении. В 1920 году город вышел на уровень муниципальной активности, немыслимой в 1900-м и даже в 1910 году¹¹¹.

Расширение муниципальных функций происходило рывками. Доходы местного бюджета часто оказывались недостаточными для осуществления проектов городского развития, а доходообразующие предприятия Осаки, как, впрочем, и Чикаго, и Москвы, были весьма немногочисленны. В конце 1910-х годов различные службы городского подчинения приносили только 40 процентов муниципальных доходов, притом что недавно созданная городская система трамвайного сообщения быстро стала самым доходным из муниципальных предприятий Осаки¹¹². Более благоприятные времена для городских властей настали только с принятием в Токио новых муниципальных законов.

Независимые градоначальники

Закон 1911 года о местном управлении кардинальным образом усилил позиции градоначальников и сузил полномочия Муниципальных собраний. Впервые за историю существования поста градоначальника осакский мэр, как и его коллеги в других японских городах, получил всю полноту исполнительной власти в городе. Законодательная реформа 1911 года внесла стройность в структуру административной власти в Японии и расширила возможности центральных властей влиять на местную политику. Согласно историку Осаки Сибамуре Ацуки, реформы 1911 года

позволили привлекать к работе в муниципальных администрациях профессиональных консультантов, которые назначались лично мэром¹¹³. Ограничив роль местных ассамблей, закон 1911 года сдержал рост коррупции среди окружных боссов и депутатов муниципальных собраний.

Осака переживала период глубоких социальных перемен. Местная текстильная промышленность вывела Японию в число индустриальных мировых держав. Вскоре Осака стала самым крупным, богатым и промышленно развитым урбанистическим центром Японии. Семьдесят процентов торгового оборота осакского порта приходилось на Азию – главным образом на азиатские регионы, находившиеся в колониальном владении или под протекторатом Японии. Город отражал все проблемы, конфликты и противоречия промышленной революции. Именно на Осаке больше всего отразилось становление и стремительное развитие японского промышленного капитала. Местное правительство было вынуждено реагировать на изменения в социальной обстановке.

Безудержная индустриализация порождает совершенно новые социальные слои. Бесправные осакские рабочие выражали свою политическую волю посредством развивающегося тред-юнионистского движения или прибегали к насилию. После положившего конец русско-японской войне мирного договора, который многие в Японии считали несправедливым, в Осаке, как и в Токио, бушевали гражданские беспорядки. Их кульминацией стали «рисовые бунты» 1918 года. Относительно молодая прослойка менеджеров среднего звена и белых воротничков требовала провести правительственную реформу и положить конец махинациям окружных заправил, подобно тому как их коллеги в Соединенных Штатах требовали прогрессивных реформ и хорошего городского правительства. Поиски демократических путей развития, в которых активно участвовали жители Осаки, доминировали в общественной жизни Японии на протяжении всего периода правления Тайсё, вступившего на императорский престол в 1912 году.

Муниципальные реформы 1911 года создали законодательную среду, в которой осакским прагматическим лидерам предстояло удерживать равновесие между инте-

ресами конкурирующих общественно-политических групп города. По словам историка Сибамура, сформировался новый режим профессионалов городского администрирования. Своим возникновением и существованием правительство профессионалов во многом обязано двум выдающимся осакским градоначальникам, Икегами Сабуро и Секи Хаджиме, занимавшим кресло мэра с 1913 по 1935 год – в период, когда в Токио сменились восемь мэров, в Киото – шесть, в Нагоя и Кобе – по три в каждом. Икегами и Секи успешно сформировали режим специалистов, при котором завершился переход Осаки из купеческого центра эпохи Токугава в промышленный гигант периода Сова*.

Икегами, который начинал карьеру простым полицейским и дослужился до высокого полицейского чина, ответственного за поддержание общественного порядка в бурно растущем кансайском метрополисе, знал о социальных проблемах Осаки не понаслышке¹¹⁴. Служба в полиции научила его ценить знания и опыт экспертов и профессионалов. Став мэром и стремясь консолидировать новые полномочия, дарованные градоначальникам муниципальными законами 1911 года, Икегами нанял на работу в правительстве нескольких ведущих японских экспертов в области гигиены, здравоохранения, транспорта и социальных исследований. Секи Хаджиме, прибывший в Осаку в 1916 году чтобы занять пост вице-мэра, был одним из таких экспертов-новобранцев. В целях создания в Осаке режима профессионалов Икегами и Секи вместе выстроили коалицию из крупнейших бизнесменов, представителей профессиональной и научной элиты города. Все большую роль в общественной жизни Осаки стали играть политические партии: их роль заметно возросла после введения в Японии в 1925 году и, на местном уровне, в 1926-м, всеобщего избирательного права для мужчин старше двадцати пяти лет.

Профессиональное правительство Икегами-Секи и его прагматическая этика контроля посредством социальных реформ пустила глубокие корни в политической жизни

* Время правления императора Хирохито (1926—1989).

Осаки. Такая система основывалась на авторитарной власти специалистов и экспертов, которые видели оптимальные пути развития городского сообщества, но оставалась демократичной в той мере, в какой эта стратегия соответствовала социальным интересам и нуждам горожан. То была разновидность мягкой или просвещенной бюрократической деспотии, которую часто искали американские городские прогрессисты, но, в случае Чикаго, не могли установить ее из-за всеобщего мужского избирательного права.

Так, маневрируя между имперскими и местными интересами, осакские мэры добивались выделения центральным правительством необходимых бюджетных средств. По сути, основными задачами городского управления стали торг с надзирающими чиновниками в Токио и мобилизация местных финансовых ресурсов. В осакской политике прослеживается больше сходства с Москвой, нежели с Чикаго, поскольку решающее слово во всех основных вопросах городской жизни оставалось за имперскими властями. Все же избирательная база в Осаке, увеличивавшаяся на протяжении всего рассматриваемого периода, была значительно шире московской. Санкции имперских чиновников постепенно приобретали формальный характер, и решения местных властей были в меньшей, по сравнению с Россией, степени подвержены своеволию центрального правительства¹¹⁵. В функционировании города возрастала роль политических партий и иных институтов, сопутствующих свободным выборам¹¹⁶. Во властных структурах города все большим влиянием пользовались эксперты-профессионалы.

Власть в Осаке в рассматриваемый период представляет собой промежуточную форму между демократически избираемым правительством Чикаго и высокоцентрализованными, авторитарными властными структурами Москвы. Квазидемократические институты вовлекали в политическую жизнь Осаки все больше горожан. Лидеры второй столицы Японии пытались разрешить острейшие вопросы управления городом посредством прагматичных, целевых коалиций. Городская политика стала источником практики плюрализма, основанного на трезвом расчете.

Примечания

- ¹ Peter Hall, *Cities in Civilization* (New York: Pantheon, 1998), p. 302.
- ² Там же.
- ³ Этот тезис выдвинул профессор истории университета Момояма-гакуин Сибамура Ацуки в своем интервью автору 14-го апреля 1996 г. в Ибараги.
- ⁴ Kenneth B. Pyle *The Making of Modern Japan*. (Lexington, Mass: D. C. Heath, 1978), pp. 30—31.
- ⁵ Ai Yamamura, «A Study of Samurai Income...», pp. 139. *The Inside Story of the World's Most Powerful Company*. (London: Bloomsbury, 1990), p. 27.
- ⁶ Мнение о том, что Торговая биржа Чикаго – старейшая в мире по фьючерсным торгам, часто встречается в исторических работах, посвященных экономике Чикаго. См., например: Bob Tamarkin, «The New Gatsbys: Fortunes and Misfortunes of Commodity Traders». (New York: Morrow, 1985); Jonathan Lurie, *The Chicago Board of Trade, 1859—1905: The Dynamics of Self-Regulation*. (Urbana: University of Illinois Press, 1979), p. 24. Восемьдесят два бизнесмена, образовавшие в первый понедельник апреля 1848 года Торговую биржу Чикаго (Tamarkin, «The New Gatsbys...», p. 19), несомненно, не знали об осакских экспериментах.
- ⁷ Reiko Hayashi, *Provisioning Edo in the Early Eighteenth Century: The Pricing Policies of the Shogunate and Crisis of 1733*, in James L. McClain, John M. Merriman, and Kaouru Ugawa, eds., *Edo and Paris: Urban Life and the State in the Early Modern Era* (Ithaca: Cornell University Press, 1994), pp. 211—233; Takeo Yazaki, *Social Change and the City in Japan: From Earliest Times through the Industrial Revolution*. (Tokyo: Japan Publications, 1968), pp. 233—240; Takeo Yazaki, «The Japanese City: A Sociological Analysis». (Rutland, Vt.: Japan Publications, 1963); Jeffrey E. Hanes, «From Megalopolis to Megaropolis». *Journal of Urban History* 19, no. 2 (February 1993), pp. 56—94: 59—65.
- ⁸ F. G. Notehelfer, ed., *Japan Through American Eyes: The Journal of Francis Hall, Kanagawa and Yokohama, 1859—1866*. (Princeton: Princeton University Press, 1992), p. 157.
- ⁹ Yazaki, *Social Change and the City...* pp. 233—240; William B. Hauser, «Osaka Castle and Tokugawa Authority in Western Japan In Jeffrey P. Mass and William B. Hauser, eds., *The Bakufu in Japanese History*, (Stanford: Stanford University Press, 1985), pp. 153—172, 242—45.
- ¹⁰ По-видимому, Фрэнсис Холл был очарован увиденным, о чем он пишет в дневниковой записи от 26 апреля 1860 года. См.: Notehelfer, ed., *Japan Through American Eyes...* p. 158.
- ¹¹ Alletzhauser, *The House of Nomura...* p. 26.
- ¹² Там же, с. 27.
- ¹³ Osaka-fu, *The Souvenir Guide to Osaka and the Fifth National Industrial Exhibition (Expressly for the Use of the Foreign Visitors; Osaka: Hakurankai Kyosankwai, 1903)*, p. 97.
- ¹⁴ Каблограмма К. А. Алексеева министру С. Ю. Витте, февраль 1902 (ЦГА СССР, папка 460, 29, 233, 1.1—15), как указано в работе:

- B. V. Anan'ich, *Foreign Loans and Russia's Economic Development, 1864—1914 (The Gold Standard and Railway Construction; доклад на десятом международном конгрессе по экономической истории, Бельгия, 1990)*, p. 21, n. 4.
- ¹⁵ Yazaki, *Social Change and the City...* pp. 233—240.
- ¹⁶ William B. Hauser, «Osaka: A Commercial City in Tokugawa Japan». *Urbanism Past and Present* 5 (Winter 1977—78), pp. 23—36.
- ¹⁷ Там же, с. 24.
- ¹⁸ Tanizaki Junichiro, «The Reed Cutter and Captain Shigenioto's Mother». Trans. Anthony H. Chambers, (New York: Vintage, 1993), p. 10.
- ¹⁹ Alex Kerr, *Lost Japan*. (Oakland. Calif.: Lonely Planet, 1996), pp. 216—228: 217.
- ²⁰ Tanizaki Junichiro, *Quicksand*. Trans. Howard Hibbett. (New York: Vintage, 1993), p. 38.
- ²¹ Shiraishi Bon, «Merchants of Osaka». *Japan Quarterly* 5 (1958), pp. 169—177: 170—171.
- ²² Inoue Hiroshi. «Rakugo, Manzai and Kigeki. The Arts of Laughter». *Japan Foundation Newsletter* 23, no. 4 (January 1996), pp. 1—4, 15. В работе 1958 года Сираси Бон так объясняет отличие купцов из Осаки от других японских купцов: «Купцы из Осаки, в отличие от купцов Эдо и других городов-крепостей, не были купцами «по призванию». Прежде всего они были оптовиками или брокерами, распределяющими товары по всей стране: рис, растительное масло, хлопок, медикаменты и т. д. ...Они предпочитали небольшую, но стабильную прибыль в течение длительного времени». «Merchants of Osaka», pp. 170—171.
- ²³ Eliza Ruhamah Scidmore, *Jinrikisha Days in Japan*. (New York: Harper, 1891), p. 331.
- ²⁴ Hauser, «Osaka: A Commercial City...», pp. 23, 26.
- ²⁵ Там же, с. 31.
- ²⁶ Там же, с. 32—36. Хаузер подробно описывает упадок Осаки после эры Токугава в работе: William B. Hauser, *Economic Institutional Change in Tokugawa Japan: Osaka and the Kinai Cotton Trade*. (Cambridge. U.K.: Cambridge University Press, 1974).
- ²⁷ Tetsuo Najita, *Visions of Virtue in Tokugawa Japan: The Kaitokydo Merchant Academy of Osaka*. (Chicago: University of Chicago Press, 1987).
- ²⁸ Milton W. Meyer, *Japan: A Concise History* (Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1991), p. 151.
- ²⁹ Johannes Hirschmeier, *The Origins of Entrepreneurship in Meiji Japan*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964), pp. 28—37; Г. В. Навлицкая, *Осака (М., Наука, 1983)*, с. 130—134; E. Herbert Norman, *Japan: Emergence as a Modern State: Political and Economic Problems of the Meiji Period*. (New York: Institute of Pacific Relations, 1940), pp. 54—58, 107—111.
- ³⁰ Jeffrey Eldon Hanes, «Seki Hajime and the Making of Modern Osaka». (Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1988), p. 1.
- ³¹ Mortimer Menpes, *Japan: A Record in Colour*. (London: Adam and Charles Black, 1905), p. 102.

³² Henry D. Smith II, «Tokyo as an Idea: An Exploration of Japanese Urban Thought until 1945». *Journal of Japanese Studies* 4, no. 1 (Winter 1978), p. 53—57.

³³ Henry D. Smith II, «The Edo-Tokyo Transition: In Search of Common Ground». In Marius Jansen and Gilbert Rozman, eds., *Japan in Transition: From Tokugawa to Meiji* (Princeton: Princeton University Press, 1986), pp. 347—374: 353—56; Michio Umegaki, *After the Restoration: The Beginning of Japan's Modern State*. (New York: New York University Press, 1988), pp. 33—51.

³⁴ Henry Rosovsky, *Capital Formation in Japan, 1868—1940*. (Glencoe, Ill.: Free Press, 1961), p. 21.

³⁵ W. Mark Fruin, *Kikkoman: Company, Clan, and Community* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983), pp. 51—67.

³⁶ Hugh Patrick, «An Introductory Overview, in Hugh Patrick, ed., with the assistance of Larry Meissner, *Japanese Industrialization and Its Social Consequences*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 1—17; Irwin Scheiner, *Christian Converts and Social Protest in Meiji Japan*. (Berkeley: University of California Press, 1970), p. 2.

³⁷ Hiroshi Hazama, «Historical Changes in the Life Style of Industrial Workers». In Hugh Patrick, ed., with Meissner, *Japanese Industrialization...*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 21—51: 38.

³⁸ Johannes Hirschmeier, «Shibusawa Eiichi: Industrial Pioneer». In William W. Lockwood, ed., *The State and Economic Enterprise in Japan: Essays in the Political Economy of Growth*, (Princeton: Princeton University Press, 1965), pp. 209—247: 215—227.

³⁹ Там же, с. 225.

⁴⁰ Там же, с. 226. Yasuzo Horie, «Modern Entrepreneurship in Meiji Japan, in William W. Lockwood, ed., *The State and Economic Enterprise in Japan: Essays in the Political Economy of Growth*, (Princeton: Princeton University Press, 1965), pp. 183—208.

⁴¹ Dallas Finn, *Meiji Revisited: The Sites of Victorian Japan*. (New York: Weatherhill, 1995), pp. 118—121; Hauser, *Economic Institutional Change...*; E. Patricia Tsurumi, *Factory Girls: Women in the Thread Mills of Meiji Japan*. (Princeton: Princeton University Press, 1990).

⁴² Pyle, *The Making of Modern Japan*, pp. 87—88.

⁴³ William Jones Chambliss, *Chiaraijima Village: Land Tenure, Taxation, and Local Trade, 1818—1884*. (Tucson: University of Arizona Press, 1965), pp. 113—122; Kozo Yamamura, «A Study of Samurai Income and Entrepreneurship: Quantitative Analyses of Economic and Social Aspects of the Samurai in Tokugawa and Meiji Japan». (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974), pp. 139—143.

⁴⁴ Yamamura, «A Study of Samurai Income...», pp. 139.

⁴⁵ Alletzhauser, *The House of Nomura...*, pp. 34—35.

⁴⁶ Yamamura, «A Study of Samurai Income...», pp. 140—141.

⁴⁷ Charles Lanman, *Leading Men of Japan with an Historical Summary of the Empire*. (Boston: D. Lothrop, 1883), pp. 216—220.

⁴⁸ Ryoshin Minami, «The Introduction of Electric Power and Its Impact

on the Manufacturing Industries: With Special Reference to Smaller Scale Plants». In Patrick, ed., with Meissner, *Japanese Industrialization*, pp. 299—325.

⁴⁹ *Souvenir Guide to Osaka*, p. 51.

⁵⁰ Там же, с. 54.

⁵¹ Yazaki, *Social Change and the City...*, p. 469.

⁵² *Osaka Hotel Company, A Guide to Osaka Japan* (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1913), p. 35.

⁵³ *Present-day Osaka* (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1915), p. 36.

⁵⁴ Yuzo Mima, «Meiji Koki Osaka no Kogyo, in Shinshu Osakashishi Hensei linkai, Shinshu Osakashishi 7 (Osaka: Osaka City Government, 1994), ch. 2, sec. 2, sub. 1, pp. 234—246: 235.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Great Osaka: A Glimpse of the Industrial City*. (Osaka: Osaka Shiyakusho (municipal office), 1925), p. 45.

⁵⁷ Sugihara Shiro and Nishizawa Tamotsu, «In the «Commercial Metropolis» Osaka: Schools of Commerce and Law, in Chuhei Sugiyama and Hiroshi Mizuta, eds., *Enlightenment and Beyond: Political Economy Comes to Japan*, (Tokyo: University of Tokyo Press, 1988), pp. 189—207.

⁵⁸ Там же, с. 190—192.

⁵⁹ Там же, с. 190.

⁶⁰ Alletzhauser, *The House of Nomura...*, pp. 25—38, 36—51.

⁶¹ Тот год стал свидетелем экономической депрессии во всем мире; на Японии она сказалась особенно тяжело: суммарная стоимость акций японских компаний упала на 80%.

⁶² Автор благодарен Хотта Акио, заместителю директора Центра истории города Осаки, за материалы, предоставленные во время беседы в Осаке 11 апреля 1996 года.

⁶³ Тезис Джеймса Р. Скоби о влиянии электрического транспорта на конфигурацию и заселенность Буэнос-Айреса вполне может быть применен и к Осаке. «Развитие пригородов возмещает новую эру в истории города... В 1910 году только 10% из 1 230 000 жителей города жили в его центре». James R. Scobie, *Buenos Aires: Plaza to Suburb, 1870—1910*. (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1974), pp. 191—192. О дальнейших перспективах роста столицы Аргентины см.: Charles S. Sargent, *The Spatial Evolution of Greater Buenos Aires, Argentina, 1870—1930*. (Tempe: Center for Latin American Studies, Arizona State University, 1974); а также сборник статей о наследии архитектора Мартина Нозля, который содержит несколько работ о физической и социальной эволюции Буйнос-Айреса в начале XX столетия. Ramon Gutierrez, Margarita Gutman, and Victor Perez Escolano, eds. *El arquitecto Martin Noel: Su tiempo y su obra*. (Seville: Junta de Andalucia, 1995).

⁶⁴ Shibamura Atsuki, «Dai-Osaka no Kensetsu». In Shinshu Osakashishi Hensei linkai, Shinshu Osakashishi 7, chp. 1, sec. 1, sub. 1, pp. 3—25: 4—6.

⁶⁵ Toru Kodama, «The Experimentation of the Garden City in Japan». *Kikan Keizai Kenkyu* 16, no. 6 (Summer 1993), pp. 22—46.

⁶⁶ Там же, с. 40—41.

⁶⁷ Как отмечает Джеффри Хейнс, слово «мегаполис» является японизированной формой слова «мегаполис». См.: Hanes, «From Megalopolis to Megaropolis».

⁶⁸ См. также: Michael Weiner, *The Origins of the Korean Community in Japan, 1910—1923*. (Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1989).

⁶⁹ Там же, с. 3, 17—18.

⁷⁰ Там же, с. 22.

⁷¹ Там же, с. 43.

⁷² Интервью Сибамура Ацуки.

⁷³ Weiner, *The Origins of the Korean Community...* p. 57.

⁷⁴ Там же, с. 63.

⁷⁵ Письмо Флойда В. Томкинса (президент Лиги друзей Кореи, Филадельфия, Пенсильвания) Чарли Эвансу Харецу, секретарю штата, от 20 ноября 1923 года. Department of State, General Records, RG59.894.4016/3, National Archives, pp. 1—6.

⁷⁶ Weiner, *The Origins of the Korean Community*, p. 202.

⁷⁷ John Price, «A History of the Outcaste: Untouchability in Japan, in George De Vos and Hiroshi Wagatsuma. eds., *Japan's Invisible Race: Caste in Culture and Personalit*, (Berkeley: University of California Press, 1966), pp. 6—30.

⁷⁸ George O. Totten, and Hiroshi Wagatsuma. «Emancipation: Growth and Transformation of a Political Movement, in De Vos and Wagatsuma, eds., *Japan's Invisible Race...* pp. 33—68.

⁷⁹ К началу XIX столетия в Осаке насчитывалось 4423 бездомных против менее чем тысячи бездомных в Токио. К 1920 году Осака была приютом для 47 909 «буракуминов», что вдвое превышало число проживающих в то время в городе корейцев. Для сравнения: в том же году в Хиого проживало 107 608 «буракуминов»; в Фукуоке – 69 345; в Киото – 42 179; в Наге – 32 676; в Токио – 7 658. Hiroshi Wagatsuma and George De Vos, *The Ecology of Special Buraku*, in De Vos and Wagatsuma. Eds., *Japan's Invisible Race...* pp. 112—128: 115—116.

⁸⁰ Weiner, *The Origins of the Korean Community...* pp. 99—126; Totten and Wagatsuma. «Emancipation...

⁸¹ Yazaki, *Social Change and the City...* p. 469.

⁸² См.: Michael Lewis, *Rioters and Citizens: Mass Protest in Imperial Japan*. (Berkeley: University of California Press, 1990).

⁸³ К 1900 году в Осаке было официально зарегистрировано только 418 мужчин и 72 женщины иностранного происхождения. Их этнический состав был следующим: 14 англичан и 18 англичанок, 26 американцев и 24 американки, 6 французов и 3 французженки, 369 китайцев и 27 китайнок, два швейцарца и один кореец (хотя и очевидно, что в это время в городе проживало гораздо больше корейцев). *The Souvenir Guide to Osaka*, p. 96. К 1916 году число постоянно проживающих в городе иностранцев возросло до 1538 человек (в том числе 1380 китайцев, 75 американцев, 37 британцев, 16 французов, 16 немцев, 9 швейцарцев, 2 португальца, один датчанин, один голландец и один бельгиец). Foreign

Population of Osaka, *The Japan Chronicle* (Kobe), January 13; 1916, p. 50.

⁸⁴ Jan Vandercammen, «The Osaka Foreign Settlement: A Study of the Osaka Municipal Council Based upon the Minutes of the Council Meetings, 1869—1899». (Osaka, 1996), pp. 1—8.

⁸⁵ Там же, с. 8—9.

⁸⁶ Joshua A. Fogel, *Politics and Sinology: The Case of Naito Konan (1866—1934)*. (Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 1984), pp. 61—77.

⁸⁷ Там же, с. XV—XXIV.

⁸⁸ Там же, с. 115—116.

⁸⁹ Thorstein Veblen, «The Opportunity of Japan, in Thorstein Veblen, *Essays in Our Changing Order*, ed. Leon Ardzrooni (New York: Augustus M. Kelley, 1964), pp. 248—266: 252.

⁹⁰ Kenneth B. Pyle «The New Generation in Meiji Japan: Problems of Cultural Identity, 1885—1895». (Stanford: Stanford University Press, 1969), p. 44.

⁹¹ Bernard S. Silberman, «The Structure of Bureaucratic Rationality and Economic Development in Japan, in Hyung-ki Kim, Michio Muramatsu, T. J. Pempel, and Kozo Yamamura, eds., *The Japanese Civil Service and Economic Development*, (Oxford, U.K.: Clarendon, 1995), pp. 135—173; Nobutaka Ike, *The Beginnings of Political Democracy in Japan*. (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1950), pp. 70—101; George Akita, *Foundations of Constitutional Government in Modern Japan, 1868—1900*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967).

⁹² Andrew Fraser, «The House of Peers (1890—1905): Structure, Groups, and Role, in Andrew Fraser, R. H. P. Mason, and Philip Mitchell, *Japans Early Parliaments, 1890—1905. Structure, Issues, and Trends*, (London: Routledge, 1995), pp. 8—36.

⁹³ Sally Ann Hastings, *Neighborhood and Nation in Tokyo, 1905—1937*. (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995), p. 11.

⁹⁴ Этот тезис основан на интервью с Сибамура. См. также: Neil L. Waters, *Japan's Local Pragmatists: The Transition from Bakumatsu to Meiji in the Kawasaki Region*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983), pp. 82—87; James C. Baxter, *The Meiji Unification through the Lens of Ishikawa Prefecture*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994), esp. pp. 161—200; Walter Wallace McLaren, *A Political History of Japan During the Meiji Era, 1867—1912*. (New York: Scribner's, 1916), pp. 112—152.

⁹⁵ Baxter, *The Meiji Unification*, p. 3.

⁹⁶ Michio Umegaki, *After the Restoration: The Beginning of Japan's Modern State*. (New York: New York University Press, 1988).

⁹⁷ Marius B. Jansen and Gilbert Rozman, *Overview*, in Jansen and Rozman, eds., *Japan in Transition*, pp. 2—36: 19.

⁹⁸ Интервью с Сибамура.

⁹⁹ Great Osaka, pp. 6—8; *An Outline of Municipal Administration of the City of Osaka, 1930* (Osaka: Osaka Shyakusho, 1930), pp. 9—10.

¹⁰⁰ Akizuki Kengo, *Institutionalizing the Local System: The Ministry of*

Home Affairs and Intergovernmental Relations in Japan», In Kim, Muramatsu, Pempel, and Yamamura, eds., *The Japanese Civil Service...* pp. 337—366: 339.

¹⁰¹ Great Osaka, p. 9.

¹⁰² Интервью с Сибамура.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Автор благодарен профессору политологии Городского университета Осаки Камо Тосио, привлечшему мое внимание к этому примеру во время нашей беседы 11 апреля 1996 года.

¹⁰⁵ Ronald Aqua, *Mayoral Leadership in Japan: What's in a Sewer Pipe?* In Terry Edward MacDougall, ed., *Political Leadership in Contemporary Japan*, (Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan, 1982), pp. 115—126.

¹⁰⁶ Hastings, *Neighborhood and Nation in Tokyo...*, pp. 12—13; T. J. Pempel and Michio Muramatsu, «The Japanese Bureaucracy and Economic Development; Structuring a Proactive Civil Service». In Kim, Muramatsu, Pempel, and Yamamura, eds., *The Japanese Civil Service...* pp. 19—76.

¹⁰⁷ Hastings, *Neighborhood and Nation in Tokyo...* p. 4.

¹⁰⁸ Shibamura Atsuki, «Gyozaisei no Kozo Henka». In Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, *Shinshu Osakashishi* (Osaka: Osaka City Government, 1994), vol. 6, chp. 1, sec. 5, sub 1, pp. 120—134: 124.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Интервью с Сибамура. См. также: Shibamura Atsuki, «Zaisei Kiki no Sinko to Osakashi Zaisei». In Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, *Shinshu Osakashishi* vol. 7, chp. 1, sec. 1, sub. 2, pp. 25—41: 31.

¹¹¹ Akio Hotta, «Shushi jijo to Shichosa no Kensetu», in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, *Shinshu Osakashishi* vol. 6, chp. 1, sec 1, sub, 3, pp. 19—33: 28—29; Nakao Toshimitsu, «Dai-gokai Naikoku Kangyo Hakurankai to Shisei», in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, *Shinshu Osakashishi*, chp. 1, sec. 2. sub. 1, pp. 34—38: 38—39; Nakao Toshimitsu, «Senso to Gyozaisei», in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, *Shinshu Osakashishi*, chp. 1, sec. 2. sub. 2, pp. 48—63: 50—51; Shibamura Atsuki, «Gyozaisei no Kozo Henka», pp. 124, 128—129.

¹¹² Интервью с Сибамура.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. История жизни Икегами весьма примечательна. Сын обедневшего самурая с востока Японии, Икегами участвовал в боях с императорскими войсками на стороне терпящей поражение армии Токугава. Оказавшись в составе проигравшей армии, Икегами отправился в Осаку и поступил на службу в полицию. Он прошел путь от рядового патрульного до начальника полиции города Осаки, должности, которая предшествовала его избранию мэром в 1913 году. Внучка Икегами позже вышла замуж за члена императорской фамилии.

¹¹⁵ Akizuki, *Institutionalizing the Local System...*

¹¹⁶ О возникновении национальных партий в Японии см.: Peter Duus, *Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1968).

Часть II

Успехи и изобилие

Битва за транспорт

Спустя почти четыре десятилетия после эпического противостояния с трамвайным магнатом Чарльзом Тайсоном Йеркесом пятикратный мэр Чикаго Картер Генри Гаррисон-младший вспоминал о борьбе за общественный контроль над транспортными контрактами Чикаго как о величайшей битве своей жизни¹. «Транспортные войны» фактически определяли политическую жизнь Чикаго на протяжении полувека и во многом стали выражением решающей борьбы между частной и общественной концепциями развития города². Только в период с 1901 по 1908 годы чикагские выборщики одиннадцать раз отправлялись к избирательным урнам, чтобы определить статус собственности городских трамвайных путей. И каждый раз – за исключением последнего, решающего референдума – они высказывались за то, чтобы оставить транспортную инфраструктуру в муниципальном владении³.

«Трамвайные войны» в Чикаго были своего рода воплощением попыток метрополиса справиться с собственным бурным ростом: прагматичные политики искали компромиссов и мздоимствовали, когда представлялась возможность; частные инвесторы старались максимально увеличить норму прибыли; профсоюзные лидеры стремились к демократизации трудовых отношений; инженеры строили более эффективные транспортные системы; наконец, рядовые пассажиры просто хотели получить более удобный способ перемещения по огромному городу. Несмотря на громогласные заявления о стремлении к общественному благу, в чикагской битве за транспорт почти не оставалось места для коллективных интересов.

Этот эпизод приводит в замешательство многих исследователей американской истории. Специалисты по транс-

порту прямо указывают на исторический момент, в который системе общественного транспорта Чикаго был нанесен решающий удар, предопределивший ее поражение в конкурентной борьбе с автомобилями и автострадами. Прогрессивно настроенные историки определяют то время, когда финансовая олигархия с Уолл-стрита успешно низвела фундаментальное понятие демократии до уровня мелких раздоров, вызванных соперничеством за потребительские интересы. Согласно более консервативным авторам, те же события трактуются как победа общественных институтов – посредством полумер чикагцам удалось избежать крайнего антагонизма, который повлек бы за собой окончательную победу одних и полный разгром других участников сражения. «Транспортные войны» – лакмусовая реакция, безошибочно определяющая восприятие тем или иным автором данного периода чикагской истории. Более того, «транспортные войны» – это сага, исполненная человеческих страстей и драматических переживаний. Битва за транспорт во втором американском мегаполисе часто выходила за границы города, вовлекая в махинации власти в Спрингфилде (столице штата Иллинойс), и в конце концов достигла седых стен Верховного суда Соединенных Штатов. Возникший вследствие передачи в 1865 году прав на управление городским транспортом в частные руки сроком на девяносто девять лет, вопрос о муниципальном контроле над чикагскими трамваями был историей местных интриг и одновременно отражал конфликт, не утихавший в городской Америке на протяжении всей прогрессивной эры – конфликт, предметом которого стало определение точных контуров частных интересов в сфере общественных услуг⁴.

«Транспортные войны» в Чикаго – это рассказ о подкупе, коррупции и политическом патронаже в условиях раздробленной политической культуры. Однако для этого эпизода политической истории характерны также философские и идеологические противоречия⁵. Многочисленные экономические, социальные, этнические и политические группы Чикаго предлагали совершенно различные решения вопроса о соблюдении частных и общественных интересов в сфере пассажирского транспорта. На одном

полюсе находились сами трамвайные компании, заявлявшие о своих неприкосновенных правах на ведение бизнеса и установление эксплуатационных стандартов; на другом были защитники принципа муниципальной собственности на транспорт, к которым примыкали отличавшиеся все большим радикализмом тред-юнионисты⁶. Следует добавить, что борьба за влияние в сфере общественных услуг происходила тогда во всех больших и малых городах Соединенных Штатов⁷.

«Транспортные войны» в Чикаго, погубившие не одну политическую карьеру, длились так долго именно потому, что ставка в игре была очень высока. Транспортный конфликт почти не оставлял поля для компромиссов, однако общественные деятели, склонные к переговорам и практике плюрализма, сумели найти некую точку равновесия. В частности, это выразилось в доктрине частного владения и общественного контроля в сфере транспорта. Итоги чикагских трамвайных войн доказывают, что в период высокой социальной фрагментации плюралистичная политика способна отстаивать интересы сообщества.

В основе конфликта лежали, разумеется, деньги. Кто выиграет от неудобств чикагского пассажира? В какой мере? Кто в правительстве города и штата обогатится за счет франшизных соглашений? Какими будут проездные тарифы? Какие городские кварталы будут процветать и кто из инвесторов в сфере недвижимости получит к ним доступ? Какие кварталы придут в упадок? Какая связь между транспортными арендными договорами и чрезвычайно выгодными подрядами в сфере газо-, водо-, а позже электро-снабжения⁸? Находчивые предприниматели и продажные политики не упустили ни одной возможности прильнуть к этому источнику изобилия.

«Транспортные войны» в Чикаго с их темными судебными тяжбами, взаимопротиворечащими ревизиями, дикими сценами на заседаниях городского совета и Муниципального собрания штата, подкупом в невероятных размерах и персонажами, достойными шекспировских драм, в буквальном смысле послужили материалом для литературных произведений. Романы Теодора Драйзера «Финансист» (1912) и «Титан» (1914) основаны на истории чикаг-

ского трамвайного магната Чарльза Тайсона Йеркеса. Йеркес Драйзера – «Фрэнк Алджернон Каупервуд – от рождения был прежде всего рассудочным эгоистом, хотя к этим его свойствам в значительной мере примешивалось благожелательное и либеральное отношение к людям. Эгоизм и преобладание умственных интересов, думается нам, благоприятствуют деятельности в различных областях искусства. Финансовая деятельность – то же искусство, сложнейшая совокупность действий людей интеллектуальных и эгоистичных»^{*9}. Для Драйзера Каупервуд был в каком-то смысле олицетворением Чикаго: в «Титане» граница между судьбой главного героя и города постепенно размывается. Драйзер пишет: «Чикаго – город, с развитием которого так неразрывно будет связана судьба Фрэнка Алджернона Каупервуда!.. Город, подобный ревущему пламени, город – символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный Титан, Берне среди городов!»^{**10}.

В глазах Картера Гаррисона-младшего его давний недруг Йеркес обладал блестящим умом, богатым воображением и личным обаянием¹¹. Однако, подобно герою античной трагедии, в незаурядной личности Йеркеса присутствовала темная черта. «В своем надменном цинизме, – пишет Гаррисон, – Йеркес приближал собственное падение. Несмотря на весь его талант и годы общения с высокообразованными людьми, Барон так и не обрел себя»¹².

Гаррисон, в свою очередь, был еще одним замечательным персонажем транспортной саги. Современные критики и некоторые из историков воспринимали его изнеженным, праздным, нерешительным сыном знаменитого отца: тем не менее Гаррисон-младший не только успешно управлял городом (подобно своему отцу он пять раз избирался мэром Чикаго), но и установил некие новые стандарты, по которым можно было судить о деятельности чикагских градоначальников. Гарри Уиллс отмечает, что поведение Картера-младшего можно выразить в кредо, которое вполне применимо и к Ричарду Дейли, и к многим другим пре-

* Перевод М. Волосова.

** Перевод В. Курелла, Т. Озерской.

емникам Гаррисона: «Я использую проходимцев, но сам я не проходимец»¹³.

Гаррисон враждовал не только с Йеркесом. В чикагском вестерне тех лет черные шляпы злодеев не всегда можно было отличить от белых шляп положительных героев. Самым ненавистным врагом Гаррисона был Роджер Салливен, связанный с преступным миром окружной босс, который, в отличие от состоятельного Гаррисона, вовсю использовал политические махинации для личного обогащения¹⁴.

Салливен приехал в Чикаго из иллинойского захолустья в 1879 году, когда ему было девятнадцать, и нашел работу в железнодорожных депо Вест-сайда¹⁵. Обладая незаурядными организаторскими способностями, он кропотливо выстраивал свое дело, в котором бизнес тесно переплетался с политикой, что было весьма характерно для Чикаго того времени. Соучастниками Салливена в прибыльных махинациях с городскими подрядами были республиканский олдермен Мартин Б. Медден и, что самое важное, Джон П. Гопкинс, о котором речь пойдет ниже. Желчный Гарольд Л. Икес называл Меддена, который скончался спустя несколько лет, занимая пост председателя комитета по ассигнованиям конгресса США, «бессовестным предводителем шайки пиратствующих рэкетиров»¹⁶.

Фиктивная «Огден Газ Компани», владельцами которой были Салливен, Гопкинс и Медден, побудила младшего Гаррисона назвать Салливена «газовым человеком» – досадное прозвище, закрепившееся за Салливером на всю оставшуюся жизнь. Все же иногда Салливеру удавалось возвыситься над соображениями чистой выгоды: так, в 1912 году он способствовал выдвижению Вудро Вильсона кандидатом в президенты от демократической партии, а все потому, что сын Салливена, учившийся в Принстонском университете в бытность Вильсона ректором, считал губернатора Нью-Джерси «великим человеком»¹⁷. Страстные любители Чикаго Билл и Лори Грангеры сравнивали Салливена с чикагским гангстером эпохи «сухого закона» Аль Капоне: по их словам, оба они создали «несемейственный синдикат людей, объединенных общими целями»¹⁸.

Гопкинс, избранный мэром после убийства старшего Гаррисона, и Салливер сделали все возможное, чтобы вос-

становить против «машины Гаррисонов» ирландское население Чикаго – их агитация стала особенно яростной после первого избрания младшего Гаррисона на пост мэра. Спустя почти полвека Икес вспоминал, как Гопкинс и Салливен увлекали в свои кабинеты местных журналистов и «поносили Картера Гаррисона на чем свет стоит. И какая же то была сенсационная брань для внимательных ушей! Оказывается, Гаррисон не только оградил их от всякого участия в политической жизни города, но и лишил их приспешников вполне законных прав на подкуп и мздоимство»¹⁹.

«Красивый, холостой и богатый» Гопкинс прибыл в Чикаго из Буффало, штат Нью-Йорк, в возрасте двадцати двух лет²⁰. Он устроился работать в компанию «Пульман Палас Кар» и с головокружительной быстротой прошел путь от рядового табельщика до главного казначея²¹. Вскоре Гопкинс занялся «уличной политикой», которая и вывела его на политическую арену Чикаго. Для Гопкинса местная политика состояла в первую очередь в наживании денег. Однажды он заявил, что городские олдермены могут за сутки без особого труда собрать для собственных нужд миллион долларов²².

Салливен, Гопкинс и их ирландские друзья из Вестсайда сузили этнополитическую базу Гаррисона, мобилизовав, в частности, мощную политическую машину девятнадцатого округа Чикаго во главе с Джонни «де Пау» Пауэрсом. В свою очередь, молодой Гаррисон разрушил планы Салливена стать первым лицом в чикагской демократической партии; в этом Гаррисона поддержали владельцы салунов – исторические сторонники его отца²³.

Гаррисон и Салливен враждовали до самой смерти последнего в 1920 году: так, Гаррисон воспрепятствовал избранию Салливена мэром Чикаго и сенатором США, а Салливен не дал осуществиться сокровенной мечте Гаррисона – стать кандидатом в президенты от демократической партии. По словам Пола Майкла Грина, Гаррисон и Салливен «были политическими противниками и личными врагами. Они не только стремились изгнать друг друга из политики и руководства демократической партии, но и делали все возможное, чтобы унижить и всячески навре-

дить друг другу. Подобно рыцарям на турнирах в феодальной Англии они оскорбляли, поносили и язвили друг друга при всем честном народе. Их дуэли осложняли политическую жизнь в городе и препятствовали созданию единой демократической партии»²⁴.

Салливен был политическим союзником Гопкинса, избранного мэром после убийства Картера Гаррисона-старшего. Гопкинс, в свою очередь, был связан с Йеркесом. Таким образом, молодой Гаррисон и Йеркес, вне зависимости от их личных качеств, были обречены на непримиримую вражду.

Карьера мэра Гопкинса демонстрирует недолговечность политических альянсов в хаотичном мире Чикаго 1890-х годов. Некогда Гопкинс был любимым сотрудником Джорджа Пульмана и жил в пульмановском «образцовом городе» на юге Чикаго. Тем не менее в качестве мэра он стал рьяным защитником рабочего движения и выступал от имени рабочих во время волнений и забастовок на заводах Пульмана в 1894 году²⁵.

Фракционерство и патернализм неотделимы от политической жизни Чикаго того времени: фракционерством страдали обе крупнейшие партии США вплоть до Первой мировой войны, когда единство было достигнуто и в рядах демократов, и в рядах республиканцев²⁶. Сложные переплетения личных связей объясняют, почему такие подручные партийных боссов из низов, как Джон Кафлин «Банщик» и Майкл Кенна «Красавчик», оставались верны концепции реформ и противодействовали Йеркесу, отказываясь принимать его чрезвычайно соблазнительные подношения.

Жажда наживы была одной из основных, но не единственной причиной «транспортных войн». За стремлением к извлечению максимальной прибыли скрывались в том числе острые разногласия в отношении принципов общественного блага и частной выгоды. Распространенное мнение об уместности и эффективности частного владения в сфере общественных услуг привнесло в «транспортные войны» идеологическую составляющую, исключавшую возможность скорого достижения компромиссов²⁷. Как и в других американских городах XIX века, поборники неогра-

ниченного свободного предпринимательства противостояли «муниципальным социалистам», для которых понятия частной выгоды и общественных услуг были совершенно несовместимы²⁸.

Несмотря на поверхностное сходство с войнами за «трамвайные права» в других американских городах, транспортное противостояние в Чикаго имело собственную специфику²⁹. Физические размеры города, быстрота демографического роста, равнинная топография и особенности местного законодательства и правовой системы означали, что история «транспортных войн» в Чикаго, хотя она и показательна для городских политико-экономических процессов в США рубежа веков, достойна отдельного исследования³⁰.

В подтверждение вышесказанного приведем наблюдение Клея Мак-Шейна, который, рассматривая историю городского транспорта, обратил внимание на кажущееся незначительным отклонение чикагской системы от «обычной» практики в американских городах. Согласно Мак-Шейну, в Чикаго, в отличие от других городов, для обеспечения эксплуатационных прав трамвайные компании были обязаны получать разрешение не только от городского совета, но и от владельцев двух третей объектов недвижимости, прилегающих к территории проектируемых маршрутов³¹. Вследствие этого компании были вынуждены вступать в затяжные переговоры с олдерменами городского совета, партийными боссами в избирательных округах и владельцами недвижимости. Неудивительно, что такие переговоры представляли собой клубок самых различных частных интересов. В транспортной истории Чикаго присутствовали все мыслимые оттенки политического спектра – от ревностных сторонников свободной экономики до защитников общественной собственности. Кроме того, интрига развивалась в период, когда выборы городских чиновников происходили каждые два года, что повышало вовлеченность избирателей в транспортный конфликт.

Деньги, идеология, избирательная и карьерная политика сталкивались всегда, когда в центр общественного внимания попадали вопросы, связанные с «трамвайными согла-

шениями». Тысячи переселенцев – новых чикагских горожан – создавали ажиотажный спрос, который не смогла бы удовлетворить и самая развитая транспортная система того времени. Каждый год в городе появлялось столько новых пассажиров, что их не могли бы толком обслужить даже самые благонамеренные транспортные компании, а ведь ни один из чикагских перевозчиков не преследовал гуманитарных целей. Технический прогресс – от конок до кабельной тяги и линий электропередачи – вынуждал к осуществлению срочных, зачастую дорогостоящих проектов, притом что технологические изменения происходили несколько раз на протяжении карьеры одного олдермена или руководящего работника транспортной компании³².

Реформаторы, со своей стороны, видели в развитии трамвайной инфраструктуры возможность рассредоточить население Чикаго, уменьшить заторы и перенаселенность в центре города и создать новые районы для среднего класса и иммигрантов-рабочих на обширных землях прерий³³. Трамваи стали неотъемлемым компонентом социальных реформ, слишком важным, чтобы оставить его на съедение хищническим корпорациям и их продажным политическим агентам³⁴.

«Главным злодеем в политической реальности Чикаго последнего десятилетия XIX и первого десятилетия XX века были трамвайные корпорации», – отмечает Георг Лейденбергер в диссертационной работе 1995 года, посвященной чикагской транспортной политике той эпохи³⁵. «Практически все чикагцы, за исключением разве что транспортных магнатов, – продолжает Лейденбергер, – признавали необходимость противостоять мощи и политическим махинациям трамвайных компаний, однако решения этой проблемы, которые к концу десятилетия предлагали разнообразные политические силы, оказались совершенно различными».

Общественное недовольство состоянием транспортной сферы создало социальную и политическую базу для гражданских реформ, способных изменить баланс политической и экономической власти в городе³⁶. Драйзер оказался прав: полувековые «транспортные войны» в Чикаго были темой высокой драмы.

Аренда на девяносто девять лет

Все началось с довольно невинного эпизода в 1855 и 1856 годах, когда городской совет Чикаго санкционировал эксплуатацию первых в городе трамваев на конной тяге сроком на двадцать пять лет при условии получения управляющими компаниями разрешения от владельцев недвижимости, прилегающей к проектируемым маршрутам³⁷. Разрешения запаздывали, и олдермены изменили правила игры, что стало первым инцидентом в политической борьбе вокруг городского транспорта: городской совет позволил компаниям прокладывать рельсовые пути без согласия владельцев примыкающих зданий. Данный акт был отменен первым из многочисленных судебных запретов, после чего в 1859 году Законодательное собрание штата Иллинойс зарегистрировало Чикагскую компанию городских рельсовых дорог. Эта компания была уполномочена прокладывать рельсовые пути и эксплуатировать конки на любых улицах Саут-сайда и Вест-сайда в течение двадцати пяти лет и с разрешения городского совета. Вскоре после этого Законодательное собрание зарегистрировало Северочикагскую компанию городских рельсовых дорог, а в 1861 году учредило Западничикагскую компанию городских рельсовых дорог, которой перешли права на эксплуатацию рельсовых путей в Вест-сайте³⁸. Эти действия в такой степени смазали границу между общественным и частным сектором, полномочиями штата и города, что судебная тяжба стала неизбежной.

К середине Гражданской войны в Чикаго работали три крупных оператора трамваев на конной тяге (конок), каждый из которых был ответственен за один из географических районов города, образованных излучинами реки Чикаго (то есть области на севере, юге и западе от реки; восточного района не существовало – чикагский «Ист-сайд» покоился под водами озера Мичиган)³⁹. Три компании – Чикагская компания городских рельсовых дорог, Северочикагская компания городских рельсовых дорог и Западничикагская компания городских рельсовых дорог – эксплуатировали конки в соответствии с франшизным (льготным) соглашением со штатом Иллинойс, срок действия

которого истекал в феврале 1884 года⁴⁰. Зимой 1865 года эти три компании, преследуя долгосрочные цели, обратились в Законодательное собрание Иллинойса в Спрингфилде, когда до истечения их франшизных соглашений оставалось от девятнадцати лет до двадцати одного года. Была проведена тайная кампания по продлению действия франшизных соглашений до девяносто девяти лет. Законодательное собрание штата уступило требованиям компаний: это было, по словам Чарльза Мерриэма, политолога Чикагского университета, реформатора, олдермена и кандидата в мэры Чикаго, выдающееся событие в череде мелких предательств⁴¹. Картер Гаррисон-младший, давнишний оппонент Мерриэма, выразился более резко. В 1935 году Гаррисон вспоминал: «Преследуя безобидные на первый взгляд цели, три транспортные компании совместно обратились в Законодательное собрание, добившись продления срока действия франшизных договоров до девяносто девяти лет. То, что акт о продлении был результатом хитроумных махинаций, вполне очевидно, если вспомнить, что его приняли в обход вето, наложенного губернатором Ричардом Йейтсом. То был первый из законов в сфере транспорта, принятых посредством не прикрытого подкупа»⁴².

Как говорится в мемуарах Гаррисона, принятый 6 февраля 1865 года закон продлевал срок действия франшизных договоров на управление чикагскими конками до 1954 года⁴³. Его спешно провели через обе палаты Законодательного собрания еще до того, как чикагские муниципальные чиновники успели приехать в Спрингфилд. Так же быстро (и, несомненно, не без щедрых подношений законодателям) закон преодолел губернаторское вето⁴⁴. Позже губернатор Йейтс утверждал, что ему предлагали 100 тысяч долларов только за то, чтобы он не накладывал на закон вето⁴⁵.

Акт об аренде на девяносто девять лет крайне осложнил политическую ситуацию в сфере транспорта и вызвал общественное негодование⁴⁶. Закон был скверно написан и содержал множество неясностей, чреватых судебным разбирательством. В частности, было совершенно неясно, относятся ли права и льготы трех компаний и их правопреем-

ников только к трамваям на конной тяге. В конце концов закон об аренде на девяносто девять лет, этот плод подкупа и глупости, побудил законодателей внести в 1870 году статью в конституцию штата Иллинойс, согласно которой все франшизные договоры подлежали обязательному одобрению местными властями⁴⁷.

Городские власти проигнорировали закон об аренде на девяносто девять лет, продолжая вести себя так, словно франшизные соглашения истекали в 1884 и 1886 годах. Компании, в свою очередь, делали ставку на продление срока действия франшиз до середины XX века. Тем временем в городе начали работать и другие, менее крупные транспортные компании, а конку постепенно вытесняли трамваи на кабельной тяге. С юридической точки зрения все оставалось неясно.

Впервые Гаррисон-старший был избран чикагским городским головой в 1879 году: в городе тогда проживало 491 516 человек. К тому времени, как он в первый раз покинул кабинет мэра в 1887-м, эта цифра возросла до 760 тысяч душ⁴⁸. Гаррисону-старшему пришлось противостоять разным острым проблемам городской жизни, включая последствия кровавого бомбометания на площади Хей-маркет в 1886 году. Транспорт никогда не входил в число его политических приоритетов.

За год до избрания Гаррисона мэром чикагские власти ввели годовой налог в 50 долларов на каждый городской трамвай⁴⁹. Транспортные компании всеми силами противились введению налога: на решение суда низшей инстанции, благоволившего городу, была подана кассационная жалоба в Верховный суд США. Гаррисон рассудил, что ему не удастся добиться окончательной победы как в этой судебной тяжбе, так и в вопросе о девяностодевятилетней аренде. Потому он решил действовать так, словно ничего не произошло, учитывая, что изначально франшизные договоры на аренду были заключены в 1859 и 1861 годах. Мэр начал переговоры о продлении срока их действия на двадцать лет⁵⁰. Тем временем приближался срок заключения договоров на управление другими муниципальными сетями, в том числе системами газо- и электроснабжения, что создавало благодатную почву для обогащения падких на подкуп олдерменов⁵¹.

В июле 1883 года Гаррисону удалось добиться заключения новых франшизных договоров на городские трамваи: он склонил транспортные компании и чикагских олдерменов к соглашению, по которому компании обязаны были выплачивать годовой налог в 25 долларов с каждого трамвая в течение пяти лет, начиная с 1878 года, после чего налог повышался до 50 долларов. Все действовавшие на тот момент установленные продлевались до 1903 года⁵². Так Гаррисон обеспечил бесперебойную работу трамваев и налоговые поступления и избежал дорогостоящей и непредсказуемой тяжбы в отношении акта об аренде на девяносто девять лет. Для того чтобы выиграть время, он прибег к политике компромиссов. Но времени все равно не оставалось. Услуги городского транспорта необходимо было распространить на окраинные районы, кабельные технологии наступали по всему фронту, пассажирооборот и, соответственно, жалобы горожан росли с каждым днем. Более того, вскоре в Чикаго с Восточного побережья прибыл Йеркес с карманами, лопающимися от денег.

Прибытие Чарльза Йеркеса

Когда в 1880-х годах Йеркес появился в Чикаго, ему было уже за сорок⁵³. В своей родной Филадельфии он успел сколотить и потерять состояние, а в 1871 году отсидел срок за растрату. По единодушным отзывам современников, он был неистов, обаятелен, умен и безнравствен. Летописец Чикаго Стивен Лонгстрит написал однажды, что по сравнению с дерзостью ужасного мистера Йеркеса меркнет слава всех преступных баронов. Йеркесу было присуще мастерство во всем, будь то продажа «разводненных» акций (в одном из эмитированных им траншей акций на сумму 518 миллионов долларов акции на 72 миллиона не имели достаточно обеспечения или вовсе были фиктивными) или подкуп судебных приставов и присяжных, выносивших в делах по возмещению ущерба вердикты против жертв происшествий на трамвайных путях... Дерзость Йеркеса была потрясающей⁵⁴. Йеркес умер в Лондоне в 1905 году, где он участвовал в проекте развития городской подземки.

Для получения займов от филаделфийских и нью-йоркских финансистов Йеркес всю использовал свое обаяние и связи. Он представлял филаделфийский трамвайный синдикат, который финансировали Питер Уайденер и Уильям Элкинс, стремившиеся установить контроль над транспортной системой Чикаго, самого динамично растущего на то время города в Америке да и, пожалуй, в мире⁵⁵. Вскоре Йеркес уже владел контрольным пакетом акций в чикагских трамвайных компаниях: вся его деятельность была направлена на получение максимальной выгоды при минимальном объеме предоставляемых услуг. Среди его акционеров и спонсоров числились представители лучших семей Чикаго⁵⁶. Впрочем, Йеркес не ограничивался трамваями; он был одним из главных игроков на спекулятивном и очень доходном городском рынке газа⁵⁷.

Йеркес делал все возможное, чтобы получить монопольный контроль над трамвайной системой Чикаго⁵⁸. Он стал главным акционером транспортных компаний, работавших в северном и западном округах города. Позже он основал Северную чикагскую трамвайную компанию, которая 24 мая 1886 года получила, сроком на 999 лет, право аренды всей собственности, прав, франшиз и привилегий, принадлежавших компаниям-предшественникам. То же самое он проделал в западном округе, учредив 20 октября 1887 года Западную чикагскую трамвайную компанию. Первого июня 1899 года эти две компании слились в одну – Чикагскую единую транспортную компанию. В конце концов, Западная чикагская компания по строительству уличных и железнодорожных туннелей предоставила его фирмам сроком на те же 999 лет преимущественное право управления туннелем на Джексон-стрит, который находился еще на стадии проектирования.

Вскоре компании Йеркеса внедрили кабельную технологию, интегрировали и упорядочили фрагментированный рынок транспортных услуг в северном и западном округах. К 1898 году Йеркес завершил финансирование, организовал, выстроил и открыл знаменитую надземную рельсовую дорогу вокруг центра города – чикагский Луп. Эта дорога длиной в две мили соединила четыре другие дороги, каждая из которых имела форму буквы L. Первая в городе надзем-

ная рельсовая дорога открылась в Саут-сайде в 1893 году, во время проведения Всемирной Колумбовой выставки. Вскоре последовали другие L, а в 1895 году открылась первая в стране надземная электрическая рельсовая дорога⁵⁹. В 1892—1906 годах в Чикаго было проложено 80 миль электрических рельсовых дорог – то была автономная система, которая функционировала в соответствии с целым сводом законов и постановлений правительственных агентств, в юрисдикции которых находились трамвайные пути⁶⁰. «Юнион Элевейтид» Йеркеса и знаменитая надземная дорога Луп, повторявшая маршрут старых наземных путей, объединили эти рельсовые дороги в единую транспортную систему.

Все это дало повод некоторым поздним комментаторам приписать Йеркесу заслугу модернизации чикагской системы трамвайного сообщения⁶¹. Его методы, однако, основывались на коррупции и торговле необеспеченными акциями, что вряд ли можно назвать тактикой, направленной на развитие городского сообщества. Для простого горожанина Йеркес был дьяволом, который с потрохами купил многих местных политиков. Как бы там ни было, а внешне все выглядело именно так. Достаточно вспомнить, что Де-Витт Крейгер, мэр Чикаго в 1889—1891 годы, ранее служил директором Западной чикагской трамвайной компании Йеркеса⁶².

Компаниям Йеркеса не удалось установить монополию над всем чикагским рельсовым транспортом: к примеру, их влияние не распространялось на Саут-сайд. Тем не менее в 1890-х годах компании Йеркеса господствовали на большинстве из 164 трамвайных маршрутов, которыми пользовались все горожане от мала до велика⁶³.

К началу 1890-х Йеркес, хотя он уже был транспортным бароном, возжелал еще большей власти⁶⁴. Назревала новая битва с политиками-реформаторами. На начало 1890-х годов пришлось самое страшное нравственное разложение как чикагского городского совета, так и законодательных органов штата Иллинойс, что, конечно, лило воду на мельницу Йеркеса⁶⁵. И на уровне штата, и на муниципальном уровне законодатели регулярно продавали свои голоса, в то время как силы реформаторов оставались разрозненными. Транспортная тема оказалась для реформа-

торов именно тем вопросом, который позволил консолидировать гражданское сообщество города. Как будет показано в главе 8 настоящей работы, посвященной рассмотрению предлагавшейся реформы городской хартии, войны за право управления системой трамвайного сообщения, газовыми и электрическими сетями города благоприятствовали развитию и расширению гражданской базы недавно созданных реформаторских организаций, например Лиги муниципальных избирателей⁶⁶.

Законодательные инициативы

Ситуация по-прежнему оставалась неопределенной. Благодаря лизинговым соглашениям, пирамиде из необеспеченных акций и облигаций и хитроумным махинациям Йеркес выстроил собственную транспортную империю. В начале 1890-х годов жители Чикаго, в дополнение к сети пригородных рельсовых дорог, могли воспользоваться услугами восемнадцати трамвайных компаний, в эксплуатации которых находилось 41,95 миль дорог с кабельной тягой, 255,64 мили электрифицированных дорог и 18,46 мили дорог с конной тягой⁶⁷. Дальнейший рост транспортной сети был обусловлен введением в действие надземных рельсовых путей⁶⁸. Тем временем система юридических взаимоотношений, связанных с франшизными соглашениями, оставалась безнадежно запутанной, а правомерность акта об аренде на девяносто девять лет 1865 года еще предстояло доказывать в суде.

В 1895 году трамвайные компании предприняли еще одно наступление: действующий в интересах транспортных магнатов сенатор штата Иллинойс от графства Кук Чарльз Х. Кроуфорд выдвинул законопроект, который давал городским советам право предоставлять трамвайные франшизы на срок до девяноста девяти лет против двадцати лет, оговоренных в действующем законодательстве. Билль Кроуфорда также предусматривал расширение прав и привилегий по существующим арендным договорам, давая арендодателям преимущества в будущих переговорах с муниципальными властями. Билль был одоб-

рен в обеих палатах Законодательного собрания штата, однако губернатор Джон Питер Алтгельд наложил на законопроект вето. Алтгельд заявил: «Я люблю Чикаго и не стану ковать цепь, которая навсегда и безо всякой надежды на спасение привяжет горожан к колесам трамвайных монополий»⁶⁹. Спустя годы Эдвард Ф. Данн, который в должности чикагского мэра и губернатора штата и сам сыграл важную роль в битвах за транспорт, вспоминал о беседе, которая состоялась у него с Алтгельдом в дешевом чикагском ресторане. Согласно Данну, Алтгельд сказал ему, что если бы он [Алтгельд] позволил биллю [биллю Кроуфорда] стать законом, то без малейшего труда и риска для собственной карьеры положил бы в карман 500 000 долларов⁷⁰.

Алтгельд был непоколебим: его не сломили ни финансовые потери, понесенные в результате экономической депрессии 1893 года, ни сложная ситуация в правительстве штата, ни хроническая болезнь⁷¹. Последняя попытка преодолеть губернаторское вето провалилась в стенах нижней палаты Законодательного собрания. Неудавшаяся атака транспортных компаний воспламенила общественность Чикаго: дальнейшие законодательные инициативы уже не могли происходить втайне.

Спустя почти два года, в феврале 1897-го, компании попытались полностью обойти городские власти: сенатор штата Джон Хамфри предложил законопроект, учреждавший комиссию штата из трех человек, в ведение которой переходили все вопросы, так или иначе связанные с регулированием транспортной сферы⁷². Согласно акту Хамфри существующие арендные договоры продлевались на пятьдесят лет, начиная с декабря 1897 года. В законопроекте присутствовала и популистская нота: плата за проезд замораживалась на уровне пяти центов. Транспортные компании не скрывали своей роли в подготовке акта Хамфри. Напротив, в поддержку законопроекта была организована шумная кампания в прессе. Сенат Иллинойса одобрил законопроект, но после месяца публичных слушаний его отказалась ратифицировать нижняя палата.

Компании пришли к выводу, что им не удастся сбросить со счетов городское правительство Чикаго. Они перестали искать защиты у законодателей штата Иллинойс и

перенесли боевые действия в чикагский городской совет, где, как казалось, они смогут «купить» достаточное число олдерменов, чтобы провести любое удобное им постановление. Пожалуй, с точки зрения политической этики этот период был самым позорным в городской истории; чикагские журналисты, а в их числе и Гарольд Икес, ядовито отмечали, что городской совет был выставлен на торги — олдермены только и ждали покупателей⁷³.

Сразу после поражения акта Хамфри делегат нижней палаты Законодательного собрания Иллинойса Г.А. Аллен предложил законопроект, которому суждено было получить название закона Аллена⁷⁴. Ральф Хельман так резюмирует основные положения этого закона: «Закон... предусматривал, что местные власти вправе наделять привилегиями трамвайные компании на срок, не превышающий пятидесяти лет, однако любые даруемые права обуславливались согласием более чем половины владельцев земли, прилегающей к улицам, по которым должны пройти трамвайные маршруты, при том что раз данное согласие не могло быть отозвано. Плата за проезд устанавливалась в размере пяти центов и не могла быть изменена в течение срока действия любого арендного соглашения, в случае же продления любого действующего соглашения, плата за проезд оставалась на уровне пяти центов на протяжении первых двадцати лет. Для новых соглашений плату за проезд устанавливал городской совет, и она не могла превышать пяти центов и не подлежала изменениям в течение двадцати лет»⁷⁵.

Закон Аллена был одобрен обеими палатами и вступил в действие после подписания губернатором Джоном Таннером в июне 1897 года. Спикер нижней палаты Законодательного собрания отсутствовал при проведении решающего голосования, сославшись на то, что страдает от карбункула⁷⁶.

Комиссия Гарлана

С принятием закона Аллена в Спрингфилде действие вновь перенеслось в Чикаго. В течение двух недель роль главного переговорщика выполнял олдермен городского

совета, реформаторски настроенный республиканец Джон Мейнар Гарлан (сын судьи верховного суда Соединенных Штатов Джона Гарлана и отец другого будущего судьи — также Джона Гарлана). Гарлан, бывший знаменитый центрфорвард студенческой футбольной команды в Принстоне, был шести футов ростом и отличался подчеркнуто изысканными манерами — сегодня это назвали бы надутостью⁷⁷. Тем не менее в местных республиканских кругах у него была устойчивая репутация реформатора.

Местный республиканский босс Уильям Лоример — «белокурый босс» Чикаго — был главным противником Гарлана внутри партии и заклятым врагом республиканского реформатора Мерриэма⁷⁸. Лоример, чья семья эмигрировала из английского Манчестера во время депрессии 1865 года, начинал свою карьеру в речном (шестом) округе чикагского Вест-сайда, пройдя путь от работника прачечной и разносчика угля до помощника крупье и фасовщика на мясоперерабатывающем заводе. В 1880 году он получил должность в трамвайной компании и оттуда вошел в организационные структуры Республиканской партии. К середине 1890-х Лоример стал самым влиятельным лидером республиканцев в графстве Кук: на это время пришелся массовый переход американцев из Демократической партии в стан республиканцев, вызванный паникой 1893 года. Джон Фермер Хамфри, предложивший злосчастный законопроект Йеркеса в сенат Законодательного собрания Иллинойса, был человеком Лоримера.

Дважды, в 1895—1901 и в 1903—1909 годы Лоример заседал в палате представителей конгресса США. В 1909 году Генеральная ассамблея штата Иллинойс избрала его в сенат США. В 1812 году Лоримера выгнали из сената в результате расследования, которое показало, что белокурый босс купил голоса иллинойсских законодателей, обеспечивших ему прохождение в высший законодательный орган власти страны. В Чикаго изгнанного сенатора встретили как героя — царский прием устроил Лоримеру его набирающий силу протеже, будущий мэр Чикаго и дружок Аль Капоне Большой Билл Томпсон.

Тем временем Гарлан уступил Картеру Гаррисону во время напряженных выборов градоначальника 1897 года.

Гарлан провел активную избирательную кампанию на местах, однако не получил поддержку боссов своей родной республиканской партии⁷⁹. Сразу после выборов Гарлан предложил городскому совету учредить комиссию из пяти человек, ответственную за изучение состояния трамвайных франшиз. Комиссия Гарлана произвела на свет исчерпывающий отчет, который был представлен вниманию городского совета 28 марта 1898 года⁸⁰. Политическая обстановка в городе накалилась до предела⁸¹.

Выборы 1898 года в законодательные органы города и штата оказались катастрофичными для Йеркеса и сторонников закона Аллена. В Законодательное собрание штата не прошли более десятка сенаторов и шестьдесят четыре члена нижней палаты, голосовавших за закон Аллена⁸². Кроме того, сорок два из шестидесяти восьми мест в чикагском городском совете заняли противники Йеркеса, что драматическим образом изменило баланс сил⁸³. В совет были избраны девятнадцать олдерменов из насчитывавшего двадцать одну кандидатуру списка, который был представлен Лигой муниципальных избирателей – в городском совете образовалась сильная фракция сторонников реформ⁸⁴. Гаррисон-младший постигал механизмы власти, доступные ему как мэру города. Гаррисон ненавидел Йеркеса, который, как упоминалось ранее, был тесно связан с Роджером Салливаном, главным соперником Гаррисона в чикагской демократической партии.

Близилась кульминация «транспортных войн»: решающие сражения должны были произойти на трех фронтах. Во-первых, олдермен Гарлан и четверо его коллег по недавно учрежденной комиссии Гарлана пристально изучали всю доступную информацию, относящуюся к истории чикагских транспортных соглашений. Во-вторых, представители Чикаго добивались отмены закона Аллена в Спрингфилде. В-третьих, Йеркес и его союзники делали все возможное, чтобы получить одобрение нового пакета транспортных соглашений непосредственно от чикагского городского совета.

В отчете комиссии Гарлана содержалось подробное, всестороннее исследование транспортных соглашений: особое внимание уделялось вопросам капитализации, доходов, дивидендов, арендных договоров, привилегий транспортных

компаний и обслуживания пассажиров. Отчет заложил основу для последующих прений в городском совете и предоставил реформаторам столь необходимую информацию об их оппонентах⁸⁵. Гарлан и его коллеги, безусловно, сыграли позитивную роль в дальнейшем развитии транспортной политики города. Комиссия Гарлана стала прообразом учрежденной в декабре 1899 года трамвайной комиссии городского совета и ее правопреемника – влиятельного комитета по местному транспорту, который был создан в мае 1901 года⁸⁶.

Эти законодательные комиссии доказали, что усилия, направленные на поиск общей позиции, служат интересам городского сообщества больше, чем постоянные пререкания четырех предшествующих десятилетий. Например, отчет трамвайной комиссии 1900 года предусматривал возможность создания юридической базы для передачи трамвайной инфраструктуры в муниципальную собственность, но не призывал к немедленному учреждению муниципального управляющего органа. В отчете говорилось: «По сути, комиссия твердо придерживается того мнения, что в настоящее время было бы неразумно передавать городские рельсовые пути в управление муниципалитету. Кроме того, у комиссии нет никаких оснований считать, что горожане Чикаго, если бы им была предоставлена возможность выразить свое мнение по этому вопросу на референдуме, согласились бы на немедленное муниципальное управление»⁸⁷.

После выборов 1898 года отмена закона Аллена представлялась довольно легким делом. В марте 1899 года Законодательное собрание аннулировало закон подавляющим большинством голосов. После отмены закона Аллена трамвайные битвы вновь перенесли в городской совет Чикаго. Неумолимо приближался срок истечения двадцатилетних транспортных франшиз 1883 и 1884 годов; стороны готовились к решающему заседанию чикагского городского совета⁸⁸.

Петли в зале городского совета

После подкупа целого ряда партийных боссов и олдерменов Йеркес и его коллеги были почти уверены, что добьются продления арендных договоров на собственных ус-

ловиях. Джон Пауэрс («Джонни де Пау») из итало-ирландского девятнадцатого округа Чикаго, человек Йеркеса в городском совете, гордился своей репутацией «короля взяточников»⁸⁹. Олдермен «де Пау» – союзник Салливена – ненавидел Гаррисонов, отца и сына, которые возглавляли умеренно реформаторскую фракцию в демократической партии, ограничивавшую поле деятельности короля подкупа. Пауэрс считали «хладнокровным, хитрым и совершенно неразборчивым в средствах» политиком, при этом он слыл «добрым и веселым товарищем»⁹⁰. «Вообразите себе приземистого, коренастого мужчину с седой прической помпадур, – писала газета «Аутлук» в 1898 году, – гладко выбритым лицом, тяжелыми чертами и беспокойными глазами, который дежурит перед зданием городского совета с поднятым кулаком, норовя поставить синяк под глазом мэру, и вы получите достоверный портрет «Джонни» Пауэрса»⁹¹. Пауэрс управлял своим «королевством» с помощью кнута и пряника. Однажды во время собрания в девятнадцатом округе шайка его молодчиков даже угрожала стащить с трибуны Гарлана, но «мускулистый» Гарлан только смерил их взглядом и заставил замолчать.

У Гаррисона были свои подозрительные союзники – среди них особенно выделялись «Банщик» Кафлин и «Красавчик» Кенна⁹². Возможно, было бы утешением рассматривать победу Гаррисона над Йеркесом в городском совете как победу реформ над коррупцией. Однако дело обстояло не так просто. Как пишет Пол Майкл Грин, «было бы ошибкой противопоставлять, в чикагской истории, хороших парней (реформаторов) плохим парням (политикам). Семья Гаррисонов, например, принадлежала к обоим лагерям»⁹³.

В те годы Гарольд Л. Икес, позже ставший «наемником» Франклина Делано Рузвельта в Белом доме, работал репортером и приобретал первый опыт в чикагской политике. Он исследовал все ходы и выходы местной фракционной политической машины и считал Гаррисона достойным человеком. «Никто и никогда не обвинял его в мздоимстве, – писал Икес в автобиографии. – Однако партийная машина демократов, возглавляемая Бобби Бер-

ком, была весьма малопривлекательным институтом. То была политическая клоака, и истребить исходившую из нее вонь не представлялось возможным»⁹⁴. И Гаррисон, и Кафлин, и Кенна были частью этой системы.

Кафлин и Кенна остались верны Гаррисону, несмотря на соблазнительные предложения запрыгнуть на боевую колесницу Йеркеса. Отчасти их преданность мэру объяснялась собственными конфликтами с «де Пау», Салливерном и им подобными. Однако, как отмечал историк Эдвард Кантович, если бы «Гаррисон был совершенным циником, он бы не занял столь открытую и недвусмысленную позицию»⁹⁵.

Гаррисон пользовался широкой поддержкой и в более уважаемых кругах. Издатель «Дейли ньюс» Виктор Лоусон был, пожалуй, самым упорным противником Йеркеса⁹⁶. Впрочем, разоблачительные статьи о транспортной империи Йеркеса печатались и в «Чикаго Трибюн» Джозефа Медилла, и в «Чикаго Таймс-Геральд» Герримана Кольсаата⁹⁷.

Гаррисон с помощью своих союзников Кенны и Кафлина опрокинул планы Йеркеса на продление франшизных договоров во время бурного заседания городского совета, которое состоялось в середине декабря 1898 года⁹⁸. Позже Гаррисон вспоминал, что это захватывающее заседание прошло при огромном стечении народа⁹⁹. Балконы зала заседаний были забиты до отказа: в первых рядах сидели сторонники Гаррисона, которые в ключевые минуты прений спускали с перил балконов веревки с петлями. Мэр Гаррисон и сам вышел на трибуну, размахивая веревкой вешателя; народ скандировал: «На виселицу их! На виселицу!»¹⁰⁰ Перед зданием городского совета маршировал немецкий оркестр, исполняя патриотические марши. За ним следовала толпа горожан с факелами и дубинами. Поминутно сверкали вспышки фотографов¹⁰¹.

Для Йеркеса XIX век закончился чередой поражений: в декабре 1898 года его разгромили сторонники Гаррисона в чикагском городском совете, а в марте следующего года – противники закона Аллена в законодательном собрании штата в Спрингфилде. Вскоре «транспортный барон» навсегда покинул Чикаго. Гаррисон оставался в кресле мэра до 1905 года, а затем прослужил чикагским градоначаль-

ником еще четыре года – с 1911-го по 1915-й. Гаррисон, впрочем, никогда не пытался окончательно разрешить транспортную проблему, предпочитая, по-видимому, вкушать плоды своей победы над Йеркесом¹⁰².

Во многих отношениях единственным победителем на данной стадии «транспортных войн» был олдермен Гарлан. Его комиссия доказала преимущества взвешенного и менее эмоционального подхода к решению сложных технологических, инженерных и правовых вопросов, связанных с регулированием транспортной инфраструктуры¹⁰³.

Честный судья Данн

С уходом Йеркеса и затишьем в законодательных битвах с транспортными компаниями в Спрингфилде и Чикаго внимание общественности обратилось к возможности возвращения трамвайных путей в муниципальное управление. Политический авторитет Гаррисона таял на глазах: он нехотя признал это, отказавшись выставить свою кандидатуру на выборах 1905 года¹⁰⁴.

Тем временем в Чикаго начинало формироваться радикальное движение «нового юнионизма». В 1902 году Джон Фитцпатрик и группа молодых прогрессивных реформаторов взяли под контроль Чикагскую федерацию труда, устранив от руководства клику коррумпированных профсоюзных чиновников¹⁰⁵. Под руководством Фитцпатрика, который возглавлял федерацию до своей смерти в 1946 году, местные тред-юнионы превратили концепцию муниципальной собственности в средство борьбы с засильем корпораций.

Георг Лейденбергер полагает, что возвращение транспортной темы в передовицы чикагских газет было заслугой городского «нового юнионизма»¹⁰⁶. В движении за муниципализацию прогрессисты из среднего класса постепенно уступали место недавно организовавшимся в профсоюзы учителям начальных школ, водителям городского транспорта, перчаточникам и типографским наборщикам. Люди этих профессий становились главной силой Чикагской федерации труда. Усилия юнионистского движения, направленные на объединение различных неорга-

низованных групп рабочих, превращали Чикаго в «тред-юнионистскую столицу мира», где профсоюзы объединяли представителей всех рабочих профессий, обоих полов и, в известной степени, всех рас. Вопрос о муниципальной собственности позволил юнионистам требовать установления новых демократичных отношений между капиталом и обществом, не ограничиваясь традиционной парадигмой отношений между нанимателями и рабочими.

Местные компании яростно обрушились на «муниципалистов», в особенности когда Чикагская федерация труда начала проводить объединенные пикеты. В диссертационной работе 1929 года, посвященной умирению рабочего движения в Чикаго, Гарольд Бартон Майерс утверждал, что «вряд ли найдется много городов, где противоборствующие стороны в трудовых конфликтах действовали с такой же необузданностью, жестокостью и беспринципностью, как в Чикаго»¹⁰⁷. Рассмотрев более двух десятков крупных забастовок, имевших место в Чикаго с 1877 по 1925 годы, Майерс заключает, что «после 1898 года наступила эпоха промышленного благоденствия. Тред-юнионы быстро росли, и с 1902 года для Чикаго начался период самых напряженных в истории забастовок. В 1902—1906 годах город пребывал в постоянном смятении. Хотя забастовки не были столь многочисленными, как в 1886 году, последствия стачек этого периода оказались гораздо более серьезными»¹⁰⁸.

Майерс также отмечает, что «апатия, недостаток опыта и некомпетентность прокуроров и судей окружных судов, а также неспособность чикагского мэра и различных чиновников города и штата должным образом исполнять свои обязанности были проявлениями общей проблемы, выражавшейся в неэффективности и коррумпированности местного правительства»¹⁰⁹.

Стачка транспортных рабочих Саут-сайда в конце 1903 года всколыхнула весь город, после того как мэр Гаррисон бросил на забастовщиков силы полиции¹¹⁰. Эдвард Данн был виднейшим политиком города, выражавшим взгляды реформаторов-юнионистов по целому ряду вопросов, включая транспортный конфликт. Противостояние рабочих и капиталистов достигло наивысшей точки во время ожесточенной забастовки 1905 года, инициаторами кото-

рой были водители грузового транспорта, выступавшие против учреждения «открытых» предприятий (то есть предприятий, учреждаемых без коллективного договора с профсоюзом). Притом что трудовые конфликты в Чикаго отражали общеамериканские тенденции рабочего движения той эпохи, они отличались особой жестокостью. То, что наниматели опирались на штрейкбрехеров афроамериканского происхождения, которые, впрочем, и не могли бы вступить в «белые» профсоюзы, на целое поколение отравило расовые отношения в Чикаго и привело к разрушительным расовым конфликтам в будущем. Первые сражения в чикагских трудовых войнах остались за хозяевами – в борьбе с тред-юнионами наниматели оставались победителями вплоть до окончания Первой мировой войны¹¹¹.

Судья Эдвард Ф. Данн, горячий приверженец муниципальной собственности в сфере общественных услуг, был избран мэром Чикаго в апреле 1905 года во многом благодаря поддержке пролетариата. В то же время Данн представлял интересы растущего слоя зажиточных ирландских горожан¹¹². Казалось, что окончательное разрешение транспортной проблемы не за горами.

Данн пришел к власти как ревностный поборник принципов муниципальной собственности на всех предприятиях сферы общественных услуг, включая транспортную систему¹¹³. В марте 1902 года он заявлял: «Я без тени сомнения поддерживаю идею о муниципальном владении и управлении на чикагских предприятиях трамвайного транспорта, телефонной сети, газо- и электроснабжения, при условии что ими всегда управляет честная и строгая гражданская служба. Общественность требует, чтобы системе управления этими коммунальными услугами были присущи два признака: во-первых, эффективность и комфорт; во-вторых, тарификация по минимальной цене, сопоставимой с надлежащим уровнем эффективности и комфорта»¹¹⁴.

Данн победил на выборах, опередив олдермена-республиканца Джона Гарлана всего на 35 тысяч голосов: по сути, выборы чикагского мэра 1905 года можно с полным правом назвать референдумом о муниципальном владении городским трамвайным транспортом¹¹⁵. Гарлан давно лелеял мечту занять кресло чикагского мэра, в особенности

после того, как он с небольшим отрывом проиграл Гаррисону на выборах 1897 года. Однако лидеры республиканской партии не смогли простить ему «прошлых раздоров»¹¹⁶. Поражение Гарлана на выборах не в последнюю очередь объяснялось его враждой с местной политической машиной республиканской партии, возглавляемой «Белокурым боссом» Лоримером¹¹⁷.

Пятидесятидвухлетний Данн, бывший окружной судья, был сыном ирландских иммигрантов¹¹⁸. Большую часть жизни он провел в Иллинойсе, за исключением краткого периода студенчества в Тринити-колледже в Дублине, где он не смог закончить обучение из-за тяжелых финансовых потерь, которые его семья понесла в Штатах. Современники считали Данна честным и разумным, но несколько упрямым человеком. Пол Майкл Грин отмечал, что у Данна не было «ни организационного таланта Салливена, ни способности Гаррисона вселять в людей чувство преданности»¹¹⁹. Все же не следует воспринимать Данна непоколебимым сторонником реформ, так как его успех на выборах мэра Чикаго в 1905-м и губернатора штата Иллинойс в 1912 году основывался на союзе с «королем подкупа» Салливаном¹²⁰.

Двухлетнее пребывание Данна на посту мэра запомнилось как сложное время в чикагской истории: радикальные реформаторы оказались неспособны эффективно управлять городом. Кстати, Данн был последним мэром, избранным на двухлетний срок. В ноябре 1905 года было принято постановление о четырехлетнем сроке для градоначальников, и в апреле 1907 года чикагский мэр избирался уже на четыре года¹²¹.

При мэре Данне Чикаго считался «самым радикальным городом Америки», в котором правил мэр-«социалист», населивший городское правительство «длинноволосыми друзьями и стриженными женщинами»¹²². Его неослабные усилия, направленные на возвращение трамвайной инфраструктуры под контроль муниципального правительства, привели к окончанию транспортных войн. Апеллируя к сторонникам муниципализации, этнокультурным и классовым сегментам города, Данн в 1905 году сумел мобилизовать демократическую партию Чикаго и создать собственную электоральную базу. Даже такой циничный обо-

зреватель, как Икес, признавал, что Данн со всей искренностью пытался сдержать свои обещания¹²³. Язык, на котором Данн говорил с местной властной элитой, был смесью лексики передового католического социализма и популистской демократической риторики¹²⁴. В конце концов его администрацию постигла неудача.

Более поздние обозреватели, например историк Джон Д. Бункер выражали сомнение, что Данн вообще мог достичь успеха своей транспортной реформы. «Представляется маловероятным, – писал Бункер, – что большинство чикагских избирателей когда-либо единодушно поддерживали концепцию немедленной передачи транспортной системы в муниципальное владение»¹²⁵. Хотя казалось, что транспортная тема претерпевает дальнейшую поляризацию между демократичными идеалистами и деловыми прагматиками¹²⁶, инициативы Данна способствовали поиску компромиссов. Именно в бытность его мэром началась деятельность транспортных комиссий городского совета, выросших из комиссии Гарлана.

Комиссия городского совета немедленно принялась исследовать возможность передачи городского трамвайного транспорта в муниципальную собственность¹²⁷. В частности, комиссия вновь рассмотрела акт об аренде на девяносто девять лет, правомерность которого никогда не обсуждалась в суде. Многие вопросы оставались нерешенными – так, было непонятно, следует ли соотносить акт об аренде на девяносто девять лет только с транспортом на конной тяге. К 1901 году олдермены городского совета прониклись таким уважением к работе комиссии, что она была преобразована в постоянно действующий орган, в юрисдикцию которого входил весь местный транспорт. Новообразованный комитет местного транспорта оставался важнейшим органом чикагской транспортной политики вплоть до Второй мировой войны¹²⁸.

От Аллена до Мюллера

Одним из первых шагов комиссии по делам местного транспорта стал инженерный отчет, заказанный Бюну

Дж. Арнольду. В отчете должны были содержаться все финансовые и научные факты, практические выкладки и статистические данные, относящиеся к существующей системе трамвайного сообщения, а также описание предлагаемых мер по расширению транспортной сети города¹²⁹. Отчет Арнольда, работа над которым завершилась 19 ноября 1902 года, внес существенный вклад в развитие дискуссии о судьбе городского транспорта¹³⁰. Во-первых, в отчете излагался рассчитанный до 1930-х годов план действий по проложению новых маршрутов. Во-вторых, здесь подчеркивалась желательность и практическая целесообразность уничтожения, в контексте трамвайных перевозок, границ между северным, западным и южным округами города. В-третьих, горячо защищался принцип единых проездных тарифов во всей системе трамвайного сообщения. В-четвертых, была доказана финансовая состоятельность плана передачи существующей транспортной сети в муниципальное управление. В-пятых, некоторые из наиболее конфликтных вопросов были переведены в инженерное русло – отныне заниматься ими должны были не политики, а специалисты. Таким образом, Арнольд создал политическое пространство для компромиссов¹³¹.

Тем временем реформаторски настроенная Гражданская федерация Чикаго заказала собственный отчет о состоянии транспортной системы. После отмены закона Аллена Гражданская федерация потребовала, чтобы Йеркес и другие владельцы транспортных компаний открыли свои бухгалтерские книги для полной аудиторской проверки. Владельцы повиновались¹³². Всестороннее исследование, проведенное Мило Рой Молтби и Эдмундом Ф. Бардом, выявило хитроумную финансовую систему транспортных компаний¹³³. Усилиями Молтби и Арнольда структура трамвайного транспорта Чикаго стала прозрачной для общественности¹³⁴. Компании, в свою очередь, охотно шли на уступки реформаторским группам из среднего класса, чтобы не пасть жертвой радикального рабочего движения. Невыясненными оставались многие юридические вопросы, в частности статус соглашений об аренде на девяносто девять лет.

К этому же времени относится укрупнение транспортных компаний: в новосозданную Объединенную чикаг-

скую трамвайную компанию «Чикаго Юнион Трекшн Компани» вошли Северная и Западная чикагские трамвайные компании. Трамвайная инфраструктура Саут-сайда осталась вне новой компании. Во время формирования «Чикаго Юнион» вновь приобрели актуальность нерешенные юридические вопросы, в частности правомерность акта об аренде на девяносто девять лет на территориях, присоединенных к городу Чикаго после принятия этого закона. Решения судов низшей инстанции допускали двойное толкование, и в 1905 году тяжба дошла до Верховного суда Соединенных Штатов. Вердикт Верховного суда от 12 мая 1906 года поддержал позицию городских властей, и тем самым муниципалитет получил практически неограниченный контроль над трамвайной инфраструктурой города (за исключением нескольких путей в западном и южном округах)¹³⁵. Акт об аренде на девяносто девять лет был похоронен навсегда.

Основной правопреемник империи Йеркеса – Объединенная чикагская трамвайная компания – была передана во временное управление. Управляющие добились продления арендных соглашений на двадцать лет (так называемые Временные предписания 1904 года), подлежащие пересмотру после разрешения различных юридических споров¹³⁶. Противоборствующие в транспортном конфликте стороны начали искать компромиссы.

В мае 1903 года Законодательное собрание штата Иллинойс обеспечило еще одно неперемное условие для окончания «транспортной войны»¹³⁷. Принятый в этом месяце закон Мюллера давал городам Иллинойса, включая Чикаго, право владеть трамвайными путями и эксплуатировать их как непосредственно, так и через лизинговые соглашения. Однако закон оговаривал, что городские власти имеют право взять транспортную сферу под свой контроль только после одобрения этой меры тремя пятими избирателей. В целях передачи транспорта в ведение городов муниципальным властям было позволено брать займы¹³⁸. Чикагский городской совет отреагировал немедленно, и 5 апреля 1904 года избиратели одобрили приобретение городом трамвайных путей в соответствии с положениями закона Мюллера¹³⁹.

Таким образом, ко времени вступления мэра Данна в должность все было готово к передаче транспортной системы в ведение муниципальных властей. Выставляя свою кандидатуру на пост мэра, Данн обещал действовать безотлагательно. «Муниципальное владение и управление – не пустая мечта, – возглашал он. – Мы не должны рассматривать муниципальное владение как некую абстракцию... Нам известно, что везде, где был осуществлен этот принцип, муниципальное владение пользуется безоговорочной поддержкой общественности и привело к снижению стоимости проезда, более быстрому и эффективному обслуживанию и росту заработной платы транспортных служащих»¹⁴⁰. Юридические и правовые препоны были преодолены благодаря законодательным инициативам, завершилась работа над технико-экономическим обоснованием проекта, вот-вот должны были вступить в силу финансовые соглашения. Пришло время действовать.

Побуждаемый Данном, городской совет одобрил эмиссию «трамвайных сертификатов» на сумму 75 миллионов долларов, которые в соответствии с законом Мюллера позволили бы городу осуществить покупку существующих путей¹⁴¹. В апреле 1906 года эмиссия этих облигаций была одобрена на референдуме чикагскими избирателями. Муниципализация трамваев казалась неизбежной, в особенности с приходом к власти мэра, который так ревностно защищал идею муниципального владения. Важную роль в чикагской кампании за муниципализацию сыграли Чикагская федерация труда и видный общественный деятель Уильям Рэндольф Херст, ранее баллотировавшийся на пост мэра Нью-Йорка от Лиги муниципальной собственности¹⁴². Тем временем качество услуг, предоставляемых чикагским трамвайным транспортом, ухудшалось чуть ли не с каждым днем.

«Самые грязные в мире трамваи»; «Тысячи на остановках; вагоны забиты до отказа»; «Превратим чикагцев в сардины»; «Да здравствует скверный общественный транспорт!» – такие заголовки то и дело появлялись в «Чикаго Трибюн»¹⁴³. Старая газета Йеркеса «Интер-Оушн» была более благосклонна к транспортным компаниям, но обрушивалась на политиков. Ее передовицы воз-

глашали: «Городской совет требует, чтобы транспортная проблема была решена за месяц»; «Суд затягивает транспортный узел»; «Толпа с веревками угрожает городскому совету»¹⁴⁴. Чикагцы негодовали и требовали конкретных действий. Каждый день в утренние и вечерние часы «пик» возмущение городских жителей достигало предела.

Никогда раньше идея муниципальной собственности на транспорт не пользовалась такой поддержкой у избирателей, однако настроения горожан непостоянны. В отличие от Данна, который из идеологических соображений выступал за муниципализацию всей сферы общественных услуг, чикагские пассажиры всего лишь стремились к созданию более эффективной транспортной системы. Потому горожане были готовы поддержать любой план, способный облегчить их участь.

После одобрения на референдуме эмиссии оговоренных законом Мюллера сертификатов мэр Данн изложил программу дальнейших действий по муниципализации в письме от 27 апреля 1906 года, адресованном председателю комитета по местному транспорту Чарльзу Верно¹⁴⁵. В «письме Верно» подчеркивалось намерение Данна осуществить «скорейшее и всестороннее улучшение» трамвайного транспорта посредством его муниципализации¹⁴⁶. Мэр предлагал компаниям повысить качество услуг перед продажей транспортной инфраструктуры городу. Во главе рекомендованного Данном списка улучшений стояли унификация услуг, предоставляемых различными компаниями, и создание сети единых перевозок¹⁴⁷. Данн также настоятельно просил комитет Верно начать переговоры о выкупе транспортной сети городом.

Следуя духу и букве письма, Верно немедленно начал переговоры, однако их результаты заметно отличались от исхода, ожидаемого Данном¹⁴⁸. Как это случалось в истории муниципального управления, выводы, к которым приходят команды профессиональных экспертов, нередко отличаются от заключений политиков¹⁴⁹. Пятнадцатого января 1907 года после месяцев напряженной, сложной и порой обескураживающей работы эксперты Верно представили вниманию городского совета проекты двух предписаний¹⁵⁰. Согласно последним транспортные компании

получали транспортные франшизы сроком на двадцать лет при условии немедленного ремонта подвижного состава и соблюдения эксплуатационных стандартов, оговоренных в проектах соглашений между городом и владельцами компаний. Компании предоставляли городу 5 миллионов долларов для начала работ по строительству подземки в центре Чикаго, владельцем которой будет город¹⁵¹. Новообразованный инженерный совет должен был осуществлять надзор за деятельностью компаний, в частности за соблюдением установленных стандартов, включая ежегодную прокладку новых путей в оговоренном объеме¹⁵². Таким образом, комитет Верно предлагал компромисс, при котором частная собственность сочеталась с общественным контролем. Взбешенный Данн наложил вето на предписания, однако 11 февраля 1907 года городской совет преодолел вето 57 голосами против 12¹⁵³. Теперь судьба «транспортных войн» должна была решиться чикагскими избирателями на референдуме.

Знаменательный для Чикаго день выборов – 2 апреля 1907 года – оказался черным для мэра Данна. Во-первых, он проиграл на выборах мэра Фреду А. Бюссу («Толстяку Фредди»): за действующего мэра проголосовало 151 779 чикагцев, за республиканского кандидата – 164 702 горожанина, а 19 449 голосов были отданы другим кандидатам; во-вторых, Компромиссные предписания, против которых так яростно выступал Данн, были приняты большинством избирателей: 167 367 голосов «за» и 134 281 – «против»¹⁵⁴. Муниципализация трамвайных компаний, которая казалась решенным делом во время вступления Данна в должность, стала практически неосуществимой. Последний гвоздь в гроб муниципального владения был вбит через шесть дней после выборов: Верховный суд Иллинойса постановил, что эмиссия транспортных сертификатов на сумму 75 миллионов долларов, планировавшаяся в соответствии с законом Мюллера, была неконституционной, так как при эмиссии задолженность города вышла бы за пределы, предусмотренные конституцией штата¹⁵⁵.

Поражение Данна было полным и отчасти объяснялось его упрямством. Данн и один из его транспортных советников, Кларенс Дарроу, не допускали компромиссов¹⁵⁶.

Они отвернулись от политики прагматического плюрализма и, по сути, наказали себя сами. В воспоминаниях Данн пишет, что оставил «кабинет мэра с чистой совестью, чистыми руками, твердым сердцем и сознанием того, что ни в чем не обманул доверия людей. Я выполнил свой долг и не нарушил ни единого обещания»¹⁵⁷.

Впоследствии Данн стал успешным губернатором Иллинойса: в 1912 году его как демократа из лагеря Вудро Вильсона избрали губернатором штата при широкой поддержке рабочих и не без содействия давнего врага Гаррисона – партийного босса Роджера Салливена¹⁵⁸. Столь ненавистные Данну Компромиссные предписания были приняты в результате одной из самых широких агитационных кампаний в истории Чикаго¹⁵⁹. Выборы на пост главы города 1907 года Данн проиграл ничем не примечательному республиканцу из фракции Лоримера – «Толстяку Фредди» Бюссу¹⁶⁰. Бюсс победил на выборах, несмотря на то что не мог лично принимать участие в избирательной кампании – незадолго до ее начала он попал в железнодорожную катастрофу. Политической базой Бюсса был населенный немцами чикагский район Норт-сайд¹⁶¹.

Приземистый и тучный Бюсс был «грубым и нечестивым» «сверхштатным партийным политиком» из Норт-сайда, бывшим казначеем и сенатором штата¹⁶². В его округ входили чикагский «Золотой берег» у Лейк-шор-драйв и прилегающая территория, «преимущественно застроенная трущобами, обезображенная салунами, игорными домами и борделями»¹⁶³. Именно в этой «переходной зоне» на запад от Кларк-стрит Бюсс чувствовал себя уютнее всего. Его «естественной средой обитания были дешевые ресторанчики. Он был хулиганом из забегаловки»¹⁶⁴. Проницательный Гарольд Икес отмечает, что стратегия Бюсса состояла в том, чтобы казаться «грубоватым, но действенным политиком», одновременно убеждая своих богатых сторонников в приозерном районе, что ему «не чужды проблемы и устремления тех, кто рожден в пурпуре»¹⁶⁵. Бюсс разительно отличался от своего предшественника – догматичного судьи-мэра Данна.

Непримиримость Данна в транспортном вопросе, несмотря на некоторые разногласия перед принятием Ком-

промиссных предписаний, открыла дорогу для компромисса между комитетом по местному транспорту и трамвайными компаниями. Уолтер Фишер, еще один транспортный советник Данна, активно участвовал в выработке условий соглашения. (Позже Фишер стал секретарем по внутренним делам в администрации Тафта.)¹⁶⁶ Деятельность комитета поддержали и другие видные общественные деятели Чикаго – в частности, Гаррисон, Икес, Арнольд и знаменитый тренер футбольной команды Чикагского университета Амос Алонсо Стегг. Коалиционная политика привела к окончанию полувекового конфликта, состоявшего в выявлении приемлемых границ общественного блага и частной выгоды.

Согласно так называемым Компромиссным предписаниям был создан Инженерный совет, во главе которого стал Арнольд. В глазах подавляющего большинства чикагцев Арнольд обладал безупречной репутацией. Однако надзорные функции совета не были определены до конца, что создало немалые затруднения в будущем. Новая система не была достаточно гибкой, чтобы поддерживать качество транспортных услуг на должном уровне.

Повествуя о карьере электрического магната Сэмюэля Инсулла, Гарольд Л. Платт оценивает 1905—1907 годы как поворотный пункт чикагской политической истории: «Ожесточенные споры о будущем города достигли высшей точки. Старые модели политических отношений оказались сломаны, приведя в конечном итоге к созданию структуры этноцентрической власти Антона Кермака и демократической партии... Битва за муниципальные реформы завершилась»¹⁶⁷.

Заклучение Платта основывается на анализе нескольких одновременных процессов в чикагской политике, включая описываемую в главе 8 настоящей работы борьбу за принятие городской хартии. Реформы никогда не были простым выбором между «добром» и «злом». Чикагцы учились поступаться властью ради сохранения той же власти во фрагментированном, стремительно меняющемся мире города. Они становились прагматичными плюралистами.

Трамваи и автомобили

Казалось, что после утверждения Компромиссных предписаний в системе городского трамвайного сообщения наметился прогресс. В частности, в городе начались работы по обновлению подвижного состава, прокладке и введению в действие новых трамвайных путей¹⁶⁸. Историк транспорта Пол Баррет, рассматривающий историю «трамвайных войн» спустя семьдесят пять лет после их окончания, гораздо менее терпим к чикагцам той эпохи¹⁶⁹. Для него транспортный конфликт в Чикаго – всего лишь эпизод в общеамериканском процессе упорядочивания городской транспортной политики, в результате которого общественный транспорт стал регулируемой, частной сферой экономики, в то время как государственные субсидии были брошены на развитие автомобильного транспорта¹⁷⁰. Таким образом, политические победы сторонников регулирования на рубеже веков обрекли общественный транспорт на поражение в последовавшей конкурентной борьбе с автомобилями.

Баррет презрительно называет мэра Гаррисона-младшего «франтоватым и сладкоречивым» политиком, который «хоть и отличался личной честностью, но терпимо относился к процветавшей в городе коррупции», а в «вопросах транспортной политики не имел четкой позиции за исключением стойкого неприятия Йеркеса»¹⁷¹. Историк импонирует приверженность Данна идее муниципального владения, потому что Данн был принципиален и, в отличие от дилетанта Гаррисона, прекрасно разбирался в транспортных вопросах.

Баррет признает, что Данн «слишком полагался на видимую склонность чикагского общества к идее муниципального владения и не терпел никаких возражений, когда дело касалось его любимого детища»¹⁷². «Мэр Данн, – продолжает Баррет, – не допускал возможности свободной дискуссии и жестоко критиковал оппонентов за отсутствие единой позиции. И республиканцы, и демократы из лагеря Гаррисона затаили на него глубокую обиду»¹⁷³. Баррет, кстати, гораздо более терпим к Йеркесу, чем многие из участников чикагских «транспортных войн». Для

Баррета Йеркес был человеком, способным «объединить и рационализировать городскую транспортную систему»¹⁷⁴.

Баррет пишет о том, что чикагская общественность была разгневана состоянием городского транспорта, но считает этот гнев неоправданным. Основная проблема, как видит ее Баррет, состояла в том, что Чикаго рос слишком быстро, а центральная деловая часть города оставалась чрезмерно скученной, и реформы инфраструктуры не поспевали за растущим спросом. Баррет не считает, что муниципальное владение было выходом из сложившейся ситуации. Он указывает на успехи «большой тройки» Восточного побережья – Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии – городов, где государственные инвестиции сочетались с муниципальным контролем за управляющими частными транспортными компаниями¹⁷⁵. Такой смешанный подход привел к созданию транспортной инфраструктуры, которая исправно работает и теперь, сто лет спустя. В других городах, где государственное регулирование не сопровождалось муниципальными инвестициями, транспортным компаниям так и не удалось «оторваться» от поверхности улиц и преодолеть запретительные меры властей. Так, в борьбе за городское пространство общественный транспорт вскоре проиграл частным автомобилям. Чикагские «Лупы» – надземные рельсовые дороги – это лишь исключение, подтверждающее выводы Баррета¹⁷⁶.

Анализ Баррета представляет интерес как мнение специалиста, в первую очередь озабоченного проблемами рациональной транспортной политики. В истории чикагских «транспортных войн» Компромиссные предписания 1907 года означали лишь передышку. Гарольд Плэтт напоминает читателям, что и через десять лет после утверждения предписаний транспортные компании «все еще страдали от политического наследия Чарльза Йеркеса»¹⁷⁷. Гарольд Госнелл в исследовании чикагской политики эпохи Великой депрессии также отмечает, что транспортные проблемы были бичом Чикаго и в 1930-х годах¹⁷⁸. Баррет, со своей стороны, предпочел бы более внятный и последовательный подход к транспортным проблемам, чем компромиссы, которые предлагал Гаррисон.

Работа Баррета убедительно показывает, что по прошествии лет великие политические победы часто представляются пирровыми – пожалуй, это наблюдение справедливо по отношению к городской политике во всей Америке начала XX века и подтверждается, в частности, исследователями программ послевоенного муниципального жилищного строительства и обновления американских городов в 1950-х годах¹⁷⁹. Течение времени, накопление знаний, технологические, политические и социальные перемены могут за какие-то двадцать пять лет поставить под сомнение самую «рациональную» политику.

В исследовании чикагских «транспортных войн» Георга Лейденбергера Компромиссные предписания 1907 года критикуются с другой позиции¹⁸⁰. Работа Лейденбергера заслуживает внимания всех ученых, интересующихся данной главой чикагской истории. Он связывает последнюю стадию транспортного конфликта с более обширной темой – развитием радикального «нового юнионизма» в Чикаго начала века, а также агрессивной позицией частного капитала по отношению к нарастающему рабочему движению. Чикагская федерация труда и стремительно растущие тред-юнионы учителей и водителей распространяли идеологию юнионизма за пределы традиционных ремесленных объединений. Лозунг «Немедленная передача в муниципальную собственность» обладал для рабочих особой притягательностью.

Ожесточенная забастовка водителей в 1905 году и кампании по выборам мэра вновь вывели транспортный конфликт на авансцену местной политики. Избрание Данна не было простой случайностью, связанной с отказом мэра Гаррисона добиваться переизбрания. Выборы 1905 года стали вершиной в движении рабочего прогрессивизма, ратовавшего за расширение гражданских прав. В этот период чикагские рабочие начали организовывать «солидарные забастовки»: так, мощные тред-юнионы водителей часто поддерживали забастовки более слабых объединений, например профсоюза горничных¹⁸¹.

Для Лейденбергера, а равно и для активистов рабочего движения, о которых он пишет, немедленная передача транспорта в муниципальную собственность означала по-

беду демократии. Лейденбергер утверждает, что борьба за муниципализацию восстановила общество против крупных финансовых трестов и корпораций, которые предоставляли городу услуги в жизненно важных сферах. «Транспортные войны» в Чикаго – это эпизод в более широком движении за демократизацию американского капитализма. По мнению представителей радикальных течений той эпохи, муниципальная собственность ослабила бы засилье Уолл-стрита в жизни людей. «По сути, – пишет Лейденбергер, – битва за чикагские трамваи, достигшая апогея во время выборов 1907 года, велась за политический контроль и состояла в принципиально различном подходе к понятию демократии. В эти два года [1905—1907] реформаторы консервативного толка, вступив в коалицию с транспортными и строительными компаниями, а также с крупными группами нанимателей, предприняли успешное наступление на общественные группы, выступавшие за муниципальный контроль над важными отраслями городской экономики»¹⁸².

Лейденбергер заключает, что принятие Компромиссных предписаний знаменовало поражение нового юнионизма в борьбе за расширение демократии. Корпорациям удалось склонить консервативных реформаторов из среднего класса к транспортной политике, основанной на идее общественного контроля, а не общественной собственности. Тем самым демократическое гражданское участие свелось к экономическим интересам «потребительского общества». В работе Лейденбергера мэр Гаррисон предстает всего лишь хамоватым сыном богатого и знаменитого отца. Олдермен Гарлан и транспортный эксперт Арнольд наряду с другими специалистами, ратовавшими за принятие предписаний, становятся марионетками в руках американского частного капитала. Горожане Чикаго, по крайней мере обладавшие правом голоса мужское меньшинство, упустили исторический момент, когда значимые демократические реформы в муниципальной жизни были возможны.

Для Лейденбергера, Баррета и ряда других специалистов в области общественного транспорта Компромиссные предписания – это еще одна неудавшаяся попытка города

Чикаго выработать оптимальную транспортную политику. Для Баррета оптимизация означает программу, которая способствует более эффективной, с точки зрения транспортного специалиста, работе транспортной системы. Лейденбергер воспринимает оптимальный исход как осуществление шагов, направленных на демократизацию местной политической жизни и развитие гражданского участия.

В настоящей работе предлагается противоположный вывод: способность превратить схватку за основополагающие принципы демократии в вопрос о потребительских предпочтениях следует рассматривать как победу, а не как поражение чикагцев той эпохи. Альтернативой описанных здесь «полумер» стало бы обострение жестокого противостояния, в котором победители получили, а проигравшие потеряли бы все. Эпизоды, рассматриваемые в части III настоящей работы, иллюстрируют разрушительные последствия политики, основанной на принципе «все или ничего».

Для многих, если не для большинства чикагцев – и, безусловно, для большинства из тех, кто пришел голосовать 2 апреля 1907 года, – Компромиссные предписания *действительно* соотносились с потребительскими предпочтениями. Рядовых чикагцев того времени интересовали в первую очередь вполне бытовые вопросы, как то: дойти до ближайшей трамвайной остановки, доехать до пункта назначения в комфортабельном, быстром трамвае и вернуться домой в чистом, не забитом до отказа вагоне. Транспортным компаниям удалось избежать муниципализации своего имущества благодаря усовершенствованиям, внесенным ими в трамвайную инфраструктуру.

Способность превращать фундаментальные «ценностные» разногласия в решения, вращающиеся вокруг потребительских интересов, лежит в основе жизнеспособной и стабильной демократической системы. Трансформация непримиримой борьбы между взаимоисключающими принципами в регулирование экономической сферы создает пространство, в котором способны мирно сосуществовать личности и сообщества, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов.

Политика прагматического плюрализма, то есть главная тема настоящей работы, состоит в стратегии, которая при-

водит к результатам, ненавистным для такого «прогрессивного» исследователя, как Лейденбергер: она способствует превращению граждан в потребителей. Прагматический плюрализм разрешает глубокие разногласия в вопросах политики и ценностей в высокофрагментированном обществе, сводя их к тривиальным понятиям. Возможно, личности и сообщества выигрывают меньше, но меньше и их потери.

Лейденбергер верно определяет подобный подход как «консервативный», ибо он не преследует цели кардинального изменения баланса сил в обществе. Революционные изменения проистекают не из муниципальной политики. В трех рассматриваемых в этой книге городах богатство и власть на рубеже веков принадлежали нетрадиционным элитам. В каждом обществе победители и побежденные рождались не из муниципальной политики, а из экономических и технологических перемен. Альтернативы прагматичной политике были чреваты страшными последствиями, как показано, в частности, в посвященной Москве девятой главе этой книги.

Баррет и Лейденбергер умаляют сложность, с которой сопряжено осуществление последовательной политики во фрагментированном метрополисе. «Транспортные войны» в Чикаго можно рассматривать как политический «успех», потому что их главные участники, например мэр Гаррисон, издатель Виктор Лоусон и олдермен Гарлан, нашли общий язык там, где этого не смогли сделать более прогрессивные политики и специалисты. Тот факт, что будущие муниципальные лидеры не смогли приспособиться к новой реальности и защитить общественный транспорт в эру автомобилей, достоин сожаления. Однако это не принижает высоких достижений общественных деятелей – адептов прагматического плюрализма в Чикаго рубежа веков.

Примечания

¹ Carter H. Harrison, Jr., *Growing Up with Chicago*. (Chicago: Ralph Fletcher Seymour, 1944), p. 289.

² Роль «транспортных войн» в установлении баланса между общественными и личными интересами в жизни Чикаго исследуется в работе:

Georg Leidenberger, *Working Class Progressivism and the Politics of Transportation in Chicago, 1895—1907*» (Ph.D. diss., University of North Carolina, Chapel Hill, 1995). Этот аспект затрагивается Перри Дуйсом в его каталоге выставки, посвященной двухсотлетней годовщине Чикагского исторического общества: Perry R. Duis, *Chicago: Creating New Traditions*. (Chicago: Chicago Historical Society, 1976), p. 49.

³ David Macrum Maynard, «The Operation of the Referendum in Chicago». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1930), p. 6.

⁴ Это заключение содержится, например, в следующих работах: Paul Barrett, *The Automobile and Urban Transit: The Formation of Public Policy in Chicago, 1900—1930*. (Philadelphia: Temple University Press, 1983); Ernest Griffith, *A History of American City Government: The Progressive Years and their Aftermath, 1900—1920*. (New York: National Municipal League: Lanham, Md: University Press of America, 1983), pp. 85—99

⁵ Hugo Grosser, «The Movement for Municipal Ownership in Chicago». *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, January 1906, pp. 72—90.

⁶ Leidenberger, *Working Class Progressivism...*

⁷ Samuel P. Hays, *The Response to Industrialism, 1885—1914*, 2^d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1995), pp. 130—32.

⁸ О лицензировании чикагских электросетей рассказывается в работе Платта: Harold L. Platt, *The Electric City: Energy and the Growth of the Chicago Area, 1880—1930*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991); развитие систем водоснабжения рассматривается в работе Китинг: Ann Durkin Keating, «Governing the New Metropolis: The Development of Urban and Suburban Governments in Cook County, Illinois, 1831—1902». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1984), pp. 213—228.

⁹ Theodore Dreiser, *The Financier* (1912; reprint New York: Signet, 1967), p. 120.

¹⁰ Theodore Dreiser, *The Titan* (New York: John Lane, 1914), p. 6.

¹¹ Carter H. Harrison, Jr., *Stormy Years: The Autobiography of Carter H. Harrison, Five Times Mayor of Chicago*. (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1935), p. 111.

¹² Там же, с. 151.

¹³ Garry Wills, «Sons and Daughters of Chicago». (New York Review of Books, June 9, 1994), pp. 52—59: 52.

¹⁴ Взаимоотношения между Саливеном и Гаррисоном рассматриваются в следующих работах: Ralph R. Tingley, «From Carter Harrison 11 to Fred Busse: A Study of Parties and Personages from 1896 to 1907». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1950); Paul Michael Green, «The Chicago Democratic Party, 1840—1920: From Factionalism to Political Organization». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1975); Paul Michael Green, *Irish Chicago: The Multi-Ethnic Road to Machine Success*, in Melvin G. Holli and Peter d'A. Jones, eds., *Ethnic Chicago*, (Grand

Rapids, Mich.: William B. Eeridmas, 1984), pp. 412—59; Loomis Mayfield, «The Reorganization of Urban Politics: The Chicago Growth Machine after World War II». (Ph.D. diss., University of Pittsburgh, 1996), pp. 51—53.

¹⁵ Bill Granger and Lori Granger. *Lords of the Last Machine: The Story of Politics in Chicago*. (New York: Random House, 1987), pp. 40—45.

¹⁶ Harold Ickes, *The Autobiography of a Curmudgeon*. (New York: Reynal and Hitchcock, 1943), p. 83.

¹⁷ Granger and Granger. *Lords of the Last Machine...*, p. 45.

¹⁸ Там же, с. 58.

¹⁹ Ickes, *The Autobiography...*, p. 37.

²⁰ Там же, с. 35.

²¹ Green, *Irish Chicago...*, pp. 426—430.

²² Ickes, *The Autobiography...*, p. 37.

²³ Green, «The Chicago Democratic Party...», pp. 1—3, 204—358.

²⁴ Там же, с. 85.

²⁵ Janice L. Reiff, *A Modern Lear and His Daughters: Gender in the Model Town of Pullman*. *Journal of Urban History* 23, no. 3 (March 1997), pp. 316—341: 330—334.

²⁶ Tingley, *From Carter Harrison II to Fred Busse*, p. 227; Mayfield, *The Reorganization of Urban Politics*, pp. 51—53.

²⁷ Ralph E. Heilman, «Chicago Traction: A Study of the Efforts of the Public to Secure Good Service». *American Economic Association Quarterly* 9, no. 2 (1908), pp. 313—409.

²⁸ John D. Fairfield, *The Mysteries of the Great City: The Politics of Urban Design, 1877—1937*. (Columbus: Ohio State University Press, 1993), pp. 83—86; Leidenberger, *Working Class Progressivism...*. Битва между муниципальными властями и частным капиталом за нью-йоркскую подземку рассматривается в работе Хэммака: David C. Hammack, *Power and Society: Greater New York at the Turn of the Century*. (New York: Russell Sage Foundation, 1982), pp. 243—251. Инфраструктура Нью-Йорка – еще один удачный пример политики прагматического плюрализма на муниципальном уровне.

²⁹ Paul Barrett, *The Automobile and Urban Transit: The Formation of Public Policy in Chicago, 1900—1930*. (Philadelphia: Temple University Press, 1983), pp. 5—8.

³⁰ Подобные диспуты не ограничивались США. В Японии Токио также переживал мучительный конфликт между частными и коммунальными собственниками трамвайных путей. В свою очередь, городское собрание Осаки разрешило эту проблему, осуществив строительство первых трамвайных путей за счет собственных фондов, и дальнейшая эксплуатация трамвайных линий осуществлялась в пределах городского бюджета Осаки. Прибыль от трамвайного транспорта была важным источником пополнения бюджета в 1930-х годах. Интервью Сибамура Ацуки с автором 14 апреля 1996 г.

³¹ Clay McShane, «Transforming the Use of Urban Space: A Look at the Revolution in Street Pavements, 1880—1924». *Journal of Urban History* 5, no. 3 (May 1979), pp. 279—307: 287.

³² Канатная тяга начала заменять в Чикаго линии конной тяги в начале 1882 г., а электрический транспорт появился пятнадцатью годами позже. Brian J. Cudahy, *Cash, Tokens, and Transfers: A History of Urban Mass Transit in North America*. (New York: Fordham University Press, 1990), pp. 22—34, 74—75.

³³ Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, pp. 1—15; Fairfield, *The Mysteries of the Great City...*, pp. 83—86; Ann Durkin Keating, «Governing the New Metropolis», pp. 242—278, 330—338; Ann Durkin Keating, *Building Chicago: Suburban Developers and the Creation of a Divided Metropolis*. (Columbus: Ohio State University Press, 1988), pp. 3—12, 22—26.

³⁴ Снабжение электричеством пригородных районов сыграло ключевую роль в росте пригородов. См.: Platt, *The Electric City...*

³⁵ Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, p. 25.

³⁶ Platt, *The Electric City...*, p. 94.

³⁷ Alfred Theodore Andreas, *History of Chicago*, vol. 2, (Chicago: A. T. Andreas, 1885), pp. 118—121; Robin L. Einhorn. *Property Rules: Political Economy in Chicago, 1833—1872*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991), pp. 217—218; Henry P. Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*. (Chicago: Chicago Railways Company, 1936), pp. 5—7.

³⁸ Andreas, *History of Chicago*, vol. 2, pp. 118—121.

³⁹ Alfred Theodore Andreas, *History of Chicago*, vol. 3 (Chicago: A. T. Andreas, 1886), pp. 164—166; Keating, *Building Chicago*, pp. 23—24.

⁴⁰ Samuel Wilber Norton, *Chicago Traction: A History Legislative and Political*. (Chicago, 1907), pp. 16—25.

⁴¹ Charles E. Merriam, «Chicago: A More Intimate View of Urban Politics». (New York: Macmillan, 1929), p. 14.

⁴² Harrison, *Stormy Years*, p. 109.

⁴³ Einhorn. *Property Rules*, pp. 220—222.

⁴⁴ Heilman, «Chicago Traction», pp. 315—319.

⁴⁵ Там же, с. 315.

⁴⁶ Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 8—9.

⁴⁷ Там же, с. 318—319; Norton, *Chicago Traction...*, pp. 28—45.

⁴⁸ Frederick Rex, *The Mayors of the City of Chicago from March 4, 1837, to April 13, 1933*. (Chicago: Chicago Municipal Reference Library, 1934), pp. 65—69.

⁴⁹ Там же, с. 67; Norton, *Chicago Traction...*, pp. 319—320.

⁵⁰ Harrison, *Stormy Years*, pp. 110—111.

⁵¹ Platt, *The Electric City*, pp. 41—51.

⁵² Norton, *Chicago Traction...*, pp. 320—323.

⁵³ Wayne Andrews, *The Battle for Chicago*. (New York: Harcourt and Brace, 1946), pp. 176—185; Donald L. Miller, *City of the Century: The Epic of Chicago and the Making of America*. (New York: Simon and Schuster, 1996), pp. 268—273.

⁵⁴ Stephen Longstreet, *Chicago, 1860—1919*. (New York: David McKay, 1973), p. 81.

⁵⁵ Cudahy, *Cash, Tokens, and Transfers...*, p. 131.

⁵⁶ Harrison, *Stormy Years...*, pp. 110—242; Frederick Cople Jaher, *The Urban Establishment: Upper Strata in Boston, New York, Charleston, Chicago, and Los Angeles*. (Urbana: University of Illinois Press, 1982), pp. 481—482.

⁵⁷ Platt, *The Electric City...*, pp. 50—51.

⁵⁸ Этот вывод основан на работах: Norton, *Chicago Traction...*, pp. 61—64; Bessie Louise Pierce, *A History of Chicago*. Vol. 3: *The Rise of a Modern City, 1871—1893*. (Chicago: University of Chicago Press, 1957), pp. 216—220.

⁵⁹ Cudahy, *Cash, Tokens, and Transfers...*, pp. 70—75; Brian J. Cudahy, *Destination Loop: The Story of Rapid Transit Railroading in and around Chicago*. (Brattleboro, Vt.: Stephen Greene, 1982), pp. 10—42; James Leslie Davis, *The Elevated System and the Growth of Northern Chicago*. *Northwestern University Studies in Geography*, no. 10, (Evanston, Ill.: Northwestern University Department of Geography, 1965), pp. 1—17.

⁶⁰ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 15—16; Rex, *The Mayors of the City of Chicago*, pp. 70—72; Pierce, *A History of Chicago*. Vol. 3..., pp. 219—220.

⁶¹ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 16—17

⁶² Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, pp. 73—75.

⁶³ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 15—16. Edward C. Banfield, *Political Influence*. (Westport, Gr.: Greenwood, 1961), p. 92.

⁶⁴ Grosser, «The Movement for Municipal Ownership...», pp. 73—76.

⁶⁵ John A. Fairlie, «The Street Railway Question in Chicago». *Quarterly Journal of Economics* 21 (1907), pp. 371—404.

⁶⁶ Norton, *Chicago Traction...*, pp. 70—75; Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 32—25; Pierce, *A History of Chicago*. Vol. 3, pp. 221—225.

⁶⁷ Чикаго – необычный город: он становится то больше, то меньше в зависимости от железнодорожного транспорта. Таким образом, пригородное железнодорожное сообщение играет большую роль в формировании метрополиса. Более подробно о пригородном железнодорожном сообщении см.: Keating, «Governing the New Metropolis...», pp. 116—124.

⁶⁸ Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, p. 87.

⁶⁹ Norton, *Chicago Traction...*, p. 70.

⁷⁰ Edward F. Dunne, *Illinois: The Heart of the Nation*. 5 vols. (Chicago: Lewis, 1933), Vol. 3, p. 219.

⁷¹ Harvey Wish, «Altgeld and the Progressive Tradition». *American Historical Review* 46, no. 4 (July 1941), pp. 813—831: 823—830. Waldo R. Browne, *Altgeld of Illinois: A Record of His Life and Work*. (New York: B. W. Huebsch, 1924). John Peter Altgeld, *Reasons for Pardoning Fielden, Neebe and Schwab*. (Springfield, Ill.: Governor's Office, 1893).

⁷² Grosser, «The Movement for Municipal Ownership...», pp. 74—75; Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 325—328.

⁷³ Ickes, *The Autobiography...*, p. 82.

⁷⁴ Там же, cc. 329—333; Norton, *Chicago Traction...*, pp. 91—93.

⁷⁵ Heilman, *Chicago Traction...*, p. 328.

⁷⁶ Harrison, *Stormy Years...*, p. 146.

⁷⁷ Ickes, *The Autobiography...*, p. 82.

⁷⁸ Arthur Joel Tarr, *A Study in Boss Politics: William Lorimer of Chicago*. (Urbana: University of Illinois Press, 1971).

⁷⁹ Ickes, *The Autobiography...*, pp. 85—88.

⁸⁰ Dunne, *Illinois...* Vol. 2, pp. 221—223; Grosser, «The Movement for Municipal Ownership...», p. 74; Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 24—25; Report of Special Committee of the City Council of Chicago on Streetrail Franchises and Operations». (Chicago: Chicago City Council, 1898).

⁸¹ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 329—333.

⁸² Там же, с. 332—333. Maureen A. Flanagan, *Charter Reform in Chicago*. (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), pp. 43—44; Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, pp. 36—43.

⁸³ Barrett, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 21—22.

⁸⁴ Norton, *Chicago Traction...*, pp. 99—100.

⁸⁵ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 331—332.

⁸⁶ Norton, *Chicago Traction...*, pp. 100—110; Grosser, «The Movement for Municipal Ownership...», p. 86—89.

⁸⁷ Chicago City Council Street Railway Commission, Report of the Street Railway Commission to the City Council of the City of Chicago». (Chicago: Chicago City Council, 1900).

⁸⁸ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 234—235; Norton, *Chicago Traction...*, pp. 100—105.

⁸⁹ Lloyd Wendt and Herman Kogan, *Bosses in Lusty Chicago; The Story of Bathhouse John and Hinky Dink*. (Bloomington: University of Indiana Press, 1967), pp. 38—39.

⁹⁰ Ray Stannard Baker, *Hull House and the Ward Boss*. *Outlook* 58 (March 26, 1898), pp. 769—771: 769.

⁹¹ Там же.

⁹² Wendt and Kogan, *Bosses in Lusty Chicago...*, pp. 171—183.

⁹³ Green, «The Chicago Democratic Party...», p. 2.

⁹⁴ Ickes, *The Autobiography...*, pp. 89—90.

⁹⁵ Edward R. Kantowicz, Carter H. Harrison II: The Politics of Balance, in Paul M. Green and Melvin G. Holli, eds., *The Mayors: The Chicago*

Political Tradition (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), p. 26.

⁹⁶ John Franch, «Opposite Sides of the Barricade». *Chicago History* 24, no. 2 (Summer 1995), pp. 38—57.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Andrews, *Battle for Chicago*, p. 184.

⁹⁹ Harrison, *Stormy Years...*, p. 174. См. также: Ickes, *The Autobiography...*, p. 38.

¹⁰⁰ Longstreet, *Chicago...*, p. 92.

¹⁰¹ Harrison, *Stormy Years...*, p. 174; Andrews, *Battle for Chicago*, p. 184; Cudahy, Cash, Tokens, and Transfers..., pp. 131—133.

¹⁰² Richard Edward Becker, «Edward Dunne: Reform Mayor of Chicago, 1905—1907». (Ph.D. diss., University of Chicago. Chicago, 1971).

¹⁰³ Norton, *Chicago Traction...*, pp. 105—108; Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 24—25; Dunne, *Illinois...*, Vol. 2, pp. 221—223.

¹⁰⁴ Tingley, *From Carter Harrison II to Fred Busse*, pp. 168—184.

¹⁰⁵ Julia Wrigley, *Class, Politics, and Public Schools: Chicago, 1900—1950*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1982), pp. 26—27.

¹⁰⁶ Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, pp. 44—232.

¹⁰⁷ Howard Barton Myers, «The Policing of Labor Disputes in Chicago: A Case Study». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1929), p. 5.

¹⁰⁸ Там же, с. 1192.

¹⁰⁹ Там же, с. 1187.

¹¹⁰ Там же, с. 384—432; Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, pp. 131—146.

¹¹¹ Дальнейший подъем организованного рабочего движения исследуется в работе Коэн: Lizabeth Cohen, *Making a New Deal: Industrial Workers in Chicago, 1919—1939*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1990).

¹¹² Green, *Irish Chicago...*, p. 427.

¹¹³ Dunne, *Illinois...*, Vol. 2, pp. 224—255.

¹¹⁴ Edward F. Dunne, *Advantages of Public Ownership of Utilities: Statement to the Public, March 29, 1902*, in Edward F. Dunne, *Dunne: Judge, Mayor, Governor*. comp. and ed. William L. Sullivan. (Chicago: Windemere, 1916), p. 137.

¹¹⁵ Grosser, «The Movement for Municipal Ownership...», p. 81.

¹¹⁶ Ickes, *The Autobiography...*, p. 90.

¹¹⁷ Tingley, *From Carter Harrison II to Fred Busse*, pp. 181—184.

¹¹⁸ Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, pp. 93—97; Becker, «Edward Dunne: Reform Mayor of Chicago...»; John D. Buenker, Edward F. Dunne: *The Limits of Municipal Reform in Green and Holli*, eds., *The Mayors...*, pp. 33—49.

- ¹¹⁹ Green, «The Chicago Democratic Party...», pp. 111—120.
- ¹²⁰ Там же, с. 111—121, 169—218; Becker, «Edward Dunne: Reform Mayor of Chicago...»; Michael F. Funchion, «The Political and Nationalist Dimensions» in Lawrence J. McCaffrey, Ellen Skerret, Michael F. Funchion and Charles Fanning, eds., *The Irish in Chicago* (Urbana: University of Illinois Press, 1987), pp. 61—97: 66—69. Личным секретарем Данна во время его пребывания на посту мэра был младший брат «босса» Салливена. Robert A. Slayton, «Back of the Yards: The Making of Local Democracy». (Chicago: University of Chicago Press, 1986), pp. 153—154.
- ¹²¹ Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, p. 96.
- ¹²² Bunker, Edward F. Dunne:..., p. 33.
- ¹²³ Ickes, *The Autobiography...*, p. 107.
- ¹²⁴ Bunker, Edward F. Dunne..., p. 34.
- ¹²⁵ Там же, с. 43.
- ¹²⁶ Platt, *The Electric City...*, p. 124.
- ¹²⁷ Norton, *Chicago Traction...*, pp. 105—107; Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 35—41.
- ¹²⁸ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, p. 23.
- ¹²⁹ Norton, *Chicago Traction...*, p. 118.
- ¹³⁰ Bion Joseph Arnold, *Report of the Engineering and Operating features of the Chicago Transportation Problem, Submitted to the Committee on Local Transportation of the Chicago City Council in November 1902*. (New York: McGraw, 1905).
- ¹³¹ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 28—31.
- ¹³² Norton, *Chicago Traction...*, pp. 113—114; Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 335—338.
- ¹³³ Milo Roy Maltbie, ed., *The Street Railways of Chicago: Report of the Civic Federation of Chicago*. (Chicago: Civic Federation of Chicago, 1901).
- ¹³⁴ Lloyd Henry Demarest, *The Chicago Traction Question*. (Chicago: George Waite Pickett, 1903).
- ¹³⁵ Harrison, *Stormy Years...*, pp. 242—245; Norton, *Chicago Traction...*, pp. 193—202; Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, p. 55; Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, pp. 206—207.
- ¹³⁶ Norton, *Chicago Traction...*, p. 191.
- ¹³⁷ Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 46—52; Demarest, *The Chicago Traction Question*.
- ¹³⁸ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 339—345; Willard E. Hotchkiss, «Chicago Traction. A Study in Political Evolution». *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 28, no. 3 (1906), pp. 27—46.
- ¹³⁹ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 344—345; Hotchkiss, «Chicago Traction...», pp. 37—38.

- ¹⁴⁰ Edward F. Dunne, *Accepting Nomination as Mayor of Chicago: Address before Chicago Democratic Convention, February 23, 1905*, in Dunne, Dunne: Judge, Mayor, Governor», pp. 177—185: 177.
- ¹⁴¹ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 347—354.
- ¹⁴² Cudahy, *Cash, Tokens, and Transfers...*, p. 128. Michael W. Brooks, *Subway City: Riding the Trains, Reading New York*. (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1997), pp. 74—105.
- ¹⁴³ *Chicago Tribune*, November 11, 1906, p. 1; November 14, 1906, p. 7; November 29, 1906, p. 2; January 12, 1907, p. 1.
- ¹⁴⁴ *The Inter-Ocean*, December 4, 1906, p. 1; January 27, 1907, p. 4; January 28, 1907, p. 4.
- ¹⁴⁵ Norton, *Chicago Traction...*, p. 215.
- ¹⁴⁶ См. письмо Верно в работе: Dunne, Dunne: Judge, Mayor, Governor», pp. 286—294.
- ¹⁴⁷ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 354—356.
- ¹⁴⁸ Becker, «Edward Dunne...», p. 119; Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*, pp. 58—79.
- ¹⁴⁹ Кэтлин М. Жустино рассказывает о напряженности, возникшей между экспертными сообществами и муниципальными политиками в Праге в этот же период. Cathleen M. Giustino, *Architects and the Task of Urban Planning in Late Imperial Czech Prague, 1866—1900: Winning Jurisdiction from Below*» (manuscript, 1995).
- ¹⁵⁰ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 357—377.
- ¹⁵¹ См.: John W. Stamper, *Chicago's North Michigan Avenue: Planning and Development, 1900—1930*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991), pp. 2—5.
- ¹⁵² Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 377—383.
- ¹⁵³ Текст запретительной резолюции мэра Данна содержится в работах: Dunne, Dunne: Judge, Mayor, Governor», pp. 329—335; Dunne, *Illinois... Vol. 2*, pp. 281—288.
- ¹⁵⁴ Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, p. 98.
- ¹⁵⁵ Heilman, *Chicago Traction...*, p. 387.
- ¹⁵⁶ Отчет Дарроу об этих событиях приведен в его работе: Clarence S. Darrow, «The Chicago Traction Question». *International Quarterly* 12 (October 1905 – January 1906), pp. 13—22.
- ¹⁵⁷ Dunne, *Illinois... Vol. 2*, p. 197.
- ¹⁵⁸ Dunne, Dunne: Judge, Mayor, Governor», pp. 1; Dunne, *Illinois... Vol. 2*, pp. 308—379; Green, «The Chicago Democratic Party...», pp. 169—199.
- ¹⁵⁹ Heilman, *Chicago Traction...*, pp. 38—39.
- ¹⁶⁰ Tarr, *A Study in Boss Politics...* pp. 172—199.
- ¹⁶¹ Maureen A. Flanagan, Fred A. Busse: *A Silent Mayor in Turbulent Times in Green an Holli, eds.*, pp. 50—60; Rex, *The Mayors of the City of Chicago...*, pp. 98—102.

¹⁶² James W. Errant, «Trade Unionism in the Civil Service of Chicago, 1895 to 1930». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1939), p. 6.

¹⁶³ Ickes, *The Autobiography...*, p. 93.

¹⁶⁴ Там же, с. 107.

¹⁶⁵ Там же, с. 93.

¹⁶⁶ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, pp. 37—45.

¹⁶⁷ Platt, *The Electric City...*, p. 136.

¹⁶⁸ Weber, comp., *An Outline History of Chicago Traction*., pp. 380—420; Alan R. Lind, *Chicago Surface Lines*, 3d ed. (Park Forest, Ill.: Transport History Press, 1979), pp. 26—33.

¹⁶⁹ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*

¹⁷⁰ Там же, с. 6.

¹⁷¹ Там же, с. 22.

¹⁷² Там же, с. 35.

¹⁷³ Там же, с. 36.

¹⁷⁴ Там же, с. 16.

¹⁷⁵ Об истории транспортной системы Нью-Йорка см.: Clifton Hood, *722 Miles: The Building of the Subways and How They Transformed New York*» (New York; Simon and Schuster, 1993).

¹⁷⁶ Barret, *The Automobile and Urban Transit...*, p. 26. Об истории «лупов» см.: Bruce G. Moffart, *The «L»: The Development of Chicago's Rapid Transit System, 1888—1932*» (Chicago: Central Electric Railfans' Association, 1995); George Krambles and Arthur H. Peterson *CTA at 45: Recollections of the First 45 Years of the Chicago Transit Authority*» (Oak Park, Ill.: George Krambles Transit Scholarship Foundation, 1993).

¹⁷⁷ Platt, *The Electric City...*, p. 218.

¹⁷⁸ Harold F. Gosnell, *Machine Politics: Chicago Model*» (1937), reprint (New York: AMS, 1969), pp. 142—144.

¹⁷⁹ Lois Willie, *Forever Open, Clear, and Free: The Historic Struggle for Chicago's Lakefront*». (Chicago: Henry Regnery, 1972), pp. 71—81; Dennis H. Cremin, «Chicago's Front Yard». *Chicago History* 37, no. 1 (Spring 1998), pp. 22—44.

¹⁸⁰ Leidenberger, *Working Class Progressivism...*

¹⁸¹ См. также: Dorothy Sue Cobble, *Dishing It Out: Waitresses and Their Unions in the Twentieth Century*». (Urbana: University of Illinois Press, 1991), pp. 66—67.

¹⁸² Leidenberger, *Working Class Progressivism...*, p. 199.

Образование московских рабочих

Образование народных масс стало в Москве серебряного века той животрепещущей сферой, которая объединила динамичное гражданское общество и неповоротливое муниципальное правительство, выступивших в союзе против реакционных чиновников из имперского министерства народного просвещения. Образование было областью, где без особого ущерба для собственных интересов влиятельные москвичи могли на практике реализовать свои стародавние культурные и религиозные представления о смысле благотворительности и благочестия. Общественное образование в Москве, в отличие от Чикаго того же периода, стало областью, где общественное согласие и совместные, целенаправленные действия различных слоев общества часто ставились выше идеологических предпочтений и узких социальных интересов. Радикалы и консерваторы вместе выступали за обучение городских жителей грамоте. Образование в московской жизни на рубеже веков оказалось той сферой, где гражданственность выходила за рамки классового сознания.

Освобождение крепостных в 1861 году со всей остротой поставило перед российским обществом вопрос о народном образовании. Чтобы выжить, освобожденные от крепостной зависимости мужчины и женщины должны были приобщиться к грамоте. Нравственные, политические, социальные и экономические проблемы, связанные с отменой крепостного права, были достаточно очевидны. Однако обеспечение элементарными условиями существования многомиллионной и свободной в передвижениях массы крестьян было гораздо более сложной задачей.

Русские крепостные не получили той полной свободы, к которой, быть может, стремились. Часто они оставались прикованными к своим селам изощренной системой вза-

имных обязательств и общественных связей. Все же неудачные попытки сельскохозяйственных общин создать экономически жизнеспособную аграрную систему выталкивали из средней полосы России все больше крестьян¹.

Еще в 1914 году показатели общей грамотности в России оставались печально низкими – лишь 9,8 процента женщин и 25,1 процента мужчин крестьянского происхождения в Российской империи умели читать и писать². В Москве сложилась более благоприятная обстановка: с 1880 по 1908 год грамотность мужского населения Московской губернии выросла с 33 до 76,2 процента, а грамотность женщин пролетарского происхождения выросла за тот же период с 4,7 до 26 процентов. Образовательный уровень в самом городе в указанный период был еще выше. Согласно несколько более поздним оценкам, к началу Первой мировой войны каждый восьмой из десяти москвичей, а также больше половины женского населения города были грамотны³.

Несмотря на то что точность подобных подсчетов остается под вопросом, общая картина ясна: значительная часть населения Москвы овладела навыками чтения и письма и прибегала к ним ежедневно. Общая грамотность представляет собой высокое достижение российского общества, где с необычайной остротой стоял вопрос об образовании как сельских детей, так и перебравшихся в город крестьян.

Неверно утверждать, будто русские были равнодушны к судьбам народного образования. Для поднятия уровня общей грамотности предпринимались многочисленные попытки, направленные на сокращение пресловутого разрыва между образованными русскими и народом, который воспринимался как отсталый, культурно убогий и потенциально опасный⁴. Мотивы, стоявшие за подобной просветительской деятельностью, отличались тем же разнообразием, что и политические программы, то есть варьировали от заботы об общественном порядке до стремления повысить производительность труда и намерений содействовать личностной самореализации народа.

Попытки поднять образовательный уровень простых россиян как на селе, так и в городах нельзя было назвать неудачными. Общий уровень посещаемости школ в евро-

пейской части России вырос с 1,5 процента от общего числа населения в 1880 до 4,5 процента в 1911 году. Эти достижения, увы, выглядят убого по сравнению с аналогичными показателями в других развивающихся странах той эпохи, таких как Соединенные Штаты, где уровень посещаемости школ между 1900 и 1910 годами вырос до 19,4 процента, Великобритания (17,4 процента), Германия (17 процентов), Австро-Венгрия (15,7 процента), Франция и Швеция (14,2 процента) и Япония (11 процентов)⁵. Метафорический образовательный стакан Российской империи позднего периода был одновременно наполовину полным и полупустым.

Успехи образования были особенно очевидны среди определенных сегментов населения. Джеффри Брукс сообщает в замечательном исследовании «Когда Россия научилась читать» (When Russia Learned to Read), посвященном вопросам грамотности в Российской империи позднего периода, что общая грамотность в России заметно выросла в период от отмены крепостного права до большевистской революции⁶. К примеру, грамотность среди армейских новобранцев составила к 1913 году 68 процентов – против 21 процента в 1874 году⁷. Перепись 1920 года проживавших в европейской части России детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, то есть последнего предреволюционного поколения, показала, что 71 процент мальчиков и 52 процента девочек умели читать и писать – выдающийся, хотя и недостаточный прогресс с 1861 года⁸.

И все же качество образования – в земских ли, в церковноприходских или государственных бесплатных школах – часто оставляло желать лучшего. Для овладения технологиями новых и развивающихся отраслей промышленности взрослым рабочим в таких городах, как Москва, требовалось дополнительное профессиональное образование. Московские купцы и предприниматели вкладывали значительные средства в программы повышения грамотности рабочих. Эти усилия поддерживали общегосударственные образовательные начинания и знаменовали сознательное стремление богатейших семей города способствовать развитию беднейших слоев населения.

Великие реформы 1861 года и образование

Отмена крепостного права в 1861 году сопровождалась множеством дополнительных реформ, призванных преобразовать царистское общество: в их числе были важные акты 1864 и 1874 годов, регулировавшие систему начального образования⁹. В сферу действия реформенного законодательства попадали учреждения начального, среднего и высшего образования по всей Российской империи. Следует, однако, отметить, что в результате пересмотра государственных законов, а также издания сопутствующих указов и установлений наиболее коренной перестройке подверглась именно система начального образования.

Реформы в области начального образования были связаны с учреждением института земства: забота об образовании и здравоохранении входила в число прямых обязанностей новосозданных избираемых земских советов¹⁰. С ратификации первого земского статута 1 января 1864 года и до фактического учреждения советов местного самоуправления прошло двенадцать лет. Споры о значении земства начались почти сразу после принятия закона и продолжают по сей день. Стало ли земство еще одним представительным органом самодержавного правительства в провинции? Или же земские советы развивали совершенно новые для России институты гражданского общества? Могло ли земство влиять на политику? Или же оно выступало проводником политики, навязываемой местной администрацией сверху? Насколько справедливыми были земские выборы? Насколько зависимы были штатные земские служащие от столичных чиновников?

Бен Эклоф отмечает, что «в спорах о происхождении и роли земства пролито много чернил, однако нам не следует забывать о том, что земские институты были созданы с целью заполнить административный вакуум в провинции»¹¹. Не остается почти никаких сомнений в том, что за очень редкими исключениями земские институты не представляли местное общество, в особенности после 1890 года, когда была отменена система прямых выборов крестьянских делегатов сельскими общинами.

Наиболее значительных успехов земство достигло в сфере образования. До 1864 года начальное образование было самым больным местом в политике сельских администраций, и земству удалось восполнить этот пробел. Для Брукса, к примеру, «начальная школа представляла собой величайшее завоевание земства, а в канун Первой мировой войны расходы на образование стояли в земских бюджетах на первом месте»¹².

Доходы земства складывались из сборов, взимаемых с земель, фабрик, трактиров, торговых предприятий и приусадебных хозяйств, а также из мелких побочных доходов¹³. Сбор земских налогов осуществлялся местной полицией, и, кроме того, земский бюджет подлежал обязательному утверждению правительством. В результате земства часто испытывали нехватку средств, а поступление налогов происходило с большими задержками.

Земство было не единственным учреждением, распространявшим знания в российской провинции¹⁴. В расчете на финансовую поддержку с земскими школами соперничало множество частных, церковноприходских и министерских школ. Согласно принятому в 1869 году закону, министерство просвещения назначило в каждую губернию инспекторов начальных школ, в задачи которых входила координация деятельности всех образовательных учреждений¹⁵. Вследствие этого в сельских областях сложилась весьма фрагментированная система образования, при которой уровень преподавания разнился от школы к школе. В конечном итоге это отразилось и на российских городах, так как в поисках работы сюда стекались крестьяне с очень разным образовательным уровнем.

После нескольких десятилетий массовой крестьянской миграции предводители городов все острее ощущали социальные и экономические последствия неграмотности. По всей стране стали возникать «комитеты грамотности». В 1894 году Василий Вахтёров, инспектор школ города Москвы и член Московской земской комиссии по образованию, призвал к введению в Российской империи всеобщего образования¹⁶.

Речь Вахтёрова, отчеты о ней и другие воззвания и публикации «наэлектризовали» общественное мнение, и во-

прос о преодолении неграмотности оказался в центре внимания всей России¹⁷. Затронув вопросы о территориальной доступности школ, стоимости и качестве обязательного образования, школьный инспектор Вахтёров утверждал, что Россия в состоянии ввести всеобщее образование. Он заявил, что обязательное начальное образование более нельзя рассматривать как утопический идеал и что оно необходимо условие социального благосостояния. Взгляды Вахтёрова послужили причиной его отставки с поста школьного инспектора в 1896 году. Впоследствии он уехал из Москвы и преподавал в нескольких уездных и губернских городах. После революции 1905 года он участвовал в организации Союза учителей, а закончил свою карьеру, обучая грамоте красноармейцев в начале 1920-х годов.

Произнесенная в 1894 году речь Вахтёрова – только один пример того, насколько со времен Великих реформ 1860-х изменилось отношение россиян к проблемам образования. В речи Вахтерова отразились настроения многих москвичей. Он и его коллеги из Московского комитета грамотности принадлежали тому широкому общественному движению, целью которого было заполнить образовательные «лакуны», возникшие вследствие несовершенства государственной и церковной школьной системы. Следует отметить, что такая общественная деятельность была близка многим сторонникам образовательных реформ в Чикаго и Осаке.

Союзником городского правительства в деле народного образования выступило московское купечество. Купеческие семьи покровительствовали начальным школам для детей, участвовали в развитии государственных и общественных заведений среднего образования и способствовали распространению грамотности в целом. Богатые и просто состоятельные москвичи с энтузиазмом поддерживали программы общего и специального образования для взрослых. В этом им нередко содействовали политические и церковные деятели, лидеры профсоюзов.

Уже через несколько лет уровень грамотности в Москве превзошел среднероссийские показатели и приблизился к международным стандартам. Возросший уровень образованности городского населения преобразил общественную

и культурную палитру Москвы – этот факт часто оставался без внимания на фоне революций и социальных потрясений начала XX столетия. Массовое образование и преодоление неграмотности стало областью деятельности, стимулировавшей на рубеже веков развитие прагматического плюрализма у чрезвычайно разнообразных слоев московского общества. Кроме того, именно в этой сфере произошли прямые столкновения крупной московской буржуазии с консервативными чиновниками имперского министерства просвещения¹⁸.

Время реакции

Российские министры просвещения позднеимперского периода представляют собой галерею косных реакционеров и идеологов самодержавия. Главный инспектор учебных заведений Санкт-Петербурга и министр народного просвещения при Николае I с 1833 по 1849 год Сергей Уваров точно выразил сущность автократической государственной идеологии в знаменитой фразе, разосланной всем образовательным чиновникам: Православие, самодержавие, народность¹⁹. Граф Дмитрий Толстой, министр просвещения с 1866 по 1882 год, был классическим русским реакционером: в каждом студенте университета он видел скрытого террориста²⁰. Выйдя в отставку, граф Толстой был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, а с 1882 до своей смерти в 1889 году служил министром внутренних дел и одновременно занимал пост президента Российской академии наук.

Граф Толстой создал реакционную систему образования, которая вошла в историю под его именем: русские реформаторы отчаянно сражались с системой Толстого, пока, к всеобщему ликованию, с ней не покончила революция 1905 года²¹. Томас Дарлингтон, британский специалист по вопросам образования начала XX века, считал Толстого ключевой фигурой в истории российского образования. «Год 1866, когда граф Дмитрий Толстой сменил Головина на посту министра народного просвещения, – писал Дарлингтон, – может рассматриваться как поворотный пункт в образовательной истории империи. Политика

предшествующего главы образовательного ведомства была направлена на всемерное сотрудничество с образованными слоями общества, способствовала широчайшему проявлению инициативы в провинции и развитию самоуправления. С приходом Толстого этой политике пришел конец»²².

Толстой стремился ограничить доступ к среднему и высшему образованию, полагая, что уменьшение числа студентов может способствовать охране общественного порядка²³. Он не был оригинальным мыслителем, но воспринял и защищал кредо Уварова – православие, самодержавие, народность. Завоевания Великих реформ он считал трагической ошибкой²⁴. Толстой рьяно выступал за русификацию населявших Российскую империю народов. В целом он был архетипом консервативного бюрократизма в России XIX века²⁵.

Идеологический союзник Толстого Константин Победоносцев никогда не занимал поста министра просвещения, однако его влияние на российскую образовательную политику той эпохи было очень велико. Будучи обер-прокурором Святейшего Синода с 1880 по 1905 год (он вышел в отставку за два года до смерти), Победоносцев состоял членом многочисленных министерских комиссий по образовательным вопросам²⁶. Наставник двух царей – Александра III и Николая II – Победоносцев отличался угрюмым взглядом на человеческую природу и несовершенные общественные институты²⁷. Его закулисная деятельность привела к принятию множества консервативных решений в образовательной сфере. Воспринимаемый многими как ненавистный символ царского режима, Победоносцев пережил пять покушений на свою жизнь.

В 1882 году Победоносцев сыграл ключевую роль в назначении на пост министра просвещения Ивана Делянова²⁸. Делянов, придерживавшийся умеренно либеральных взглядов, ранее служил директором Императорской публичной библиотеки. Ему принадлежит основная заслуга в получении монаршего дозволения на принятие прогрессивного университетского статута 1863 года²⁹. Делянов пытался внести рациональность в чрезмерно сложную образовательную систему, ратуя за развитие профессионального образования, введение единых стандартов обучения и

ликвидацию неграмотности крестьян³⁰. В то же время он стремился поставить образовательную систему империи под контроль возглавляемого Победоносцевым Святейшего Синода, был поборником русификации и яростно выступал против предоставления женщинам права обучаться в высших учебных заведениях. В целом политика Делянова основывалась на основополагающих для Российской империи принципах веры, порядка и самодержавия. В 1897 году сердечный приступ вынудил его уйти с поста министра. В следующем году он скончался.

Если, как отмечает Дарлингтон, поворотным моментом в истории российского образования был приход в министерство графа Толстого, то не меньшее значение имел для нее уход Делянова. Американский историк Джеймс Мак-Клелланд говорит, что уход Делянова стал знаменательным днем для российских оппозиционеров. «Политика Толстого, Победоносцева и Делянова, – утверждает Мак-Клелланд, – вызывала резкое недовольство среди учителей, учеников и образованной общественности в целом. Однако эти министры вполне могли позволить себе пренебречь оппозицией, которая была малочисленна, разбеднана и оставалась незаметна»³¹. Ситуация в корне изменилась в преддверии революционной поры 1905 года.

За нежелание почувствовать ветер перемен преемник Делянова, Николай Боголепов, поплатился жизнью. Ново-назначенного министра Боголепова, ранее преподававшего право в Московском университете, считали еще одной реакционной марионеткой Победоносцева³². В качестве министра он во всем следовал толстовской системе, которая необычайно жестко обходилась с протестующими университетскими студентами и преподавателями (в начале 1901 года Боголепов был убит исключенным из университета студентом). Все же в отличие от своих предшественников Боголепов сознавал, что у волнений есть глубинные причины³³.

Нередко чиновники министерства народного просвещения и представители других правительственных ведомств были склонны ограничивать образовательную сферу школами, учрежденными при русской православной церкви. Россия существовала во враждебном международном окружении и не могла сохранить статус великой державы без ра-

дикальных внутренних преобразований; однако структурные реформы угрожали стабильности режима, без которого сохранение международного положения империи было немислимым. Образование стало одним из источников острейших противоречий российской действительности³⁴.

Отставка Победоносцева, возвышение Сергея Витте и революция 1905 года способствовали привлечению более значительных государственных ресурсов в сферу начального и среднего образования. После 1905 года церковно-приходские школы все больше оттеснялись на обочину образовательной политики; православная церковь оказалась неспособна предоставить должные ресурсы и уровень обучения, необходимый для поддержания российской образовательной системы³⁵. Одним из проявлений внутрироссийских противоречий в этой области стали полемика и острая конкуренция в образовательной жизни Москвы.

Значение образования

Радетелей народного образования из числа состоятельных москвичей зачастую интересовали не столько вопросы гуманитарного развития, сколько необходимость подготовки квалифицированной и дисциплинированной рабочей силы для своих заводов и фабрик. Для образовательной политики России позднеимперского периода характерны, в первую очередь, программы поддержки профессионального образования и школ для взрослых. Историк Николас Ганс отмечает, что, несмотря на отсутствие прямой связи между политической реакцией и профессиональным образованием, в России эти понятия оказались родственны. Реакционеры, с подозрением относившиеся к народному образованию, пытались направить жажду знаний в русло профессионального обучения. Их мотивы, полагает Ганс, скорее были политическими, чем образовательными. Для дальнейшего промышленного роста России требовались тысячи квалифицированных ремесленников и мастеровых, однако в действительности такие образовательные программы имели политический подтекст³⁶. В свою очередь, россий-

ские либералы настороженно относились к образовательным инициативам, не связанным с общегуманитарной концепцией образования³⁷.

Началом общероссийской программы профессионального образования следует считать указ Александра II 1878 года, в котором министру финансов предписывалось подготовить финансовый план для введения ремесленного обучения в существующих школах³⁸. Спустя десять лет, в марте 1888 года, император одобрил учреждение новых начальных, средних и высших технических курсов и школ³⁹. Однако, как это часто бывает, российское общество развивалось быстрее, чем официальная политика.

Если профессиональное образование воспринималось как нечто реакционное, то общеобразовательные программы для взрослых часто считались революционными. Сьюзен Бронсон верно заметила, что для всех общественно активных граждан обучающие программы для взрослых виделись попыткой социального развития народа, соответствующего конкретному видению российского будущего⁴⁰. Главной целью считалось образование трудящихся масс России: образовательная деятельность стала полем для состязания различных сил, стремящихся реформировать или трансформировать трудящиеся массы⁴¹. В то время как царь и министры видели в профессиональном образовании возможность ограничить воздействие грамотности и, следовательно, снизить темп социальных перемен, их оппоненты из либерального и социалистического лагеря преследовали цели широкого вовлечения детей и взрослых в образовательный процесс.

Первая волна образовательных программ для взрослых относится к 1870—1880-м годам и связана с неформальным движением по открытию воскресных школ с преподаванием основ грамотности⁴². Вмешательство министерства ограничило развитие воскресных школ: к началу 1890-х годов многие из них были закрыты. Защитники образования перешли к более формальным программам, основывая так называемые комитеты грамотности⁴³. Курсы повышения квалификации, открытые народные университеты, неформальные женские курсы и публичные лекции и дискуссии пришли в Россию из-за границы⁴⁴. В 1897 году в России был опубликован перевод книги президента Тичерс-кол-

леджа Колумбийского университета Джеймса Рассела «Развитие университетского преподавания в Англии и Соединенных Штатах» (The Extension of University Teaching in England and the United States); в крупных городах империи учреждались образовательные заведения в соответствии с различными зарубежными аналогами, от британских курсов повышения квалификации до американских школ Чаутауква. В Петербурге и Москве зарождающееся русское гражданское общество оспаривало право самодержавной власти на обучение безграмотных.

В начале XX века общество все настойчивее требовало внедрения новых и более передовых подходов к народному образованию. Образовательная политика стала еще одним измерением обостряющейся полемики между российскими либералами, консерваторами, радикалами и реакционерами. В 1905 году, используя благоприятную политическую ситуацию, защитники массового образования, в первую очередь учителя, сделали для осуществления образовательной реформы все возможное⁴⁵.

Реакция и развитие муниципального образования

Столыпинский переворот 3 июня 1907 года, когда консерваторы во главе с премьер-министром Петром Столыпиным похоронили либеральные избирательные законы, навязанные царскому правительству во время волнений 1905—1906 годов, ознаменовал конец прогрессивной социальной политики. Реакция была особенно свирепой в сфере трудовых отношений: в подполье ушли как радикальные, так и умеренные трудовые группы. Противостояние в обществе крайне обострилось после 4 апреля 1912, печально известной даты расстрела рабочих на Ленских золотых приисках⁴⁶. По иронии судьбы именно в 1907—1912 годах в России были достигнуты значительные успехи в области народного образования.

Принятый 3 мая 1908 года закон наконец ввел в России всеобщее обязательное начальное образование⁴⁷. Если бы не Первая мировая война и две революции, начертанный

царем осторожный план перехода к всеобщему обязательному начальному образованию был бы осуществлен только к 1922 году. Имперские чиновники сохранили право вмешиваться в политику местных властей, в то время как значительная часть финансовых затрат на развитие школ легла на плечи муниципальных органов⁴⁸.

В 1911 году Столыпин повел атаку на московских реформаторов на другом фланге⁴⁹. Консервативный премьер-министр уволил ректора и двух проректоров Московского университета, после того как те не смогли ввести в действие правительственный указ, запрещающий студенческие демонстрации. Запрет, в свою очередь, был вызван чередой демонстраций предыдущей осенью, когда после смерти Льва Толстого студенчество выступило за отмену смертной казни⁵⁰. В течение нескольких дней демонстрации студентов в память Толстого привели к срыву занятий. В выступлениях за отмену смертной казни приняло участие более четырех тысяч московских студентов, несмотря на предупреждения университетских властей о том, что им грозит исключение. Уличные стычки между студентами и полицией привели к забастовке, фактически парализовавшей работу Московского и других российских университетов. В ответ власти исключили из российских вузов примерно 5 процентов студентов⁵¹. Многие из исключенных обучались в Московском университете. Действия властей вызвали взрыв негодования в среде студентов и преподавателей. Администрация университета пребывала в смятении.

Столыпин утверждал, что имеет полное право наказывать находящуюся на государственном довольствии университетскую администрацию и профессуру за то, что ее представители участвовали в политических манифестациях. Треть профессорско-преподавательского состава Московского университета, включая двадцать пять профессоров и семьдесят четыре доцента, ушли в отставку. Большинство из них нашли работу в московских вузах, не подчинявшихся министерству просвещения, таких как Московский коммерческий институт и недавно образованный Народный университет Шанявского (о значении последнего речь пойдет ниже).

На фоне обостряющегося в обществе противостояния и политических беспорядков московские муниципальные власти пытались справиться с возросшим объемом обязательств перед образовательными учреждениями. С 1903 по 1913 год муниципальные затраты на образование выросли почти в четыре раза, в то время как число учащихся возросло более чем вдвое⁵². Расходы на образование не ограничивались оплатой классовых помещений. К 1913 году на завтраки для составлявших почти половину от общего числа обучаемых учащихся без средств город ежегодно тратил 199 тысяч рублей⁵³.

Центральные министерства финансировали только 10 процентов московских образовательных расходов, а разницу обязан был покрывать город⁵⁴. В 1909 году городская дума поставила целью достижение бесплатного начального образования: к 1916 году бюджетные расходы на образование возросли до 7,5 миллиона рублей (в Петербурге, городе с большим населением, расходы на образование составляли в то же время 6,9 миллиона рублей)⁵⁵. Несмотря на все достижения, к 1910 году Москва могла обеспечить образование только 2,7 процента своего населения. Для сравнения, в Филадельфии, соизмеримой в те годы с Москвой, образовательными программами было охвачено до 10 процентов населения⁵⁶.

Многие из московских достижений в области образования тех лет были прямым следствием деятельности градоначальника Николая Гучкова⁵⁷. Гучков был избран городским головой 19 ноября 1905 года, всего за несколько недель до того, как Москва погрузилась в хаос. Гучков оставался на посту градоначальника до 18 декабря 1912 года, мужественно пытаясь залечить социальные, физические, экономические и психологические раны, нанесенные революционными беспорядками.

Гучков происходил из старообрядческой купеческой семьи, родоначальником которой был Федор Гучков, торговец сукном крестьянских корней, оставивший помещичью деревню и переехавший в начале XVIII столетия в Москву, навстречу богатству и влиянию⁵⁸. У Гучковых установились тесные связи со многими купеческими семья-

ми Москвы, они вернулись в лоно православной церкви и к началу XX века руководили заводами, банками и промышленными объединениями. Николай, в частности, некоторое время служил председателем Русско-американской торговой палаты и состоял в дружбе с несколькими представителями выдающейся семьи Боткиных, которые придерживались консервативных взглядов⁵⁹.

К тому времени как коллеги по городской думе избрали его городским головой, Гучков уже имел более чем десятилетний опыт работы на общественном поприще. Он представлял город в московском провинциальном земстве и активно участвовал в деятельности разнообразных комиссий по оказанию помощи неимущим. В годы Гражданской войны сражался на стороне белых. В 1935 году в возрасте семидесяти пяти лет он в безвестности умер в Париже.

Гучков полагал, что в сфере образования ему удастся достичь единения различных социальных групп (другой такой областью было развитие инфраструктуры города, проблемам которой правительство Гучкова уделяло большое внимание). Гучков признавал, что бедным необходимо образование, видел, что многие из состоятельных москвичей готовы поддерживать программы всеобщего образования из гуманистических соображений, и понимал, что промышленникам нужны грамотные, квалифицированные рабочие. При нехватке денежных средств для осуществления тех или иных проектов Гучков прибегал к силе личного обаяния. В результате во время его пребывания на посту градоначальника Москва пережила невиданный рост школьных учреждений.

Традиционный образ коллег Гучкова по купеческой гильдии плохо вяжется с идеями просвещения. Московских купцов часто изображали чрезмерно осторожными, сдержанными и поглощенными собственными делами⁶⁰. Забота об образовании была той сферой, где сходились интересы купцов, специалистов, чиновников городского правительства, интеллектуалов и даже радикалов. Парадоксально, что глубокий культурный консерватизм купечества обусловил его нередко просвещенный взгляд на ценность образования.

Московская благотворительность

Одним из проявлений консерватизма московского общества было присутствие в городе крупной, зажиточной старообрядческой общины, а также пietet, который здесь традиционно питали к славянофильским идеям. Как утверждает Адель Линденмейр, русское православие не порицало и не поощряло богатство, но принимало руководящую роль состоятельных слоев общества. Воспринимаемое как дар свыше, богатство не означало превосходства; напротив, оно налагало обязанность использовать его на общее благо – в частности, в целях благотворительности⁶¹. Такая его роль вполне могла выродиться в разлагающий патернализм, да так оно часто и было. Основываясь на концепции обмена между дающими и получающими, московские филантропы склонялись к тем формам благотворительности, которые подразумевали некую взаимную выгоду, например к поддержке образования.

Среди состоятельных москвичей серебряного века было много замечательных филантропов. К началу второго десятилетия XX столетия, отмечает Линденмейр, московские купцы содержали двенадцать богаделен, один приют для монахинь, два учреждения, предоставлявших бесплатное жилье, больницу на 150 коек и шесть школ; в 1899 году московское купечество оказало денежную помощь нуждающимся на сумму в 107 тысяч рублей⁶².

Вопрос, конечно, не в том, были ли богатые москвичи ревностными защитниками радикальных образовательных реформ: в большинстве случаев это было не так. Их интерес к знаниям во имя знаний был не столь и велик. Общественный деятель и поборник всеобщей грамотности Лев Клейнборт сетовал в своих воспоминаниях, что, хотя на нужды начальных школ в довоенной Москве расходовались миллионы, здесь было открыто только сорок публичных библиотек (в городе, где существовало более 1400 пивных и трактиров)⁶³. Вложения в обучение взрослых и профессиональное образование объяснялись в первую очередь трезвым экономическим расчетом и прагматическими соображениями, выходящими за рамки идеологии.

Благотворительная деятельность, направленная на поддержку школ, больниц и домов призрения, создавала в Москве некое протогражданское поле, что было довольно необычно для царской России: здесь сочетались прагматизм и религиозность, радикализм и консерватизм. В этом контексте интересно рассмотреть шаги, которые предпринимались в Москве для образования взрослых, включая проекты по обучению грамоте, профессиональное и общегуманитарное образование.

Роль ученых обществ

Интеллектуальная жизнь Москвы сосредоточивалась, в первую очередь, вокруг местного университета. Основанный Михаилом Ломоносовым в 1755 году, Московский университет до середины XIX века обладал статусом ведущего вуза России. К середине столетия Петербургский и Казанский университеты превзошли московский по ряду дисциплин: во второй половине XIX века в Москве не было профессоров, равных по научным заслугам петербургскому химику Менделееву или казанскому математику Лобачевскому. Однако можно с известной определенностью утверждать, что по общему уровню профессуры и студентов в самых разных дисциплинах Московский университет превосходил Казанский и даже Петербургский университеты⁶⁴.

В целом российские университеты XIX века все еще уступали европейским учреждениям высшего образования. Европейские студенты не ездили получать знания на восток, в то время как многие русские получали образование за границей. Однако российским университетам более не приходилось нанимать иностранных профессоров для обеспечения должного уровня преподавания. Русские профессора полноправно участвовали в общеевропейской научной жизни, читали лекции и публиковались на Западе. Традиционно сильными в Московском университете оставались математика, физика, химия, геология и биология: многие из московских ученых завоевали всемирное признание. К 1830-м годам университет уже был центром интеллектуальной и политической деятельности империи.

Московский университет более, чем какое-либо другое высшее учебное заведение Российской империи, был ориентирован на прикладные научные исследования: учебный план обладал выраженной практической направленностью. После университетской реформы 1835 года на факультетах были организованы лаборатории, непосредственно ориентированные на решение прикладных задач. Как и в Чикаго, наука воспринималась в Москве не только как инструмент познания, но и как руководство к действию. И, как и в Чикаго, университет был частью научного сообщества.

В Московском университете и окружающем его интеллектуальном сообществе культивировались либеральные взгляды и любознательность, выходившие за рамки академических интересов. Университет занимал первое место среди российских вузов по объему программ общественной помощи. Еще в 1804 году университетские преподаватели начали читать публичные лекции – общественная активность московской профессуры оставалась высокой на протяжении всего XIX века. В этом их поддерживали другие представители образованной части общества, в том числе московские фабриканты. К середине 1840-х годов в Москве существовало более двух десятков заводских школ, где обучалось более тысячи рабочих⁶⁵. Московский университет отражал свое время и творчески преображал его.

В 1847 году Московское сельскохозяйственное общество основало Московское общество грамотности; спустя четырнадцать лет, в 1861-м, Сергей Лошкарев и Императорское свободное экономическое общество учредили Петербургский комитет грамотности⁶⁶. На протяжении второй половины XIX века оба этих общества поддерживали разнообразные программы по обучению грамоте местных рабочих и способствовали развитию общественной дискуссии о судьбах образования. Подобные инициативы приводили к частым столкновениям с министерством просвещения, пока наконец в ноябре 1895 года последнее не взяло под свой контроль и петербургский, и московский комитеты грамотности.

В то же время московские городские чиновники с симпатией относились к местным поборникам грамотности и

их начинаниям. Например, депутату городской думы Михаилу Духовскому удалось изыскать бюджетные средства на открытие школы для заводских рабочих в районе Пречистенки⁶⁷. Подобные проекты выходили за пределы богатых кварталов: многие из школ открывались непосредственно в рабочих предместьях.

Духовской был популярным профессором уголовного права в Московском университете. На организованную им школу для рабочих, открывшуюся 12 октября 1897 года, пожертвовали деньги несколько московских заводчиков. В первый день на уроки пришло более трехсот рабочих, и число обучаемых продолжало увеличиваться по мере того, как новость о школе распространялась по городу. В нескольких рабочих районах в школы для взрослых были переоборудованы заброшенные здания, начальные учебные заведения и заводские кухни: основы грамоты преподавались здесь с восьми утра до десяти вечера. К 1902 году в школах для рабочих, созданных по образцу пречистенской школы Духовского, наряду с обучением грамоте проводились занятия по геометрии, химии, физике, истории и литературе.

Кроме того, в Москве предпринимались попытки основать аналоги американских домов быта, а также британских, немецких и французских народных дворцов⁶⁸. Выдающимся деятелем в области образования был видный экономист, профессор экономики Московского университета Иван Янжул. Он и его коллеги сыграли важную роль в проведении Второго съезда российских деятелей профессионально-технического образования, который состоялся в Москве в декабре 1895 – январе 1896 года⁶⁹.

Обучение грамоте и преподавание начал знаний рабочим и нуждающимся было одной из первоочередных задач московских образовательных учреждений в XIX веке. В этой работе участвовал не каждый профессор Московского университета и не каждый московский промышленник, но число радетелей народного образования было весьма велико. Забота о том, чтобы московский рабочий люд научился читать и писать, была той сферой общественной жизни, в которой различные политические и философские воззрения могли воплотиться в дела. Еще одной схожей зада-

чей было образования для женщин. В этой сфере жившие в конце XIX века московские сторонники равных образовательных прав также сыграли выдающуюся роль.

Женщины в университетах

Вопрос о женском образовании получил в России радикальную политическую окраску после публикации в 1862 году знаменитого романа Николая Чернышевского «Что делать?»⁷⁰. В нем автор вывел тип сильных женщин, рассчитывающих только на собственные силы и олицетворяющих достоинства труда и независимости. Роман дал толчок ожесточенным спорам в среде русской интеллигенции о будущем страны и, в частности, о «женском вопросе». Наряду с героизмом жен предводителей декабрьского восстания 1825 года, последовавших за мужьями в сибирскую ссылку, роман с необычайной остротой заставил зазвучать в российском общественном сознании вопрос о женской самостоятельности и самоотверженности. Благодаря Чернышевскому вопрос об эмансипации женщин стал частью революционной мысли.

До 1861 года вопрос о том, в каком объеме образование должно быть доступно женщинам различного социального происхождения оставался по большей части без внимания, по крайней мере в официальных кругах. Все же после основания Екатериной Великой при Воскресенском Смольном женском монастыре в Петербурге Института благородных девиц (первоначально – Воспитательное общество благородных девиц) в России открылось несколько средних школ для дочерей дворян и купцов⁷¹.

Во многих состоятельных семьях дочерей обучали специально нанятые воспитатели и наставники. До 1860-х годов в России не было государственных женских школ и гимназий, но уже к середине 1870-х в таких школах обучались 27 тысяч девочек. Однако только горстка русских женщин получила формальное образование, необходимое для поступления в высшие учебные заведения.

Самодержавное правительство ни при каких обстоятельствах не могло позволить учиться в университетах да-

же самым образованным из русских женщин. Так, у девушки, стремящейся к получению высшего образования, оставалось только два выхода. Она могла, во-первых, убедить университетского профессора позволить ей посещать его курсы в качестве вольнослушательницы и, во-вторых, могла уехать за границу. И в том и в другом случае молодые представительницы благородного сословия вступали в противоборство с бюрократическим аппаратом империи.

Некоторые русские женщины оставили всякую надежду добиться преобразований путем реформ и примкнули к ширящемуся народническому и другим радикальным и революционным движениям. Иные встретили сочувствие в наиболее передовых российских университетах, например крупнейшем в стране медицинском образовательном учреждении – Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Наконец, многие женщины отправились в Цюрих, где дополнили ряды студентов Политехнической школы. Чинный швейцарский город банкиров постепенно стал крупным центром русского революционного движения⁷². Уже к середине 1870-х в Россию из Швейцарии вернулось немало молодых, энергичных женщин с медицинским или инженерным дипломом⁷³.

Профессура российских университетов предпринимала попытки откликнуться на возросшие образовательные потребности происходящих из состоятельных семей женщин. В 1876 году женские курсы были организованы при Казанском университете, спустя два года – при Петербургском и Киевском университетах⁷⁴. Министерские чиновники в Петербурге делали все от них зависящее, чтобы ограничить или вовсе ликвидировать такие курсы, отказывая слушательницам в университетских дипломах, несмотря на их академические успехи. В Москве университетские профессора во главе с Владимиром Герье сумели обойти драконовы постановления, организовав женские курсы вне юрисдикции министерства просвещения.

С 1868 года и до своей отставки в 1904 году Герье (он скончался в 1919-м в возрасте 82 лет) был ведущим преподавателем европейской истории в Московском университете⁷⁵. После окончания Московского университета Герье в течение трех лет учился за границей – в Германии, Ита-

лии и в Париже. Он вернулся в Москву, где закончил образование в Первом кадетском корпусе. Исторические работы Герье отличал широкий культурный охват, а его преподавательский талант принес ему заслуженную славу. В частности, ему приписывается заслуга основания первых в России университетских семинаров по изучению истории.

По своим политическим взглядам Герье всегда оставался либералом и не признавал революционного пути развития России. Он поддерживал идею местного самоуправления, выступал в защиту либеральных университетских уложений 1863 года и основал самые известные в стране семинарские курсы для женщин. С 1872 по 1888 год, после того как имперское правительство вынудило Герье закрыть университетский семинар, он занимался организацией открытых высших курсов для женщин в области гуманитарных и общественных наук. На протяжении этих долгих лет Герье оставался главным вдохновителем «общественных Высших курсов для женщин в Москве». Его проект увенчался успехом во многом благодаря финансовой поддержке богатых москвичей и профессиональному содействию коллег из Московского университета⁷⁶.

Так и не получив официального признания, московские курсы Герье стали важной гражданской и культурной инициативой. Герье восстановил курсы в 1900-м и руководил ими вплоть до 1905 года⁷⁷. Однако вопрос о высшем образовании для женщин в Российской империи так и не получил должного разрешения – об этом в 1909 году критически писал Дарлингтон⁷⁸.

Как уже отмечалось выше, уровень образования женщин в целом по России оставался чудовищно низким. Москва выделялась на этом фоне главным образом благодаря многочисленным частным или полугосударственным образовательным проектам, которые пользовались поддержкой муниципального правительства и местного купечества. Так, обсуждение вопроса о начальном и среднем образовании для женщин велось в московской городской думе до самой революции 1905 года⁷⁹.

Забота купцов о женской грамотности диктовалась эгоистичными мотивами. Многие московские предприятия

легкой промышленности зависели от относительно дешевой женской рабочей силы. В последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX века в город устремилось множество сельских женщин. Приехавших в Москву из сел Центральной России женщин часто всего ожидала участь домашней прислуги или рабочих на одной из текстильных фабрик. То, что московские купцы и промышленники вкладывали небольшие средства в образовательные программы для женщин, оборачивалось в конечном итоге вложением в собственную рабочую силу.

Несмотря на присущую упомянутым образовательным проектам толику цинизма, дело этим не исчерпывалось. Жившие как в миру, так и в стенах церковных обителей женщины принимали активное участие в филантропической деятельности в России в целом и в Москве в частности. Адель Линденмейр отмечает, что «роль, которую женщины играли в благотворительной и общественной деятельности эпохи реформ сложно переоценить... Для многих женщин организованная благотворительность была единственным получившим «официальное одобрение» путем для проявления благочестия или патриотизма»⁸⁰. Женщины из средних слоев общества часто учительствовали, особенно в начальных школах⁸¹. Для московских женщин образовательная сфера стала естественной областью применения их талантов и гражданских устремлений.

В образовательных программах для женщин сочетались многие элементы московского прагматического плюрализма. Богатые помогали бедным найти место в жизни. В результате уровень образования женщин в Москве намного превосшел средние показатели по России. Москвички в самом широком смысле участвовали в благотворительной деятельности и политической жизни той эпохи – женщины стояли в рядах либеральных и радикальных политических и общественных движений. Роль московских женщин в становлении гражданской культуры древней столицы огромна – они немало способствовали созданию социального пространства, необходимого для возникновения прагматических союзов, которые выходят за границы классовых и сословных различий.

Народный университет

Как показывает история общественных дебатов о женском образовании, они составляли часть более глобальной проблемы, волновавшей просвещенную Москву на рубеже веков, – массового образования. Переселение в город тысяч крестьян не могло не изменить облик промышленных предприятий и рабочих предместий. В свою очередь, грамотность означала совершенствование профессиональных навыков. Умение читать было необходимым условием вхождения в бурлящую урбанистическую культуру Москвы. В затяжных баталиях и дебатах о судьбах народного образования участвовали общественные активисты и либеральные профессора, прагматичные муниципальные политики и реакционные эмиссары Петербурга. Результатом стало причудливое сочетание достижений и разочарований, замечательных успехов и полных провалов. К 1910 году в Москве, безусловно, сформировалась массовая культурная среда, достойная столичного города, несмотря на вероятное превосходство в образовательной сфере европейских и североамериканских городов⁸².

Успех московских проектов массового образования зависел от деятельности широких гражданских коалиций, в которых участвовали политики муниципального уровня. «Отцы» города энергично призывали влиятельных москвичей содействовать образовательным программам. Однако более ощутимым достижениям в образовательной сфере зачастую препятствовали нехватка финансовых ресурсов, бюрократическое вмешательство сверху и обостряющаяся социальная и политическая конфронтация в русском обществе.

В истории создания Народного университета Шанявского нашли отражение наиболее показательные и проблемные стороны городских образовательных проектов. В современных терминах университет, так же как и другое выдающееся культурное достижение Москвы в этот период – Третьяковская галерея, – представлял собой образец сотрудничества государства с частным капиталом. Такие учреждения помогали России навести мосты в *иное* будущее – будущее, которому, увы, не суждено было со-

стояться из-за растущей социальной и политической напряженности, фракционности и нетерпимости.

Альфонс Шанявский, в отличие от коллекционера Павла Третьякова, не был представителем старообрядческой купеческой элиты Москвы. Поляк, прошедший много лет в Сибири на службе императорской армии, Шанявский после своей отставки в 1875 году занялся торговлей золотом. Вскоре у него установились тесные и взаимовыгодные отношения с Василием Сабашниковым, отцом Михаила и Сергея Сабашниковых, которым предстояло основать одно из престижнейших академических издательств Москвы⁸³.

Москва Шанявского и Сабашниковых отличалась от Москвы старообрядческого купечества. Шанявский и Сабашниковы олицетворяли ту самую преуспевающую и энергичную «крупную буржуазию», которую порождают или привлекают бурно растущие города. Подобные им персонажи встречаются и в истории Чикаго и Осаки: о них рассказывается в соответствующих главах этой книги. Их возвышение свидетельствовало о растущей неоднородности Москвы – многообразии, которое импонировало Шанявскому и которое призван был подчеркнуть завещанный им Москве дар.

Шанявский родился в 1837 году в родовом поместье близ польского города Седльце. Мальчик происходил из благородной семьи, и в возрасте девяти лет родители определили Альфонса учиться в Тульском кадетском корпусе⁸⁴. Военное образование он завершил в Академии генерального штаба в Санкт-Петербурге, с отличием окончив его в 1861 году. Шанявский отказался от должности преподавателя в столичном военном училище и отправился на восток – исследовать Амурскую область в составе экспедиции, возглавляемой графом Николаем Муравьевым-Амурским. В Сибири и на Дальнем Востоке прошла военная карьера Шанявского, ушедшего в отставку в чине генерал-майора.

Шанявский истово верил в популярные среди российских интеллигентов поколения 1860-х идеи прогресса посредством образования⁸⁵. Еще в Сибири он активно поддерживал проекты в области народного образования. Он женился на Лидии Николаевне Подственне, одной из пер-

вых русских феминисток, семья которой владела несколькими небольшими золотыми рудниками в Сибири⁸⁶. Часть доходов с приисков Шанявский и его жена использовали в филантропических целях. Одно из их первых начинаний на ниве образования – учреждение в Сибири школы для бурятов – закончилось плачевно. Министр просвещения граф Толстой распорядился закрыть школу еще до начала занятий.

Альфонс и Лидия обосновались в Москве, живя с доходов от золотых приисков и находившейся в их владении городской недвижимости⁸⁷. Свой великолепный особняк на Арбате они превратили в центр благотворительности, щедро помогая различным образовательным учреждениям, в том числе женским курсам Герье⁸⁸.

После правительственного кризиса в 1905 году Шанявские почувствовали, что общественно-политическая ситуация в стране благоприятствует развитию образовательных проектов. Впрочем, здоровье Альфонса резко ухудшалось, и он скончался в том же 1905 году, не дожив до воплощения своих честолюбивых замыслов. Он завещал свою московскую недвижимость и сумму в 300 тысяч рублей городскому правительству – с условием, что городская дума учредит в Москве заведение высшего образования, независимое от министерства просвещения и открытое для всех граждан старше шестнадцати лет, вне зависимости от сословной принадлежности, вероисповедания или образовательного ценза⁸⁹. Кроме того, Шанявский мудро определил предельный срок исполнения завещания – и это заставило думу действовать⁹⁰.

То, каким Шанявские видели свое детище, соответствовало представлениям о «народных университетах» эпохи революции 1905 года⁹¹. В декабре 1905 года Общество гражданских инженеров учредило Всероссийское общество народных университетов, а следующей весной было основано Московское общество народных университетов. Поборники идеи массового образования воспринимали данные заведения как независимые институты, призванные распространять знания на внеаудиторной основе, посредством специализированных курсов, открытых лекций, экскурсий, посещений библиотек и читальных залов и т.п.

Шанявские намеревались сделать следующий шаг – предоставить своим слушателям все права и привилегии, которыми обеспечивались студенты государственных университетов.

Городская дума приняла дар Шанявского, учредив в целях осуществления проекта компетентную комиссию во главе с князем Владимиром Голицыным (в состав комиссии входили Лидия Шанявская и друг семьи Михаил Сабашников)⁹². В фонд университета поступило немало щедрых пожертвований; читать лекции дали согласие многие представители академических кругов Москвы⁹³. Однако министерство просвещения долго отказывалось зарегистрировать новый университет, и политические баталии затянулись до 1908 года⁹⁴. В результате университету было отказано в праве выдавать дипломы, а попечителям пришлось согласиться на условия петербургских властей, согласно которым университет подлежал инспектированию со стороны министерства просвещения. Попечительской комиссии удалось отстоять принцип свободного приема: к обучению допускались все заинтересованные граждане старше шестнадцати лет вне зависимости от их образовательного уровня⁹⁵. Статусные вопросы были окончательно урегулированы к осени 1908-го, и 2 октября того же года университетские аудитории открылись для слушателей⁹⁶.

Успех нового университета превзошел все ожидания. Народный университет Шанявского имел три факультета – социальных наук, историко-философский и естественнонаучный, на которых устраивались открытые лекции и одновременно предлагалась более формальная, академическая форма образования. Лекционные курсы предназначались для студентов с незаконченным средним образованием, причем почти половину обучаемых составляли рабочие. Академическая программа была рассчитана на три года и завершалась присуждением степени, аналогичной университетской. Если в 1910 году в университет было принято 1735 студентов, то к 1916 году набор составил более семи тысяч человек⁹⁷. Фонды университетской библиотеки выросли за неполные десять лет до 35 тысяч томов⁹⁸.

Через несколько лет городская дума и частные жертвователи возвели для университета огромное здание на Ми-

усской площади, спроектированное Илларионом Ивановым-Шицем⁹⁹. В 1912 году, к всеобщему ликованию, новое университетское здание приняло первых студентов. Большевики закрыли университет в конце 1918 года и реквизировали здание под собственные образовательные нужды. В советское время комплекс зданий на Миусской площади вмещал несколько образовательных учреждений коммунистической партии, в том числе Высшую партийную школу, пока в 1991-м по решению Моссовета он не был передан новообразованному Российскому государственному гуманитарному университету.

На протяжении всей истории существования Народный университет Шанявского оставался бельмом на глазу министерства просвещения. Министерские чиновники видели в нем рассадник политического радикализма. В 1911 году, после столкновения премьер-министра Столыпина с руководством Московского университета, Народный университет Шанявского принял на работу многих из опальных профессоров. На факультетах Народного университета преподавали выдающиеся представители московской либеральной интеллигенции, в том числе агрономы Климент Тимирязев и Александр Чаянов, биолог Николай Кольцов, химик Николай Зелинский, геохимик Александр Ферсман, геофизик Петр Лазарев, историки Александр Кизеветтер и Николай Сперанский, один из родоначальников гидро- и аэродинамики Николай Жуковский, юрист Анатолий Кони, литературовед Матвей Розанов, невропатолог Владимир Рот, врач Петр Лебедев, поэт Сергей Есенин, а также академический издатель и близкий друг Шанявского Михаил Сабашников.

Именно этим ученым и их коллегам удалось создать в российской образовательной системе, скомпрометированной к тому времени доктринерской нетерпимостью, независимое интеллектуальное пространство. Кизеветтер, например, вспоминал о годах, проведенных в стенах университета Шанявского, как о самом светлом времени своей богатой событиями жизни – такого мнения придерживались и многие из его студентов и коллег¹⁰⁰.

Народный университет Шанявского был, безусловно, важнейшим из общественных и частных начинаний в мос-

ковской городской жизни, стремившихся усовершенствовать национальную систему образования. Проект увенчался успехом благодаря тесному сотрудничеству муниципального правительства, частного капитала и блестящего интеллектуального сообщества. Сам факт существования университета Шанявского, Пречистенской школы для рабочих, Высших женских курсов Герье и благотворительных образовательных программ Московского университета свидетельствует о возникновении и пестовании в Москве гражданской культуры, неподконтрольной имперскому правительству.

Судьба университета Шанявского и других образовательных проектов, ускользавших из-под надзора бюрократов министерства просвещения, напоминает о другом историческом аналоге – фрондерствующих учебных заведениях и неортодоксальных литературных и философских обществах, активно действовавших в Манчестере и Шотландии накануне Английской буржуазной революции. В своем исследовании закономерностей урбанистического развития Питер Холл утверждает, что «периферийные» образовательные учреждения и ученые сообщества создают интеллектуальное пространство, в котором могут процветать предприниматели «из глубинки», которые, как подсказывает нам исторический опыт, часто стоят у истоков технологических прорывов. Согласно Холлу, присутствие в графстве Ланкашир нонконформистов, диссентеров, конгрегационалистов (индепендентов)*, а также их ассоциаций и школ обеспечило Манчестеру «явное преимущество над городами-соперниками» на заре промышленной революции в Великобритании¹⁰¹.

Поддержка, которую богатеющее московское купечество оказывало периферийным образовательным программам и философским течениям, свидетельствовала и об их благочестивой тяге к филантропии, и о трезвом экономическом расчете, состоявшем в необходимости повышения образовательного уровня местных рабочих. Успешные действия муниципальных политиков по объединению в об-

* Названия лиц и организаций в Англии, не признававших учение и обряды официальной англиканской церкви.

разовательной сфере усилий самых разнообразных и порой соперничающих общественных групп опровергает мнение о полной несостоятельности политики компромиссов в последние годы существования царской России. В вопросах массовой грамотности и народного образования ведущую роль в городской политике зачастую играли именно прагматические плюралисты.

Печатная культура Москвы

Многие ученые, в частности Джеффри Брукс, Дэниел Брауэр, Стивен Фрэнк, Роуз Гликман, Луиз Мак-Рейнольдс и Марк Стайнберг, которые изучают вопросы грамотности и «печатной» культуры, уделяли особое внимание муниципальным и благотворительным образовательным программам в Москве. Исследования показывают, что, несмотря на трудности, свойственные переходу от аграрного к индустриальному обществу, городская культура дореволюционной Москвы вовсе не была примитивной, досовременной и «крестьянской».

Гликман, например, показывает, что к 1914 году одна пятая российских промышленных рабочих были женщинами — это резкий скачок от прежнего патриархального уклада, который, увы, неблагоприятно отразился на структуре семейных отношений¹⁰². В противоположность расхожему мнению, заработная плата женщин ненамного отставала от заработков мужчин. Так, к началу Первой мировой войны заработная плата женщин, занятых в производстве хлопчатобумажных, шерстяных и льняных тканей, составляла от двух третей до трех четвертей заработной платы мужчин. Более того, как отмечалось ранее, уровень грамотности в Москве приближался к уровню грамотности в крупнейших североамериканских городах.

Грамотность и интерес к печатному слову проникали во все слои московского общества. Хитрый и грубоватый Николай Пастухов сколотил огромное состояние, потакая вкусам «новой читающей публики» на страницах своей необычайно популярной бульварной газеты «Московского листка». Пестрящий броскими заголовками и живыми ис-

торийками, «Московский листок», а равно и другие газеты Москвы и Петербурга, ни на йоту не уступали популярной журналистике американских и европейских городов¹⁰³. Марк Стайнберг и Стивен Фрэнк верно отмечают, что «на рубеже веков чтение стало неотъемлемой частью пролетарской культуры»¹⁰⁴.

В работе «Когда Россия научилась читать» Джеффри Брукс исследует книжную культуру Москвы конца XIX — начала XX века. Несмотря на все пережитки патриархальности, Москва уверенно вступала в «современный» мир промышленного капитализма. Город стал средоточием коммерческой, массовой печатной культуры, породившей не одно крупное состояние. Книгоиздание и торговля печатной продукцией оказались дорогой к богатству для нескольких москвичей с более чем скромной родословной¹⁰⁵. Издатель Иван Сытин, «русский Джозеф Пулитцер», происходивший из крестьян, стал владельцем крупнейшего в стране издательского дома и уважаемой либеральной газеты «Русское слово»¹⁰⁶. Газетный магнат Николай Пастухов олицетворял тип жесткого дельца, выбившегося из низов и обязанного успехом только самому себе¹⁰⁷.

В 1914 году в России было издано 133 561 886 экземпляров книг — в три раза больше, чем за два десятилетия до этого¹⁰⁸. Популярная пресса отличалась все большей «светскостью, рациональностью и космополитизмом» — московские бульварные газеты несли в массы идеи Просвещения и европейских буржуазных революций. Распространение грамотности и развитие столичных по духу газет свидетельствовало о развитии московского гражданского сознания, способного выходить за рамки классовых и словесных предпочтений.

Наблюдения Петера Фрицше о роли берлинской ежедневной прессы в создании городского сообщества в полной мере применимы и к Москве. Фрицше пишет, что «столичная газета помогала читателям ориентироваться в городе, не сковывая их при этом какими-либо рамками. Хотя город в целом представлялся ареной театрального действия, лицезреть этот спектакль можно было с разных точек зрения. Женщины среднего класса, белые воротнич-

ки и пролетарии – каждый выбирал свой путь... Однако объединяющим принципом была мысль о том, что город – сказочная страна, и все ее обитатели способны пуститься в странствия по неведомым, пусть и хорошо знакомым улицам, собирая мимолетные красочные образы и познавая самих себя»¹⁰⁹.

Москва – эта «сказочная страна» – была родиной культуры потребления в России, которая постепенно изменяла пейзаж крупнейших российских городов. Крестьянам, рабочим, купцам и аристократам некуда было деться от вездесущих вывесок, провозглашавших, по определению Джеффри Бердса, догматы «новой библии потребительства»¹¹⁰. Модная одежда становилась источником гордости и для городских буржуа, и для мещан. Потреблять означало подниматься по социальной лестнице.

О развитии новой русской городской культуры свидетельствовали и изменившиеся обычаи потребления алкоголя. Винопитие превратилось в обязательный атрибут городской жизни, породив «алкогольную волну», что захлестнула Россию в 1890-х годах¹¹¹. Производство алкоголя, некогда находившееся в руках ремесленников, выросло в целую отрасль промышленности: городские трактиры, кабаки и рюмочные стали таким же определяющим признаком «урбанистичности», как и бульварная пресса. Николай Горин утверждает, что в этот период у россиян изменился собственно характер потребления алкоголя – винопитие перестало ассоциироваться с сезонными празднествами и торжественными сельскими обрядами¹¹². Пьянство стало социальным феноменом не только в Москве, но и в других больших российских городах.

Московские образованные женщины-рабочие, газетные магнаты, читатели бульварных листков, пролетарские поэты, обыватели и маргиналы – все они принимали участие в создании урбанистической гражданской культуры, зачастую выходившей за границы сословных различий и классовых противоречий. Носители этой городской культуры далеко не всегда ощущали себя в категориях «классовой принадлежности». Урбанистичность Москвы имела хаотичную природу. Слуги самодержавия справедливо видели в кипучей городской жизни древней столицы угрозу

своему порядку. В истории дореволюционной индустриализации России множество примеров яростных, неразрешимых конфликтов. И все же прагматичным плюралистам в Москве лучше других россиян удавалось находить выход из казавшихся тупиковыми ситуаций.

Успех прагматиков

В Москве на рубеже столетий народное образование стало сферой общих устремлений и совместных действий развивающегося гражданского общества и мятущегося муниципального правительства, которые нередко противостояли реакционерам из имперского министерства просвещения. Подобно трудовому законодательству и общественному здравоохранению, народное образование стало одним из многочисленных лакмусовых тестов, позволявших определить истинное отношение состоятельных москвичей к своим менее удачливым согражданам. Именно в области образования москвичи могли без ущерба для собственных интересов реализовать на практике вековые представления о благотворительности и благочестии. Не в пример некоторым другим, вызывавшим гораздо более серьезные разногласия, проблемам городской жизни, народное образование в Москве – этим, кстати, Москва в корне отличается от Чикаго начала XX века – представляло собой сферу общественной жизни, где стремление к общим целям и совместные усилия преодолевали идеологические барьеры и узкие классовые интересы. Обучить народ грамоте стремились и радикалы, и консерваторы.

Во всех сферах народного образования – будь то курсы грамотности для рабочих, образовательные программы для женщин или проекты, направленные на либерализацию университетского образования, – можно найти примеры, как влиятельные гражданские лидеры и энергичные радетели общественного блага создавали конструктивные и действенные коалиции перед лицом, казалось бы, непреодолимых трудностей. Их успех, в свою очередь, приводил к жестоким конфликтам между представителями московской элиты и петербургскими чиновниками, которые в

любой форме образования склонны были видеть источник политического радикализма¹¹³.

Тем не менее многие из сторонников образовательных программ оставались убежденными приверженцами самодержавия. По меньшей мере, они вовсе не были радикалами и революционерами, которых так страшилось имперское правительство. Подобно героям «транспортных войн» в Чикаго, Василий Вахтёров, Михаил Духовской, Владимир Герье, Николай Гучков, Альфонс Шанявский и их менее известные сподвижники не стремились к радикальным реформам, а тем более к свержению режима. Более того, их взгляды отличал сугубый консерватизм, они пытались лишь усовершенствовать существующую общественную модель.

Московские деятели просвещения были прагматичными плюралистами – подобно Картеру Гаррисону, Джону Гарлану и Бьону Арнольду в Чикаго. Как и в Чикаго, их успех нельзя назвать полным. Проекты обучения грамоте широких слоев населения приобрели решающее значение для московской городской культуры в то самое время, когда общегосударственная система образования балансировала на краю бездны.

Пока москвичи бились за осуществление образовательных проектов, имперское правительство в Петербурге не упускало ни единой возможности, чтобы ограничить местную инициативу. Политика Петербурга несколько смягчилась после революции 1905 года, однако реакция усилилась после парламентского переворота, совершенного Столыпиным 3 июня 1907 года. Вахтёров окончил свои дни в 1920-х, обучая грамоте красноармейцев при новом большевистском режиме. Герье умер в Москве, раздираемой революцией и Гражданской войной, не поступившись своими либеральными принципами. Гучков вступил в Белую армию и боролся против Советов до самой своей смерти в эмиграции, последовавшей в 1930-х годах. Несмотря на его огромную популярность, большевики закрыли Народный университет Шанявского. Эти печальные события – следствие краха политического ядра Российской империи, вызванного военным поражением, политической недалекостью и полной административной некомпетентностью.

Неудача, постигшая прагматический плюрализм в масштабе всего российского государства, еще ярче высвечивает описанные здесь достижения московского общества. Образовательной политике в Москве был присущ прагматический плюрализм, принесший благо и городу, и горожанам. В Москве серебряного века образование стало той единственной областью, где гражданское сознание – пусть временно – вполне преодолело рамки классовых различий.

Примечания

¹ Большинство этих проблем рассматривается в следующих работах: Joseph C. Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. (Berkeley: University of California Press, 1985); Jeffrey Burds, *Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861—1905*. (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1998); Robert E. Johnson, *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1979).

² Rose L. Glickman, *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914*. (Berkeley: University of California Press, 1984), pp. 111—112.

³ Рашин Адольф Григорьевич, *Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки*. (М., Госстатиздат, 1956), с. 299.

⁴ Susan Bronson, *Enlightening the Urban Poor: Adult Education in Late Imperial Russia, 1859—1914*. (Ph.D. diss., University of Michigan, 1995), p. 1.

⁵ Ben Eklof, *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914* (Berkeley: University of California Press, 1996), p. 292.

⁶ Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Culture, 1861—1917*. (Princeton: Princeton University Press, 1985).

⁷ Там же, с. 4.

⁸ Там же.

⁹ Данный очерк образовательных реформ 1864 и 1874 годов основан на следующих работах: Eklof, *Russian Peasant Schools*, pp. 50—69; Jeffrey Brooks, *The Zemstvo and the Education of People*, in Terence Emmons and Wayne S. Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*, (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1982), pp. 243—278.

¹⁰ Более подробно о земском самоуправлении см.: Emmons and Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia*; а также работы: S. Frederick Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870*. (Princeton: Princeton University Press, 1972).

¹¹ Eklof, *Russian Peasant Schools...*, p. 56.

¹² Brooks, *The Zemstvo...*, p. 243.

¹³ Eklof, *Russian Peasant Schools...*, p. 63.

¹⁴ Brooks, *The Zemstvo...*, pp. 245—246.

¹⁵ Eklof, *Russian Peasant Schools...*, pp. 66—67.

¹⁶ О наблюдениях Вахтёрова и его внимании к этим проблемам см. там же, с. 110—115.

¹⁷ Там же, с. 110; «Vakhterov Vasilii Porfir'evich», in Joseph Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*, 61 vols. (Gulf Breeze, Fla.: Academic International, 1976—97), Vol. 41, p. 157.

¹⁸ Этот конфликт глуже исследуется в работе: Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906—1914*. (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1987), pp. 154—180.

¹⁹ James T. Flynn, *Tuition and Social Class in the Russian Universities: S. S. Uvarov and 'Reaction' in the Russia of Nicholas I*. *Slavic Review* 35, no 2 (1976), pp. 232—248; James T. Flynn, Uvarov, Sergei Semenovich in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 41 (1986), pp. 147—251: 147.

²⁰ Patrick L. Alston *Education and the State in Tsarist Russia*. (Stanford: Stanford University Press, 1969), pp. 107—117; William H. E. Johnson, *Russia's Educational Heritage*. (Pittsburg: Carnegie Press, 1950), pp. 148—153; James C. McClelland, *Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia*. (Chicago: University of Chicago Press, 1979), pp. 9—17.

²¹ Alston *Education and the State...*, pp. 153—165.

²² Thomas Darlington, *Education in Russia*. *Special Reports on Educational Subjects*. (London: Great Britain Education Board, 1909), p. 90.

²³ Nickolas A. Hans, *A History of Russian Educational Policy (1701—1917)*. (New York: Russell and Russell, 1931), pp. 110—130.

²⁴ William L. Mathes, Tolstoi, Dmitrii Andreevich, in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 39, pp. 101—115.

²⁵ Там же, с. 101.

²⁶ Hans, *A History of Russian Educational Policy...*, pp. 140—164; Robert D. Warth, Pobedonostsev, Konstantin Petrovich, in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 28, pp. 139—142.

²⁷ Warth, Pobedonostsev... p. 141.

²⁸ Paul W. Johnson, Delianov, Ivan Davidovich, in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 9, pp. 34—37.

²⁹ Johnson, *Russia's Educational Heritage*, pp. 153—183.

³⁰ Johnson, Delianov....

³¹ McClelland, *Autocrats and Academics...*, p. 29.

³² James T. Flynn, Bogolepov, Nikolai Pavlovich in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 5, pp. 34—36.

³³ Там же; Johnson, *Russia's Educational Heritage*, pp. 183—186.

³⁴ Eklof, *Russian Peasant Schools...*, p. 119.

³⁵ Там же, с. 168; Brooks, *The Zemstvo...*

³⁶ Hans, *A History of Russian Educational Policy...*, p. 151.

³⁷ McClelland, *Autocrats and Academics...*, p. 32.

³⁸ Hans, *A History of Russian Educational Policy...*, pp. 151—152.

³⁹ Там же. Описание курсов можно найти в работе: Darlington, *Education in Russia*, pp. 460—497, 505—528.

⁴⁰ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, p. 2.

⁴¹ Там же, с. 5.

⁴² Там же, с. 25—33.

⁴³ Там же, с. 87—91.

⁴⁴ Там же, с. 87.

⁴⁵ Scott J. Seregny, *Professional Activism and Assotiation among Russian Teachers, 1864—1905*. In Harley D Balzer, ed., *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*, (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996), pp. 169—196.

⁴⁶ В следующей работе дана хронология образовательных реформ: Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, pp. 171—175.

⁴⁷ Robert William Thurston, *Urban Problems and Local Government in Late Imperial Russia: Moscow, 1906—1914*. (Ph.D. diss., University of Michigan, 1980), p. 203.

⁴⁸ Thurston, *Liberal City, Conservative State...*, pp. 154—180.

⁴⁹ Этот тезис основан на работе Кассова: Samuel Kassov, *Professionalism among University Professors*. in Balzer, ed., *Russia's Missing Middle Class...*, pp. 197—222.

⁵⁰ Значение выступлений Льва Толстого против смертной казни рассматривается в работе: Jeffrey Peter Brook, *Liberalism, Literature, and Idea of Culture: Russia, 1905—1914*. (Ph.D. diss., Stanford University, 1972), pp. 200—220, 460—473.

⁵¹ Там же, с. 469—470.

⁵² Thurston, *Urban Problems...*, p. 203.

⁵³ Thurston, *Liberal City, Conservative State...*, p. 157.

⁵⁴ В 1913 году правительство России обеспечивало 11 процентов бюджета начальных школ Москвы и 9 процентов всех остальных расходов на образование в городе. Там же.

⁵⁵ Nicholas J. Astrov, *The Municipal Government and the All-Russian Union of Towns*. In Paul G. Gronskey and Nicolas J. Astrov, eds., *The War and the Russian Government*, (1929; reprint, New York: Howard Fertig, 1973), pp. 129—321, 156.

⁵⁶ Thurston, *Liberal City, Conservative State...*, p. 158.

- ⁵⁷ Писарькова Любовь Федоровна, *Городские головы Москвы (1863—1917 гг.)*. Отечественная история 1997, № 2, с. 3—19: 12—14.
- ⁵⁸ I. F. Gindin, Guchkov Family, in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 13, pp. 187—188.
- ⁵⁹ Теребов О.В., Павлов Д.Б. и Боханов А.Н. Гучковы, под ред. Шмидта С.О. и др., Москва: энциклопедия (М., Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1977), с. 240—241.
- ⁶⁰ См., например: Joseph C. Bradley, *Merchant Moscow after Hours: Voluntary Associations and Leisure*, in James L. West and Iurii A. Petrov *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*, (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 133—143: 133.
- ⁶¹ Adele Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and State on Imperial Russia*. (Princeton: Princeton University Press, 1996), p. 8.
- ⁶² Там же, с. 58.
- ⁶³ Клайнборт Л. М. *Очерки рабочей интеллигенции. Том 1: 1905—1916*. (Петроград, Начатки знаний, 1923), p. 49.
- ⁶⁴ William L. Blackwell, *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800—1860* (Princeton: University Press, 1968), pp. 354—364.
- ⁶⁵ Лавричев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России, 1861—1917». (М., Мысль, 1972), с. 16.
- ⁶⁶ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, pp. 15—42.
- ⁶⁷ Там же, с. 60—64; Victoria E. Bonnell, *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914*. (Berkeley: University of California Press, 1983), pp. 69—72.
- ⁶⁸ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, pp. 64—73.
- ⁶⁹ Там же, с. 74—76.
- ⁷⁰ Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice...*, pp. 127—130.
- ⁷¹ Richard Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860—1930*. (Princeton: Princeton University Press, 1978), p. 4.
- ⁷² Там же, с. 79—84.
- ⁷³ Barbara Alpern Engel and Clifford N. Rosenthal. *Five Sisters: Women against the Tsar*. (New York: Knopf, 1975).
- ⁷⁴ Stites, *The Women's Liberation Movement...*, pp. 82—84.
- ⁷⁵ Christine Johanson, Ger'e (Guerrier) Vladimir Ivanovich, in Wiczynski, ed., *The Modern Encyclopedia...*, Vol. 12, pp. 149—151.
- ⁷⁶ Крашенинникова А. Р. Высшее земское образование в Москве», Москва в ее прошлом и настоящем № 12, с. 106—120.
- ⁷⁷ Johanson, Ger'e (Guerrier)...
- ⁷⁸ Darlington, *Education in Russia*, pp. 426—459.
- ⁷⁹ Постановления о развитии женского образования, принятые в этот период, можно найти в материалах заседаний городской думы, проходивших 8 февраля 1900, 21 марта 1900, 23 января 1901, 6 февраля 1901, 20 февраля 1901, 28 сентября 1901, 18 декабря 1901, 5 февраля

- ля 1902 и 12 февраля 1902 года и опубликованных в Стенографических отчетах о собраниях Московской городской думы (М., Городская дума, 1889—1908).
- ⁸⁰ Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice...*, p. 125.
- ⁸¹ Christine Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914*. (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1994), pp. 32—33.
- ⁸² Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read...*
- ⁸³ Белов С. В. Сабашниковы под ред. Шмидта и др., *Московская энциклопедия*, с. 710—711.
- ⁸⁴ Князев Евгений. *Вольный университет*, Ваш выбор 1995. № 1, с. 34—36.
- ⁸⁵ Современники Шанявского подчеркивают его твердую веру в прогресс и свободу, подобные взгляды выглядят символическими для поколения 1860—х годов. См., например, Кизеветер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914), (Прага: Орбис, 1929), с. 471—74, и Михайловский А. *Муниципальная Москва*. Под ред. Гейнике Н. А., Елагина Н. С., Ефимова Н. А. и Шитц И. И. По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям, (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 121—158.
- ⁸⁶ Кизеветер, *На рубеже двух столетий...*, с. 474.
- ⁸⁷ Белицкий Ю. М. и Г. М. Глезер *Москва незнакомая* (М., Стройиздат, 1993), с. 208—211.
- ⁸⁸ Белицкий Ю. М. *Забытая Москва* (М., Московский рабочий, 1994), сс. 16—17.
- ⁸⁹ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, p. 109.
- ⁹⁰ Кизеветер, *На рубеже двух столетий...*, с. 478—479.
- ⁹¹ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, pp. 105—109.
- ⁹² Тексты соответствующих решений и постановлений думы можно найти в Стенографических отчетах о собраниях Московской городской думы за 10 января 1906, 21 февраля 1906, 30 мая 1906, 13 июня 1906, 20 июня 1906, 22 августа 1906, 5 сентября 1906, 13 февраля 1907, 29 мая 1907, 21 августа 1907, 6 ноября 1907 и 27 ноября 1907 года.
- ⁹³ Шанявский университет под ред. Шмидта и др., Москва: Энциклопедия, с. 908.
- ⁹⁴ McClelland, *Autocrats and Academics...*, pp. 93—94.
- ⁹⁵ Шанявский университет, с. 908.
- ⁹⁶ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, pp. 114—115.
- ⁹⁷ Князев Евгений, *Вольный университет*, с. 36.
- ⁹⁸ Bronson, *Enlightening the Urban Poor...*, p. 184.
- ⁹⁹ Шанявский университет, с. 908.
- ¹⁰⁰ Кизеветер, *На рубеже двух столетий...*, с. 468—501.
- ¹⁰¹ Peter Hall, *Cities in Civilization* (New York: Pantheon? 1998), pp. 336—342.
- ¹⁰² Glickman, *Russian Factory Women...*, p. 2.

¹⁰³ Louise McReynolds, *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press* (Princeton: Princeton University Press, 1991); Daniel R. Brower, *The Penny Press and Its Readers* in Stephen P. Frank and Mark D. Steinberg, eds., *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia*, (Princeton: Princeton University Press, 1994), pp. 147—167.

¹⁰⁴ Mark D. Steinberg and Stephen P. Frank. Introduction in Frank Stephen and Mark D. Steinberg, eds., *Cultures in Flux...*, pp. 3—10: 4.

¹⁰⁵ Brooks, *When Russia Learned to Read...*, pp. 94—104.

¹⁰⁶ Charles A. Ruud, *A Russian Entrepreneur: Publisher Ivan Sytin of Moscow, 1851—1934*. (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990).

¹⁰⁷ Brooks, *When Russia Learned to Read...*, pp. 118—129.

¹⁰⁸ Там же, с. 61.

¹⁰⁹ Peter Fritzsche, *Reading Berlin, 1900* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996), p. 49.

¹¹⁰ Burds, *Peasant Dreams and Market Politics...*, p. 147.

¹¹¹ Горин Николай. Русское пьянство как социально-культурный феномен, «Власть», 1998, № 3, с. 50—57.

¹¹² Там же.

¹¹³ Thurston, *Liberal City, Conservative State...*

Осака – гавань процветания

Крупномасштабные проекты городского развития жидутся на политике компромиссов. Строительство, изменяющее облик городов, требует больших вложений труда, капитала и интеллекта. Города суть производное коренных системных, технологических и экономических преобразований, а также личного выбора. Это в первую очередь относится к городам, стремящимся по-новому определить свое место в мире, к урбанистическим центрам, в которых честолюбивые замыслы и компромиссы воплощаются в кирпиче, камне, стали и бетоне. Потому неудивительно, что вопросы городского развития были в центре внимания японского общества на протяжении всех пятидесяти лет, рассматриваемых в настоящей работе.

Еще в 1888 году такие передовые журналисты, как Судзуки Сикахиро, начали писать о нечеловеческих условиях жизни в осакских трущобах Нагомачи¹. Вскоре последовали выступления других журналистов и реформаторов, многие из которых с готовностью откликнулись на призывы английского мыслителя Эбенизера Ховарда развивать самодостаточные города-сады, куда можно было бы переселить часть горожан². В Осаке, как и повсюду в мире, субурбанизация – в ее коммерческом и реформаторском аспектах – обуславливалась расширением сети пригородных железных дорог. Между 1893 и 1900 годами в Осаке открылось одиннадцать крупных железных дорог, способствовавших центростремительным тенденциям развития Осаки в начале XX столетия³.

Постепенно электрические железные дороги и трамвайные пути охватили весь город, хотя этот процесс, подобно истории Чарльза Йеркеса и его партнеров в Чикаго, сопровождался громкими коррупционными скандалами⁴. Один из самых драматичных эпизодов – изменение трамвайного

маршрута между Кудзо и Коцу – разрешился отставкой мэра Осаки Уемура в 1912 году⁵. Предлагаемые изменения маршрута были блокированы из Токио в результате тайной сделки с газовой компанией, стремившейся получить неограниченный контроль над мостом, который располагался по пути следования трамвая. Гражданские объединения Осаки немедленно высказали протест против отказа Токио предоставить необходимые разрешительные документы⁶. Запахло скандалом, когда в августе 1912 года в Осаке по подозрению в подкупе депутатов муниципального собрания в интересах газовой компании были арестованы пятеро знатных горожан⁷.

Поначалу осакское муниципальное собрание поддержало мэра Уемура, осудив газовую компанию и ее агентов и выдвинув кандидатуру Уемура на второй срок⁸. Скандал затянулся до осени. Наконец в январе 1913 года муниципальное собрание приступило к выборам нового градоначальника. Когда мэром Осаки вместо отставленного Уемура был избран барон Кимоцуки, дебаты вылились в драку⁹. Политические потасовки придают городской истории Осаки, как, впрочем, и истории Чикаго, своеобразный колорит. Однако остановить развитие трамвайных и железнодорожных путей было невозможно. Расширяющаяся транспортная инфраструктура стала залогом урбанистической экспансии¹⁰.

Коммунальные сооружения

Традиционные аспекты городского планирования, такие как развитие центра и пригородов, составляли лишь часть крупномасштабных планов осакской элиты встроить в экономический рост физическое планирование Осаки. Архитекторы, политики, строительные компании и фирмы, специализировавшиеся на инвестициях в недвижимость, искали новые пространственные решения, которые соответствовали бы требованиям индустриальной эпохи. Осака преображалась на глазах.

Отцам города не удалось достичь полного единства в отношении политики, призванной регулировать пространственные аспекты экономического и урбанистического развития. Некоторым местным лидерам, в частности неод-

нократно избиравшемуся мэром Осаки Икегами Сабуро, удалось осуществить масштабную программу развития городской инфраструктуры, принесшую несомненную пользу многим осакским горожанам. Икегами, о котором в 1913 году его политические противники говорили, что он слишком честен и чист, чтобы быть успешным мэром Осаки¹¹, лучше многих современников понимал, что местная политика стала многомерной игрой, в которой соперничают не только осакские и токийские общественные организации, но и частные компании, профсоюзы и мелкие дельцы. История Осаки на рубеже веков – это рассказ об успешной мобилизации ресурсов вокруг ограниченного числа общественно значимых строительных проектов.

Как и в случае с транспортными битвами в Чикаго, успех осакских муниципальных программ в исторической перспективе может показаться иллюзорным. Строительство городского водоканала и системы канализации не поспевало за растущим спросом на муниципальные услуги, а подвергшаяся полномасштабной реконструкции осакская гавань оказалась технологически устаревшей сразу после окончания строительных работ. Критики этих проектов имели все основания для нелюбимых высказываний. Все же спустя почти сто лет после окончания строительства и несмотря на их явные недостатки упомянутые объекты гражданской инфраструктуры продолжают служить Осаке и прилежащим районам – они выдержали разрушительные бомбежки Второй мировой и Большое кансайское землетрясение 1995 года.

Первый генеральный план развития Осаки, план Ямагучи 1899 года, названный так в честь токийского чиновника, осуществлявшего надзор за проектом, увенчал десятилетнюю кампанию за благоустройство города. В 1894 году в осакских районах Сенба и Симанучи были проведены канализационные трубы, в 1895-м вступил в действие новый водопровод¹². Первая городская система водоснабжения обеспечивала водой 610 тысяч осакцев, а к 1901 году ею был охвачен весь город¹³. Грандиозный проект реконструкции осакского порта 1897 года, о котором пойдет речь ниже, превратил Осаку в важный центр международной торговли и судоходства.

Муниципальное управление в период Мэйдзи

Местные инициативы в области городского планирования были подчинены высокоцентрализованной политической системе, сковывавшей автономию муниципальных властей. Реставрация Мэйдзи привела к централизации административных функций по всей Японии, в особенности после институциональных реформ 1880-х годов¹⁴.

Власть местной элиты заметно упрочилась во время затяжной агонии сёгуната. Тецуо Надзита высказал предположение, что осакские купцы с большей, чем правящая аристократия, точностью и проницательностью оценивали структуру и содержание японской политической жизни, тем самым упрочивая свое положение по отношению к властным ведомствам режима сёгунов Токугава¹⁵. Реставрация Мэйдзи в корне изменила ситуацию. Централизованные меры по реформе административной системы проистекали из стремления нового режима вывести страну на путь экономической модернизации¹⁶.

Централизации способствовали те относительно немногочисленные социальные группы, которые больше других пострадали в бурном для Японии 1868 году. Местная элита с готовностью приняла происходящие в стране революционные изменения¹⁷. Молчаливое одобрение знатью административных реформ Мэйдзи стало одним из признаков перехода к новому режиму. Мариус Б. Янсен и Гильберт Розман утверждают, что целью установления в стране в конце 1880-х годов высокоцентрализованной административной системы было вывести Японию на современный путь развития¹⁸. Конечной целью реформ провозглашалось обретение Японией статуса первоклассной державы¹⁹.

Согласно обещанной в 1881 и принятой в 1889 году Конституции Мэйдзи в Японии учреждались ассамблеи префектур и Императорский парламент²⁰. На национальном уровне японский электорат был ограничен по полу и имущественному цензу: правом голоса наделялись мужчины, способные уплатить ежегодный прямой налог в пятнадцать иен. Примечательно, что при такой системе общее число избирателей по стране почти совпало с числом глав самурайских семей при старом режиме²¹. Еще в начале XX столетия политиче-

ский класс в Японии отличался крайней закрытостью. Значительной неформальной властью обладали также окружные боссы и местные бизнесмены, так что муниципальное управление осуществлялось в рамках высокоцентрализованной государственной и тенденциозной местной системы, что очень сужало поле для политических маневров. Таким образом, можно с известной долей уверенности утверждать, что политические процессы в Осаке сочетали особенности московской и чикагской местной политики.

С 1860 по 1890 годы около 260 японских областей разных размеров и общественно-экономической сложности были преобразованы в новые административные единицы: три столичных города и сорок две более или менее единообразные префектуры²². Внутри префектур были определены границы крупных и мелких городов, а также городских и сельских районов, наделенных едиными полномочиями по выбору местных ассамблей, регулированию работы полиции, школ и т.д. Местные административные ведомства подчинялись единым управленческим стандартам, определяемым чиновниками в Токио. Правом избирать и быть избранным в местную ассамблею наделялись совершеннолетние налогоплательщики мужского пола. Токио, Киото и Осака получали официальный статус столичных городов, причем в каждом из них учреждалось правительство, строем и функциями близкое к правительствам префектур.

Однако к 1898 году центральное правительство заключило, что три столичных города переросли свою начальную административную конфигурацию. Соответственно парламент принял ряд особых постановлений, согласно которым во всех трех городах вводился новый режим управления²³. Губернатор осакской префектуры принимал на себя обязанности осакского мэра, до тех пор пока имеющие право голоса горожане не изберут нового градоначальника и муниципальное собрание. С этого времени принято вести историю местного самоуправления в Осаке.

Мэр, как высшее должностное лицо города, избирался муниципальным собранием, но вступал в должность только с санкции министерства внутренних дел в Токио и после одобрения его кандидатуры губернатором осакской префектуры. Характерно, что со временем губернаторы все

больше выступали в роли представителей центральной власти в Осаке, нежели представляли местные интересы перед токийским правительством. Притом что ни один из тринадцати губернаторов осакской префектуры, занимавших этот пост с 1867 по 1905 год, не был выпускником Токийского университета, из стен этого учебного заведения вышло восемь из девяти осакских губернаторов с 1905 по 1925 год, что, несомненно, указывало на их принадлежность к столичной элите²⁴.

Формирование новой кадровой системы привело к ротации руководящих работников во многих японских городах. Для Осаки, однако, характерна стабильность ее высшего должностного состава. Мэр Икегами, как и его преемник Секи Хаджиме, прослужил на посту градоначальника более десяти лет²⁵. Город был поделен на административные округа, каждым из которых руководил начальник управы, ответственный за ведение переписи, сбор налогов и образование²⁶.

Возникновение современной Осаки

Несмотря на слабость местных властей в жестко централизованной административной системе периода Мэйдзи, осакским лидерам порой удавалось уговорить токийское правительство предоставить им свободу действий в осуществлении тех или иных муниципальных проектов. Не менее важно отметить и экспоненциальное возрастание муниципальных расходов, которые даже превысили темпы экономического и демографического развития города. В 1889 году, за десять лет до принятия положивших начало осакскому муниципальному правительству законов, органы местного правительства истратили на городские нужды 197 043 иены. В 1898-м, в год предоставления Осаке самоуправления, этот показатель составил 3 098 318 иен и продолжал расти, достигнув суммы в 9 152 798 иен спустя десятилетие и 20 084 725 иен к окончанию военного бума в 1918-м²⁷. Муниципальные доходы в указанный период росли наравне с расходами. Примечательно и то, что затраты на развитие Осаки возрастали параллельно рас-

ширению программ городского планирования. Транспортная статья бюджета, которой не существовало до 1903 года, возросла до 34,7 процента городского бюджета в период с 1907 по 1911 год, когда в Осаке появилось трамвайное сообщение, и стабилизировалась на уровне в 26 процентов в 1920—1924 годах²⁸. В 1918 году в Осаке было учреждено первое, тогда еще довольно скромное управление по городскому планированию; к началу 1920-х затраты на городское планирование достигли 6 миллионов иен в год, составив 7,3 процента всех городских расходов за 1920—1924 годы²⁹. Объем муниципальных вложений вырос также в сфере здравоохранения и образования.

Инициативы в области городского планирования предпринимались под эгидой муниципальной системы, в которой окончательное решение оставалось за токийскими властями, в частности за министерством внутренних дел. Подготовка и осуществление муниципальных проектов нередко встречало противодействие со стороны враждебно настроенных токийских бюрократов. Учитывая сложную экономическую и социальную структуру города, несложно предположить, что такие проекты далеко не всегда блистали нравственной чистотой.

Роль Осаки как центра экономической интеграции обеспечила ее место в развивающейся общепонской административной системе, в которой экономическая власть сочеталась с политической³⁰. Влиятельные фигуры японской политики и делового мира расчетливо и планомерно выстраивали капиталистическую иерархию. Для Осаки победы Японии в войнах с Китаем (1894—1895) и Россией (1904—1905), а также осторожный альянс со странами-победительницами в Первой мировой войне, обернулись невиданным экономическим ростом — богатством, которое было реинвестировано в динамично развивающуюся промышленную базу города. Экономическая элита города обогатилась и за счет господствующего положения в торговле с растущими колониальными владениями Японии в Азии.

Осакская буржуазия инвестировала не только в собственные предприятия. Подобно капиталистам в других странах, местные богатеи стремились украсить окружающую их городскую среду, что зачастую проявлялось в изо-

лировании городской бедноты и их трущоб. Приводимое Субаси Масасеи и Тайра Кодзи описание осакских проектов по улучшению городской среды обитания вполне можно принять – при замене нескольких собственных имен – за описание больших парижских бульваров Жоржа-Эжена Османна, американских автострад Роберта Моузеса или площади Тянь Ань Мынь Мао Цзе-дуна³¹.

«В течение многих лет после реставрации Мэйдзи, – сообщают Субаси и Тайра, – город Осака по-прежнему занимал небольшую площадь, не выходящую за границы сегодняшнего кольца Национальной железной дороги (Осака кандзо-сен). В 1888 году, согласно новому законодательству, Осака получила статус «современного города». Чтобы соответствовать критериям «современности», в городе активно осуществлялась программа по расчистке трущоб. В 1897 году Осака уже занимала значительные новые площади как внутри, так и вне железнодорожного кольца».

«В эпоху становления «современной» Японии – продолжают Субаси и Тайра – к «неимущим» относили почти одну шестую населения Осаки. Город был также печально известен самыми страшными в Японии трущобами, так называемым районом Нагомачи (искажение от Нагомачо эпохи Токугава). Сегодня здесь располагается фешенебельный квартал Нихонбаси-судзи, простирающийся от хорошо известного района Дотонбори на юге до парка Теннодзи... В 1899 году в Нагомачи было 2255 домов, где ютились 8532 человека, почти вдвое больше, чем в крупнейшем из токийских гетто». Ситуация радикально улучшилась после начала реализации программы жесткого полицейского надзора за общественным санитарным состоянием³².

Осакская беднота

Бедные, конечно же, не исчезли – косметические меры не могут ликвидировать нищету. Напротив, островки нищеты и гроздя ночлежек (дойя) для поденных рабочих опоясали весь город. Суровые строительные нормы и правила привнесли чистоту и порядок в осакский городской пейзаж, в то время как нищета просто скрылась во дворах.

В ночлежках на каждое татами [соломенную циновку] приходилось более одного человека, – отмечают Субаси и Тайра. Между тем несообразность между внешним видом и сущностью многих городских кварталов была прямым следствием «декоративной» политики осакских властей³³.

Бедные не всегда довольствовались прозябанием в труднодоступных резервациях. Силы рыночного капитализма не могли не изменить традиционные отношения между хозяевами и рабочими. Промышленный пролетариат города, особенно на крупных предприятиях, все чаще роптал и вливался в ряды ширящегося в Японии профсоюзного движения. К независимости стремились и осакские служащие. Противоречия промышленного капитализма становились всеобщими.

Капитал все больше концентрировался на верхушке финансовой пирамиды – в руках немногочисленных, стремительно растущих корпораций, которые пытались установить монополистический контроль над своими секторами экономики. Картельные соглашения заключались посредством сложной системы холдинговых компаний, объединявших промышленных монополистов с финансовыми гигантами, которые, в свою очередь, поглощали банковский сектор. Наконец, банковский и промышленный капитал стремился найти политических союзников в Токио. К началу Первой мировой войны в Японии сформировалось пять крупнейших банков (Мицуи, Мицубиси, Ясуда, Сумитомо и Даиси), которым предстояло образовать ядро так называемой системы *зайбацу*³⁴. Один из них, банк Сумитомо, базировался в Осаке. Финансовая и индустриальная организация Японии эпохи Мэйдзи отражала централизацию административных и политических функций.

Монополии *зайбацу* были сосредоточены в крупных городах: отсюда, из семейных и корпоративных штаб-квартир распространялось их финансовое и политическое влияние. Большинство групп *зайбацу* выросли благодаря тесным связям с правительственными кабинетами раннего периода Мэйдзи, которые позволили им скупать государственные предприятия по заниженным ценам. Могущество многих холдингов произрастало именно из этих спонсируемых государством сделок. Стремительное накопле-

ние и концентрация капитала происходили по сценарию, известному по истории капиталистического развития европейских и североамериканских стран.

Часть *заибацу* обосновалась в Токио, что еще более усилило ведущую роль города в жизни японского общества. Наряду с несколькими средними и мелкими картелями, здесь располагались штаб-квартиры таких гигантов, как Мицуи, Мицубиси и Ясуда. По сути, *заибацу* Сумитомо в Осаке был единственным из нетокийских картелей, масштабы и мощь которого могли сравниться с токийскими гигантами. Кроме того, в Осаке располагались многопрофильные заводы барона Фудзита Дэнзабуро, финансовые группы Номура и Ямагучи, а также судостроительные картели Оказаки и Ямасита. По объему производства и масштабам деятельности такие предприятия и финансовые организации были, конечно, национальными и даже наднациональными – Осаке лишь отводилась роль их родного города. Так, картель Сумитомо, основанный удачливым купеческим семейством в Осаке в эпоху Токугава, по-прежнему принимал активное участие в муниципальных делах. Городские власти не смели игнорировать влияние этих финансово-промышленных групп, как не могли и не считаться с имперским правительством в Токио.

Таким образом, управление Осакой свелось к поддержанию равновесия между конкурирующими интересами центрального правительства, местных *заибацу*, других могущественных экономических групп города, профсоюзов и иных общественных организаций, окружных заправил, растущих политических партий, а также различных фракций в правительстве города и префектуры. Все крупные проекты городского развития – например, рассматриваемый ниже грандиозный проект реконструкции осакской гавани – требовали создания и поддержания хрупких альянсов между этими соперничающими, а иногда и антагонистичными группами. Для достижения успеха политики должны были строить коалиции, способные выстоять на всех стадиях осуществления проектов. Разумеется, усилия местных политиков по формированию таких союзов возрастали прямо пропорционально сложности и масштабам проекта.

Успех проектов городского развития зависел от участия в них политических и финансовых «крестных отцов»: данная закономерность прослеживается, например, в проекте Пятой национальной промышленной выставки, проведенной в 1903 году в Теннодзи при прямом участии мэра Цурухара Садакичи, или в проекте реконструкции гавани, в котором ключевую роль сыграл бизнесмен Нисимура Суте-зо³⁵. В 1909 и 1915 годах в районе Теннодзи, к югу от Осацкого замка, разместились первые в городе крупный парк и зоологический сад³⁶. Осацкие политики, имена которых сохранились в истории благодаря важным проектам городского развития, выступали как действенные сторонники политики компромиссов и прагматического плюрализма.

Городское планирование в период Мэйдзи

Концепция современного урбанистического планирования распространилась по Японии в период Мэйдзи из Токио, где в 80-х годах XIX века были осуществлены несколько проектов городского развития, призванных превратить Токио в город более рациональный, безопасный и представительный для иноземных гостей. Токио был не разобран и воссоздан заново, но скорее подвергнут череде экспериментов, в результате которых стал представлять собой мешанину из старого и нового³⁷. Не стараясь вникнуть в историю национального градостроительства, проектировщики периода Мэйдзи, в особенности из всесильного министерства внутренних дел, обращали свои взоры на традиции развития Парижа и других европейских столиц, стремясь свести воедино новую реальность промышленной экономики и особенности городской жизни.

В планировании развития японской столицы министерство внутренних дел опиралось на акт о перестройке муниципального хозяйства 1888 года. Министерство не занималось проблемами других японских городов до 1899 года – тогда министерские чиновники во главе с Ямагучи Ханроку приступили к обсуждению развития осакской конурбации. В плане Ямагучи 1899 года проявился целостный, глобальный подход: площадь города предстояло расширить

от 15 до 56 квадратных километров, что привело бы к увеличению численности населения с 500 тысяч до 750 тысяч человек; кроме того, планом предусматривалось строительство 212 новых дорог, 20 каналов и 29 парков, наряду с иными проектами по расширению существующих улиц и реконструкции порта³⁸.

Ямагучи и его токийские коллеги предложили план городского развития, который давно зрел в головах осакской элиты. Местные власти приняли новые строительные нормы, учредили фонды городского строительства и принялись за осуществление реконструкции городского водопровода, канализации, а также осакского порта задолго до того, как к развитию Осаки проявило интерес министерство внутренних дел. В 1886 году ассамблея осакской префектуры учредила комитет по планированию, который немедленно приступил к ограничению в городе опасных производств и к переориентации Осаки вдоль дорожно-транспортной артерии, соединявшей въезды в город на севере – Умеда, и на юге – Намба.

Появление Ямагучи и заинтересованность министерства внутренних дел в развитии Осаки обеспечило городским властям бюрократическую и политическую поддержку, необходимую им для осуществления своих амбициозных планов. Получившие парижское образование инженеры и проектировщики предпочитали планы грандиозных авеню динамическим социально-экономическим процессам, что скрывались за экономическим ландшафтом Осаки. Увлеченность Ямагучи и его последователей широкими улицами часто наталкивалась на враждебность местных домовладельцев и простых горожан³⁹. В этом отношении Ямагучи и осакские градостроители мало чем отличались от своих коллег в других крупных урбанистических центрах конца XIX – начала XX столетия.

Местные чиновники возражали против планов Ямагучи в отношении городских окраин – планов, которые, опасались они, приведут к строительству в предместьях низкокачественного жилья и неадекватных дорог⁴⁰. В 1900 и 1901 годах Муниципальное собрание приняло постановления, направленные на повышение качества строительства в городских предместьях. Однако возросшие в преддвее-

рии русско-японской войны военные расходы истощили фонды, предназначенные для городского планирования. К вопросам развития пригородов осакские власти вернулись только в начале 1910-х годов, когда стараниями строительных фирм и железнодорожных компаний вокруг Осаки – преимущественно в интересах растущего среднего класса – стали вырастать города-сады⁴¹.

Примерно в это же время начался исход из Осаки белых воротничков: непомерная арендная плата за жилье, самая высокая среди городов Японии, вытесняла служащих в пригороды⁴². В период с 1911 по 1920 год число городов-спутников с населением свыше 10 тысяч человек возросло с двух до девятнадцати. Эти сателлиты, располагаясь дугой на восток от Осаки, занимали место сельских или некогда автономных городских поселений. Вскоре города-спутники размежевались по социально-экономическим признакам – некоторые из них сосредоточились вокруг промышленных предприятий средних размеров, иные стали резиденциями для семей осакских служащих⁴³.

Городской центр Наканосима

Осакский район Наканосима стал тем местом, где совпали честолюбивые замыслы городского правительства и программа министерства внутренних дел по созданию образцовых кварталов. В 1903—1921 годах на этом острове, расположенном вдоль новой магистрали Умеда-Намба, город возвел впечатляющий комплекс общественных зданий⁴⁴. История этого строительства повторяла, хотя и в более грандиозных масштабах, проект Императорского монетного двора, с великой pompой открывшегося в первые годы периода Мэйдзи на берегу реки близ Осакского замка⁴⁵.

Монетный двор был одним из первых крупных западных строений в Японии. Спроектированный британским архитектором Томасом Дж. Уотерсом между 1868 и 1871 годами, комплекс монетного двора стал местной достопримечательностью сразу после открытия⁴⁶. Здание и помещавшееся в нем высокотехнологичное производство немедленно превратились в символ прогрессивного города⁴⁷. Осака

вполне заслужила репутацию центра современных технологий: монетный двор Уотерса был одновременно техническим и архитектурным достижением⁴⁸. За элегантным неоклассическим фасадом, олицетворявшим приверженность Японии курсу вестернизации, день и ночь работали современные паровые двигатели Ватта, стальные каландры Круппа и монетные прессы Тоннелье, ранее предназначавшиеся для неудавшегося проекта британского монетного двора в Гонконге. В расположившейся близ монетного двора гостинице – «Семпукан» – останавливались знатные иностранцы и имперские сановники. Викторианские залы и просторные веранды нового отеля напоминали о британских колониальных дворцах⁴⁹.

Размещение на острове Наканосима большого парка (Наканосима Коэн), нового здания Банка Японии, Библиотеки осакской префектуры, Дворца собраний и городского совета, а также сопутствующее строительству переориентирование муниципальной инфраструктуры и транспортных артерий, сместило центр Осаки на восток и изменило направление развития города с восточно-западной оси с центром в старом замке на северо-южную ось – с новой сетью дорог, проложенных над старыми каналами, между железнодорожными станциями Умеда и Намба⁵⁰. Смещению городского центра способствовал также новый статус Осакского замка как военного центра. Имперская армия фактически вывела район замка из городской жизни, в то время как кварталы, располагавшиеся вокруг новых железнодорожных развязок, приобретали все большее значение.

Парк Наканосима открылся в 1890 году на восточной оконечности острова. Однако основное строительство развернулось здесь только спустя десять лет: менее чем за два десятилетия на острове выросли неоренессансное здание Банка Японии архитектора Тацуно Кинго (1903), псевдоримская Библиотека осакской префектуры архитектора Нагучи Магоичи (1904) и причудливый неоклассический Дворец собраний Окада архитектора Синичиро (1918)⁵¹. Все трое – Тацуно, Нагучи и Окада – принадлежали к первому поколению японских архитекторов, получивших западное образование и овладевших новыми технологиями строительства и дизайна. Наибольшую извест-

ность из этой плеяды снискал Тацуно Кинго⁵²: его компания, Архитектурная фирма Тацуно-Кансай, спроектировала несколько замечательных токийских зданий, в том числе столичный вокзал Симбаси⁵³.

Возведенное Тацуно здание Банка Японии – одно из высочайших архитектурных достижений эпохи Мэйдзи⁵⁴. Банк, в котором сочетаются классицизм и барокко, увенчивают огромный центральный купол и несколько крытых медью куполов поменьше, причудливо вырисовывающихся на фоне осакского неба. Внутри искусно орнаментированная деревянная обшивка, паркетные полы, шелковые обои, фронтоновые двери и обивка красного бархата были призваны олицетворять незыблемое финансовое могущество, социальный престиж и стилистические новшества конца XIX века. Впоследствии Тацуно выстроил в Японии еще тридцать семь банковских зданий, а общее количество возведенных им сооружений (причем все они следовали западным образцам) приближалось к двумстам.

Библиотека осакской префектуры, спроектированная Нагучи, отвечала неоклассическим канонам и удивительным образом напоминала здание Капитолия штата Северная Каролина, возведенное в Роли в 1833–1840 годах по проекту Итиэля Тауна и Александра Джексона Дэвиса. Строительство и приобретение книжных фондов для библиотеки осуществлялось на средства Сумитомо Кичизаэмона XV, главы одного из крупнейших осакских *заибацу*, взявшегося за этот проект после посещения в 1893 году Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго⁵⁵. Следуя примеру Эндрю Карнеги – а также, возможно, манчестерских промышленников в Британии – Сумитомо решил выстроить публичную библиотеку, которая могла бы обеспечить доступ к знаниям широким слоям осакских горожан.

Дворец собраний Окада, менее интересный с эстетической точки зрения, выполнял важную социальную функцию⁵⁶. Проект здания, выполненный Окада Синисиро в 1912 году, был переработан архитекторами Тацуно и Катаока Ясуси: усовершенствовать первоначальный проект Дворца собраний поручил им биржевой магнат Ивамото Эйносукэ. Ивамото заказал и на собственные средства выстроил это внушительное сооружение в порыве гражданской гордости. На

протяжении многих лет Дворец собраний оставался крупнейшим форумом Осаки, предоставляя место для проведения разнообразных собраний, лекций, концертов, публичных чтений, конгрессов и иных социальных мероприятий, сообщавших городу столичную атмосферу.

Спроектированное Катаока пятиэтажное здание городского совета, строительство которого завершилось в 1918 году на участке земли между Банком Японии и Библиотекой осакской префектуры, закрепило за островом статус осакского городского центра. Это огнеупорное и сейсмостойкое здание в стиле неоренессанса, спроектированное Катаока в сотрудничестве с архитекторами Усимура Кийю и Имабаяси Хикотаро, гордо заявляло о столичных амбициях Осаки⁵⁷. Напротив, на противоположном берегу узкого канала, отделявшего остров Наканосима от лежавшего севернее осакского района Умеда, высилось кирпичное здание Верховного суда, завершённое в 1916 году по проекту Ямасита Кейдзиро, Йокогама Цумоту, Канехаси Синтаро и Усимура Кийю. Здание осакского Верховного суда, с башенкой и прочими неоготическими атрибутами, уютно разместилось бы в любом английском городке того времени⁵⁸. Стили западной архитектуры, получившие столь яркое воплощение в комплексе общественных зданий на острове Наканосима, проявлялись и в частном строительстве. Так, современным западным образцам последовали несколько зданий банков, страховых компаний и крупных магазинов⁵⁹.

Двое молодых осакских архитекторов – Нагучи (автор проекта Библиотеки осакской префектуры) и Хидака Ютака, – пользуясь финансовой поддержкой *заибацу* Сумитомо, снискали известность как крупнейшие в Японии архитекторы стиля модерн⁶⁰. Хотя многие из их поздних архитектурных замыслов воплотились вне второй японской столицы, своим возвышением эти архитекторы обязаны именно Осаке и финансовой поддержке Сумитомо. Поздние работы Нагучи и Хидака тяготеют к стилю British Arts and Crafts. Выполненные ими проекты частных домов и богато орнаментированной мебели способствовали проникновению в Японию современных веяний европейского зодчества и дизайна, подобно тому как японское искусство, в свою очередь, оказало немалое влияние на формирование

эстетических воззрений таких крупных западных архитекторов, как уроженец Чикаго Фрэнк Ллойд Райт⁶¹. Нагучи и Хидака сыграли значительную роль в развитии стиля Тайсё, отражавшего укрепление исторической школы в архитектуре, возникшей параллельно с архитектурой авангарда, а также память о японских архитектурных традициях⁶².

За исключением упомянутых градостроительных проектов, городское планирование в Осаке 1910-х годов развивалось довольно хаотично. Особую остроту приобрела проблема планирования городского транспорта, в особенности после торжественного запуска трамвайного сообщения в 1903 году⁶³. На развитии городского транспорта сказывалось в том числе ширящееся применение двигателей внутреннего сгорания; первые попытки регулирования автомобильного транспорта были предприняты только в середине 1910-х годов⁶⁴. Генеральное планирование, по сути, отставало от реальных темпов развития города вплоть до принятия в 1919 году национального Закона о городском планировании, определившего общие закономерности урбанистической политики в масштабах всей страны⁶⁵.

Строительство большого порта

Грандиозный проект перестройки осакского порта стал, пожалуй, самым значительным градостроительным мероприятием в Японии конца XIX – начала XX века. Проект был осуществлен благодаря слиянию интересов местных деловых кругов и муниципальных политиков и вопреки противодействию токийских властей. Он стал возможен только при безоговорочной и искренней поддержке всех крупных социальных групп города. Как отмечает Джеффри Хейнс, осакский порт стал чем-то вроде всеобщего наваждения. Поистине, когда в 1894 году обсуждался вопрос о новом городском гербе, городской совет Осаки отверг такую очевидную эмблему, как счеты, в пользу лоцманских сигнальных знаков⁶⁶. К лучшему или, как утверждали многие критики, к худшему, но в течение жизни целого поколения судьба осакского порта оставалась ключевым вопросом местной политики.

Первые годы реставрации Мэйдзи оказались для Осаки трудными. После неудавшейся попытки перенести сюда национальную столицу, купеческие семьи города столкнулись с жесткой реальностью: город был унижен, а токийское правительство стремилось уничтожить монополию осакских торговцев в японской финансовой системе. Осознание того, что городской порт не соответствует современному уровню судоходства, стало одним из неприятных открытий того времени.

Осака играла важнейшую роль в каботажной торговле Японии на протяжении всей эпохи Токугава. Однако ее илистая гавань не была приспособлена для океанских судов. Несудоходность осакской гавани побудила правительство Мэйдзи принять решение о развитии крупного мореходного порта в Кобе – именно последний должен был стать связующим звеном между Кансайской областью и внешним миром. Так перед Осакой встала двойная задача: модернизировать собственный порт, чтобы выжить экономически, и превзойти порт в Кобе, куда щедро стекались правительственные субсидии. Суровая правда жизни вынудила представителей городской элиты искать общий язык.

К середине 1870-х годов в Осаке сформировался первый, еще очень шаткий альянс между крупными дельцами и муниципальными политиками – союз, призванный обеспечить конкурентоспособность Осаки в состязании с новыми портами в Кобе и Иокогаме. Соперничество между Осакой и Кобе за международную морскую торговлю вылилось в настоящую экономическую войну, которая в той или иной мере продолжается по сей день.

Проект порта в Кобе поддерживали могущественные токийские покровители, в то время как жителям Осаки пришлось самим изыскивать средства на перестройку городской гавани. Столь масштабный и дорогостоящий проект мог осуществиться лишь благодаря мобилизации и объединению всех общественных сил города. Горожане – будь то старые купеческие семьи, как клан Сумитомо, или представители новой экономической элиты периода Мэйдзи, например барон Фудзита Дэнзабуро и основатель Осакской фондовой биржи Годай Томоацу, – пытались выработать единый план действий.

На протяжении 1880-х годов в рамках частных проектов в Осаке уже предпринимались попытки модернизировать городскую гавань и подвести к промышленным и припортовым районам железную дорогу⁶⁷. Наконец в 1890-х годах наделенная в результате реформ Мэйдзи новыми полномочиями городская администрация взяла управление проектом в свои руки, основав коммерческое товарищество, объединявшее частный капитал и городское правительство. Во главе товарищества встал влиятельный осакский бизнесмен Нисимура Сутезо⁶⁸.

Генеральный план модернизации осакского порта состоял в создании новой гавани (посредством строительства в Осакском заливе гигантского мола), выпрямлении русла реки Йодо, прокладке в ее дельте каналов, ведущих к новым докам и складским комплексам, а также в подведении к портовым сооружениям железной дороги, что позволило бы соединить осакский порт с грузотранспортной сетью страны. Предполагалось, что проект будет самоокупаемым, так как город не мог рассчитывать на стабильную поддержку токийских министерств. Для привлечения начального капитала местные финансисты произвели эмиссию облигаций: власти надеялись, что строительство окупится за счет продажи и сдачи в аренду городским застройщикам новых, отвоеванных у моря земельных участков. Такая политика способствовала дальнейшему расширению города в Осакский залив – проект перестройки порта вполне соответствовал начавшимся еще в XVII веке работам по освоению прибрежных земель.

С известными оговорками можно утверждать, что предложенная муниципальным правительством схема финансирования оказалась действенной, несмотря на подковерную борьбу местных чиновников, связанные с войной задержки в 1904–1905 и 1914–1918 годах, конфликты с центральными властями (когда возникла необходимость выпустить акции проекта на международный рынок) и несколько громких скандалов. Не единожды проект приводил город на грань финансового краха⁶⁹. С основания муниципального товарищества в 1898 году и вплоть до 1904–го сооружение ежегодно поглощало от одной трети до половины городского бюджета, не считая ошеломительной ци-

фры в 70,9 процента за 1899 финансовый год. Муниципальные доходы упали вследствие русско-японской войны и частично восстановились только после 1910 года. Срок выплат по займам, выпущенным для финансирования порта и иных, менее крупных муниципальных проектов, пришелся как раз на экономическую рецессию 1905 года, так что до окончания Первой мировой войны более четверти городского бюджета уходило на погашение процентов по займам. В 1916 году, во время еще одного финансового кризиса, вызванного непомерными затратами на строительство порта, выплаты по долговым обязательствам составили 48,9 процента осакского бюджета.

Благодаря непрекращавшимся работам по модернизации порта Осаке удалось выстоять в жестокое торговое соперничество с Кобе⁷⁰. Город смог занять экономическую нишу в торговле Японии с Кореей и Китаем⁷¹. В 1910 году более 70 процентов коммерческого оборота Осаки приходилось на торговлю с азиатскими портами вне Японских островов⁷². Вскоре новая гавань была интегрирована в систему национальных железных дорог, что благоприятным образом сказалось на развитии крупнейшего в Японии промышленного района – так называемой Осакаской метрополии.

Экономическое влияние нового порта стало ощущаться задолго до завершения строительных работ в конце 1910-х годов. К 1904 году власти Кобе начали высказывать озабоченность тем, что стремительно растущий осакский муниципальный порт постепенно затмевает их собственную гавань⁷³. Страх оказаться в тени побудил городское правительство Кобе предпринять свою программу модернизации порта, что, в свою очередь, стало стимулом для дальнейшего развития осакского проекта⁷⁴.

Грандиозный проект перестройки осакского порта неотступно преследовали организационные трудности. Следует, в частности, отметить три проблемы, которые осложняли и без того непростые взаимоотношения внутри портового товарищества: недостаточное или нестабильное финансирование часто приводило к конфликтам осакских партнеров с имперским правительством в Токио; проект разъедала коррупция, особенно в связи с распределением новоосвоенных

земель; модернизированный порт оставался совершенно бесполезным сооружением, пока не был соединен железной дорогой с внутренними областями Японии.

Бесчестье, беззаконие и долги

В поисках финансирования проекта модернизации осакского порта муниципальные власти вскоре исчерпали местные денежные ресурсы. Не получив достаточных инвестиций от администрации префектуры и имперского правительства, городские чиновники были вынуждены обратиться к международным финансовым рынкам. Для привлечения зарубежных инвестиций городу была необходима санкция министерства финансов в Токио. Однако столичные власти вовсе не торопились с выдачей разрешения. Градостроительные инициативы Осаки часто приводили к конфликтам с различными центральными министерствами (министерствами внутренних дел, финансов, коммуникаций, и т.д.), которые и сами находились в состоянии межведомственной войны⁷⁵.

В конце 1906 года городские власти начали переговоры с банком Джипан кредит мобилъе о предоставлении кредита в 27 миллионов иен, необходимых для завершения различных муниципальных проектов, включая переустройство гавани⁷⁶. Поначалу министерство финансов отказалось выдать санкцию на получение кредита, мотивируя отказ неблагоприятным положением на европейских финансовых рынках⁷⁷. Наконец в начале 1907 года в результате многомесячных стараний осакских муниципальных и портовых чиновников, разрешение было получено⁷⁸. Постоянные поиски финансирования вынуждали городское правительство работать в условиях краткосрочного, кризисного управления проектом, что не могло не сказаться отрицательно на долгосрочном планировании развития портового комплекса и его связи с остальным городом⁷⁹.

Как отмечалось выше, город намеревался развивать строительство коммерческой недвижимости на отвоеванных у моря землях с целью дальнейшего финансирования портового проекта. Очевидно, что при такой схеме возни-

кало множество возможностей для финансовых махинаций, которые, увы, происходят везде, во все времена и во всякой культурной среде. Отцы Осаки использовали городскую недвижимость в корыстных целях с не меньшей охотой, чем их чикагские коллеги, квартал за кварталом продававшие права на трамвайные маршруты.

Власти города и префектуры, в особенности депутаты Законодательного собрания осакской префектуры, располагали всеми возможностями для получения незаконных дивидендов от земельных сделок. Они контролировали принятие решений об очередности развития тех или иных земельных участков, получали конфиденциальную информацию о планируемом развитии инфраструктуры, могли снижать регистрационные взносы и т.д. Когда общественность стала открыто возмущаться произволом депутатов и городских чиновников, запахло скандалом⁸⁰.

Бомба разорвалась в конце 1908 года, когда половину депутатов Законодательного собрания осакской префектуры обвинили в незаконном распределении прибрежной недвижимости. Изошренная схема откатов была разработана Нисио Теппу, осакским адвокатом, который вместе с юрисконсультом Кодзима Фукутаро вознамерился получить кругленькую сумму от торгующих лесом купцов⁸¹. Стоило афере получить огласку, как нескольким видным местным политикам, включая одиннадцать депутатов Законодательного собрания осакской префектуры, были предъявлены обвинения в различных финансовых преступлениях. Ряд членов комитета по надзору за резервным фондом портового проекта были приговорены к тюремным срокам или штрафам. Депутаты Законодательного собрания Осе Ханзабуро, Такада Минору, Ямасита Еситаро и Нисио Теппу оспорили вердикт судей, несмотря на то что их сделка с лесозакупочными трестами была вынесена на открытое обсуждение. Осакиские блюстители правосудия и нравственности не могли пройти и мимо попыток основать на припортовых землях парк развлечений и квартал красных фонарей⁸². Нескольких портовых чиновников арестовали за вымогательство: они шантажировали капитанов незаконно задержанных судов⁸³.

Через год после массовых отставок депутатов законодательного собрания последовала отставка мэра Ямасита и

вице-мэра Фудзимара, спровоцированная еще одним скандалом, связанным с проложением трамвайного маршрута⁸⁴. Депутаты муниципального собрания предположительно получали взятки от владельцев питейных заведений – за благоприятное для последних изменение трамвайного маршрута⁸⁵. Несколько городских чиновников высшего ранга, включая бывшего вице-мэра Мацумура Тосио, были осуждены за коррупцию⁸⁶.

Развитие железной дороги

Отсутствие железнодорожного сообщения с новыми дока-ми оказалось более серьезной проблемой для проекта осакской гавани, чем беззакония и неутрачиваемые муниципальные скандалы. Просчеты в планировании были отчасти следствием недальновидности муниципальных чиновников, вынужденных постоянно бороться с бюджетным дефицитом, отчасти же проистекали из неудачных попыток городских властей заручиться поддержкой токийских министерств.

Однако к 1910 году стало очевидно, что Осака не выстоит в конкурентной борьбе с портом в Кобе без обеспечения надлежащей транспортной инфраструктуры. Споры разгорелись вокруг вопроса о предполагаемом маршруте и собственности на магистральную железную дорогу, что должна была соединить порт с общенациональной железнодорожной сетью. В конце концов выбор пал на северное направление, так как такой маршрут мог обслуживать и крупнейшие промышленные районы города⁸⁷. Центральное правительство с большими задержками выделяло средства на строительство дороги, и вопрос об инвестициях вновь встал со всей остротой⁸⁸. Только в начале 1911 года министерство внутренних дел согласилось финансировать проект, настаивая, однако, чтобы дорога прошла по южному маршруту, в обход промышленно развитых северных районов⁸⁹. Осакий муниципалитет заключил, что при траектории дороги в южном направлении городской порт будет иметь только местное значение⁹⁰.

Бюрократическая перестрелка между осакским муниципальным правительством и чиновниками из министер-

ства внутренних дел велась на протяжении следующих пяти лет, в продолжение которых не было проложено ни единого километра железной дороги⁹¹. В марте 1916 года три осакских бизнесмена – все они владели в порту складскими помещениями – выкупили у города землю и построили дорогу на собственные деньги⁹². К началу 1920-х годов, после завершения работ по переустройству гавани, национальное и местное правительство вступило в долю с частными владельцами пресловутой железнодорожной ветки, объединив усилия для модернизации портовых депо. Все эти меры вывели Осаку в число ведущих международных портов мира.

У осакского порта всегда было немало критиков, хотя в конечном итоге именно новая городская гавань обеспечила значительную долю общепонского торгового оборота с Азией. Язвительные высказывания современных критиков были вызваны главным образом объективными недостатками проекта, а именно медленными темпами строительства, задержками и проволочками, которые объяснялись циклическими взлетами и спадом на промышленно-финансовых рынках, неутрачиваемыми скандалами, связанными с коррупцией и растратами, тупостью управляющих и превышением проектной стоимости работ. Безусловно, конкуренты Осаки из Кобе сделали все, чтобы проект осакского порта провалился. Более вдумчивые критики, как, например, Секи Хаджиме, утверждали, что переустройство гавани оказалось не самой разумной с точки зрения экономического развития города инициативой – проектом, поглотившим огромные средства из городского бюджета при минимальной коммерческой выгоде⁹³.

Общая стоимость самой крупной в Японии муниципальной гавани – больше 27 миллионов иен – примерно в двадцать раз превышала годовые затраты осакского городского правительства в указанный период⁹⁴. В десятилетия, предшествовавшие Второй мировой войне, новый порт помог Осаке утвердиться в качестве экономически жизнеспособного метрополиса. Проект переустройства гавани, наряду с другими инициативами по развитию городской инфраструктуры, превратил Осаку в один из веду-

щих промышленных центров мира. Эти начинания не увенчались бы успехом без коалиционной политики, лежащей в основе прагматического плюрализма.

Примечания

¹ Jeffrey Eldon Hanes, «Seki Hajime and the Making of Modern Osaka» (Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1988), pp. 204–205; Chubachi Masayoshi and Taira Koji, «Poverty in Modern Japan: Perceptions and Realities», in Hugh Patrick, ed., with the assistance of Larry Meissner, *Japanese Industrialization and Its Social Consequences*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 391–437; 403–404.

² Hanes, «Seki Hajime», pp. 206–209, 303–321, 343–351.

³ Takeo Yazaki, *Social Change and the City in Japan: From Earliest Times through the Industrial Revolution* (Tokyo: Japan Publications, 1968), p. 471.

⁴ См., например, следующие статьи в газете *Japan Weekly Chronicle* (Kobe): «Osaka-Nara Electric Railway: Another Charter Refused», September 6, 1906, p. 306; «The Osaka City Electric Railway: Who Is to Undertake the Enterprise?», November 22, 1906, p. 653; «The Hanshin Electric Railway: Municipal Difficulty at Osaka», February 21, 1907, p. 247; «Another Electric Railway Scheme: Charter Refused», February 6, 1908, p. 161; «Osaka Tramways», June 4, 1908, p. 699; «Opening of Osaka Electric Tram Service: Incidents in the Celebrations, Cost of the Line», August 13, 1908, p. 239; «Osaka Municipal Corruption: Alteration of Electric Tramway Route», February 17, 1910, p. 271; «The Osaka Tramway Dispute: Enthusiastic Public Demonstration», August 29, 1912, p. 381; «Baiting the Mayor: An Osaka Municipal Appointment», November 27, 1913, p. 927; «Illuminated Tramcars in Osaka: Municipal Celebrations», May 10, 1917, p. 750.

⁵ The Osaka Municipality and the Government: Growing Indignation, Mayor Resigns, *Japan Weekly Chronicle*, July 25, 1912, p. 174.

⁶ The Osaka Municipality and the Government: Growing Indignation, Arrangements for Mass Protest Meeting, *Japan Weekly Chronicle*, August 1, 1912, p. 222.

⁷ The Osaka Municipality and the Government: Leading Residents Arrested, *Japan Weekly Chronicle*, August 15, 1912, p. 305.

⁸ The Osaka Electric Tramway Question: Excited Meeting of Municipal Assembly: The Vacant Mayoral Chair, *Japan Weekly Chronicle*, August 22, 1912, p. 339.

⁹ The Election for Mayor at Osaka: Stormy Proceedings, *Japan Weekly Chronicle*, January 16, 1913, p. 111.

¹⁰ An Outline of Municipal Administration of the City of Osaka (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1930), p. 74.

- ¹¹ Honesty a Disqualification, Japan Weekly Chronicle, September 18, 1913, p. 509.
- ¹² Johannes Hirschmeier, The Origin of Entrepreneurship in Meiji Japan (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964), pp. 38—39.
- ¹³ An Outline of Municipal Administration..., pp. 62—64.
- ¹⁴ Marius B. Jansen and Gilbert Rozman, Overview, in Marius B. Jansen and Gilbert Rozman, eds., Japan in Transition: From Tokugawa to Meiji (Princeton: Princeton University Press, 1986), pp. 2—36: 6.
- ¹⁵ Tetsuo Najita, Visions of Virtue in Tokugawa Japan: The Kaitokoyo Merchant Academy of Osaka (Chicago: University of Chicago Press, 1987), p. 287.
- ¹⁶ Там же, с. 7—8, 10.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Michio Umegaki, «From Domain to Prefecture, in Jansen and Rozman, eds., Japan in Transition..., pp. 91—110.
- ¹⁸ Jansen and Rozman, Overview, p. 18.
- ¹⁹ Kozo Yamamura, «The Role of Government in Japan's «Catch-Up» Industrialization: A Neo-Institutionalist Perspective, in Hyung-ki Kim, Michio Muramatsu, T. J. Pempel, and Kozo Yamamura, eds., The Japanese Civil Service and Economic Development, (Oxford, U.K.: Clarendon, 1995), pp. 102—132: 111—113.
- ²⁰ Bernard S. Silberman, «The Structure of Bureaucratic Rationality and Economic Development in Japan, in Kim et al., eds., The Japanese Civil Service..., pp. 135—173: 157—158.
- ²¹ Jansen and Rozman, Overview, p. 19.
- ²² Andrew Fraser, «Local Administration: The Example of Awa-Tokushima, in Jansen and Rozman, eds., Japan in Transition..., pp. 111—131: 111.
- ²³ Great Osaka: A Glimpse of the Industrial City (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1925), pp. 6—8; An Outline of Municipal Administration..., pp. 9—10.
- ²⁴ Tetsuo Najita, Hara Kei and the Politics of Compromise, 1905—1915 (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967), p. 33. Растущее влияние выпускников Токийского университета носило в японском обществе системный характер и не ограничивалось Осакой. См.: Silberman, «The Structure of Bureaucratic Rationality..., pp. 153—155, 168—170.
- ²⁵ An Outline of Municipal Administration..., p. 10.
- ²⁶ Great Osaka..., p. 9.
- ²⁷ An Outline of Municipal Administration..., pp. 17—18.
- ²⁸ Shibamura Atsuki, «Gyozaisei no Kozo Henka, in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, Shinshu Osakashishi (Osaka: Osaka City Government, 1994), vol. 6, chp. 1, sec. 5, sub. 1, pp. 120—134: 124.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Развитие системы заибацу было предметом многих исследований японской общественной жизни. Рассказ о заибацу в данной главе осно-

вывается на работе Такео Язаки, связывающего феномен возникновения финансовых групп с эволюцией японских городов в общем и ростом Осаки в частности. Yazaki, Social Change and the City..., pp. 384—409.

- ³¹ Chubachi and Taira, Poverty in Modern Japan..., pp. 403—405.
- ³² Там же, с. 403.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Yazaki, Social Change and the City..., pp. 387—395.
- ³⁵ Hanes, «Seki Hajime..., pp. 277—279.
- ³⁶ David M. Dunfield, Exploring Osaka: Japan's Second City (New York: Weatherhill, 1993), pp. 51—53; The New Osaka Park: Opening Ceremony, Japan Weekly Chronicle, October 21, 1909, p. 744; The Value of Public Parks, Japan Weekly Chronicle, October 28, 1909, pp. 760—761.
- ³⁷ Hanes, «Seki Hajime..., p. 195.
- ³⁸ Там же, с. 201.
- ³⁹ Землевладельцы и арендаторы протестовали против расширения улиц для прокладывания новых трамвайных путей в 1908-м, а затем в 1911 году. См.: The Osaka Tramway Scheme: Compulsory Removal of Houses, Japan Weekly Chronicle, May 28, 1908, p. 670; The Osaka Electric Tramway: Compulsory Removal of Houses, Japan Weekly Chronicle, June 18, 1908, p. 773; Osaka Municipal Electric Tramways: A Remarkable Protest, Japan Weekly Chronicle, October 1, 1908, p. 500; Osaka Electric Tramways: The Question of Street Widening, Japan Weekly Chronicle, August 10, 1911, p. 237; Dispute Between Landlords and Tenants: An Osaka Grievance, Japan Weekly Chronicle, August 24, 1911, p. 333.
- ⁴⁰ Hanes, «Seki Hajime..., p. 293.
- ⁴¹ Там же, с. 294—295.
- ⁴² City Life in Japan: The Exodus to the Suburbs, Japan Weekly Chronicle, April 8, 1909, p. 560; The Price of Land in Osaka, Japan Weekly Chronicle, April 18, 1918, p. 596.
- ⁴³ Yazaki, Social Change and the City..., pp. 470—471.
- ⁴⁴ Hanes, «Seki Hajime..., pp. 286—287.
- ⁴⁵ The Souvenir Guide to Osaka and the Fifth National Industrial Exhibition (Osaka: Hakurankai Kyosankai, 1903), pp. 74—75; A Guide to Osaka (Osaka: Osaka Hotel Company, 1913), pp. 12—13.
- ⁴⁶ Dunfield, Exploring Osaka..., pp. 25—26.
- ⁴⁷ См. полемичную работу Роя Ханасиро о роли Императорского монетного двора в процессе вестернизации Японии эпохи Мэйдзи: Roy Seijun Hanashiro, «The Establishment of the Japanese Imperial Mint and the Role of Hired Foreigners: 1868—1875 (Ph.D. diss., University of Hawaii, 1988).
- ⁴⁸ Более подробно об осацком монетном дворе см.: Dallas Finn, Meiji Revisited: The Sites of Victorian Japan (New York: Weatherhill, 1995), pp. 18—21.

⁴⁹ Botond Bogнар, *The Japan Guide*. (New York: Princeton Architectural Press, 1995), p. 215.

⁵⁰ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 286—287.

⁵¹ Dunfield, *Exploring Osaka...*, pp. 27—32; Osaka Municipal Building: Details of Plans, *Japan Weekly Chronicle*, May 11, 1911, p. 805.

⁵² Dunfield, *Exploring Osaka...*, pp. 27—32. Подробнее о Тацуно и его соперничестве с другим прозападным японским архитектором, Цумаки Йоринака см.: Finn, *Meiji Revisited...*, pp. 191—192.

⁵³ Hiroyuki Suzuki and Toharu Hatsuda, *Urban Architecture in Taisho: A Visual Anthology* (Tokyo: Kashiwa-shobo, 1992), p. 122.

⁵⁴ Finn, *Meiji Revisited...*, pp. 192—196; Bogнар, *The Japan Guide*, p. 207.

⁵⁵ Finn, *Meiji Revisited...*, pp. 181—182.

⁵⁶ Suzuki and Hatsuda, *Urban Architecture...*, pp. 186—188; Bogнар, *The Japan Guide*, p. 208.

⁵⁷ Там же, с. 18—19; Hanes, «Seki Hajime...», p. 285.

⁵⁸ Suzuki and Hatsuda, *Urban Architecture...*, pp. 8—10.

⁵⁹ Там же, с. 48—49, 74—75, 94—95.

⁶⁰ Finn, *Meiji Revisited...*, pp. 214—218.

⁶¹ Kevin Nute, Frank Lloyd Wright and Japan: The Role of Traditional Japanese Art and Architecture in the Work of Frank Lloyd Wright (New York: Van Nostrand Reinhold, 1993).

⁶² Suzuki and Hatsuda, *Urban Architecture...*, pp. 3—4.

⁶³ *The City Transit System in Osaka, 1966* (Osaka: City of Osaka, 1966), p. 1.

⁶⁴ Regulation of Traffic in Osaka: Creation of New Bureau, *Japan Weekly Chronicle*, December 13, 1917, p. 962; Taxis for Osaka: New Scheme, *Japan Weekly Chronicle*, May 2, 1918, p. 688.

⁶⁵ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 311—331.

⁶⁶ Там же, с. 277.

⁶⁷ Железные дороги появились в Японии относительно поздно; первая дорога между Токио и Иокогамой была открыта только в 1872 году. После этого железнодорожное строительство развивалось гораздо быстрее. Первая железнодорожная ветка в Кансайской провинции связала Кобе с Осакой в 1874-м и достигла Киото в 1877 году. Thomas C. Smith, «Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868—1880» (Stanford: Stanford University Press, 1955), pp. 42—45.

⁶⁸ Там же, с. 277.

⁶⁹ Об этом свидетельствуют, в частности, следующие источники: Hotta Akio, «Shushi Jijo to Shichosha no Kensetu», in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, Shinshu Osakashishi (Osaka: Osaka City Government, 1994), vol. 6, chp. 1, sec. 1, sub. 3, pp. 19—33; 28—29; Toshimitsu Nakao, «Dai-gokai Naikoku Kangyo Hakurankai to Shisei», in Shinshu Osakashishi

Hensei Iinkai, Shinshu Osakashishi (Osaka: Osaka City Government, 1994), vol. 6, chp. 1, sec. 2, sub. 1, pp. 34—48 : 38—39; Toshimitsu Nakao, Senso to Gyozaisei, in Shinshu Osakashishi Hensei Iinkai, Shinshu Osakashishi (Osaka: Osaka City Government, 1994), vol. 6, chp. 1, sec. 2, sub. 2, pp. 48—63: 50—51; Shibamura, *Gyozaisei no Kozo Henka*, pp. 124, 128—129.

⁷⁰ A Guide to Osaka Japan, p. 5.

⁷¹ Governor Takasaki on Osaka Harbour, *Japan Weekly Chronicle*, October 15, 1908, p. 581.

⁷² Интервью автора с Сибамура Ацуки, Ибараги, Япония, 14 апреля 1996 г.

⁷³ Osaka Harbour Facilities, *Japan Weekly Chronicle*, August 4, 1904, p. 136.

⁷⁴ Osaka Harbour Works: A Warm Debate: The Ethics of Ministerial Influence, *Japan Weekly Chronicle*, August 9, 1906, p. 165; The Osaka Harbour Works, *Japan Weekly Chronicle*, February 20, 1908, p. 236; The Kobe Harbour Works, *Japan Weekly Chronicle*, March 5, 1908, p. 281; The Future of Kobe, *Japan Weekly Chronicle*, July 29, 1909, pp. 181—183; Osaka and Kobe Shippers, *Japan Weekly Chronicle*, March 29, 1917, p. 518.

⁷⁵ The Future of Osaka Harbour: Speech by Dr. Sakatani: The Kobe Breakwater, *Japan Weekly Chronicle*, September 27, 1906, p. 394.

⁷⁶ Osaka Improvements: Warm on Waterworks Scheme: Huge Foreign Loan, *Japan Weekly Chronicle*, July 19, 1906, p. 85; The Osaka Foreign Loan: Curious Action by the Government, *Japan Weekly Chronicle*, August 16, 1906, p. 216; The Osaka Municipal Loan: An Arrangement Arrived At, *Japan Weekly Chronicle*, December 20, 1906, p. 778; The Osaka Municipal Loan: Government Approval, *Japan Weekly Chronicle*, March 21, 1907, p. 406.

⁷⁷ The Osaka Foreign Loan: Curious Action by the Government, p. 216.

⁷⁸ The Osaka Municipal Loan: Government Approval, p. 406; The Osaka Municipal Loan: Government Approval Granted, *Japan Weekly Chronicle*, April 30, 1908, p. 549.

⁷⁹ Osaka Harbour Works: Another Scheme Formulated, *Japan Weekly Chronicle*, October 4, 1906, p. 422.

⁸⁰ См., например: Municipal Scandal at Osaka: Leakage in the Tax Office, *Japan Weekly Chronicle*, June 13, 1907, p. 777; Official Corruption in Japan: Remarkable Revelations in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, July 22, 1909, p. 152; Corruption in Osaka: Grave Charge against a Tax Official, *Japan Weekly Chronicle*, March 31, 1910, p. 539; Alleged Corrupt Land Deal: Osaka Official Arrested, *Japan Weekly Chronicle*, November 13, 1913, p. 87; Violation of the Election Law: Curious Case in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, February 25, 1917, p. 271; Official Corruption in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, March 22, 1917, p. 474; The Osaka Engineering Scandal: Fresh Developments, *Japan Weekly Chronicle*, March 29, 1917, p. 507; The Osaka Engineering Scandal: Accused Committed for Trial, *Japan Weekly Chronicle*, October

18, 1917, p. 639; Municipal Corruption in Osaka: Another Scandal Disclosed, Japan Weekly Chronicle, February 28, 1918, p. 319.

⁸¹ The Osaka-Fu Assembly Scandal, Japan Weekly Chronicle, July 16, 1908, p. 97; The Osaka-Fu Assembly Scandal: Decision of Preliminary Court, Japan Weekly Chronicle, October 22, 1908, p. 627; The Osaka-Fu Assembly Scandal: Accused Sentenced, Japan Weekly Chronicle, December 31, 1908, p. 1003.

⁸² The Osaka Harbour Works, Japan Weekly Chronicle, June 4, 1908, pp. 697—698.

⁸³ Corruption in Osaka: Allegations against Officials of Marine Office, Japan Weekly Chronicle, September 17, 1908, p. 423.

⁸⁴ The Osaka Municipal Assembly: Question of New Municipal Council: Alteration of Electric Tram Route, Japan Weekly Chronicle, December 30, 1909, p. 1169.

⁸⁵ The Osaka Municipal Corruption: Alteration of Electric Tramway Route, Japan Weekly Chronicle, February 17, 1910, p. 271.

⁸⁶ The Osaka Municipal Scandal: Opening of Public Trial, Japan Weekly Chronicle, July 31, 1910, p. 124; The Osaka Municipal Scandal Case: Judgement, Japan Weekly Chronicle, August 18, 1910, p. 297.

⁸⁷ Osaka Harbour: The Question of Railway Connection, Japan Weekly Chronicle, May 26, 1910, p. 911.

⁸⁸ Osaka Harbour Works: Statement by Director of Engineering Bureau, Japan Weekly Chronicle, June 9, 1910, p. 985; Osaka Harbour Works: Estimate of Cost, Japan Weekly Chronicle, October 20, 1910, p. 700; Osaka Harbour Works: Question of Railway Extension, Japan Weekly Chronicle, January 5, 1911, p. 13.

⁸⁹ Osaka Harbour Works: Question of Railway Extension, p. 13; The Osaka Harbour Works: The Question of Railway Connection, Japan Weekly Chronicle, April 27, 1911, p. 729.

⁹⁰ The Osaka Harbour Works: The Question of Railway Connection, p. 729.

⁹¹ Osaka Harbour Works Railway: Discussion in Diet Committee, Japan Weekly Chronicle, February 3, 1916, pp. 171—172.

⁹² Osaka Harbour Facilities: Proposed Undertakings by Merchant Princes, Japan Weekly Chronicle, March 16, 1916, p. 431.

⁹³ Hanes, «Seki Hajime...», p. 247.

⁹⁴ The City of Osaka: Its Government and Administration (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1953), p. 2; An Outline of Municipal Administration..., pp. 82—83.

Часть III

Бунты и революция

Провал городской хартии

Между 1902 и 1914 годами группам патриотично настроенных горожан и их политическим лидерам удалось про-извести на свет и представить вниманию чикагских изби-рателей три версии новой городской хартии. Всем трем инициативам был уготован бесславный конец. С первого взгляда, раздраженные сторонники реформ могли бы вполне присоединиться к голосу журналиста Линкольна Стеффенса, любителя сенсационных разоблачений, во-прошавшего со страниц чикагских газет: «Действительно ли мы, американцы, хотим видеть достойное правительст-во? А если у нас будет достойное правительство, узнаем ли мы его в лицо?»¹ При более внимательном рассмотрении, однако, неудача чикагских реформаторов представляется более закономерной: нежелание идти на компромисс и способствовать социальной аккомодации открыла новый период в чикагской истории, характеризующийся более дискриминационными политическими тенденциями. В кон-це концов это привело к возникновению одной из самых могущественных политических машин в американской истории, призванной заполнить вакуум между админист-ративными и политическими структурами и сложной ре-альностью метрополиса. Компромиссы уступили место жесткому выбору: *политическая машина* или *реформа*. Жесткий выбор был навязан городу, который уже зады-хался от расовой ненависти. После расовых конфликтов и страшного «красного лета» 1919-го провал чикагской по-литики прагматического плюрализма стал вполне очеви-ден. Цена ошибки оказалась слишком высокой.

Движение за реформу городской хартии объединяло представителей среднего класса и профессиональных кру-

гов и было частью реформ «прогрессивной эры» во всей городской Америке. Корни провала чикагской городской хартии следует искать в местной политической культуре, давно поляризованной трудовыми, классовыми и этническими конфликтами². По одну сторону баррикад находилась группа людей, «говоривших сами с собой», полагавших, что «импульс городских реформ происходит только из их рядов» и что «все реформы в городе должны происходить под их руководством»³. По другую сторону стояли гораздо менее рафинированные представители тех этнических, рабочих и женских организаций, которые настороженно относились к самопровозглашенным ревнителям нравственности и порядка и в целом гораздо более терпимо воспринимали такие пороки, как салуны, проституция и подкуп, повсеместно сопровождавшие нарождавшуюся чикагскую политическую машину.

Впрочем, у всех чикагцев был общий враг в лице иллинойских фермеров и законодателей штата. Политические деятели, стремившиеся к прагматическим компромиссам, такие как Картеры Гаррисоны (старший и младший), могли найти с ними общий язык. Ханжествующие моралисты и адвокаты реформы хартии из буржуазной среды чаще всего характеризовали своих оппонентов как людей «эгоистичных, продажных и узколобых», что вряд ли способствовало их успеху у избирателей⁴. Как почти столетие спустя писали о латиноамериканских городах Альфредо Родригес и Люси Винчестер, «реформа городского правительства должна прежде всего означать общее видение тенденций развития города и долговременную приверженность идеям обновления»⁵. У чикагских реформаторов не было единой концепции и не хватало стойкости и последовательности в проведении своего курса.

Конкурентное правительство Чикаго

Почти с самого основания города ошеломительные темпы роста Чикаго опережали уровень развития его политических институтов⁶. К началу XX века город жил по устаревшему своду законов и постановлений, принятых в

1860-х годах, когда в городе жило четыреста тысяч горожан – против двух миллионов человек в 1900-м⁷.

В отчете 1902 года, составленном Гражданской федерацией Чикаго в защиту реформы городской хартии, горестно сообщалось об анахроничной и запутанной системе местного управления⁸. «Общеизвестно, – писал один из деятелей федерации, – что умножение органов местной власти в этом городе вышло за все мыслимые пределы, допускаемые экономической целесообразностью или принципами эффективной муниципальной службы... Городская хартия устарела и не отвечает размерам и статусу города»⁹. Ратуя за расширение географических границ города, наложение конституционных ограничений на допустимый объем муниципальной задолженности, реформу местной судебной системы, консолидацию и унификацию ведомств городского правительства и реформу районной власти, Гражданская федерация утверждала, что муниципальное управление может «осуществляться более экономично, эффективно и справедливо»¹⁰. Далее федерация предлагала внести поправки в законодательство штата, которые позволили бы городу принять новую хартию, возможно по образцу Нью-Йорка, где незадолго до этого (в 1897—1898 годах) произошло слияние его пяти муниципальных районов¹¹.

Конституция штата Иллинойс 1870 года не устанавливала статус отдельных крупных и малых городов, а предлагала единые правила градообразования для всех сообществ, вне зависимости от их размеров. Эта система благоприятствовала иллинойсцам, проживавшим в аграрных районах и небольших городках, которые неприязненно относились к космополитичному приозерному метрополису и предпочитали не делиться и без того скудными доходами от налогов, поступающих в местный бюджет¹².

До Большого пожара 1871 года Чикаго, подобно многим другим американским муниципалитетам, управлялся, по сути, как деловое предприятие, в котором счета оплачивали те, кто получал больше всего экономических преимуществ от городских заказов¹³. В интереснейшей работе, основанной на старых архивах Чикагского городского совета, Робин Л. Эйнгорн назвал подобную приватизацию

муниципальных услуг «сегментированной системой». «Документы свидетельствуют, – пишет Эйнгорн, – что в чикагской истории был период, когда городское правительство было настолько безупречным, что могло бы удовлетворить требованиям и самых привередливых городских реформаторов, так называемых элитистских структурных реформаторов конца XIX столетия, деятелей, уподоблявших города частным корпорациям с целью обвинить муниципальные власти в недемократичности»¹⁴. Владельцы облагаемой налогом городской недвижимости оплачивали и контролировали муниципальные услуги.

Переход от «сегментированной системы», при которой местное правительство только предоставляло муниципальные услуги и осуществляло инфраструктурные проекты, оплачиваемые пользователями, к амбициозным замыслам «позолоченного века» был отчасти вызван расширением структуры американского правительства после Гражданской войны¹⁵. Повышенный спрос на муниципальные и общественные услуги привел к неформальной централизации политических институтов с целью увеличения государственных доходов и координации деятельности правительства¹⁶. Гражданские инженеры, часто состоящие на службе государства, создавали грандиозные планы городских поселений, нивелируя понятие об американских городах как о стихийном творении рыночных сил¹⁷. К 1870-м годам сегментированная система перерастала в Чикаго в «систему, при которой правительство занималось перераспределением общественных фондов в непрекращающихся политических играх и конкурентной борьбе»¹⁸.

Столкнувшись с повышенным спросом на муниципальные услуги, городские власти Чикаго поначалу пытались увеличить доходную базу посредством расширения географических границ города¹⁹. Между 1880 и 1890 годами город, часто действуя при поддержке местных дельцов²⁰, аннексировал несколько прилежащих районов; так, в 1889 году площадь Чикаго выросла почти в четыре раза²¹. К тому времени население в прилежащих к городу районах росло быстрее, чем в самом Чикаго. Многие из крупнейших чикагских компаний, в том числе «Юнион Стокъярд», находились вне пределов города²². Бурный географический

рост Чикаго существенно замедлился после 1893 года, когда к городу были присоединены северные пригороды Роджерс-парк и Вест-ридж. С тех пор границы города почти не изменились.

Пользуясь положениями в законодательных статутах Иллинойса власти Чикаго и графства Кук создали разветвленную систему административных и фискальных агентств, ведавших водоснабжением, канализацией, устройством парков, образовательной сферой и библиотеками²³. В результате сложилась система, в которую вошло более 1600 ведомств независимой юрисдикции. Чарльз Мерриэм, один из самых стойких местных реформаторов-практиков, иронично назвал эту систему «конкурентным» правительством²⁴. Согласно Мерриэму, к концу 1920-х годов городом Чикаго управляли 4 ведомства юрисдикции штата, 16 – юрисдикции графства, 203 – юрисдикции города, 166 – юрисдикции пригородов, 59 – юрисдикции парковых зон, 10 – юрисдикции санитарных районов, 188 – юрисдикции дренажных районов и 1027 различных правительственных агентств иной юрисдикции²⁵.

По степени запутанности системы местного управления Чикаго был не одинок среди американских городов. Эрнест С. Гриффит утверждает, что сложность и неупорядоченность подобных структур была самым слабым местом, «выдающимся провалом» американской системы городского управления в течение последней четверти XIX века²⁶. Спустя сто лет почти о том же писал Дэвид Раск в своей снискавшей популярность работе «Города без пригородов» (*Cities without suburbs*)²⁷. Льюис Мамфорд утверждает, однако, что последствия роста пригородов в начале XX столетия «существенно отличались от условий современности. До Второй мировой войны городская экономика не подвергалась столь серьезному воздействию множества факторов, как в последующие годы»²⁸.

Наблюдения Мерриэма представляют особый интерес в контексте данной главы, так как они помогают разъяснить некоторые особенности городского управления в Чикаго, отличавшие американский метрополис от Москвы и Осаки в тот же период. Он, например, справедливо отмечает, что запутанная донельзя чикагская административная сис-

тема превратила процесс управления городом в манипулирование конфликтующими интересами различных правительственных органов²⁹. Более того, как писала через шестьдесят лет Энн Дуркин Китинг, «запутанная система управления муниципальными службами Чикаго оставляла широкий простор для коррупции и подкупа»³⁰.

Чарльз Мерриэм и гражданские реформы

Напряженная и безуспешная борьба Чарльза Мерриэма за кресло чикагского мэра в 1911 году ознаменовала кульминацию прогрессивного движения в Чикаго³¹. Будучи кандидатом от республиканской партии, Мерриэм, чикагский олдермен и профессор политологии Чикагского университета, возглавил реформаторов в предвыборной схватке с демократом Картером Гаррисоном-младшим³².

Мерриэм был сыном политика из Айовы. После окончания Колумбийского университета в Нью-Йорке он в 1900 году был принят в штат факультета политических наук Чикагского университета³³. Вскоре Мерриэм активно включился в местную политическую жизнь, составляя аналитические отчеты для групп чикагских реформаторов. В 1909 году университетский округ Гайд-парк избрал его олдерменом, и Мерриэм быстро стал одним из ведущих адвокатов реформ. Воспользовавшись отставкой республиканского мэра Фреда Бюсса в 1911 году и противоречиями внутри партии, Мерриэм получил номинацию от республиканцев несмотря на противодействие партийного босса штата Уильяма Лоримера³⁴. Обострившиеся в 1911 году разногласия в иллинойсском лагере республиканцев предвосхитили раскол во всей республиканской партии США, в 1912 году разделившейся на республиканцев и прогрессивную партию. Проиграв кампанию на пост мэра, Мерриэм был вновь избран в городской совет Чикаго в 1913 году как независимый кандидат, хотя ему противостояли местные республиканцы. Позже он вновь боролся за кресло мэра, но никогда не был так близок к победе, как в 1911 году.

Биограф Мерриэма Барри Д. Карл утверждает, что Гаррисон и Мерриэм были гораздо более схожи, чем мог бы

признать любой из них³⁵. Оба были реформаторами и опирались на фракции и группы, не пользовавшиеся поддержкой партийного большинства. И Мерриэм, и Гаррисон одержали верх над политическими машинами собственных партий и могли рассчитывать на поддержку разных, в частности немецкой и ирландской, этнических групп, при этом оба часто произносили речи по-немецки³⁶. Гаррисон, однако, обладал большим политическим опытом, особенно в создании коалиций и управлении фракциями³⁷. Его политическое мастерство и знание сложного, раздробленного города позволили ему победить и удерживать власть до 1915 года³⁸.

Поборники муниципального самоуправления и новой городской хартии сознавали ущербность муниципальной политики, направленной на аннексирование прилежащих к городу районов и создание паллиативных окружных ведомств. Архаичную структуру чикагского правительства следовало реформировать в соответствии с нуждами быстрорастущего и, возможно, самого технологически передового метрополиса в мире³⁹. Однако реформаторы оказались гораздо более успешными в теории, чем на практике.

Прогрессивные женщины

К концу 1890-х годов за право называться первыми из реформаторов соревновались различные группы. Еще в 1870-х в Чикаго была основана Ассоциация граждан, провозгласившая, что в ее цели входит надзор за местным правительством⁴⁰. Сторонники развития расчетных палат – во главе с Джейн Эддамс, Элен Гейтс Стар и Флоренс Келли – стремились мобилизовать реформаторов из среднего класса и пролетарских слоев⁴¹. Джейн Эддамс, разделившая в 1931 году Нобелевскую премию мира с просветителем Николасом Батлером, олицетворяет для многих тип просвещенных чикагцев той эпохи, оказывавших существенное влияние на все сферы общественной жизни⁴². В глазах других добродетели первого поколения американских женщин с высшим образованием воплощает Флоренс Келли, дочь влиятельного филаделфийского конгрессмена от

республиканской партии, переводчик и доверенное лицо Фридриха Энгельса и председатель Национальной лиги потребителей⁴³.

В 1890-х годах социальные реформаторы, связанные с Чикагским и Северо-Западным университетом, выступили инициаторами создания университетских городков⁴⁴. Например, Маргарет Драйер Робинс, руководитель Женской лиги тред-юнионов, поселилась в нескольких кварталах от Северо-Западного университета⁴⁵. Социальные реформы в Чикаго способствовали развитию социологической науки, процветавшей, в частности, на нескольких факультетах Чикагского университета, особенно при его первом ректоре Уильяме Харпере, между 1892 и 1906 годом⁴⁶.

Необходимость достичь равновесия между общественными и частными интересами побуждала к общественной деятельности представителей различных слоев чикагского общества. С 1892 по 1919 год по меньшей мере 2500 чикагцев вступило в одну из семидесяти реформаторских организаций города⁴⁷.

В чикагских реформаторских организациях состояло много женщин, принадлежавших к высшему классу общества⁴⁸. Женщины-реформаторы – особого упоминания заслуживают Софонисба Брекинридж и Эдит Эббот – сыграли исключительно важную роль в развитии «чикагской школы» социальных исследований⁴⁹. Язык и методы социологии – сбор данных, «полевая» работа и профилактические меры – нашли отклик у женщин-реформаторов⁵⁰. Джейн Эддамс, например, тесно сотрудничала с социологами Джорджем Мидом и У. Томасом, а также с их коллегами по Чикагскому университету⁵¹. Эддамс сыграла значительную роль в становлении американской академической социологии⁵².

Роль женщин-реформаторов в политической и общественной жизни Чикаго трудно переоценить. Американские женщины, притом что на протяжении XIX века они были исключены из избирательной политики, стремились влиять на жизнь общества посредством добровольных организаций и реформаторских групп. Сара Эванс сообщает, что как для мужчин, так и для женщин подобные организации были не только «форумом для публич-

ных дискуссий, но и школой конкретных гражданских инициатив»⁵³.

Исследователь Морин Фланаган утверждает, что, игнорируя деятельность женщин-реформаторов в прогрессивную эпоху, некоторые из историков отказывают женщинам в политической истории⁵⁴. Как показывает Фланаган и другие исследователи, история «второй столицы» Америки немыслима без осознания огромного вклада чикагских женщин в общественную, экономическую, культурную и политическую жизнь города.

Референдум 1907 года

В избирательной кампании 1907 года за кресло чикагского мэра боролись действующий мэр, демократ и «радикал» Эдвард Данн и состоявший в республиканской партии почтмейстер Фред Бюсс. Бюсс, как уже говорилось в главе 5, пострадал в железнодорожной катастрофе и не принимал личного участия в кампании.

В 1905 году основным предвыборным лозунгом Данна был призыв к муниципальной собственности на городские трамваи – обещание, которое он не сумел сдержать. Данн жестко критиковал могущественный городской совет. Выступая перед престижным Коммерческим клубом Чикаго, Данн, например, говорил: «Опыт последних тридцати или сорока лет, на протяжении которых мы имели дело с продажными и расточительными законодателями и муниципальными советами, убедил всех думающих граждан в абсолютной необходимости искоренения мздоимства и расточительства»⁵⁵. Попытки мэра Данна реформировать систему школьного образования также затрагивали нервные окончания местных политических институтов.

Основным лозунгом Бюсса, в свою очередь, был призыв к местной автономии в вопросах продажи алкогольных напитков. Бюссу удалось получить поддержку Законодательного собрания штата в отношении реформы городской хартии. Законодательное собрание перекроило избирательные округа и изменило условия проведения предварительных выборов («праймериз»), подвергнув опасности те

хрупкие компромиссы и договоренности, на которых основывался созданный в Чикаго съезд по принятию новой хартии⁵⁶. Чикагской делегации в Законодательном собрании Иллинойса удалось добиться ограничения количества законодателей, избираемых от графства Кук. Исправленный вариант хартии был принят Законодательным собранием штата 7 мая, сенатом штата – 12 мая и вернулся в Чикаго для рассмотрения на сентябрьском референдуме 1907 года.

Все лето в местной прессе шла ожесточенная дискуссия о судьбе хартии, при этом особенное внимание уделялось законодателям, стремившимся путем махинаций перекроить границы избирательных округов⁵⁷. Протестантская деловая элита города была убеждена, что, несмотря на недостатки, хартия будет принята. Защитники реформы стремились смягчить отрицательные последствия изменений в законодательстве штата.

«Достойно сожаления, – говорилось в отчете Гражданской федерации Чикаго, – что изменение границ избирательных округов создает политическую проблему в отношении хартии. Все участники политического процесса единодушны в том, что уменьшение количества избирательных округов до пятидесяти – разумная мера, которая приведет к сосредоточению ответственности и облегчит законодательный процесс»⁵⁸.

Отчет Гражданской федерации кажется вполне рациональным и «аполитичным». Однако опасавшиеся потери влияния партийные боссы думали иначе.

Проект хартии предполагал «хорошее начало» для расширения местной автономии. На деловых завтраках городского клуба, где летом 1907 года собирались «лучшие из реформаторов», практически не рассматривались доводы оппозиции. Однако, как отмечает Фланаган, оппозиция проекту новой хартии была значительной: «Важно то, что взгляды многих оппонентов хартии на концепцию муниципального управления и города как такового в корне отличались от воззрений сторонников хартии»⁵⁹.

Деятельность Гражданской федерации в защиту принятия хартии и ее нежелание выслушивать доводы оппонентов нанесла серьезную обиду многим менее удачливым

участникам чикагского политического процесса. Условные «дефекты» предлагаемой хартии, утверждало руководство федерации, «зависят только от угла зрения»⁶⁰.

Очевидно, что Гражданская федерация недооценила степень противодействия предлагаемой реформе со стороны значительного числа горожан: многие из противников хартии считали, что федерация стремится к «эгоистичным идеалам» определенного класса чикагцев.

Хартия была обречена. Высокомерно пренебрегая принципами политической и социальной аккомодации, Гражданская федерация и Городской клуб Чикаго на всех парах неслись к референдуму, не обращая ни малейшего внимания на ропот рабочих, этнических и женских организаций, Лиги Уильяма Херста и других групп горожан. По итогам референдума против предлагаемого проекта хартии проголосовали 121 935 горожан, и только 59 786 чикагцев отдали голоса за пакет реформ⁶¹.

Второй съезд гражданских объединений прошел в сентябре 1908 года и оказался более открытым для оппозиционных групп. Однако вражда, вспыхнувшая между сторонниками и противниками хартии в 1907 году, не утихла. Съезд вновь отказался предоставить женщинам право голоса на муниципальных выборах. «Алкогольный» вопрос свелся к нескончаемому конфликту между протестантской и католической культурой. В работу съезда вновь вмешались власти штата в Спрингфилде. В конце концов второй проект хартии не был ратифицирован Законодательным собранием штата⁶². Представители среднего класса и профессиональных кругов, то есть наиболее склонной к реформам прослойки города, постепенно переселялись в относительно благополучные пригороды⁶³. Третья попытка составить проект чикагской хартии была похоронена в 1914 году, а усилия по реформированию конституции штата разбились о конфликт между сельскими и урбанизированными районами штата⁶⁴.

Морин Фланаган пишет, что «причина, по которой чикагцам не удалось достичь согласия в отношении реформы городской хартии, заключена в истории политической культуры города. Дело не во вражде между «реформаторами» и «партийными боссами». Все стороны в битве за хар-

тию имели собственные взгляды на приоритеты муниципального управления»⁶⁵.

Все же Фланаган не объясняет, как, например, Картеру Гаррисону-младшему удалось всего за несколько лет до «битвы за хартию» навести мосты между защитниками и противниками муниципальной собственности на городскую систему трамвайного сообщения. Движение за реформу хартии провалилось потому, что его лидеры в лучшем случае пренебрегали, а в худшем отвергали легитимность тех, кто не принадлежал к их лагерю. Прогрессивные реформаторы словно забыли о политике «столичного плюрализма». Тем временем жизнь в Чикаго продолжалась. Организационные пустоты, возникшие как следствие устаревших конституционных норм, неудачи новых институтов и провала реформы хартии были постепенно заполнены благодаря складывающейся в политических кругах системе личных отношений.

Именно такой организационной двусмысленностью воспользовались спустя несколько лет республиканец «Большой Билл» Томпсон и демократы Кермак, Келли и Дейли, создавшие могущественные политические машины⁶⁶. Фланаган заключает: «Фактически политические машины позволили справиться с той неуправляемой квазисистемой, которая сложилась в Чикаго после провала реформы хартии. Политические машины привели к установлению в Чикаго централизованной власти и единому контролю над муниципальными институтами, что представлялось невозможным при прежней системе конкурирующих ведомств»⁶⁷.

Политические машины и сопутствующая им система раздачи должностей и постов победившей партией привнесла неформальный порядок в формальный хаос Чикаго: в несколько усеченной форме эта система продолжает действовать до сих пор. Эстер Фукс полагает, что партийная машина «гарантировала чикагским мэрам верных избирателей и обеспечила верховенство мэра над городским советом в бюджетных вопросах»⁶⁸. «Именно партийные машины, — продолжает автор, — предоставили чикагским мэрам дополнительные возможности влиять на бюджетные решения», как, впрочем, и на ряд других ключе-

вых вопросов муниципальной политики⁶⁹. В свою очередь, возвышение чикагской политической машины было прямым следствием поражения прагматического плюрализма во время знаменательных дебатов о реформе в 1907 году, неудачного правления мэра Данна в 1905—1907 годах и поражения Мерриэма на выборах мэра 1911 года.

Великое переселение

На следующее десятилетие пришелся дальнейший упадок в Чикаго политики прагматического плюрализма. Возросшая миграция афроамериканцев с аграрного юга привнесла новое измерение в политическую и социальную жизнь Чикаго и запустила в город беса расового противостояния.

Чикаго быстро превращался в основной пункт назначения чернокожих южан — участников «великого переселения» конца 1910-х и начала 1920-х годов. Город был «землей надежды» для нищающих фермеров-негров, вытесняемых с земель в Миссисипи, Луизиане, Алабаме, Техасе, Арканзасе, Теннесси и Джорджии⁷⁰. Они прибывали на север по центральной железной дороге штата Иллинойс, гонимые расизмом, дискриминационными законами Джима Кроу и оскудением фермерских хозяйств; движимые желанием повидать мир и привлекаемые кажущейся свободой промышленно развитого Севера. Поселения черных южан в Чикаго располагались в Саут-сайде, «на узкой полоске земли, именуемой белыми Черным поясом», что было вызвано как типичными для этнических диаспор типами поселений, так и расизмом⁷¹. К 1910 году в этих перенаселенных, напоминающих резервации кварталах проживало до 78 процентов чикагских негров. Подобная сегрегация была совершенно новым явлением для города, где еще в 1898 году только четверть чернокожих горожан обитала в «черных кварталах», а более 30 процентов афроамериканцев селилось в районах, на 95 процентов населенных белыми.

Джеймс Р. Гроссман в замечательной книге о Чикаго и великом переселении «Земля надежды» (Land of Hope) со-

общает, что массовая миграция чернокожих с юга началась в 1916 году, когда Первая мировая война перекрыла трансатлантические пути иммиграции⁷². Рост военного промышленного производства привел к увеличению спроса на трудовые ресурсы в таких индустриальных центрах, как Чикаго, при этом агенты по найму устремились на Юг в поисках дешевой рабочей силы. С 1916 по 1919 год в Чикаго переселилось от 50 до 70 тысяч негров-южан; еще для тысяч чернокожих город стал перевалочным пунктом. Река переселенцев не иссякала до тех пор, пока Великая депрессия не привела к закрытию многих предприятий в Чикаго и других северных городах.

«Черное переселение», происшедшее за такой короткий период времени, разбудило самые патологические силы американского общества. Социальные реформаторы, озабоченные положением малоимущих белых, часто просто игнорировали нужды черных бедняков⁷³. Белые владельцы недвижимости и риэлторы нередко вступали в союз с целью удержать афроамериканцев в этнических гетто в Саут-сайде. Многие белые прибегали к насилию. За два года, предшествовавшие бунтам 1919 года, в домах афроамериканцев, поселившихся в некогда белых кварталах и в конторах агентов недвижимости, продавших им эти дома, взорвалось двадцать шесть бомб⁷⁴. История таких бомбометаний насчитывает в Америке не одно десятилетие. В результате, если в 1910 году никто из черных уроженцев Чикаго не жил в кварталах, более чем на 75 процентов населенных неграми, к 1920 году в таких районах обитало уже 35,7 процента коренных чикагских афроамериканцев.

Относительный мир в Чикаго был взорван 27 июля 1919 года, с началом двухнедельной открытой расовой войны, эвфемистически именуемой в американской историографии «чикагским расовым бунтом 1919 года». Расовый бунт – чисто американское понятие, однако оно заслоняет ужас этих событий, одного из самых чудовищных проявлений расовой нетерпимости в городской истории Соединенных Штатов.

В исследовании событий 1919 года Уильям М. Таттл-младший пишет: «Истоки чикагских расовых бунтов 1919

года следует искать не в высокой политике, а в низменном чувстве ненависти между белыми и чернокожими, которые, не умея ясно выражать свои мысли, не оставили свидетельств своих чувств или мотивов для потомства... Истинная вражда и ненависть тлела и вспыхнула не на вершине истеблишмента, а на бытовом уровне, там, где сосуществовали расы – на заводской площадке, в предместьях и в местах отдыха»⁷⁵.

Иными словами, бунты 1919 года возникли там, где потерпели неудачу прагматизм и терпимость. Потеснив классовые и этнические конфликты, главной темой чикагской политики того лета стали расовые отношения. Трагические события июля – августа 1919 года ознаменовали конец замечательной эры в городской истории и продемонстрировали опасные последствия дискриминационной политики в сообществах с высоким уровнем социальной фрагментации.

«Красное лето» 1919 года

Июль 1919 года выдался в Чикаго необычайно знойным и душным⁷⁶. Лето привлекло на берег озера толпы белых и чернокожих горожан. Несколько отвратительных расовых конфликтов произошло в городе и до 27 июля, того страшного дня, когда Джон Харрис, четырнадцатилетний чернокожий подросток и четверо его спутников по фамилии Уильямс (два брата, Чарльз и Лоренс, и двое их тезок, Юджин и Пол) переплыли невидимую, но твердо установленную границу между пляжем 25-й улицы Саут-сайда, где отдыхали афроамериканцы, и пляжем 29-й улицы, предпочитаемого белыми. В это же время на берегу началась драка между неграми и белыми. Двое полицейских, чернокожий и белый, вскоре потеряли контроль над ситуацией, и в воздухе замелькали камни. Камень, брошенный с берега белым, попал в мальчика Юджина Уильямса, который захлебнулся и утонул⁷⁷. Несмотря на трагическое происшествие, белый полицейский отказался арестовать человека, бросившего камень, но, напротив, арестовал чернокожего. Один из негров выстрелил в по-

лицейского, полицейские открыли ответный огонь. Так начались чикагские расовые бунты. Чтобы вернуть подобие порядка на чикагские улицы, потребовалось две недели и 6200 человек из милиционной армии штата Иллинойс: за это время погибло 38 горожан (33 из них были чернокожими), а 537 человек (из них 342 чернокожих) получили серьезные ранения.

Этот год оказался для города особенно трудным⁷⁸. Послевоенный экономический спад тяжело сказался на промышленных предприятиях. Американцы африканского происхождения, особенно возвратившиеся с европейской войны солдаты-пехотинцы, не желали мириться с дискриминацией в мирной Америке⁷⁹. Белые ветераны хотели вернуть старые рабочие места, что приводило к конфликтам на чикагских заводах. Белые также подозревали чернокожих в штрейкбрехерстве, по-видимому отказываясь понять, почему негры совершенно не желают участвовать в забастовках, организованных тред-юнионами, из которых сами они были исключены⁸⁰.

Чикагские работодатели, со своей стороны, охотно пользовались разногласиями в рабочей среде⁸¹. Большинство промышленных предприятий города принадлежали среднему и крупному бизнесу: в 1919 году 70 процентов от 400 тысяч чикагских промышленных рабочих работало на предприятиях, где трудилось по меньшей мере 100 рабочих; треть пролетариев были наняты предприятиями, где трудилось более 1000 человек⁸². Город ремесленных мастеровских исчез, что истребило в классовых и этнических группах чикагцев чувство единой судьбы⁸³.

По сходным причинам расовые и классовые отношения ухудшались по всей стране. Ку-клукс-клан достиг вершины: на Юге линчевание негров происходило почти ежедневно. Усугублению расового конфликта способствовали как общенациональные, так и местные тенденции развития.

У белых чикагских рабочих были и другие поводы для беспокойства. Лето 1919 года прошло в Америке под знаком «красной угрозы» – антисоциалистической истерии, вызванной событиями в Москве и других европейских центрах. Красная угроза играла на руку работодателям и

помогала держать белых рабочих в жесткой экономической зависимости. В трущобах, пролетарских и мещанских кварталах Чикаго были широко представлены все нации, переживавшие в Европе коммунистическую революцию, – успешную, как в России, и неудавшуюся, как в Германии. Чикагцы не только беспокоились о положении своих близких в Европе, но и сами выбирали сторону в европейских классовых битвах. Следует упомянуть также, что все это происходило в городе, еще только полстолетия назад считавшегося преимущественно немецким, а во время Первой мировой войны получившего ярлык «иноземного». Иными словами, Чикаго 1919 года, похожий на пороховую бочку, был городом, где тлела расовая, этническая и классовая война.

Не последнюю роль в обострении расовых отношений сыграли местные политики. Так, в борьбе с растущей демократической машиной республиканский босс «Большой Билл» Томпсон опирался на чернокожих избирателей⁸⁴. Томпсон, мэр Чикаго с 1915 по 1923 год и с 1927 по 1931 год, был в известной степени олицетворением коррупционной политики партийных машин. Он «был избран по единому списку с двумя членами прогрессивной партии, пользовался в Америке дурной репутацией и предположительно состоял в союзе с Аль Капоне, хотя против него так и не было выдвинуто официальных обвинений»⁸⁵. В 1915 году этот клоунской наружности партийный босс, связанный с самими грязными гангстерами города, вытеснил из руководства местной республиканской партии реформаторов Джейн Эддамс и Чарльза Мерриэма.

Победой на своих первых выборах Томпсон был отчасти обязан союзу с Де Приестом, первым чернокожим чикагским олдерменом, и, следовательно, с афроамериканской общиной города. Как мэр «шестого по величине немецкого города в мире», он критиковал вступление Америки в Первую мировую войну. Обвинения в коррупции и слухи о его связях с организованной преступностью не позволили Томпсону пройти в сенат в 1918 году и размыли его некогда прочную избирательную базу. Однако чернокожие и немецкие избиратели остались верны Томп-

сону, обеспечив его переизбрание на второй срок в 1919 году, когда он нанес поражение вечному реформатору Мерриэму на республиканских предварительных выборах и обошел демократа Роберта Свайцера и независимого кандидата Маклея Хойна на выборах мэра⁸⁶.

Томпсон не принимал участия в выборах 1923 года, но вернулся к власти в 1927-м, одержав победу над своим преемником на посту мэра демократом Уильямом Девером⁸⁷. К 1931 году, однако, Томпсону стало все сложнее сохранять единство своей электоральной базы: перед лицом углубляющейся экономической депрессии происходил массовый исход республиканцев в лагерь демократов. Последние годы пребывания Томпсона в мэрии сопровождались неутрачиваемыми скандалами из-за его приятельских отношений с преступными чикагскими баронами эпохи «сухого закона», в том числе с Аль Капоне⁸⁸.

На смену Томпсону пришел Кермак, один из основателей белой, поддерживаемой промышленными рабочими демократической «машины», которая доминировала в политической жизни Чикаго на протяжении следующих пятидесяти лет. Кермак и его преемник Келли заигрывали с чернокожими избирателями, однако после Второй мировой войны мэры-демократы Мартин Кеннелли и Ричард Дейли все чаще разыгрывали расовую карту⁸⁹. Под внешне безмятежной политикой партийных машин скрывались глубокие расовые противоречия⁹⁰.

События июля – августа 1919 года наложили отпечаток на всю последующую историю Чикаго. Джордж Герберт Мид, который совместно со своим коллегой по Чикагскому университету Джоном Дьюи основал чикагскую школу прагматической философии, вскоре охарактеризовал классовые и расовые сражения 1919 года как «банкротство» движения за реформы⁹¹. После «красного лета» политике прагматического плюрализма в Чикаго все реже сопутствовал успех. Подобно неудачной попытке принять новую городскую хартию в 1907 году, бунты 1919 года означали начало дискриминационной эры в чикагской политике.

Примечания

¹ Justin Kaplan, *Lincoln Steffens: A Biography*. (New York: Simon and Schuster, 1974), p. 123.

² Если не оговорено иначе, данный очерк о неудавшемся движении за конституционные реформы в Чикаго основан на работе: Maureen A. Flanagan, *Charter Reform in Chicago*. (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987).

³ Там же, с. 38—39.

⁴ Там же, с. 47—63.

⁵ Alfredo Rodriguez and Lucy Winchester, *The Challenges for Urban Governance in Latin America: Reinventing the Government of Cities*, in Patricia K. McCarney, ed., *Cities and Governance: New Directions in Latin America, Asia, and Africa*, (Toronto: University of Toronto Press, 1996), pp. 23—38: 30.

⁶ Это отмечали многие реформаторы эпохи. См., например: Jane Addams, *Problems of Municipal Administration*. *American Journal of Sociology* 10, no. 4 (January 1905), pp. 425—444.

⁷ Ann Durkin Keating, «Governing the New Metropolis: The Development of Urban and Suburban Governments in Cook County, Illinois, 1831—1902». (Ph.D. diss., University of Chicago, 1984), pp. 2—15.

⁸ Preliminary Report on Need for New City Charter (Chicago: Civic Federation of Chicago, 1902).

⁹ Там же, с. 2.

¹⁰ Там же, с. 4.

¹¹ Там же, с. 15—16, 27—28.

¹² Flanagan, *Charter Reform...*, pp. 1—9; Don E. Fehrenbacher, *Chicago Giant: A Biography of «Long John» Wentworth*. (Madison, Wisc.: American History Research Center, 1957), pp. 185—187.

¹³ Об управлении другими городами Америки см. следующие работы: Amy Bridges, *A City in the Republic: Antebellum New York and the Origins of Machine Politics*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1984); Sam Bass Warner, Jr., «The Private City: Philadelphia in Three Periods of Its Growth». (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1968); Terrence J. McDonald, *The Parameters of Urban Fiscal Policy: Socioeconomic Change and Political Culture in San Francisco, 1860—1906*. (Berkeley: University of California Press, 1987).

¹⁴ Robin L. Einhorn, *Property Rules: Political Economy in Chicago, 1833—1872*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991). Исследования Эйнгорна основаны на документах городского совета Чикаго с 1833 по 1871 год, которые считались утерянными во время Большого пожара. Эти записи были обнаружены во время инвентаризации городского архива.

¹⁵ См., например, следующие работы: Joan E. Draper, «Chicago: Planning Wacker Drive». in Zeynep Celik, Diane Favro, and Richard Ingersoll, eds., *Streets: Critical Perspectives on Public Space*, (Berkeley: University of California Press, 1994), pp. 259—276; Robin L. Einhorn. *A Taxing Dilemma*. *Chicago History* 18 (Fall 1989), pp. 34—51.

¹⁶ Einhorn. *Property Rules...*, p. 24.

¹⁷ Donald L. Miller, *City of the Century: The Epic of Chicago and the Making of America*. (New York: Simon and Schuster, 1996), pp. 59—60.

¹⁸ Einhorn. *Property Rules...*, p. 229.

¹⁹ Более подробно об этом см. работу Китинг: Ann Durkin Keating, *Building Chicago: Suburban Developers and the Creation of a Divided Metropolis*. (Columbus: Ohio State University Press, 1988), pp. 98—119.

²⁰ Frederick Cople Jaher, *The Urban Establishment: Upper Strata in Boston, New York, Charleston, Chicago, and Los Angeles*. (Urbana: University of Illinois Press, 1982), p. 503.

²¹ В 1889 году к Чикаго были присоединены городки Джефферсон, Лейк и Лейк-вью, а также селение Гайд-парк. Irving Cutler, *Chicago: Metropolis of the Mid-Continent*, 3d ed. (Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt, 1982), p. 33. Более подробно об этом см.: Keating, «Governing the New Metropolis...», pp. 307—320; Edith Abbott, *The Tenements of Chicago, 1908—1935*. (Chicago: University of Chicago Press, 1936), pp. 9—14.

²² Flanagan, *Charter Reform...*, p. 13.

²³ Там же, с. 22—24. Этот пример рассматривается также в следующих работах: Richard Schneirov, «Class Conflict, Municipal Politics; and Governmental Reform in Gilded Age Chicago, 1871—1975», in Hartmut Keil and John B. Jentz, eds., *German Workers in Industrial Chicago, 1850—1910: A Comparative Perspective*, (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1983), pp. 183—205; 184—187; Ester R. Fuchs, *Mayors and Money: Fiscal Policy in New York and Chicago*. (Chicago: University of Chicago Press, 1992), p. 195.

²⁴ Charles E. Merriam, *Scrambled Government: Who Rules What in Chicagoland?* (Chicago: League for Industrial Democracy, 1934).

²⁵ Charles E. Merriam, «Chicago: A More Intimate View of Urban Politics». (New York: Macmillan, 1929), pp. 90—93.

²⁶ Ernest Griffith, *A History of American City Government: The Conspicuous Failure, 1870—1900*. (New York: National Municipal League; Lanham, Md.: University Press of America. 1983), pp. 4, 52—96.

²⁷ David Rusk, *Cities without Suburbs*. (Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 1993).

²⁸ Loomis Mayfield, «The Reorganization of Urban Politics: The Chicago Growth Machine after World War II». (Ph.D. diss., University of Pittsburgh, 1996), p. 14.

²⁹ Merriam, «Chicago...», p. 94.

³⁰ Keating, *Building Chicago...*, p. 48.

³¹ Steven J. Diner, *A City and Its Universities: Public Policy in*

Chicago, 1892—1919. (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980), pp. 154—175.

³² О карьере самого Мерриэма см.: Barry D. Karl, Charles E. Merriam and the Study of Politics». (Chicago: University of Chicago Press, 1974), pp. 61—83.

³³ Diner, *A City and Its Universities...*, pp. 33—34.

³⁴ Там же, с. 169—171.

³⁵ Karl, Charles E. Merriam..., pp. 68—69.

³⁶ Взаимоотношения Гаррисона с избирателями немецкого происхождения рассматриваются в работе: Schneirov, «Class Conflict...», pp. 199—200.

³⁷ Karl, Charles E. Merriam..., pp. 68—69.

³⁸ Edward R. Kantowicz, Carter H. Harrison II: The Politics of Balance, in Paul M. Green and Melvin G. Holli, eds., *The Mayors: The Chicago Political Tradition* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), p. 28.

³⁹ См., например: Chicago New Charter Movement, *Texts A and B* (Chicago: New Charter Campaign Committee, 1904).

⁴⁰ Flanagan, *Charter Reform...*, pp. 35—36; Schneirov, «Class Conflict...», pp. 183—205.

⁴¹ Jane Addams, *Twenty Years at Hull-House* (reprint, New York: New American Library, 1961); Helen Lefkowitz Horowitz, *Culture and the City: Cultural Philanthropy in Chicago from the 1880s to 1917*. (Lexington: University Press of Kentucky, 1976), pp. 126—144; Allen F. Davis and Mary Lynn McCree, eds., *Eighty Years at Hull-House*. (Chicago: Quadrangle, 1969); Elizabeth Wilson, *The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women*. (Berkeley: University of California Press, 1991), pp. 71—75; Abbott, *The Tenements of Chicago...*, pp. 30—33; Miller, *City of the Century...*, pp. 416—425, 455—467.

⁴² Garry Wills, «Sons and Daughters of Chicago». *New York Review of Books*, June 9, 1994, pp. 52—59; 55, 58—59.

⁴³ См., например: Kathryn Kish Sklar, *Florence Kelley and the Nation's Work*. Vol. 1: *The Rise of Women's Political Culture, 1830—1900* (New Haven: Yale University Press. 1995). Читатели могут также обратиться к автобиографии Келли: Florence Kelley, *Notes of Sixty Years: The Autobiography of Florence Kelley*, ed. Kathryn Kish Sklar. (Chicago: C. H. Kerr, 1986) или к некоторым из статей Келли, например «First Report of the Factory Inspectors of Illinois on Small-Pox in the Tenement House Sweatshops of Chicago». (Springfield, Ill: H. W. Rokker, State Printer and Binder, 1894).

⁴⁴ Perry R. Duis, *Chicago: Creating New Traditions*. (Chicago: Chicago Historical Society, 1976), pp. 57—81; Robert A. Slayton, «Back of the Yards: The Making of Local Democracy». (Chicago: University of Chicago Press, 1986), pp. 172—187; Wilson, *The Sphinx in the City...*, pp. 71—75.

⁴⁵ Perry R. Duis, *Chicago: Creating New Traditions*. (Chicago: Chicago Historical Society, 1976), pp. 57—81; Robert A. Slayton, «Back of the Yards:

The Making of Local Democracy». (Chicago: University of Chicago Press, 1986), pp. 172—187; Wilson, *The Sphinx in the City...*, pp. 71—75.

⁴⁶ Elizabeth A. Payne, *Reform, Labor, and Feminism: Margaret Dreier Robins and the Women's Trade Union League*. (Urbana: University of Illinois Press, 1988), p. 44.

⁴⁷ Связь между социальной активностью и социологией исследуется в работе Дайнера: Steven J. Diner, *A City and Its Universities...* О Харпере см. с. 15—19.

⁴⁸ Там же, с. 56.

⁴⁹ Jaher, *The Urban Establishment...*, p. 508; Bessie Louise Pierce, *A History of Chicago. Vol. 3: The Rise of a Modern City, 1871—1893*. (Chicago: University of Chicago Press, 1957), pp. 487—490. См. также: Wills, «Sons and Daughters of Chicago».

⁵⁰ Paula Baker, *The Domestication of Politics: Women and American Political Society, 1780—1920*. *American Historical Review* 89, no. 3 (1984), pp. 620—647: 634.

⁵¹ Mary Jo Deegan, *Jane Addams and the Men of the Chicago School, 1892—1918*. (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1988), pp. 105, 309—328.

⁵² См., например, опубликованные материалы Эддамс: Jane Addams, *The Social Thought of Jane Addams*. ed. Christopher Lasch (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965).

⁵³ Sara M. Evans, «Women's History and Political Theory: Toward a Feminist Approach to Public Life» in Nancy A. Hewitt and Suzanne Leacock, eds., *Visible Women: New Essays on American Activism*, (Urbana: University of Illinois Press, 1993), pp. 119—139: 128.

⁵⁴ Maureen A. Flanagan, *Gender and Urban Political Reform: The City Club and the Woman's City Club of Chicago in the Progressive Era*. *American Historical Review* 95, no. 4 (October 1990), pp. 1032—1050.

⁵⁵ Edward F. Dunne, *On the Chicago Charter: Address to Commercial Club, March 15, 1904* in Edward F. Dunne, *Dunne: Judge, Mayor, Governor*. Comp. and ed. William L. Sullivan. (Chicago: Windemere, 1916), pp. 150—156: 156.

⁵⁶ William Booth Philip, *Chicago and the Downstate: A Study of Their Conflicts, 1870—1934*. (Ph.D. diss., University of Chicago, 1940), p. 61.

⁵⁷ Flanagan, *Charter Reform...*, pp. 110—135.

⁵⁸ *The New Chicago Charter: Why It Should Be Adopted at the Special Election, September 17*. (Chicago: Civic Federation of Chicago, 1907), p. 10.

⁵⁹ Flanagan, *Charter Reform...*, pp. 115—116.

⁶⁰ *The New Chicago Charter...*, pp. 10—11.

⁶¹ Flanagan, *Charter Reform...*, p. 135.

⁶² Текст этой версии устава города Чикаго см. в следующих материалах: *Chicago Charter Convention, Resolutions and Communications Received at Meeting held January 19, 1909* (Chicago: City Charter Convention, 1909); *Chicago Charter Convention, An Act to Provide a Charter for the City of Chicago*. (Chicago: City Charter Convention, 1909).

⁶³ Wayne Andrews, *The Battle for Chicago*. (New York: Harcourt and Brace, 1946), pp. 319—321.

⁶⁴ Flanagan, *Charter Reform...*, pp. 146—148.

⁶⁵ Там же, с. 148.

⁶⁶ О Томпсоне см.: Douglas Bukowski, Big Bill Thompson: The 'Model' Politician, in Green and Holli, eds., *The Mayors...*, pp. 61—81. О Кермаке см.: Paul M. Green, Anton J. Cermak: *The Man and His Machine*, там же, с. 99—100; а также Gottfried, Boss Cermak.... О Келли см.: Roger Biles, Edward J. Kelly: *New Deal Machine Builder* in Green and Holli, eds., *The Mayors...*, pp. 111—125; а также Gosnell *Machine Politics...* О Дейли см.: John M. Allswang, Richard J. Daley: *America's Last Boss*, in Green and Holli, eds., *The Mayors...*, pp. 144—163; а также Mike Royko, Boss: Richard J. Daley of Chicago (New York: E. P. Dutton, 1971). О крахе политической машины Дейли и о его смерти см.: Gary Rivlin, *Fire on the Prairie: Chicago's Harold Washington and the Politics of Race* (New York: Henry Holt, 1992).

⁶⁷ Flanagan, *Charter Reform...*, p. 135.

⁶⁸ Fuchs, *Mayors and Money...*, p. 6.

⁶⁹ Там же, с. 8.

⁷⁰ James R. Grossman, *Land of Hope: Chicago, Black Southerners, and the Great Migration*. (Chicago: University of Chicago Press, 1989), p. 6.

⁷¹ Там же, с. 123.

⁷² Там же, с. 3—6

⁷³ Elisabeth Lash-Quinn, *Black Neighbors: Race and the Limits, of Reform in the American Settlement House Movement, 1890—1945*. (Chapel Hill University of North Carolina Press, 1993), pp. 1—10.

⁷⁴ William M. Tuttle, Jr., «Contested Neighborhoods and Racial Violence: Chicago in 1919; A Case Study» in Kenneth T. Jackson and Stanley K. Schultz, eds., *Cities in American History*, (New York: Knopf, 1972), pp. 232—248.

⁷⁵ William M. Tuttle, Jr., «Race Riot: Chicago in the Red Summer of 1919». (New York: Atheneum, 1970), p. viii.

⁷⁶ Там же, с. 3—10

⁷⁷ Peter M. Hoffman, *The Race Riots*.

⁷⁸ Там же, с. 12—31.

⁷⁹ Там же, с. 208—241.

⁸⁰ Проблема белого расизма в чикагских тред-юнионах исследована в работе Гроссмана: Grossman, *Land of Hope...*, pp. 20—45.

⁸¹ Tuttle, «Race Riot...

⁸² Lizabeth Cohen, *Making a New Deal: Industrial Workers in Chicago, 1919—1939*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1990), p. 15.

⁸³ Там же, с. 29.

⁸⁴ Краткое, но информативное описание взаимоотношений между Томпсоном и афроамериканскими избирателями дано в работе Гроссмана: Grossman, *Land of Hope...*, pp. 176—179.

⁸⁵ Bukowski, Big Bill Thompson..., p. 61.

⁸⁶ Там же, с. 74—76.

⁸⁷ Смори, John R. Schmidt, William E. Dever: A Chicago Political Fable in Green and Holli, eds., The Mayors..., pp. 82—98.

⁸⁸ Bukowski, Big Bill Thompson..., pp. 76—77; Milton L. Rakove, Don't Make No Waves, Don't Back No Losers: An Insider's Analysis of the Daley Machine». (Bloomington: Indiana University Press, 1975), pp. 25—26.

⁸⁹ Расовые проблемы и их взаимосвязь с администрацией демократической партии в годы правления Ричарда Дейли исследованы в работе Байлза: Roger Biles, Richard J. Daley: Politics, Race, and the Governing of Chicago». (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995).

⁹⁰ О сложных взаимоотношениях администрации демократической партии с Кермаком, Келли и Дейли см.: Rakove, Don't Make No Waves..., pp. 256—281.

⁹¹ Andrew Feffer, The Chicago Pragmatists and American Progressivism». (Ithaca: Cornell University Press, 1993), p. 1.

Самый неблагоустроенный город в Европе

Из всех крупнейших городских центров Европы Москва в начале XX века была городом с наименее благоприятными условиями для жизни — при этом самой «нездоровой» столицей Европы считался Петербург. Только российская столица могла поспорить с Москвой в плане ухудшения состояния жилищного фонда, деградации системы здравоохранения и ужасных вспышек инфекционных болезней.

Неспособность московских муниципальных властей улучшить социальную атмосферу в городе обостряла напряженность между различными группами общества и в конечном итоге уничтожила всякую надежду на достижение компромисса между ними. Безусловно, радикализация городской общественной жизни была обусловлена и событиями вне Москвы. Социальная поляризация усиливала классовую вражду и укрепляла в непримиримости всех участников политического процесса. Прагматические решения сложных проблем стали невозможны в обстановке жесткого идеологического противостояния. Политика с яростью выплеснулась на московские улицы, обнаружив тем самым страшную цену потери общественного согласия. Революция и Гражданская война разорили полную жизни купеческую Москву, достигшую небывалого расцвета в годы после реформ 1861 года. Важное место в поразительной революционной истории России XX века занял жилищный вопрос.

В рассматриваемый исторический период бедность могла стать страшным несчастьем для всех европейцев, но нигде она не представлялась такой разрушительной, как в крупных промышленных городах России. Жилищные условия характеризовались как нехваткой собственно жилых

площадей, так и скверными санитарными условиями. Положение еще более осложнялось суровыми зимами и зависимостью от деревянных, а не кирпичных или каменных строительных конструкций. Неспособность российских властей всех уровней справиться с жилищной проблемой способствовала развитию революционных тенденций в той же мере, что и алчность работодателей, политический патернализм и надменность самодержавного правительства.

Согласно Степану Алавердян (выпускнику Московского торгового института армянского происхождения в 1915 году власти запретили защитить диссертацию о жилищных условиях в Москве, что, в частности, толкнуло его на путь революционера, – так Алавердян стал одним из основателей армянской коммунистической партии), в 1912 году на каждую московскую квартиру приходилось 8,7 жилья по сравнению с 4,3 в Париже, 3,9 в Берлине, 4,2 в Вене и 4,5 в Лондоне¹. Канадский географ Джеймс Бейтер сообщает в замечательной работе о Санкт-Петербурге, что в 1910 году число жильцов на одну квартиру составляло в этом городе 7,4 человека – значительно выше, чем в среднем по Европе, но ниже, чем в Москве в то же время². Джозеф Брэдли утверждает, что плотность населения в Москве на единицу домовладения превышала европейские нормы, хотя общая плотность населения на единицу площади городской земли была относительно низкой³.

Местонахождение самых перенаселенных московских жилищ также отличалось от среднеевропейских стандартов. Почти 10 процентов городских квартир располагались в подвалах; с 1882 по 1912 год процент горожан, живущих ниже уровня земли, вырос наполовину⁴. Еще 40 процентов городских рабочих – то есть около 180 тысяч москвичей в 1899 году – жили в квартирах, где они снимали только часть комнаты, зачастую одну лишь койку⁵. По сути, число жильцов на комнату возрастало по мере уменьшения размеров квартир⁶. В 1912 году среднее число жильцов в однокомнатной квартире составляло 6,5 человека против 3,9 человека в двух-, 2,2 человека – в трех-, и 2,7 человека – в четырехкомнатной квартире⁷.

В том же 1912 году более 200 тысяч москвичей жили в заводских общежитиях, причем почти треть из них – в

бараках, где они могли рассчитывать только на койку⁸. Неустановленное число горожан и приезжих находило приют в печально известных хитровских ночлежках – гнезде преступности, болезней и разврата, находившемся всего в километре на восток от Кремля, – где койка стоила от пяти до семи копеек за ночь⁹. Здесь было «дно» Максима Горького, притоны, вполне достойные равняться с «адскими дырами» в других европейских столицах.

Неудивительно, что санитарные условия в российских городах были заметно хуже, а уровень инфекционных болезней значительно выше, чем в городской Европе и Америке. Периодические вспышки холеры, туберкулеза и тифа только усугубляли беспомощность российских муниципальных властей, которым не удалось обеспечить сограждан адекватными жилищными условиями. Как отмечалось выше, грустное первенство самого «нездорового» города в Европе Москва уступала только российской столице – Петербургу¹⁰.

К 1913 году в предоставляемых московским муниципалитетом бесплатных общежитиях для неимущих проживало только две тысячи человек¹¹, притом что жилищный кризис в промышленно развитой Европе и Северной Америке побуждал филантропов и правительственных чиновников активно искать пути решения жилищных проблем городской бедноты. Социологические исследования и муниципальные программы строительства бесплатного жилья осуществлялись в начале XX века во всех цивилизованных странах, но не в России¹².

Сжатые временные рамки российской массовой урбанизации, которая началась только после Великих реформ 1861 года – много позже, чем в Западной Европе, – сочетались в Москве с неадекватной фискальной базой и самодурством имперских чиновников, склонных запрещать многие муниципальные программы, направленные на разрешение жилищного вопроса и улучшение санитарных условий в городе¹³. Неудача, постигшая московские власти в деле разрешения жилищного кризиса, свидетельствует о провале прагматического плюрализма в той же мере, в какой приверженность местного правительства развитию образования говорит о его успехах.

Разные дома для разных людей

Разумеется, реальность московского жилья в рассматриваемую эпоху не ограничивалась трущобами. Существенно менялся социоэкономический портрет городского населения. Наследственная аристократия соревновалась за власть и престиж с богатеющим купечеством. Владельцы небольших предприятий конкурировали с местными олигархами. Ремесленники из крестьян торговали на шумных городских рынках, а рабочие надрывались на фабриках. Образованные дамы ходили по тем же улицам, что и их неграмотные сестры. В городе были представлены все этнические и социальные группы Российской империи. В «жилищной иерархии» Москвы у каждой из них была своя ниша.

Путешественник, прогуливающийся по Москве сто лет назад, увидел бы разнородный, причудливый город. В 1902 году половина из почти 40 тысяч жилых домов в Москве были деревянными, еще треть была из кирпича и камня, а в остальных сочетались разные строительные материалы¹⁴. К 1912 году примерно в 45 процентах московских квартир, в которых проживали более 400 тысяч человек, на каждого жильца приходилось более одной комнаты¹⁵. В таких квартирах обитал новый средний класс – эти москвичи жили, возможно, хуже, чем владеющие собственными домами дворяне и купцы, но значительно лучше 55 процентов обитателей городских квартир, вынужденных ютиться более чем с одним соседом в комнате.

В центре, внутри Садового кольца, московские улочки все еще хранили память о дореформенном городе, в котором господствовали старинные дворянские семьи. Чудесные классические особняки подражали, как умели, величественным дворцам Петербурга¹⁶. Многие каменные дома с лепными фасадами, построенные после пожара 1812 года, были выкрашены в тот же охристо-желтый цвет, что и их прообразы в столице. Немногие сохранившиеся деревянные особняки с широкими балками, колоннами и резными фронтонами также напоминали об имперском величии.

После освобождения крепостных и постепенного оскудения дворянских имений московская аристократия переживала период длительного упадка¹⁷. Тускнеющее оча-

рование дворянских городских усадеб все больше оттенялось вычурным великолепием купеческих домов. Самая влиятельная прослойка в Москве рубежа веков – несказанно разбогатевшие в период промышленной революции купцы – в архитектуре предпочитала роскошь и эклектику, которые были немыслимы в прежнюю, более степенную эпоху.

Богатейшие семьи купцов и заводчиков постепенно оставляли свои похожие на крепости дома в Замоскворечье, где они десятилетиями жили по соседству с собственными фабриками и рабочими¹⁸. В конце XIX – начале XX века в Москве выросли еще более внушительные купеческие дома – в стиле модерн и псевдоготики, неорусской архитектуры и парадного классицизма¹⁹. Затейливые орнаменты из стукко* вились по стенам зданий, прохожие дивились резным наличникам окон и «причудливой изразцовой мозаике»²⁰. Здесь было не место аристократической утонченности. Эти дома были призваны поражать воображение.

Если до 1870-х годов Москва, по словам историка архитектуры Кэтлин Бертон Мюрелл, была «хаотичным городом, где пустые участки земли перемежались небольшими деревянными домами высотой не более двух этажей, причем у каждого дома был свой сад», то частные застройщики приложили все усилия, чтобы заполнить центр города внутри Садового кольца многоквартирными домами для нарождающегося среднего класса²¹. Так называемые «доходные» дома преобразили и Санкт-Петербург, и Москву²².

В многоквартирных домах Петербурга сохранялись некоторые атрибуты «имперской» архитектуры – огромные вестибюли, парадные лестницы, черный ход для прислуги и т.д. Московские застройщики редко тратились на подобные излишества. В Москве развивалась российская разновидность кварталов для среднего класса, строившихся в ту пору во всех крупных городах Европы и Северной Америки. Впрочем, внешне доходные дома выглядели так же импозантно, как соседствующие с ними купеческие особняки – витиеватый стиль модерн подчеркивал их «современность» и «европейскость».

* Искусственный мрамор из полированного гипса с добавками.

Облик московских домов разительно менялся за пределами Садового кольца, особенно в восточных промышленных предместьях, вдоль магистральных железнодорожных путей. Здесь в почти сельском мирке крестьян, облаченных в одежду заводских рабочих, и их бедствующих семей, проживало более половины городского населения. В то время как место прислуги было в богатых домах, а ремесленники и строительные рабочие рассредоточивались по всему городу, промышленный пролетариат жил исключительно за пределами Садового кольца²³. Наиболее «удачливые» из рабочих нашли кров в скверно построенных деревянных домиках (по сути, хибарах), иногда с огородом и хлевом. К 1917 году примерно 300 тысяч рабочих жило в зловонных заводских бараках: «Рабочие, занятые в разную смену, спали по очереди на одной и той же кровати, а эти кровати часто представляли собой просто выстроенные вдоль комнат нары. Ряды нар иногда занимали все пространство комнаты. Например, молодые женщины-рабочие в общежитиях на Трехгорке, которым некуда было пойти в свободное время, просто читали, шили и сплетничали, сидя на нарах»²⁴.

Такой была жизнь заводских людей на самых передовых московских предприятиях. Многие рабочие довольствовались койкой в углу частного дома или подвала. Самые обездоленные кочевали от одной ночлежки в Хитровском районе к другой или вовсе жили на улице – непростая задача в городе, где зима длится почти полгода.

Непросто столетие спустя дать всестороннюю оценку жилого фонда дореволюционной Москвы. В 1930-х годах, в период проводимой Сталиным индустриализации, жилищные условия еще более ухудшились – скученность и перенаселенность квартир стала нормой²⁵. Последующие неудачные попытки советской власти разрешить жилищный вопрос, возможно, позволяют более благосклонно относиться к деятельности дореволюционных московских предпринимателей и частных застройщиков.

Качество жилищного строительства заметно улучшилось в пятьдесят лет, предшествовавших Первой мировой войне. В границах города уменьшилась доля деревянных строений²⁶. Развивалась жилищно-коммунальная инфра-

структура. Так, с 1882 по 1912 год количество домов с канализацией и смывными туалетами увеличилось с 15 496 (то есть от 22 процентов домов, охватываемых статистикой) до более чем 800 тысяч (то есть до 60 процентов населения города). Последний показатель охватывал более 90 процентов обитателей центра города²⁷.

Многие москвичи той эпохи оставались чудовищно бедны: в годы перед революциями 1917 года рабочий со средним достатком тратил только на еду примерно половину своих доходов (в 1918 году этот показатель достигал 70 процентов)²⁸. Неспособность городских властей облегчить положение неимущих слоев общества в полной мере проявлялась в плачевном состоянии московского жилого фонда.

Неудачи жилищного рынка Москвы

Условия жизни в беднейших кварталах ухудшались из-за нескольких факторов, в том числе из-за темпов роста Москвы: ни муниципальные власти, ни частные застройщики не могли идти в ногу с городом, растущим не по дням, а по часам²⁹. С 1907 по 1912 год число жилых домов в Москве возросло на 8,8 процента, в то время как городское население в тот же период выросло на 16,1 процента³⁰. При этом темпы роста Москвы отставали от скорости развития других городов, рассматриваемых в этой книге.

Общая плотность населения в Москве была ниже, чем в таких урбанистических центрах, как Лондон, Париж, Вена или Милан. На окраинах города строения часто располагались в живописных дворах, с огородом, садом и хлевом. Однако нигде в Европе не было такой плотности населения на каждый дом и комнату, как в Москве.

Экономическая и технологическая отсталость также числились среди причин московского жилищного кризиса. Общественный транспорт развивался в России вяло: так, в Москве первые электрические трамваи были пущены только в 1904 году, много позже чем в остальной Европе и в Северной Америке. По уровню развития общественного транспорта Москва отставала и от Осаки. Следовательно, многие москвичи были вынуждены жить вблизи от

места работы, что вызывало перенаселенность промышленных районов города³¹. Сосредоточение низкооплачиваемых рабочих в таких районах создавало взрывоопасную социальную обстановку³². Миграционные модели аграрной России воспроизводились и в городе: пролетарии с крестьянскими корнями жили скученно в изолированных городских сообществах, что благоприятствовало развитию подпольных организаций революционного толка³³.

Москвичи сохраняли тесные связи с деревней. Дворяне пеклись об увядающих имениях, а крестьяне прибывали в город в соответствии с местным спросом на промышленную рабочую силу. Многочисленные религиозные праздники способствовали постоянным перемещениям из города в деревню и обратно. «Сотни тысяч крестьян, – сообщает Роберт Джонсон, – ежегодно курсировали между городскими промышленными предприятиями и родными селами»³⁴.

Многие из городских районов были, по сути, временными рабочими поселками: в 1871 году на каждые 100 мужчин в городе приходилось только 70 женщин, к 1912 году – 84 женщины на каждую сотню мужчин³⁵. Семьи многих рабочих продолжали жить в деревне, что в социальном плане приводило к раздвоению семейных отношений³⁶. Провести строгую границу между крестьянами и рабочими в дореволюционной России крайне сложно. Элиз Кимерлинг Виртшафтер напоминает читателям, что возросшая миграция, урбанизация и индустриализация уничтожили былые структуры экономической, социальной и культурной жизни, образуя новые отношения. Однако российскому обществу во многом оставались присущи размытость категорий, флуктуации социального облика и неустойчивость юридических отношений³⁷.

Социальные отношения в городе сохраняли отпечаток коллективного мышления сельских общин. Отголоски общинной жизни не исчезли и тогда, когда, к примеру, богатые купцы и промышленники, десятилетиями жившие по соседству со своими рабочими, начали перебираться в центр города, в то время как пролетариат селился на московских окраинах. Некоторые московские заводчики с гордостью говорили о крестьянских предках, утверждая родст-

во со своими рабочими, – подобное нечасто можно было встретить в Петербурге, Европе или Северной Америке. Иные сохранили патриархальные обычаи и традиции, давно забытые в современных обществах. Социальная дистанция между хозяевами и рабочими возрастала, но окончательный раскол произошел только в преддверии Первой мировой войны. Несмотря на то что среди представителей купеческой Москвы встречались выходцы из других социальных слоев, – сообщает Михаил Шастилло, – у большинства видных купеческих семей были крестьянские предки. Основатели будущих купеческих династий напоминали крестьян во всем – в одежде, образе жизни и речи³⁸.

К началу Первой мировой войны Москва постепенно становилась более оседлым, семейным городом. Помимо увеличения женского населения, в Москве выросло и число детей – с 10,6 до 16,8 процента в рассматриваемый период³⁹. Российские семьи были многочисленнее, чем в Европе. Как объясняет Джонсон, «в России, где землевладение часто носило общинный характер, а отцовское наследство разделялось между сыновьями, преобладали другие [отличные от Европы] модели: семьи были относительно большими, браки – ранними, а процент холостяков и старых дев – вовсе незначительным»⁴⁰. Перебираясь в город, многие из деревенских семей продолжали жить скученно в тесных домах и квартирах.

Однако значительную часть московских горожан составляли мужчины, семьи которых остались в деревне. Эти москвичи ютились во временных жилищах – комнатах, бараках и углах, сообщая городу дух скоротечности. Ситуация на московском рынке жилья оставалась бедственной на протяжении всего второго десятилетия XX века⁴¹. Местные власти, в свою очередь, не смогли преодолеть растущую пропасть между минимально допустимым, по российским меркам, уровнем жизни и действительностью.

Муниципальные ведомства задыхались от груза жилищных и санитарных проблем. Строительные нормы были скверно составлены и не применялись на практике, а программы бесплатного жилья не могли облегчить страдания беднейших слоев горожан. Городской бюджет не справлялся с существующими проблемами; чиновники имперского

правительства ограничивали автономию и инициативы местных властей; не существовало четкого разграничения компетенции муниципальных ведомств; традиционные ленность, халатность и продажность российского чиновничества сводили на нет те потенциально благотворные начинания, которые тщилось осуществить городское правительство⁴². Позднеимперская Россия превратилась в общество формальных прав и обязанностей – экономических, социальных и политических, даруемых или налагаемых монархией на своих подданных, но неосуществимых по причине институциональной слабости государства⁴³. Московские трущобы быстро становились рассадником революции.

Скверное жилье – скверное здоровье

Сами по себе беды московских неимущих не особенно тревожили зажиточных горожан. Как и везде в Европе и Северной Америке, богатые могли предложить десятки объяснений бедственному положению обездоленных. Причины этого следует, вероятно, искать в природе человека и рыночной экономики. Тем не менее состоятельные горожане не могли мириться с социальными бедами, которые произрастают из «дурных» кварталов и редко ограничиваются трущобами, как то: нравственной распущенностью, преступностью и болезнями.

Хитровский рынок с его трактирами, пивными, борделями и дешевыми ночлежками был воплощением «квартала греха» конца XIX века. Крестьяне и нищие, приезжавшие в город, знали, что всегда могут переночевать здесь за несколько копеек. Бездомные подростки слонялись по хитровским улицам, обучаясь преступному ремеслу. Дешевое спиртное лилось рекой. Это был, наверное, самый гнусный район города, лишенный того грубоватого очарования, что приписывали приозерным кварталам Чикаго. Согласно отчету городской комиссии 1898 года, Хитровский рынок был «самой ужасной язвой на теле города»⁴⁴. Число внебрачных детей было здесь вдвое выше, чем в целом по городу (почти каждый третий ребенок в этом районе был незаконнорожденным), и тысячи людей вели

жизнь, исковерканную «пьянством, разгулом и преступлениями»⁴⁵.

Однако Москва не могла бы обойтись без Хитровского района. На его постоянных дворах находили приют сотни людей, прибывавших в город из нищающей провинции. Хитровские трущобы сгубили не одну молодую жизнь, но и помогли многим укрепиться в русском метрополисе. Район Хитровского рынка был машиной, выбрасывающей непосвященных в городскую жизнь.

Ежегодно Хитровский район пропускал через себя тысячи людей, несших с собой не только надежды, но и заразу. Ночлежки и общежития были источником болезней. Печальное первенство и в этом принадлежало Хитровскому району. Каждый год в Москве вспыхивали эпидемии – сыпного тифа, брюшного тифа, дифтерии, скарлатины, кори, холеры, венерических болезней и т.д. Очагом инфекции чаще всего оказывался именно Хитровский район⁴⁶. Одна прогулка по хитровским улицам могла стоить человеку жизни.

Если преступность, проституцию и пьянство удавалось кое-как сдерживать в границах Хитровского рынка и рабочих предместий на востоке Москвы, то заразу остановить было гораздо сложнее. Трагический голод 1891—1892 годов, хотя он и не ощущался в Москве, согнал с насиженных мест десятки тысяч русских крестьян. За голодом следовала холера, переносимая из города в город нищими и беженцами⁴⁷. Уровень заболеваемости туберкулезом в Москве был самым высоким в Европе⁴⁸.

Вспышки болезней происходили в Москве регулярно на протяжении десятилетий перед Первой мировой войной: с 1881 по 1910 год Москва оставалась самым нездоровым после Петербурга городом Европы. Так, Роберт Терстон подсчитал, что в 1910 году уровень смертности в Москве был выше, чем в крупнейших городах Европы в период с 1881 по 1885 год⁴⁹. Хотя с 1881 по 1910 год смертность в Москве снизилась на 17,1 процента, этот показатель значительно отставал от аналогичных показателей для других европейских городов⁵⁰. Детская смертность в Москве в 1909 году была на одну треть выше, чем в Мадриде, и почти вдвое выше, чем в Вене и даже в Одессе⁵¹.

Неудачи московской системы здравоохранения имели катастрофические последствия. Как считает Терстон, «[в 1906 году] муниципальная система здравоохранения находилась почти в таком же плачевном состоянии, как в 1881-м»⁵².

Местное общество и власти могли закрывать глаза на дурные нравы и ужасающее состояние трущобных районов или не слушать воплей обездоленных. Они, однако, не могли мириться с растущей угрозой болезней. Муниципалитет тратил на здравоохранение значительные суммы, но, к сожалению, это не приводило к желаемым результатам⁵³. Муниципальные программы ограничивались в основном учреждением традиционных богаделен и сиротских приютов (которые часто только способствовали распространению инфекций). Справедливости ради следует отметить, что экономические и социальные потрясения в рассматриваемый период подрывали основы системы здравоохранения и социальной помощи во всей Европе⁵⁴.

Решение о полномасштабной программе борьбы с бедностью было принято московским муниципалитетом в 1890-х, после жестокого голода и чудовищной вспышки холеры 1891—1892 годов⁵⁵. К сожалению, отсутствие согласия между представителями местной элиты в отношении целесообразности и эффективности тех или иных программ социальной помощи подрывало инициативы городского правительства. Как отмечала Адель Линденмейр, «правительственные чиновники и эксперты со стороны, привлеченные к разработке реформ, вступили в один из самых острых конфликтов эпохи позднего самодержавия — борьбу между центральными и местными властями. Неразрешимыми казались и финансовые вопросы: где следовало искать достаточные средства для оказания социальной помощи, учитывая относительную экономическую отсталость России? Размытым оставалось само понятие бедности: кого в столь бедной стране следовало считать кандидатом на социальную поддержку? Наконец, проекты реформ обнаружили серьезные разногласия в отношении социальной значимости и нравственной основы программ помощи нуждающимся»⁵⁶.

Интеллектуальные победы, сформировавшие во многом социальную политику Чикаго и даже Осаки, оказали

гораздо менее значительное влияние на Москву. Несмотря на развитие философской мысли и социологической науки, московские поборники реформ слишком часто были ограничены рамками сообществ экспертов или либерально-политических кружков. Муниципальная политика в жилищной сфере пребывала в зачаточном состоянии, хотя развитие именно этой области городской экономики могло бы смягчить кризис московской системы здравоохранения. Общественное согласие, позволившее успешно направлять частные и государственные инвестиции на нужды образования, улетучивалось в сфере жилищной политики. Прагматический плюрализм не помог в решении одной из сложнейших проблем поздней имперской Москвы — жилищного кризиса. Этот факт отражен и в статистических отчетах о санитарном состоянии города, которые, увы, выводят континентальную столицу России за пределы современных европейских показателей.

Слишком мало, слишком поздно

Ведущие представители академических и политических кругов Москвы были хорошо осведомлены о развитии интеллектуальных течений за рубежом. Местная профессура, в частности, подробно изучила опыт немецких университетов. Как и в других высокоразвитых городах, московские ученые и общественные деятели обращались к социологическим исследованиям как к инструменту выработки конкретных муниципальных программ. Однако слишком часто городская политическая система была не в состоянии отталкиваться от предписаний социального анализа из-за недостаточных фискальных ресурсов или по причине навязчивой опеки петербургских чиновников.

Первые попытки социологических исследований в России следует связывать со сферой здравоохранения. Земства, уже описывавшиеся в главе 6 этой книги, разрабатывали честолобивые проекты сбора социальной статистики. Такие исследования, которые чаще всего осуществлялись земскими врачами, ориентировались преимущественно на медицинские и экологические вопросы. К началу XX века

земская медицина стала в России «самой прогрессивной системой охраны здоровья в сельской провинции»⁵⁷.

Земская медицина получила высокую оценку как современников, так и российских и зарубежных историков. К несчастью, она не могла существенно облегчить участь российских крестьян, значительная часть которых «по-прежнему жила в убожестве и страдала от хронических и инфекционных заболеваний»⁵⁸.

Цели земской медицины импонировали широкому кругу русских специалистов и интеллектуалов несмотря на то, что реальность вряд ли соответствовала помыслам земских врачей. Что касается развития системы здравоохранения и жилищной сферы Москвы, здесь земская медицина означала вовлечение общественных деятелей и технических специалистов в проекты улучшения санитарных стандартов в городе⁵⁹. Как верно отмечает Нэнси Фриден, «врачи в дореволюционной России разделяли многие качества образованной элиты. Как социальные реформаторы врачи служили простым людям в отдаленнейших деревнях и городских трущобах; как специалисты они разрабатывали и внедряли новые формы общественного здравоохранения; наконец, как политические деятели они ускорили революцию 1905 года»⁶⁰.

По традиции русские врачи состояли на государственном довольствии, не обладая независимостью, которая в Европе ассоциировалась со «свободными профессиями». Здравоохранение было одной из сфер системы государственного управления. Основанная же на общинных принципах земская медицина придавала врачам некий промежуточный статус между полной автономией и государственной службой. Врачи стремились получить доступ к возможно большему числу пациентов и тем самым расширить собственную профессиональную автономию. Один из таких врачей, доктор Николай Пирогов, пользовался особым уважением в российской медицинской среде – именно потому, что он по-новому определил место практикующего врача в имперской России.

Пирогов, скончавшийся в 1881 году в возрасте семидесяти одного года, побуждал врачей заниматься общественной деятельностью. Он организовал и поддерживал

финансами ряд обществ, позволивших медицинским учебным заведениям, клиникам и частнопрактикующим врачам оказывать услуги малоимущим слоям населения. Отмечавшаяся в мае 1881 года – незадолго до смерти Пирогова – пятидесятая годовщина Пироговских обществ, стала поводом для больших торжеств. Царь Александр III послал доброму доктору поздравительную телеграмму, а Москва присвоила Пирогову звание «почетного гражданина»⁶¹.

В защиту общественного здравоохранения выступали и другие известные врачи. Евгений Осипов, например, предложил амбициозный план реорганизации системы медицинского обеспечения во время Земского съезда в Самаре в 1873 году⁶². Осипов выступал за расширенный сбор статистических данных и создание карт «медицинской топографии». Дмитрий Наумов, предводитель московского провинциального земства, совместно с Евгением Осиповым, после назначения последнего в 1875 году директором московского провинциального Совета общественного здоровья, осуществили самую успешную в России программу сбора медицинской статистики⁶³. Сбор базовых данных воспринимался как необходимое условие для внедрения широкомасштабных образовательных программ в сфере гигиены и здравоохранения, хотя многие из этих проектов так и остались на бумаге.

К концу XIX века московский земский врач стал своего рода культурной иконой. Фриден объясняет, например, что «внимание доктора Астрова в чеховском «Дяде Ване» к экологическим проблемам может показаться странным западному читателю, однако он воплощал тип московского земского врача, в задачи которого входило коррелирование болезней с географическими факторами»⁶⁴. Доктор Чехов и сам собирал истории болезней заключенных во время своей знаменитой поездки на Сахалин в 1890 году⁶⁵. В начале XX столетия московские земские специалисты в области здравоохранения произвели на свет девятнадцать томов статистических данных, оценивающих состояние здравоохранения в России⁶⁶.

Деятельность провинциального земства сочеталась с работой городских врачей и экспертов⁶⁷. Попытки гражданских организаций, профессионального и журналист-

ского сообщества улучшить условия жизни в городе достигли пика в первые годы Первой мировой войны, когда Всероссийский союз городов, добровольное объединение нескольких сотен муниципалитетов, активно выступал за расширение инициатив в сфере общественного здравоохранения⁶⁸.

Задолго до этого московские городские власти заказали и издали обширный отчет о состоянии городского жилищного фонда⁶⁹. В отчете 1899 года содержались как статистические данные, так и описательная часть, где прямо указывалось на связь между низкокачественным жильем в неблагополучных районах и инфекционными болезнями⁷⁰. В 1912 году город издал еще один отчет, основанный на данных переписи населения 1902 года⁷¹. На данные этих отчетов опирались социальные ученые, такие как упомянутый выше Степан Алавердян⁷².

Московские общественные деятели, так же как многие чиновники в Москве и Петербурге, были прекрасно осведомлены об ухудшающихся условиях жизни в крупных российских городах, которые не могли не способствовать усилению радикальных настроений. Городским властям и озабоченным социальными реформами общественным деятелям так и не удалось выработать единую программу действий по улучшению состояния жилищной сферы.

Худая политика – худое жилье

Муниципальные реформы в жилищной сфере развивались в двух различных, но взаимосвязанных направлениях. Во-первых, некоторая часть богатых москвичей поддерживала благотворительные инициативы в деле улучшения условий жизни городской бедноты. Во-вторых, городские власти пытались сгладить жилищный кризис посредством регулирования частного жилищного строительства, а также строительства и эксплуатации бесплатного жилья.

Московские богачи уже довольно давно оказывали поддержку богадельням, работным домам и сиротским приютам. Императорский дом призрения сирот (основанный в 1763 году и взятый под высочайшую опеку в 1797 году вто-

рой женой императора Павла I Марией Федоровной) служил, по уставу, приютом для детей неимущих родителей, сирот в возрасте до тринадцати лет и внебрачных детей⁷³. Дом призрения сирот существовал благодаря поддержке царской семьи и щедрым пожертвованиям. К концу XIX столетия он превратился в крупнейшую благотворительную организацию Москвы. Участь московской бедноты пытались облегчить также многочисленные частные и церковные фонды и организации.

Вторым по размерам учреждением помощи неимущим в Москве стал после передачи его под муниципальную опеку в 1890-х годах работный дом и связанные с ним ведомства⁷⁴. Деятельность дома призрения сирот ориентировалась главным образом на заботу и образование детей. В компетенцию его служителей не входила борьба с социальным злом, которое, по сути, и привело детей к воротам сиротского приюта. Работный дом, созданный по весьма несовершенному образцу средневековой Европы, предоставлял жилье и пропитание в обмен на труд в соответствии с договорами, которые носили репрессивный характер. Администрация начала реорганизацию работного дома только в самом конце XIX века, вслед за созданием профессионально ориентированного центра для его обитателей.

Многочисленные церковные дома призрения Москвы также пытались оказать помощь «благочестивым и добродетельным» беднякам. Что касается частных инициатив, то они редко выходили за пределы ночлежек для нищих москвичей и странников.

Несмотря на всю благонамеренность частных программ и учреждений, несовершенство частной филантропии стало вполне очевидно к концу 1880-х годов. Массштабы нищеты, ужасающее состояние системы здравоохранения и жилищного фонда в Москве были очевидны всем. Царское правительство считало, что социальные программы – прерогатива полиции, а потому они должны быть отнесены к компетенции министерства внутренних дел. Министерство, в свою очередь, рассмотрело состояние социальной сферы империи, уделив особое внимание бедственному положению Москвы, не справлявшейся с

потоком прибывающих в город нищих рабочих-мигрантов. В 1887 году министерство и Государственный совет одобрили передачу ряда благотворительных организаций, богаделен и больниц в управление городским властям. В следующем году комиссия Московской думы во главе с Иваном Мамонтовым рассмотрела вопросы муниципального управления частными, общественными и государственными учреждениями социальной помощи⁷⁵. Впоследствии к компетенции городских властей были отнесены некоторые учреждения здравоохранения и жилищного строительства.

Первой инициативой городского правительства в жилищной сфере стало открытие в 1879 году дома призрения, призванного уменьшить инфекционную опасность благодаря уменьшению нагрузки на частные ночлежные дома⁷⁶. Поначалу рассчитанный на 510 человек, к 1886 году этот приют обеспечивал ночлегом, ванной и едой 1305 бездомных. К 1912 году в Москве открылось еще несколько домов призрения, в которых еженощно находили пристанище до 5650 бездомных – бесплатно, за номинальную плату или в обмен на труд. В то же время в частных приютах ежедневно ночевало примерно 7500 человек. В 1913 году в муниципальных домах призрения Москвы нашли ночлег 55 823 человека, что, учитывая масштабы города, свидетельствует о несостоятельности городских программ.

Городские власти пытались найти решение и самым тяжелым проблемам частного сектора жилья. В 1910 году московское правительство издало постановление о пожарной и санитарной безопасности в частном секторе, а в 1912 году были предприняты скоординированные попытки улучшить состояние постоянных дворов и ночлежных домов в Хитровском районе⁷⁷. Многие москвичи сознавали необходимость регулирования в сфере муниципального и частного жилья, в частности для сдерживания инфекционных заболеваний. Программы оздоровления других неблагополучных кварталов, включая пресловутые рабочие общежития на восточных окраинах Москвы, оказались менее успешными. Законы и постановления в отношении жилья для рабочих, принятые Государственной думой, министерством финансов и городским

правительством, остались, по сути, декларативными актами.

Городские власти тем временем приняли сознательное решение не ужесточать контроль за соблюдением жилищно-санитарных норм. Роберт Терстон отмечает, что «в 1911 году городская комиссия по жилищным проблемам решила, что введение более строгих норм в отношении содержания ночлежных домов приведет к закрытию многих из них и на улице окажутся тысячи людей. Учитывая исключительно сложную обстановку на городском рынке жилья, комиссия была, несомненно, права. Единственным эффективным решением проблемы было строительство нового жилья – частного или муниципального»⁷⁸.

Приход городских и национальных правительственных ведомств на рынок жилья происходил в то время во многих урбанистических сообществах Европы и всего мира⁷⁹. Многие москвичи знали об этих программах. В 1901 году богатая московская семья Солодовниковых пожертвовала городу более семи миллионов рублей на строительство недорогих многоквартирных домов для небольших семей и одиноких горожан⁸⁰. Дар Солодовникова превосходил сумму, завещанную Альфонсом Шаньявским на основание Народного университета, однако результат оказался гораздо менее впечатляющим. К 1909 году по причине нерадивого использования муниципалитетом дарованных средств город сумел построить только два из заказанных многоквартирных домов. К началу Первой мировой войны в домах Солодовникова жили примерно 2 тысячи человек, многие из которых были скорее низкооплачиваемыми конторскими служащими, чем неимущими.

Тем временем в соответствии с планом 1911 года об улучшении социальных условий неимущих город начал финансировать жилищную сферу. Дальнейшие планы, осуществлению которых воспрепятствовала война, предполагали строительство муниципального жилья для служащих городских учреждений. Терстон подсчитал, что городское правительство Москвы в досоветский период построило шестьдесят многоквартирных домов, рассчитанных на 39 тысяч человек, – достижение, которое бледнеет по сравнению как с действительными потребностями рынка, так и

с жилищными программами многих европейских городов⁸¹.

Глубокий кризис системы здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства Москвы в начале прошлого века был очевиден всем наблюдателям. Эта печальная реальность нашла отражение во многих ученых трудах и литературных текстах. Москва долгое время оставалась самым неблагоустроенным и нездоровым городом Европы. Городские чиновники, ответственные за улучшение жилищных условий, не обладали адекватными ресурсами. Бюджетные ассигнования оставались низкими, и, пожалуй, не менее важно то, что только немногие из крупных общественных деятелей снисходили до поддержки муниципальных программ. Петербургские чиновники крайне настороженно относились к социальным проектам. В социальной сфере в Москве не существовало такого консенсуса, как в сфере образования. Проекты муниципального правительства по созданию жизнеспособной системы здравоохранения и развитию жилищной сферы начались слишком поздно. Прагматический плюрализм проиграл. В результате бедствующие предместья и окраины превратились в идеальный питомник того самого политического радикализма, которого так страшился царский режим.

Поражения и восстание

Дважды в рассматриваемый период российская государственная система оказывалась на грани катастрофы. Первое потрясение произошло после унижительного поражения России в войне с Японией в 1905 году. Второе последовало за еще более страшными военными неудачами в Первой мировой войне. Хаос, вызванный коллапсом государственной системы, не обошел ни одну из сфер общественной жизни. Так, в Москве страдания неимущих и лишенных гражданских прав рабочих масс, наряду с растущей пропастью между городской интеллигенцией и купечеством, с одной стороны, и самодержавным режимом – с другой, вызвали крах местной системы управления. Описан-

ный здесь жилищный кризис и распад системы здравоохранения, наряду с другими социальными бедствиями, привлекали тысячи людей в ряды разнообразных революционных и радикальных группировок. Та Москва, о которой говорится в этой книге, бесследно исчезла в революционном вихре 1917 года. Местное дворянство и купечество перестали существовать; идеалистичная интеллигенция и мятежные рабочие попали в собственную ловушку.

К середине Первой мировой войны политическая жизнь Москвы, как и всей Российской империи, свелась к жесткой альтернативе «или – или». Люди выступали за монархию или против монархии, за народ или против народа, за или против той или иной классовой или этнической группы. Прагматический плюрализм и политика компромиссов были вытеснены новой психологией: кто не с нами, тот против нас. В последующие десятилетия следствием такой упрощенной «революционной» логики стало истребление тысяч москвичей и миллионов россиян.

В местных выборных органах не было представителей организованного рабочего движения – отчасти из-за узколобой политики самодержавного правительства, отчасти же вследствие жестокости царской полиции. Впервые узаконенные профессиональные союзы появились в России после революции 1905 года, хотя многочисленные подпольные рабочие организации и революционные партии существовали в стране и до этого⁸². Разнообразие городской экономики стимулировало развитие отраслевых профсоюзов. Последние, в свою очередь, тяготели к идеологическому союзу с политическими партиями, что в большей степени соответствовало европейской, чем североамериканской модели развития рабочего движения.

После стачек октября – ноября 1905 года в Москве насчитывалось более 100 профсоюзов: ко времени декабрьского восстания численность состоявших в них достигла 30 тысяч человек⁸³. На протяжении 1905 года социальные волнения, отчасти спровоцированные военными поражениями России, происходили во многих крупных и средних российских городах. Политический кризис обострился до крайности после печально знаменитого «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, когда на Дворцовой площа-

ди Петербурга войска открыли огонь по мирной демонстрации, возглавляемой священником Георгием Гапоном.

Стачки и демонстрации приобретали политическую окраску по мере того, как самодержавное правительство теряло власть над своими подданными. Революционные волнения, которые начались в Петербурге, вскоре перекинулись на Москву и иные регионы империи. Революция 1905 года затронула все сферы и слои русского общества; воспользоваться политической неустойчивостью пытались партии и группировки всех мастей⁸⁴.

Двадцатого октября 1905 года длившаяся восемь часов похоронная процессия убитого революционера Николая Баумана вывела на московские улицы от 30 (по оценкам правительства) до 150 тысяч человек (по оценкам некоторых профсоюзных лидеров)⁸⁵. Бауман был убит рабочими, примыкавшими к ультраправой черной сотне. Противостояние между проправительственными силами, правыми националистами, конституционными либералами и радикальными революционерами нарастало на протяжении всей осени. Противоборствующие стороны готовились к решающей схватке, которая произошла в Москве в декабре 1905 года⁸⁶.

До наступления зимы город оставался относительно спокойным: здесь, в частности, бастовало меньше рабочих, чем в столице. Петербургские предприятия, в особенности крупные заводы, были более благоприятной средой для организованного рабочего движения, чем, например, основанные на принципах «семейной ответственности» текстильные мануфактуры Москвы. До конца ноября 1905 года в городе не существовало революционного совета, хотя вузы и школы уже давно были центром радикальных настроений. Однако к концу года в Москве бастовало уже около 340 тысяч рабочих. В последние недели 1905 года в Москве произошли ожесточенные столкновения между радикальными левыми, с одной стороны, и войсками, полицией и бандитствующими группами ультраправых – с другой. Левые проиграли несколько важных уличных сражений: согласно некоторым оценкам, в боях погибло более тысячи москвичей⁸⁷. После декабрьского восстания власти нанесли массированный контрудар, арестовывая рабочих и студентов, казня без суда

и следствия. Выстоять в волне репрессий смогли только несколько крупнейших московских профсоюзов⁸⁸.

Лидеры московских профсоюзов поспешили воспользоваться принятыми 4 марта 1906 года постановлениями, узаконившими деятельность объединений рабочих и работодателей. В течение следующих пятнадцати месяцев в Москве было зарегистрировано шестьдесят три профсоюза, в которые вступило более 50 тысяч рабочих. Профсоюзы принимали активное участие в муниципальной политике. Впрочем, рабочему движению был нанесен тяжелый удар после «стольпинского переворота» 3 июня 1907 года (когда премьер-министр Петр Столыпин фактически распустил Государственную думу и провел новые парламентские выборы в соответствии с гораздо более жесткими избирательными законами)⁸⁹. В Москве численность рабочих в профсоюзах упала до 20 тысяч. Местные рабочие объединения оставались весьма слабыми до апреля 1912 года, когда расстрел бастующих рабочих на Ленских золотых приисках вновь всколыхнул пролетарское движение по всей Российской империи.

Благодаря компромиссам с либерально мыслящими реформаторами царю Николаю II и его министрам удалось удержать пошатнувшуюся власть. Политические реформы позволяли надеяться на устойчивость и долгосрочность демократических преобразований. Усилились позиции местных правительств, совершенствовалось трудовое законодательство, формировались объединения нанимателей, был либерализован учебный план в университетах, а политические партии получили возможность участвовать в общенациональных парламентских выборах. Из потрясений 1905—1907 годов Россия вышла с обновленными социальными и политическими институтами, вполне соответствовавшими эволюционному развитию европейских моделей. Самодержавие отступало. Однако, восстановив политическую власть, Николай II счел реформы и компромиссы всего лишь тактическими маневрами. С удвоенной энергией царское правительство принялось подрывать основы молодых российских институтов, в первую очередь – Думы⁹⁰. Столыпинский переворот 3 июня 1907 года позволил самодержавию полностью восстановить контроль над обществом.

1917

Сокрушительные поражения России в Первой мировой войне навсегда подорвали основу самодержавия. Терпение народа истощилось в начале 1917 года, когда голодные рабочие вышли на улицы Петербурга. Дворцовая охрана более не желала стрелять по безоружным демонстрантам. Николай II был вынужден отречься от престола 15 марта 1917 года – на этом закончилось более чем трехвековое правление династии Романовых. Никто не поднял упавшую корону. Власть перешла к Временному правительству, возглавляемому князем Георгием Львовым, а позже Александром Керенским. Война продолжалась, народные страдания были нестерпимы, и этим не могли не воспользоваться радикальные политические силы.

Весна 1917 года была в Москве относительно спокойной, особенно по сравнению с Петербургом. Как отмечала Диана Кенкер, до марта 1917 года забастовки были политическими актами, направленными как против правительства, так и против заводских хозяев⁹¹. После отречения царя забастовки преследовали преимущественно экономические цели.

Однако в течение года трудовые отношения продолжали ухудшаться. Кенкер подсчитала, что между мартом и октябрём в Москве произошло по меньшей мере 269 забастовок, в которых приняли участие более 257 тысяч рабочих⁹². Здесь уместно вспомнить работу Георга Лейденбергера о «транспортных войнах» в Чикаго: в Москве после Февральской революции забастовки перестали выражать фундаментальные разногласия в отношении концепции демократии и государства⁹³. Проще говоря, забастовки сводились к борьбе за деньги. Острые противоречия в вопросах общественного устройства обернулись разногласиями в отношении заработной платы и производственной практики. Значительная часть московских забастовщиков в 1917 году были высокооплачиваемыми, городскими по рождению рабочими с крупных предприятий, добивавшимися материальной выгоды.

Казалось, что отречение Николая II вновь открыло дорогу для поиска прагматических компромиссов. Число забастовок в Москве достигло пика в мае; количество басту-

ющих рабочих в целом по городу устойчиво росло до июля, когда разногласия в сфере трудовых отношений пошли на убыль⁹⁴. С наступлением лета политические баталии в Москве утихли. События в остальной России, особенно в Петербурге, развивались по другому сценарию. В столице борьба за власть между различными политическими силами разгоралась: радикальные партии, отстраненные от принятия решений после назначения Временного правительства, готовились к решающей схватке.

Неспособность московских муниципальных чиновников адекватно реагировать на городские социальные болезни только обостряла отношения между различными общественными слоями города. Как отмечал Рон Сани, углублявшийся в России социальный раскол порождает страх, подозрительность и отчаяние⁹⁵. Социальная поляризация обостряла классовую вражду, исключала всякую надежду на общественное согласие. Радикализация, вызванная как московскими, так и общероссийскими событиями, уничтожила в городе саму основу практики прагматического плюрализма, свела широкий спектр политических решений к сугубо революционному выбору «или – или».

Все же московские большевики отличались большей умеренностью, чем их товарищи в Петербурге. Они весьма неохотно поддерживали захватившее власть в столице новое революционное правительство⁹⁶. Двадцать пятого октября Московский совет учредил военно-революционный комитет – в противовес комитету общественной безопасности, который представлял интересы сил, связанных, в том числе, с городской думой. Обе стороны стремились к переговорам, пытаясь избежать конфронтации даже после начавшихся 27 октября уличных стычек. Руководитель московских большевиков Виктор Ногин был арестован 28 октября, после того как покинул здание Моссовета, направляясь на переговоры. Антибольшевистские силы утвердились в Кремле, в то время как военно-революционный комитет готовился к вооруженному восстанию. В четыре часа дня 3 ноября, после нескольких часов тяжелых боев, преданные Ленину отряды взяли Кремль. Несмотря на отсутствие точных данных, утверждалось, что во время боев в Москве большевики потеряли по меньшей мере тысячу человек убитыми.

Несомненно, что жертвы противоборствующей стороны были еще выше.

Октябрьские события не остановили созыв общероссийского Учредительного собрания. В столице выборы были назначены на 12 ноября, в Москве – на 19–21 ноября 1917 года. В остальной России выборы прошли во второй половине ноября. Московские рабочие, в большинстве своем не участвовавшие в уличных боях 3 ноября, пришли к избирательным урнам, чтобы проголосовать за своих делегатов. Аграрная партия социал-революционеров (эсеров), получившая большинство голосов в целом по стране, в Москве набрала меньше 8 процентов. Большевики набрали в Москве 47 процентов голосов, либеральная партия кадетов – 35 процентов.

Однако выборы уже ничего не решали. Вооруженные большевики просто разогнали Учредительное собрание, собравшееся в Таврическом дворце Петербурга 5 января 1918 года. Делегаты, простодушно пытавшиеся приступить к исполнению обязанностей в законно избранном парламенте, были отправлены домой. Несмотря на последующие жестокие сражения Гражданской войны и годы народных волнений, после роспуска Учредительного собрания единственной политически значимой силой в России были большевики.

Ленин бежал из Санкт-Петербурга в начале 1918 года: столица была перенесена в Москву, подальше от армий интервентов, спешивших на помощь противникам большевиков. Когда 11 марта 1918 года Ленин ступил на перрон Николаевского вокзала Москвы, великий купеческий город, так стремительно развивавшийся в годы после Великих реформ 1861 года, умер.

Примечания

¹ Алавердян С. К., Жилищный вопрос в Москве. (Ереван, изд. АН Армянской ССР, 1961), с. 34.

² James H. Bater, *St. Petersburg: Industrialization and Change*. (Montreal: McGill—Queen's University Press, 1976), p. 329.

³ Joseph C. Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), pp. 196—197.

⁴ Там же, с. 197.

⁵ Там же, с. 211; William Gleason, *Public Health, Politics, and Cities in Late Imperial Russia* *Journal of Urban History* 16, no 4 (August 1990), pp. 341—365: 350.

⁶ Bradley, *Muzhik and Muscovite...*, p. 210.

⁷ Алавердян, Жилищный вопрос в Москве, с. 34.

⁸ Bradley, *Muzhik and Muscovite...*, pp. 199—204.

⁹ Алавердян, Жилищный вопрос в Москве, сс. 45—50. Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906—1914* (Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1987), p. 16.

¹⁰ Bater, *St. Petersburg...*, pp. 342—353.

¹¹ Михайловский А. *Муниципальная Москва*. Под ред. Гейнике Н. А., Елагина Н. С., Ефимова Н. А. и Шитц И. И. *По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям*. (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 121—158: 147—148.

¹² Nancy Steiber, *Housing Design and Society in Amsterdam: Reconfiguring Urban Order and Identity. 1900—1920*. (Chicago: University of Chicago, 1998).

¹³ Gleason, *Public Health...*

¹⁴ Болдина Е. Г. *Статистический портрет Москвы на 1910 год*. Под ред. Киселева А. С. и др., «Московский архив: Историко-краеведческий альманах», (М., Московское городское объединение архивов, 1996), с. 162—182: 165.

¹⁵ Алавердян, Жилищный вопрос в Москве, с. 33.

¹⁶ О классическом периоде московской архитектуры см.: Albert J. Schmidt, *The Architecture and Planning of Classical Moscow: A Cultural History*. (Philadelphia: American Philosophical Society Press, 1989).

¹⁷ О помещицком укладе русской аристократии см.: Priscilla R. Roosenfeld, *Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History*. (New Haven: Yale University Press, 1995).

¹⁸ Chvidkoski [Shvidkovskii] Dmitri *Le Monde du 'Zamoskvoretche' dans la culture de Moscou*, in Olda Morel et al., eds., *La maison Igoumnov: Residence de l'ambassadeur de France Moscou* (Paris: Les amis de la maison Igoumnov, 1993), pp. 33—41, 140—143: 140.

¹⁹ William Craft Brumfeld, *Redesigning the Russian House, 1895 to 1917* in William Craft Brumfeld and Blair A. Ruble, eds., *Russian Housing in the Modern Age: Design and Social History*. (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press; Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1993), pp. 25—54.

²⁰ Kathleen Berton Murrell, *Moscow Art Nouveau*. (London: Philip Wilson, 1997), p. 6.

²¹ Там же, с. 105—106.

- ²² William Craft Brumfeld, *Building for Comfort and Profit: The New Apartment House in Brumfeld and Ruble*, eds., *Russian Housing...*, pp. 55—84.
- ²³ Thurston, *Liberal City...*, p. 17.
- ²⁴ Diane Koenker, *Moscow Workers and the 1917 Revolution*. (Princeton: Princeton University Press, 1981), p. 54.
- ²⁵ Stephen Korkin, *Shelter and Subjectivity in Stalin Period: A Case Study of Magnitogorsk in Brumfeld and Ruble*, eds., *Russian Housing...*, pp. 171—210; William J. Chase, *Workers, Society, and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918—1929*. (Urbana: University of Illinois Press, 1987).
- ²⁶ Bradley, Muzhik and Muscovite..., pp. 195—196.
- ²⁷ Там же, с. 197.
- ²⁸ Koenker, *Moscow Workers...*, p. 56.
- ²⁹ Алавердян, *Жилищный вопрос в Москве*, с. 25.
- ³⁰ Thurston, *Liberal City...*, p. 19.
- ³¹ Bater, *St. Petersburg...*, pp. 318—320, 326—342.
- ³² Koenker, *Moscow Workers...*, p. 53.
- ³³ История землячеств центральной России в Москве рассматривается в работе: Robert E. Johnson, *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1979), pp. 79—87.
- ³⁴ Там же, с. 29.
- ³⁵ Михайловский А. *Муниципальная Москва*, с. 122.
- ³⁶ Johnson, *Peasant and Proletarian...*, p. 56.
- ³⁷ Elise Kimerling Wirtschafter, *Social Identity in Imperial Russia*. (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997), p. 136.
- ³⁸ Mikhail K. Shastillo, *Peasant Entrepreneurs and Worker Peasants: Labor Relations in Merchant Moscow*, in James L. West and Iurii A. Petrov, eds., *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*, (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 85—93: 86.
- ³⁹ Johnson, *Peasant and Proletarian...*, p. 56.
- ⁴⁰ Там же, с. 51.
- ⁴¹ Thurston, *Liberal City...*, pp. 17—18.
- ⁴² Эта проблема исследуется в работах: Bradley, Muzhik and Muscovite...; Robert William Thurston, *Urban Problems and Local Government in Late Imperial Russia: Moscow, 1906—1914*. (Ph.D. diss., University of Michigan, 1980).
- ⁴³ Wirtschafter, *Social Identity...*, p. 169.
- ⁴⁴ Koenker, *Moscow Workers...*, p. 16.
- ⁴⁵ Там же, с. 17.
- ⁴⁶ Thurston, *Liberal City...*, p. 19.
- ⁴⁷ Adele Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and State on*

Imperial Russia. (Princeton: Princeton University Press, 1996), p. 5.

- ⁴⁸ Уровень смертности от туберкулеза в 1911 году на 100 000 человек населения составлял в Лондоне 17,6, в Риме — 18,6, в Берлине — 20, в Париже — 38,7, в Вене — 42,7, в Санкт-Петербурге — 44,1, в Москве — 45,6 человек. Thurston, *Liberal City...*, p. 19.
- ⁴⁹ Там же, с. 19—20.
- ⁵⁰ За тот же период уровень смертности в Санкт-Петербурге снизился на 22,3%, в Париже на 28,3%, в Лондоне на 33%, в Берлине на 41,5%. Там же, с. 196.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 20.
- ⁵³ Там же, с. 19—20.
- ⁵⁴ Lindenmeyr, *Poverty Is Not a Vice...*, pp. 62—63.
- ⁵⁵ Там же, с. 68.
- ⁵⁶ Там же, с. 74.
- ⁵⁷ Nancy M. Frieden, *The Politics of Zemstvo Medicine*, in Terence Emmons and Wayne S. Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*, (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1982), pp. 315—342: 315.
- ⁵⁸ Samuel C. Ramer, *The Zemstvo and Public Health in Emmons and Vucinich*, eds., *The Zemstvo in Russia...*, pp. 279—314: 279.
- ⁵⁹ Nancy M. Frieden, *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905*. (Princeton University Press, 1981), p. xiii.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же, с. 5—11. Gleason, *Public Health...*, pp. 347—348.
- ⁶² Frieden, *Russian Physicians...*, pp. 91—93.
- ⁶³ Там же, с. 93.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, с. 101.
- ⁶⁷ Gleason, *Public Health...*
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Thurston, *Liberal City...*, pp. 17—19, 138—139.
- ⁷⁰ Там же; см. также: Алавердян, *Жилищный вопрос в Москве*.
- ⁷¹ Thurston, *Liberal City...*, p. 17.
- ⁷² Алавердян, *Жилищный вопрос в Москве*.
- ⁷³ Bradley, Muzhik and Muscovite..., pp. 260—266.
- ⁷⁴ Там же, с. 267—272.
- ⁷⁵ Там же, с. 309.
- ⁷⁶ Thurston, *Liberal City...*, pp. 138—139.
- ⁷⁷ Там же, с. 140—142.
- ⁷⁸ Там же, с. 142—143.
- ⁷⁹ Steiber, *Housing Design...*

⁸⁰ Thurston, *Liberal City...*, pp. 143—144.

⁸¹ Там же.

⁸² Victoria E. Bonnell, *Radical Politics and Organized Labor in Pre-revolutionary Moscow, 1904—1914*, *Journal of Social History* 12, no. 2 (1979), pp. 282—300: 282.

⁸³ Там же, с. 284.

⁸⁴ О роли учителей Москвы в местном общественном движении см., например: Christine Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914*. (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1994), pp. 123—163.

⁸⁵ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905. Vol. 1; Russia in Disarray*. (Stanford: Stanford University Press, 1988), pp. 262—264.

⁸⁶ Там же, с. 304—322.

⁸⁷ Там же, с. 322.

⁸⁸ Bonnell, *Radical Politics...*, pp. 284—285.

⁸⁹ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905. Vol. 2; Authority Restored*. (Stanford: Stanford University Press, 1992), pp. 355—368.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Koenker, *Moscow Workers...*, p. 293.

⁹² Там же, с. 295.

⁹³ Georg Leidenberger, *Working-Class Progressivism and the Politics of Transportation in Chicago, 1895—1907*. (Ph.D. diss., University of North Carolina, 1995), pp. 165—199.

⁹⁴ Koenker, *Moscow Workers...*, pp. 296—298.

⁹⁵ Ronald Grigor Suny, *Toward a Social History of October Revolution* *American Historical Review* 88, no 1 (February 1983), pp. 31—52: 49.

⁹⁶ Тезис основан на работе Кенкера: Koenker, *Moscow Workers...*, pp. 332—333.

Нищета и бунт

К началу XX столетия жители Осаки осознали, что промышленный капитализм неизбежно ведет к непреодолимой, по-видимому, пропасти между владельцами заводов и теми, кто на них работает. Многие японцы с ужасом взирали на сложившуюся при промышленном капитализме новую парадигму человеческих отношений, хотя именно индустриализация привела к невиданному ранее уровню потребления материальных благ.

К сожалению, тревога в отношении растущего социального неравенства оказалась не напрасной: летом 1918 года по Японии прокатилась волна беспрецедентных по жестокости уличных беспорядков. Для Осаки «рисовые бунты» того лета означали, что противоборствующие стороны утратили всякое уважение к человеческому достоинству противников. Насилие с обеих сторон положило конец длительному процессу политического консенсуса. В Осаке, как и в остальной Японии, «рисовые бунты» открыли дорогу для ультраправого авторитаризма во внутренней политике и воинственного экспансионизма во внешних делах. Общественные институты и кодекс политического поведения, основанные на принципе «множественности интересов», не смогли удержаться на общенациональном уровне, что нанесло тяжелый удар местной политической культуре прагматического плюрализма в Осаке.

Открытие «городского дна» произошло в Японии примерно за поколение до описываемых событий, когда журналисты и интеллектуалы «сошли в гетто крупнейших японских городов, отчасти чтобы выяснить социальные последствия капиталистического развития... отчасти же — чтобы получить более полную картину общества, которое формировалось в те годы в Японии»¹.

Неимущие страдали в японских городах и до промышленной революции Мэйдзи. Например, статистический отчет 1870 года квалифицировал как бедных 18 процентов населения Осаки, то есть 57 тысяч человек². Однако нищета среди взрослых трудоспособных мужчин – будь то перемещенные самураи, мигранты из сельской местности или пролетарии на растущих осакских заводах – это явление было совершенно новым и, казалось бы, несвойственным японской культуре.

Социальные корни бедности

Мысль о том, что социальные корни хронической бедности кроются в разрушительных последствиях структурных преобразований, а не в индивидуальных пороках работодателей или рабочих, пришла в Японию только в 80-х и 90-х годах XIX века благодаря сенсационным расследованиям пытливых журналистов, таких как Хара Кеи, напряженной общественной деятельности христианских и буддийских реформаторов, например Абе Ису, а также вмешательству таких просвещенных бюрократов, как Гото Симпей³. В работе, посвященной истории рыболовецкой промышленности острова Хоккайдо, Дэвид Хауэлл отмечал, что жизнь при капитализме необязательно более хорошая или более плохая, но она обязательно другая⁴. Изменившиеся общественные нормы, жесткая зависимость от денег и контрактного права, ореол романтизма, который в эпоху раннего Мэйдзи окружал принципы рыночной экономики, а также беспрецедентная для патриархальной Японии свобода в отношениях со старшими – все это шокировало многих японцев.

Нищета в промышленно развитых городах представляла собой не только экономическую проблему, но и загадку нравственного характера. «Традиционный уклад, присущий всем селениям докапиталистической Японии, – пишет Хауэлл, – не был статичным, однако его основные устои регламентировали жизнь многих поколений. И все же происходившее из этого уклада общественное равновесие было не в силах выдержать натиска капитализма, так как не могло компенсировать механизм эксплуатации, за-

ложенный в капиталистических методах производства»⁵. На протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе периода японской истории в стране не прекращались поиски нового нравственного и экономического равновесия в сфере трудовых отношений.

В работе, посвященной мэру-реформатору Секи Хаджиме, Джеффри Хейнс живописует мрачный быт осакской бедноты. «Промышленный пролетариат нес все тяготы безудержного городского развития, – пишет Хейнс. – Рабочие ютились в перенаселенных доходных домах, лишенных элементарных удобств. Водопровод, канализация, влагостойкая кровля, вентиляция и солнечный свет были на окраинах Осаки скорее исключением, чем правилом. В трущобах свирепствовали туберкулез и холера. Не имеющий доступа к паркам и местам отдыха, лишенный возможности пользоваться городским транспортом, обитатель осакских трущоб фактически становился пленником городского ада»⁶.

Тред-юнионы и радикальные рабочие организации наталкивались на ожесточенное сопротивление заводчиков и фабрикантов. Борьба труда с капиталом не развивалась линейно: социальные реформаторы добились некоторых успехов в конце 1890-х годов и во время Первой мировой войны⁷. Заводские рабочие, малообразованные, живущие в отчаянной нужде и ощущающие себя чужими в японской социальной иерархии, основанной на феодально-аграрных нормах прошлого, становились легкой добычей для алчных управляющих. Даже такие сочувствующие наблюдатели, как будущий коммунист Катаяма Сэн, отмечали, что «рабочие, в общем и целом, пьют, дерутся, предаются азартным играм и вовсе не заботятся о будущем»⁸. Социальное повышение, насколько оно вообще было возможно, происходило в рабочей среде благодаря смене места работы, а не продвижению на своем предприятии. Текущее оставалось высокой, классовое сознание рабочих – низким, а правительство всегда было готово прибегнуть к силе. Сложная система взаимоотношений между трудом, капиталом и государством в Японии тех лет очевидна на примере промышленных предприятий Осаки.

Постепенно реформаторы пришли к выводу, что лекарство от социальной незащищенности рабочих следует ис-

кать за пределами заводских ворот. Промышленных рабочих воспринимали теперь как составную часть городских трудящихся⁹. Трудовые конфликты обострились в Осаке и по всей Японии в 1906 году¹⁰. Тем летом, в самый критический период последовавшего после русско-японской войны экономического кризиса, в Осаке произошла забастовка восьмисот рабочих, уволенных из городского военного арсенала. Впрочем, обошлось без кровопролития: полиция просто сопровождала безработных домой¹¹. В июле того же года в наиболее густонаселенных рабочих предместьях произошла вспышка чумы: жертвами болезни стали 463 обитателя 103 трущобных домов¹². Для противодействия инфекционным заболеваниям городские власти были вынуждены открыть первую в Японии муниципальную гигиеническую лабораторию¹³.

Осакские рабочие

Существование большого числа зависимых рабочих на осакском рынке труда подрывало рабочее движение. Согласно статистическому отчету 1901 года, четверть всех рабочих на двадцати одном промышленном предприятии города не достигала четырнадцати лет¹⁴. Более половины рабочих на знаменитых осакских текстильных фабриках были несовершеннолетними из неимущих семей, а 80 процентов текстильных рабочих Осаки были женщины из обнищавших сельских районов или городских трущоб¹⁵. Большинство работавших на спичечных заводах женщин составляли девочки в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Среди рабочих спичечных заводов можно было встретить даже шести- и семилетних детей, хотя это и было исключением¹⁶. Система «бесплатного проживания» в заводских общежитиях отвращала многих рабочих от участия в забастовках под страхом «потери всего»¹⁷.

Открывшаяся в 1882 году и оснащенная десятью с половиной тысячами веретен Осакская хлопкопрядильная компания Сибусава Эичи задала темп развитию трудовых отношений в текстильной промышленности как в Осаке, так и во всей Японии. Благодаря деловым контактам, при-

обретенным во время работы в имперском министерстве финансов, Сибусава удалось собрать у частных инвесторов на нужды своего проекта астрономическую сумму – 250 тысяч иен¹⁸. Намереваясь наладить производство высококачественного текстиля и его сбыт на международных рынках, Сибусава обещал акционерам баснословную прибыль. При этом он опирался на поистине безграничный рынок дешевой рабочей силы – обнищавших японских крестьян и, в особенности, их дочерей¹⁹.

В 1909 году женщины составляли 62 процента фабричных рабочих Японии²⁰. Последнее было, отчасти, следствием доминирующего положения, которое занимало в японской промышленности производство текстиля²¹. В упомянутом 1909 году на текстильных фабриках работало 61,2 процента всех промышленных рабочих, при этом в занимавшем второе место производстве пищевых продуктов было занято только 11,2 процента рабочих²². К 1920 году, вследствие стремительного развития металлообрабатывающей промышленности и машиностроения, доля занятости на текстильных предприятиях снизилась до 55,6 процента, что по-прежнему оставалось очень высоким показателем²³.

Женщины-рабочие на текстильных фабриках неохотно шли в профсоюзы. Молодые, часто моложе двадцати, незамужние осакские «фабричные девушки», которые были оторваны от родных мест и жили в заводских общежитиях, не собирались задерживаться на производстве²⁴. По данным 1897 года, почти половина из них покидала фабрику в течение года, а свыше 95 процентов девушек меняли место работы, выходили замуж или становились проститутками в первые пять лет работы на предприятии. Этот показатель несколько снизился к 1918 году, когда, согласно статистике, почти 11 процентов рабочих оставались на хлопкопрядильных и текстильных предприятиях и по истечении пяти лет со дня поступления на работу²⁵. Несмотря на растущий патернализм работодателей, подобная система трудовых отношений – разительно отличавшаяся от международных показателей того периода – просуществовала до начала 1920-х годов²⁶.

Однако не следует представлять японских «фабричных девушек» исключительно «жертвами капиталистической

эксплуатации»²⁷. Многие из них, подобно девушкам в других, некогда бурно развивавшихся текстильных центрах, например Лоуэлле, Манчестере и Москве, воспринимали работу на фабрике как возможность улучшения своей участи. Преобладание в среде рабочих молодых женщин играло на руку владельцам крупнейших прядильных фабрик Осаки, вполне осознанно подбиравших для своих предприятий выходцев из наиболее уязвимых слоев населения.

Сибусава, к примеру, избрал Осаку для развертывания своего производства именно потому, что намеревался с наибольшей выгодой использовать трудовые ресурсы обедневшей Кансайской провинции, где крестьяне постепенно лишались земли.

Присущие фабрикам Сибусава сложная система оплаты труда, изматывающие ночные смены и спрос на низкоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих подрывали традиционные японские представления о взаимных обязательствах между нанимателями и рабочими. Управленческая модель Сибусава привнесла в промышленную Осаку как современные методы ведения бухгалтерии и распределения прибыли, так и трудовые отношения, свойственные для капитализма конца XIX века. Осакая хлопкопрядильная компания создала в городе условия для возникновения неимущего «протопролетариата» и социальных моделей европейского рабочего движения. Сибусава и его фабрики положили начало «Манчестеру Дальнего Востока».

Забастовки и тред-юнионы

Баланс сил в системе трудовых отношений Осаки изменялся год от года. Рабочие все чаще прибегали к забастовкам как к средству борьбы за улучшение условий жизни. В августе 1907 года Осакая гильдия зерноторговцев уступила требованиям рабочих об увеличении заработной платы²⁸. Тем же летом двадцатипроцентной прибавки к жалованью рабочих добился тред-юнион судостроителей Кванской паровой компании²⁹. Примерно в то же время забастовали две тысячи осакских печатников³⁰, а в конце сентября на улицы вышли две тысячи рабочих шляп-

ных фабрик³¹. Вообще, 1907 год стал пиковым по количеству забастовок и в Осаке, и в остальной Японии³². Однако вскоре маятник качнулся в сторону нанимателей. Так, в конце года владельцы типографии Хоригоси закрыли предприятие, но не пошли на уступки рабочим, требовавшим тридцатипроцентной прибавки к заработной плате³³.

Забастовки продолжались до середины 1908 года, когда рынок закончил очередной цикл и повернулся лицом к работодателям³⁴. Экономический спад 1909 года сыграл на руку тем нанимателям, которые стремились сократить число работников на своих предприятиях³⁵. Характерное для промышленного капитализма чередование забастовок и локаутов, мировых соглашений и увольнений продолжалось и в последующие годы с той лишь разницей, что японские, и в частности осакские, реформаторы пытались найти решение трудовых конфликтов вне заводской территории.

Общественные деятели и реформаторы, такие как Секи Хаджиме и Фукуда Токузо ратовали за принятие национального закона о труде в самый разгар осакских забастовок³⁶. Зажатые между идеологами свободного капитализма и алчными промышленниками, защитники трудовой реформы твердо отстаивали право рабочих на безопасный труд, нормированный рабочий день и индексированную заработную плату³⁷.

В свою очередь, антиурбанистично настроенные аграрные идеалисты утверждали, что японскую культуру можно сохранить, только вернувшись в патриархальную деревню прошлого³⁸. Подобно многим другим обществам, переживавшим переход от сельского к промышленно-городскому укладу, в Японии периода Мэйдзи аграрная идеология стала альтернативой современному миру города. Учение Нохонсуги (сельское хозяйство как сущность) предлагало альтернативный подход к будущему Японии. Томас Р. Хеванс отмечает, что до Второй мировой войны под влияние идеологии Нохонсуги в той или иной мере попадали радикалы и реакционеры, чиновники и крестьяне, солдаты и гражданские лица, утописты и прагматики, горожане и жители деревень³⁹. Учение Нохонсуги, продолжает Хеванс, пользовалось большой популярностью среди японских чиновников в период после Первой мировой войны⁴⁰.

Для реформаторов, озабоченных социальным положением пролетариата, условия жизни рабочих представляли важность не меньшую, чем условия труда на заводах и фабриках. Можно сказать, что патерналистская система японского промышленного капитализма оформилась в 1920-х и 1930-х годах. В рассматриваемый здесь отрезок времени развилась социальная стратегия, направленная на уменьшение текучести рабочей силы, снижение роли тред-юнионов и повышение производительности труда. Реформа системы управления на промышленных предприятиях предполагала новое отношение к рабочим как к полноправным человеческим существам⁴¹. Будучи крупнейшим промышленным центром Японии, Осака находилась в центре этих преобразований.

Как отмечалось ранее, промышленные рабочие в Японии Мэйдзи стали своего рода социальными изгоями, так как не принадлежали ни к одной из четырех важнейших статусных групп предшествовавшей эры Токугава – самураям, крестьянам, ремесленникам и купцам⁴². Сформировавшись как класс в результате социальной фрагментации и экономических сдвигов, промышленные рабочие олицетворяли драматические социальные перемены эпохи Мэйдзи⁴³. Выступая за улучшение своей участи, японские пролетарии выдвигали не только экономические требования, которые были значительны, но и требовали признания своего человеческого достоинства⁴⁴. Общественные деятели, ратовавшие за трудовые реформы, требовали не только увеличения жалованья и улучшения жизни рабочих, но и признания за ними статуса полноправных членов японского общества. Социальные программы, проводимые муниципальными чиновниками в пролетарских предместьях, представляли собой важный компонент формировавшейся общенациональной политики в трудовой сфере.

Наступление на «свободный капитализм»

В те годы видные интеллектуалы и сановники – в Токио, а позже и в других городах – горячо обсуждали вопрос о том, как именно японский капитализм может отли-

чатся от западных моделей⁴⁵. Некоторые из правящих политиков, в их числе премьер-министр эпохи Тайсё Окума Сигенобу, выступали против концепции «свободного капитализма» в экономическом развитии⁴⁶. Выдающиеся ученые и общественные деятели, например синолог из Киотского университета и публицист Наито Конан, категорически утверждали, что существует особая, «восточноазиатская» модель развития, к которой неприменимы категории западных социальных отношений⁴⁷. Влиятельные организации, такие как Ассоциация социальной политики (Сакаи Сейсаку Гаккай), настаивали, что ответственная социальная политика способна не только примирить конфликтующие общественные силы, но и вывести Японию на путь развития, принципиально отличающийся от «дикого» западного капитализма⁴⁸. Япония, мол, может найти свой путь развития благодаря политике, сглаживающей социальные различия⁴⁹. Примерно с 1885 года в развитии японской социальной философии намечается резкий поворот от имитации западных доктрин к утверждению японской исключительности, которая, впрочем, не должна мешать стране успешно конкурировать на международной арене.

Кеннет Б. Пайл так характеризует этот период структурных преобразований в японской общественной истории. «Где-то между концом 1880-х и началом 1890-х годов лежит водораздел новой японской истории. По одну его сторону находится Япония, занятая внутренними реформами, – пытливая, самокритичная, мятущаяся Япония, Япония в процессе становления... По другую сторону находится Япония с обновленным чувством порядка и дисциплины в общественной жизни – Япония менее податливая, менее восприимчивая к социальным реформам, менее терпимая к новым ценностям... прежде всего, Япония с обостренным чувством собственного единства и исключительности»⁵⁰.

В течение продолжительного времени многие японские интеллектуалы и чиновники были увлечены немецкими доктринами экономического развития⁵¹. Вернувшись домой в 1890 году после четырех лет учебы в Германии, популярный в будущем профессор Токийского императорского университета Канаи Нобуру утверждал, что государство – единый организм, и ни одному из его органов не

позволено оставаться больным⁵². Пребывание в Берлине оказало значительное влияние и на молодого чиновника японского министерства внутренних дел Гото Симпеи, впоследствии гражданского губернатора Тайваня, президента Южноманьчжурской железнодорожной компании, министра иностранных дел и мэра Токио⁵³. Гото и многие из его соотечественников сохранили верность германской исторической школе, выступавшей против принципов неограниченного капиталистического развития. Подобные взгляды импонировали тем из японских мыслителей, которые были напуганы призраком возвращенной промышленным капитализмом социальной революции. Немецкое учение о допустимости государственного вмешательства в экономику и о «нравственном экономическом развитии» нашло в Японии благодарную аудиторию⁵⁴.

Движение за реформы

Движение против свободного капитализма способствовало развитию местного политического сообщества. Напряженность, обусловленная экономическим спадом 1907 года, побуждала сторонников социального примирения к безотлагательным действиям⁵⁵. Согласно философии движения за местный прогресс (Чихо кайрио ундо), груз ответственности за улучшение социального климата следовало переложить с нанимателей на правительство и городские благотворительные организации. О том же говорилось в законе 1911 года, регулирующем трудовые отношения на промышленных предприятиях⁵⁶. В те же годы в Японии, и в частности в Осаке, получили распространение популярные на Западе идеалы муниципального социализма.

Отношение сторонников движения за местный прогресс к городу как к социальной форме было двойственным. Реформаторы, воспринимавшие метрополис как неотъемлемую часть будущей Японии, призывали соотечественников не опасаться бурного роста городов. Скорее, они требовали улучшения качества жизни в самом городе. Для таких политиков понятия трудовой, социальной и городской реформы были синонимами⁵⁷.

К началу XX столетия реформаторы настойчиво просили японское правительство занять более активную позицию в решении урбанистических проблем⁵⁸. Следуя примеру американских и английских реформаторов, японские муниципальные социалисты (тоси сакайсугиса) возражали против вмешательства центрального правительства в жизнь городов, одновременно выступая за более широкое участие общества во врачевании социальных болезней промышленного города⁵⁹.

Катаяма Сэн и Абе Ису среди прочих мыслителей рьяно выступали за перевод реформ под муниципальную юрисдикцию⁶⁰. Философские искания привели их от христианства к муниципальному социализму, а позже и к его более радикальным формам. Для Катаяма этот путь закончился руководящей должностью в Коммунистическом интернационале в Москве (и погребением у Кремлевской стены)⁶¹.

Катаяма и Абе утверждали, что поскольку город – это среда, в которой проходит вся жизнь граждан, муниципальные власти должны действовать во благо горожан как целостного сообщества⁶². Эта цель может быть достигнута посредством наделения властью местных правительственных органов и передачи в муниципальную собственность транспорта и предприятий коммунальных услуг⁶³. Реформы, говорили Катаяма и Абе, приведут к улучшению качества базовых услуг⁶⁴. В данном контексте воззрения Катаяма и Абе сближали их с чикагским мэром Эдвардом Ф. Данном. Они, однако, играли в несколько иную игру. Если продолжить аналогию, проведенную Джоном Бойером в отношении немецкой и австрийской моделей муниципализации на рубеже веков, то Данн и его сподвижники в Чикаго преследовали в первую очередь цели социальных реформ⁶⁵. В Осаке же, как и в Вене, муниципальные социалисты воспринимали муниципализацию в том числе как средство защиты местного общества от вмешательства центральных властей.

Катаяма, сын бедных крестьян из префектуры Окаяма на юго-западе Японии, сочетал черты реформатора-интеллектуала и бунтаря. Общественная деятельность привела его в ссылку в Соединенные Штаты, в Мексику, а в конечном итоге – в Советский Союз⁶⁶. Пионер социального движения, создатель системы профессиональных социаль-

ных исследований и лидер раннего тред-юнионизма, Катаяма был также издателем первой в Японии рабочей газеты и первым японским большевиком⁶⁷. В Москве Катаяма был избран членом исполкома Коминтерна и сыграл решающую роль в основании японской коммунистической партии в 1922 году⁶⁸. Истоки его радикализма следует искать в том числе в реакционной политике японского правительства, для которого промышленный пролетариат всегда оставался социальной угрозой.

Приверженцем муниципального социализма Катаяма стал в первые годы XX века. После окончания курса христианской теологии в Йельском университете Катаяма вернулся домой и вскоре опубликовал серию статей о муниципальном самоуправлении в Европе и Соединенных Штатах⁶⁹. В них он страстно говорил о необходимости ставить общественные ценности выше узких экономических интересов⁷⁰. Город не должен быть только местом торговли и извлечения прибыли, аренной жестокой борьбы между свободными предпринимателями, — писал Катаяма. — Из поля битвы за прибыль, каковым представляется город сегодня, он должен превратиться в место радости, где более полно используются недавние достижения культуры и где все люди живут в условиях мира и процветания⁷¹.

В Японии Катаяма преимущественно жил в Токио, однако общественная деятельность часто вынуждала его удаляться в изгнание в США. Он много ездил по США (долгое время провел в Чикаго), ораторствовал, писал, учился, был поденным рабочим и даже управлял крупными рисовыми фермами в Техасе⁷². Руководящая роль в токийской трамвайной стачке 1911 года сделала его знаменитым: после этой забастовки трудовые конфликты из событий местного масштаба превратились в социально и политически значимые явления японской истории. Катаяма поддерживал тесные отношения с осакскими социалистами, такими как Ои Кентаро (издатель первой в городе рабочей газеты «Осака Уикли») и товарищ Моричика (издатель социалистической «Осака Хеймин»)⁷³. Для Катаямы, как и для многих токийцев, Осака была самым консервативным городом Японии⁷⁴.

Абе, в свою очередь, был адептом христианского социализма⁷⁵. Будущий профессор университета Васеда и отец

японского бейсбола, Абе постигал основы западного муниципального управления во время изучения протестантского богословия в Соединенных Штатах⁷⁶. Его взгляды были в известном смысле более радикальными, чем у Катаямы: так, он настаивал на передаче в общественную собственность всей городской земли⁷⁷. Для Абе город был подобен домашнему очагу, а поэтому городское управление должно было основываться на тех же принципах, что и семейная жизнь. Для создания пригодного к жизни дома недостаточно материального благополучия. Семейное счастье невозможно без здоровья, уюта и добрых отношений с ближними. Абе заявлял, что иерархичное, полуфеодальное понятие власти должно уступить место власти, основанной на принципе предприятия (таидзигио канкеи), которое порождает преданность через равенство⁷⁸. Решение городских проблем может быть найдено, утверждал Абе, только если город и предприятие воспринимаются как дом⁷⁹.

Японские муниципальные социалисты стремились выработать умеренный утилитарный подход к городским проблемам с упором на проверенную западную методологию⁸⁰. Однако, как и в США, идеализм муниципальных социалистов часто противоречил прагматичной политике⁸¹.

В отличие от Соединенных Штатов, японские реформаторы часто сталкивались с противодействием левых деятелей, например Котоку Сусуи, который исповедовал более интеллектуальный и элитистский подход к развивающемуся японскому капитализму⁸². Тем не менее даже ведущий японский марксист Каваками Хаджиме пришел к радикальным воззрениям на общество только после заигрывания с конфуцианскими, буддийскими и христианскими доктринами, а также немецким историзмом и англо-американским социальным реформизмом⁸³.

Муниципальные социалисты оставили богатое философское наследие и значительно обогатили язык социальной науки⁸⁴. Планы реформ и институты, разработанные и основанные осакскими реформаторами, помогли превратить муниципальную среду в основное поле для социальных программ.

Секи Хаджиме и близкие к нему муниципальные социалисты и реформаторы считали, что оптимальное городское планирование должно сочетать наиболее передовые

японские и западные идеи и методы⁸⁵. Японских мыслителей привлекали французский эстетизм, британская социальная политика, немецкий эклектизм и американский прагматизм, а также традиционно японские представления о социальных отношениях и обязательствах. Классовые конфликты воспринимались как препятствие на пути экономического прогресса. Реформаторы не стремились к ограничению частного предпринимательства, но выступали за привнесение в него гуманитарной составляющей.

Признавая несовершенство существующей системы, реформаторы, в том числе Секи Хаджиме, выступали за учреждение компаний с ограниченной ответственностью, которые могли бы избавить владельцев заводов от бремени персоналистских финансовых схем. Секи, например, утверждал, что социальные гарантии необходимы как рабочим, так и промышленникам. Он отмечал, что максимизация прибыли во имя личного обогащения заводчиков недопустима. Механизмы государственного регулирования должны способствовать извлечению общественной пользы из частных инвестиций, обеспечивая более сбалансированное развитие капитализма, чем на Западе⁸⁶. Промышленники должны находиться под надзором государства, так как в отношениях с рабочими они обладают преимуществом. Успех, согласно Секи, не сводится к количественным параметрам, так как нравственная экономика шире, чем бухгалтерские книги⁸⁷.

Реформаторы ждали от промышленников менее эгоистичного подхода к социальным программам и надеялись, что муниципалитеты помогут предпринимателям в их осуществлении. Социальная стабильность представлялась более важной целью, чем извлечение прибыли⁸⁸. Местная автономия стала существенной частью программы реформ⁸⁹.

Муниципальная общественная деятельность

Попытки возвыситься над эгоистичной природой капитализма посредством благотворительности и муниципальных программ предпринимались в Осаке и до 1914 года – времени, когда реформатор Секи Хаджиме занял пост вице-мэра города. Муниципальные власти поощряли благотвори-

тельные инициативы, такие как помощь неимущим, бесплатное медицинское обслуживание для нуждающихся и образовательные программы для сирот⁹⁰. К 1915 году в городе существовало 1585 санитарных ассоциаций, то есть добровольных объединений, призванных при поддержке муниципалитета обеспечить инфекционную безопасность города⁹¹.

Прибытие в Осаку Секи придало новый импульс муниципальным инициативам, направленным на облегчение страданий пролетариата. Для Секи социальные вопросы имели первостепенное значение и до того, как рисовые бунты 1918 года превратили их в политическую необходимость⁹². В Осаке его привлекала возможность создать профилактическое средство от социальных болезней промышленной Японии⁹³.

В 1916 году на средства, предоставленные императором, в Осаке была учреждена Муниципальная лаборатория промышленных исследований⁹⁴. Лаборатория осуществляла различные специализированные исследования, призванные побудить предпринимателей к проведению более эффективной и гуманной трудовой политики. Работа осакской муниципальной лаборатории послужила примером для будущих социальных исследований в Японии⁹⁵.

Несмотря на их созвучность философии городских планировщиков и муниципальных социалистов, осакские инициативы вряд ли облегчили жизнь осакских бедных. Доходы распределялись неравномерно, а скачки цен вели к дальнейшему расслоению общества⁹⁶. Заработная плата рабочих оставалась низкой даже во время экономического бума во время Первой мировой войны⁹⁷.

«Японская рабочая сила, – писал в 1920 году британский генеральный консул в Осаке Освальд Уайт, – обычно характеризуется как дешевая по стоимости и низкая по квалификации, и в качестве грубого обобщения это суждение можно принять»⁹⁸. Основываясь на данных Осакской муниципальной лаборатории промышленных исследований, Уайт отмечал, что японские промышленники предпочитают трудоемкие методы производства, которые, несмотря на непроизводительные затраты, требуют меньших капиталовложений, чем новые технологии и оборудование. Рабочая смена составляла от десяти до двенадцати часов при двух или четырех выходных в месяц⁹⁹. Высокие торго-

вые наценки на основные продукты питания ложились на плечи трудящихся дополнительным бременем¹⁰⁰. В условиях высококонкурентной и испытывающей дефицит капитала японской экономики участь рабочих внушала жалость. «В то же время, – добавляет Уайт, – развитие промышленности и торговли в Японии способствовало росту национального богатства, и от этого, пусть и неравномерно, выигрывали все классы, так что было бы ошибкой полагать, что состояние рабочего класса не менялось»¹⁰¹.

Экономический бум во время Первой мировой войны выявил ошибку реформаторов, полагавших, что муниципальные программы и благотворительность способны существенно смягчить страдания осакской бедноты. Японская элита предчувствовала назревающий кризис, опасалась социальной дезинтеграции и склонялась скорее к мобилизационным и репрессивным мерам, чем к реформам¹⁰². Эти тенденции были очевидны и для иностранных наблюдателей. Уайт, к примеру, отмечал, что «заработная плата рабочих росла год от года; во время войны она даже удвоилась... К сожалению, цены росли соответственно. По сути, повышение зарплат в Японии следует за повышением цен, а не предшествует ему»¹⁰³.

Американские коллеги Уайта также сообщали в Вашингтон о назревающих трудовых конфликтах. Незвестный американский дипломат телеграфировал домой: «Жалованье рабочих предельно низкое... Пока промышленные товары и продукты питания производились и потреблялись преимущественно внутри страны, существовало некое экономическое равновесие, которое позволяло рабочим содержать семью без крайней нужды, хотя и в режиме жесткой экономии. Вследствие войны, однако, цены в Японии, как и везде, резко подскочили, однако повышение заработной платы было несущественным. В то же время другие страны закупают у Японии рис, бобовые, растительное масло и другие продукты питания, что приводит к росту стоимости жизни, в то время как доходы рабочих практически не меняются»¹⁰⁴.

Результатом, заключал американец, будут социальные волнения.

Эмиссар американского правительства отмечает также, что трудовые конфликты превращаются в городскую про-

блему, фактически повторяя заявления японских муниципальных социалистов. Вспоминая посещение осакских прядельных фабрик, дипломат пишет: «Беглый осмотр позволил выявить, что беды проистекают отчасти из недостаточного питания и несносных бытовых условий. Учитывая, что многие девушки-рабочие происходят из отдаленных сельских районов, фабричные управления селят их в общежития на заводской территории. ...Они не знают развлечений: жизнь состоит из тяжелой, монотонной работы. Мужчины-рабочие, лишенные малейшего комфорта и радостей жизни, ютятся в дешевых ночлежных домах, которые тянутся на многие кварталы»¹⁰⁵.

Отношение Осаки к проблемам городской нищеты – это не только пример, иллюстрирующий поговорку слишком мало, слишком поздно; реформаторы не сумели убедить промышленников перейти к иным методам управления. Отчасти это было вызвано тем, что радеющие о пролетариате политики и городские реформаторы вели, по сути, кулуарные разговоры и не инициировали широкое общественное обсуждение социальных проблем.

«Рисовые бунты»

Вспыхнувшие в августе 1918 года бунты нанесли тяжелый удар практике прагматического плюрализма, создали непреодолимую пропасть между трудом и капиталом, городом и деревней, имущими и неимущими и оставили глубокие раны на теле японского общества, не заживавшие в течение жизни целого поколения. Так, например, бунты усилили антикапиталистическую направленность аграрного движения Нохонсуги¹⁰⁶. Бунты, вызванные растущими ценами на рис, начались и закончились не в Осаке. Однако для города их последствия были особенно тяжелыми. Бунты доказали правоту противников свободного капитализма: без просвещенной социальной политики капиталистическая индустриализация грозила привести к крушению существующего общественного порядка.

Японии «рисовые бунты» были не внове. Только в XVIII веке в Эдо произошли три крупных мятежа из-за

этого самого важного для страны пищевого продукта¹⁰⁷. Однако бунты 1918 года ознаменовали переломный момент в японской, и особенно в осакской социальной политике.

В течение некоторого времени власти Осаки пытались облегчить страдания народа, вызванные неуклонным повышением цен на рис. Еще в сентябре 1911 года муниципалитет проводил рейды, направленные против рисовых спекулянтов; в том же году филантроп Кимура Нисабуро выделил средства, позволившие обеспечить рисом пять тысяч неимущих семей города¹⁰⁸. Ситуация, однако, оставалась настолько тяжелой, что бедняцкие семьи зачастую забирали детей из школ и отправляли их работать на фабрики только для того, чтобы добыть пропитание¹⁰⁹. В марте 1918 года власти города организовали муниципальные фермерские рынки, пытаясь сбить цены на продукты питания¹¹⁰. Тем не менее к середине августа на улицы Осаки вышли четверть миллиона горожан, грабя, громя все подряд и ожесточенно сражаясь с полицией и войсками¹¹¹.

Началом беспорядков можно считать вечер 22 июля 1918 года, когда в тихой рыбацкой деревеньке на берегу залива Тояма собравшиеся посудачить домохозяйки настолько разгневались из-за безудержно растущих цен на рис, что подняли на бунт мужчин¹¹².

На протяжении следующих восьми недель мирные шествия и митинги переросли в погромы и вооруженные столкновения в селах, малых и крупных городах по всей Японии – от Хоккайдо до Кюсю. Несмотря на беспрецедентный размах, во многих работах японских историков «рисовые бунты» характеризуются всего лишь как «незначительные события»¹¹³. Цены на рис едва ли упали, власти восстановили контроль над обществом, а более пяти тысяч арестованных бунтовщиков «безропотно» отправились отбывать тюремные сроки¹¹⁴. Бунты, по-видимому, не особенно вписываются в ориентированную на общественное согласие японскую историографию.

Из всех японских городов бунты в Осаке отличались особой жестокостью. Поначалу предводители осакских мятежников, следуя примеру бунтовщиков в Киото и Кобе, направляли толпу в дома розничных торговцев рисом, принуждая

их снизить цены¹¹⁵. «Бунты в Осаке начались в 8 вечера 12 августа, после того как отзвонил колокол на одном из главных храмов, – сообщали в Вашингтон американские дипломаты. – Десять групп людей разошлись по деревням и, реквизируя рис у владельцев, уносили его в мешках и увозили на повозках. Шеф полиции утверждает, что бунтовщиков более 150 тысяч. Только в одном районе их было 70 тысяч человек. Мятежники яростно сопротивлялись полиции и войскам и были рассеяны с великим трудом»¹¹⁶.

Постепенно, по мере того как схватки с полицией становились все более ожесточенными, бунты потеряли организационную стройность, присущую им в первые дни волнений. В Осаке и других городах «толпа, не ограничиваясь более торговцами рисом, стала нападать на других «экономических» врагов, таких как домовладельцы, заимодавцы и торговцы недвижимостью»¹¹⁷. Стихийно сформированный комитет повстанцев добился встречи и даже нашел понимание у губернатора Осакской префектуры Хаяси Ичизо и мэра города Икегами Сабуро – впрочем, полиция арестовала членов комитета сразу после этой встречи¹¹⁸.

Не обошлось и без дикостей. «В нескольких случаях, – сообщало посольство США в Токио, – богачи оборонялись, нанимая вооруженных огнестрельным оружием телохранителей и даже поливая толпу серной кислотой из шлангов. Как и следовало ожидать, подобные действия были встречены народным возмущением: толпа стала немедленно поджигать дома, в которых укрывались богатые купцы»¹¹⁹. Политика социальной адаптации основана на уважении к человеческому достоинству граждан вне зависимости от их общественного статуса. Когда людей поливают серной кислотой – прагматический плюрализм умирает. Насилие знаменует собой конец процесса политической аккомодации. Неудивительно, что «жгучая ненависть низших классов к благородному сословию» росла с каждым днем¹²⁰.

«Возмущение действиями крупных торговцев рисом, – отмечал еще один дипломат, – велико не только среди беднейших и средних слоев населения, которые больше всего страдают от дефицита, но и среди мелких лавочников и розничных торговцев, которые видят, как их товар гниет на улице, в то время как истинные преступники, спе-

кулянты на биржевом рынке, тихо скрываются или же сливаются с бушующей толпой»¹²¹.

Как свидетельствует приведенное выше наблюдение, примечательным был социальный состав мятежников. Их основную массу составляли не представители беднейших слоев населения, а скорее, «обремененные заботой о семье мужчины, давно занятые в традиционных ремеслах и торговле»¹²². Такие «средние» группы горожан оказались исключены и из тред-юнионистского движения, и из купеческих гильдий. Эти брошенные на произвол судьбы люди, которых сегодня отнесли бы к «мелкой буржуазии», стояли вне осакской политики социальной фрагментации в условиях безудержного капиталистического развития. Их участь никогда не заботила самопровозглашенных «муниципальных социалистов» и городских реформаторов. Участие средних горожан в бунтах и погромах означало провал местной политики прагматического плюрализма.

После бунтов

После долгого жаркого лета 1918 года Японию захлестнула волна реакции: в стране был принят ряд репрессивных законов и оживились ультраправые¹²³. Правительство было готово усмирить любые волнения¹²⁴. Лидеры рабочего движения, в свою очередь, стремились к дальнейшей радикализации вступивших в тред-юнионы рабочих¹²⁵.

Однако бунты привели и к благотворным в социальном контексте последствиям. Как отмечает Майкл Льюис, «бунты способствовали учреждению специальных подразделений в правительствах префектур, занятых исключительно социальным обеспечением. Осакская префектура и город Осака, в которых агентства социальной помощи существовали и до бунтов, первыми в стране преобразовали эти небольшие подразделения в полномочные ведомства. Уже через несколько лет после учреждения социальной службы города Осаки аналогичные ведомства появились во всех крупных японских городах»¹²⁶.

«Рисовые бунты» вызвали перелом в японской социальной политике¹²⁷. Обладавшие пугающим сходством с боль-

шевистской революцией в России, бунты произвели впечатление и на самых крайних реакционеров¹²⁸. От простого поощрения благотворительной деятельности японское министерство внутренних дел перешло к прямому участию в социальных программах¹²⁹. Первенство в этой сфере принадлежало осакской префектуре: в октябре 1918 года губернатор Хаяши учредил здесь первые в стране комитеты социальной помощи¹³⁰.

Огава Сигедзиро, ученый, помогавший Хаяши в организации социальной службы в городе, утверждал, что комитеты, насчитывавшие 527 сотрудников в 35 районах, были призваны и облегчать участь неимущих, и надзирать за общественным поведением. Салли Энн Гастингс сообщает, что, согласно Огава, сотрудники комитетов должны были устанавливать личные отношения с семьями бедняков – примерно так же, как действуют американские должностные лица, осуществляющие надзор за условно осужденными¹³¹. Предполагалось, что сотрудник комитета – чаще всего представитель среднего класса – должен следовать конфуцианской идее, наставляя бедняков так, как родитель наставляет ребенка, старший брат – младшего брата, сюзерен – вассала, а друг – друга.

На муниципальном уровне отмечалось значительное увеличение расходов на нужды образования и здравоохранения. Расходы на здравоохранение выросли с 98 000 иен в 1897 году до 796 000 иен в 1907 финансовом году и до 931 000 иен еще через десять лет¹³². К 1919 году городские расходы на здравоохранение удвоились, а в 1922-м достигли 2 758 000 иен. В то же время расходы Осаки на образование с 1917 по 1922 год выросли в 27 раз¹³³.

По иронии судьбы «рисовые бунты» совпали по времени с превращением Секи в ведущего политика Осаки – в мэра, претворившего в жизнь тот самый план социальной аккомодации, который не удался властям города в преддверии 1918 года. Секи стал отцом современной Осаки, города, впервые в Японии осуществившего полномасштабную муниципальную программу социальной помощи¹³⁴.

Последние годы перед Второй мировой войной стали для Осаки, впервые после эпохи правления сёгунов Токугава, своеобразным золотым веком. Местные промышленники и купцы осознали невозможность абсолютного гос-

подства в условиях крупного города. Только после рассмотренного в этой главе бурного периода японской истории фрагментированные социальные группы Осаки пришли к истинному пониманию пользы политики прагматического плюрализма.

Примечания

¹ Koji Taira, «Urban Poverty, Ragpickers, and the «Ants' Villa» in Tokyo». *Economic Development and Cultural Change* 17, no. 2 (January 1969), pp. 155—177: 158.

² W. Dean Kinzley, «Japan's Discovery of Poverty: Changing Views of Poverty and Social Welfare in the Nineteenth Century Journal of Asian History» 22, no. 1 (1988), pp. 1—24: 4.

³ Kinzley, «Japan's Discovery...»; Taira, «Urban Poverty...»

⁴ David L. Howell, *Capitalism from Within: Economy, Society, and the State in a Japanese Fishery*. (Berkeley: University of California Press, 1995), p. 6.

⁵ Там же, с. 8.

⁶ Jeffrey Eldon Hanes, «Seki Hajime and the Making of Modern Osaka». (Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1988), pp. 1—2.

⁷ Andrew Gordon, *The Evolution of Labor Relations in Japan: Heavy Industry. 1853—1955*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985), pp. 47—50.

⁸ Катаяма высказал это наблюдение в 1897 году. Там же, с. 29.

⁹ Там же, с. 26—27.

¹⁰ Takeo Yazaki, *Social Change and the City in Japan: From Earliest Times through the Industrial Revolution*. (Tokyo: Japan Publications, 1968), p. 408.

¹¹ The Osaka Military Arsenal: Dismissal of Workers and Consequences, *Japan Weekly Chronicle* (Kobe), July 12, 1906, p. 48.

¹² Factory Life in Japan: The Treatment of Operatives, *Japan Weekly Chronicle*, August 2, 1906, p. 152.

¹³ Great Osaka: A Glimpse of the Industrial City». (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1925), pp. 16—17.

¹⁴ Yazaki, *Social Change...*, p. 407.

¹⁵ Там же.

¹⁶ E. Patricia Tsurumi, *Factory Girls: Women in the Thread Mills of Meiji Japan*. (Princeton: Princeton University Press, 1990), pp. 5, 42.

¹⁷ Yazaki, *Social Change...*, p. 407.

¹⁸ Tsurumi, *Factory Girls...*, pp. 39—45.

¹⁹ Рост рабочего движения в текстильной промышленности Осаки рассматривается в работе: Gary R. Saxonhouse, «Productivity Change and Labor Absorption in Japanese Cotton Spinning, 1891—1935 Quarterly Journal of Economics 16, no. 2 (May 1977), pp. 195—219.

²⁰ Hiroshi Hazama, «Historical Changes in the Life Style of Industrial Workers, in Hugh Patrick, ed., with the assistance of Larry Meissner, *Japanese Industrialization and Its Social Consequences*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 21—51: 29.

²¹ Gary R. Saxonhouse, «Country Girls and Communication among Competitors in the Japanese Cotton Spinning Industry, in Patrick, ed., *Japanese Industrialization...*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 97—125.

²² Robert E. Cole and Ken'ichi Tominaga, «Japan's Changing Occupational Structure and Its Significance, in Patrick, ed., *Japanese Industrialization...*, (Berkeley: University of California Press, 1976), pp. 53—96: 59.

²³ Процент рабочих, занятых в металлургии и машиностроении в 1920 году, составил 17,2% от общего числа промышленных рабочих. Там же.

²⁴ Hazama, «Historical Changes...», p. 29.

²⁵ Saxonhouse, «Country Girls...», p. 101.

²⁶ Там же, с. 102—106.

²⁷ Этот вывод сделан в работе: Barbara Molony, «Activism among Women in the Taisho Cotton Textile Industry, in Gail Lee Bernstein, ed., *Recreating Japanese Women, 1600—1945*, (Berkeley: University of California Press, 1991), pp. 217—238.

²⁸ The Labour Question in Japan: More Dissatisfied Miners: Osaka Coolies Demand Higher Wages, *Japan Weekly Chronicle*, August 1, 1907, p. 137.

²⁹ The Labour Question in Japan: Another Strikes: Increase of Wages at Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, September 5, 1907, p. 303.

³⁰ The Labour Question in Japan: More Strikes, *Japan Weekly Chronicle*, September 19, 1907, p. 370.

³¹ Labour Troubles in Japan: Big Strike at Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, September 26, 1907, p. 405.

³² The Labour Question in Japan: Growing Frequency of Strikes, *Japan Weekly Chronicle*, September 12, 1907, p. 332.

³³ The Labour Question in Japan: More Demand for Increased Wages in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, December 5, 1907, p. 729.

³⁴ Labour Troubles in Japan: Ferry-Boat Men on Strike *Japan Weekly Chronicle*, May 28, 1907, p. 673; The Labour Question: Strike in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, June 25, 1908, p. 812.

³⁵ Unemployed Mercantile Officers and Seamen: Serious Situation in Osaka, *Japan Weekly Chronicle*, March 25, 1909, p. 475.

³⁶ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 164—165.

³⁷ Там же, с. 166—190.

³⁸ Henry D. Smith II, «Tokyo as an Idea: An Exploration of Japanese

Urban Thought until 1945». *Journal of Japanese Studies* 4, no. 1 (Winter 1978), pp. 58—59.

³⁹ Havens, *Farm and Nation...*, pp. 1—10.

⁴⁰ Там же, с. 9.

⁴¹ T[homas] C. Smith, «The Right to Benevolence: Dignity and Japanese Workers, 1890—1920». *Comparative Studies in Society and History* 26. No. 4 (October 1984), pp. 587—613.

⁴² Там же, с. 589—590.

⁴³ Tsurumi, *Factory Girls...*, pp. 105—106.

⁴⁴ Это наблюдение встречается в работах Томаса Смита, посвященных индустриализации Японии. См., например: Smith, «The Right to Benevolence...», pp. 549—595; Thomas C. Smith, «Japan's Aristocratic Revolution». *Yale Review* 50 (Spring 1961), pp. 370—383; Thomas C. Smith, *Native Sources of Japanese Industrialization, 1750—1920*. (Berkeley University of California Press, 1988), pp. 236—270.

⁴⁵ Kenneth B. Pyle, «The Technology of Japanese Nationalism: The Local Improvement Movement, 1900—1918». *Journal of Asian Studies* 33, no. 1 (November 1973), pp. 51—66.

⁴⁶ Joyce C. Lebra, *Okuma Shigenobu: Statesman of Meiji Japan*. (Canberra: Australian National University Press, 1973), pp. 137—140.

⁴⁷ Более подробно о взглядах НAITO Конана см. работу: Joshua A. Fogel, *Politics and Sinology: The Case of Naito Konan (1866—1934)*. (Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 1984).

⁴⁸ Pyle, «The Technology of Japanese Nationalism...», p. 54. Эти проблемы проявились со всей остротой во время преобразований эпохи Мэйдзи. См., например, обсуждение первых парламентских прений о бедности в работе: R. H. P. Mason, «The Debate on Poor Relief, 1890, in Andrew Fraser, R. H. P. Mason, and Philip Mitchell, *Japan's Early Parliaments, 1890—1905: Structure Issues and Trends*, (London: Routledge, 1995), pp. 67—90.

⁴⁹ R. P. Dore, «The Modernizer as a Special Case: Japanese Factory Legislation, 1882—1911». *Comparative Studies in Society and History* 11, no. 4 (October 1969), pp. 433—450.

⁵⁰ Kenneth B. Pyle, «The New Generation in Meiji Japan: Problems of Cultural Identity, 1885—1895». (Stanford: Stanford University Press, 1969), p. 188.

⁵¹ Это положение подчеркивается в работе: Nobutaka Ike, *The Beginnings of Political Democracy in Japan*. (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1950), pp. 115—118.

⁵² Sally Ann Hastings, *Neighborhood and Nation in Tokyo, 1905—1937*. (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995), pp. 22—23.

⁵³ Yukiko Hayase, «The Career of Goto Shimpei; Japan's Statesman of Research, 1857—1929». (Ph.D. diss., Florida State University, 1974), pp. 18—19.

⁵⁴ Kenneth B. Pyle, «Advantages of Fellowship: German Economics and Japanese Bureaucrats, 1890—1925». *Journal of Japanese Studies* 1. no. 1 (Autumn 1974), pp. 127—164.

⁵⁵ Pyle, «The Technology of Japanese Nationalism...», pp. 55—57.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 186—190.

⁵⁸ Подобная политика была присуща японской колониальной администрации, например при губернаторстве Гото Симпеи на Тайване и при его руководстве Южноманьчжурской железнодорожной компанией. Hayase, «The Career of Goto Shimpei...», pp. 40—128.

⁵⁹ Основано на работе: Hanes, «Seki Hajime...», pp. 208—233.

⁶⁰ Современный отзыв о роли Катаяма и Абе можно найти в работе: A. Morgan Young, *Japan in Recent Times, 1912—1926*. (New York: William Morrow, 1929), pp. 48—69.

⁶¹ О роли христианского социального мышления в интеллектуальном развитии обоих деятелей см. работу Шайнера: Irwin Scheiner, *Christian Converts and Social Protest in Meiji Japan*. (Berkeley: University of California Press, 1970), pp. 243—247.

⁶² Там же, с. 210.

⁶³ Там же, с. 211—212. Муниципальная собственность на трамвайный транспорт приводила к особенно острым противоречиям, как это было в Чикаго. См., например, следующие статьи: *Electric Municipalization in Osaka: Some Curious Manoeuvres*, *Japan Weekly Chronicle*, July 17, 1913, p. 127; *Electric Municipalization in Osaka: The Scheme Rejected*, *Japan Weekly Chronicle*, July 24, 1913, p. 169; *Osaka Electric Supply: Municipalization Scheme Rejected*, *Japan Weekly Chronicle*, July 31, 1913, p. 195.

⁶⁴ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 212—213.

⁶⁵ John Boyer, *Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848—1897*. (Chicago: University of Chicago Press, 1981), pp. 420—421.

⁶⁶ Michiko Sawada, *Tokyo Life, New York Dreams: Urban Japanese Visions of America, 1890—1924*. (Berkeley: University of California Press, 1996), p. 126—140.

⁶⁷ Hyman Kublin, *Asian Revolutionary: The Life of Sen Katayama*. (Princeton: Princeton University Press, 1964) p. ix.

⁶⁸ Катаяма Сэн, *Воспоминания* (перевод с японского) (М., Наука, 1964), с. 3—5.

⁶⁹ Smith, «Tokyo as an Idea...», p. 60.

⁷⁰ Shiro Sugihara, «Economists in Journalism: Liberalism, Nationalism, and Their Variants». in Chuhei Sugiyama and Hiroshi Mizuta, eds., *Enlightenment and Beyond: Political Economy Comes to Japan*, (Tokyo: University of Tokyo Press, 1988), pp. 237—253; 252—253.

⁷¹ Катаяма Сэн, *Воспоминания*, с. 440—443.

⁷² Sawada, *Tokyo Life...*, pp. 126—140.

⁷³ Katayama Sen, *The Labor Movement in Japan*. (Chicago: Charles H. Kerr, 1918), pp. 54—55, 129—132.

⁷⁴ Там же, с. 131.

⁷⁵ Scheiner, *Christian Converts...*, pp. 188—193; Sawada, *Tokyo Life...*, pp. 99—101.

⁷⁶ Hastings, *Neighborhood and Nation...*, p. 182; Smith, «Tokyo as an Idea...», p. 60.

⁷⁷ Smith, «Tokyo as an Idea...», p. 60.

⁷⁸ Smith, *Native Sources...*, p. 260.

⁷⁹ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 214—215.

⁸⁰ Smith, «Tokyo as an Idea...», p. 59.

⁸¹ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 215—217.

⁸² Котоку, казненный в январе 1911 года по обвинению в государственной измене из-за своей антивоенной деятельности, противопоставлял «материалистический» радикализм «христианскому гуманизму Сэн Катаяма». Более подробно о междоусобной борьбе японских левых в этот период см.: F. G. Notehelfer, «Kotoku Shusui: Portrait of a Japanese Radical». (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1971), pp. 93—105.

⁸³ В превосходной биографии Каваками Гейл Ли Бернштейн показывает всю глубину подобных противоречий в социальной мысли Японии начала XX столетия. Gail Lee Bernstein, *Japanese Marxist: A Portrait of Kawakami, Hajime, 1879—1946*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976).

⁸⁴ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 222—233; Hayase, «The Career of Goto Shimpei...», pp. 179—199.

⁸⁵ Этот тезис основан на работе: Hanes, «Seki Hajime...», pp. 9, 96—110, 131—133, 161, 231—239.

⁸⁶ Там же, с. 96—110.

⁸⁷ Там же, с. 131—132.

⁸⁸ Там же, с. 161.

⁸⁹ Там же, с. 233—239.

⁹⁰ *Present-day Osaka*. (Osaka: Osaka Shiyakusho, 1915), pp. 8—10.

⁹¹ Там же, с. 11.

⁹² Hanes, «Seki Hajime...», p. 11.

⁹³ Там же, с. 128.

⁹⁴ *An Outline of Municipal Administration...*, pp. 33—34.

⁹⁵ Oswald White, *Report on Japanese Labor*. (London: His Majesty's Stationary Office, 1920).

⁹⁶ W. Mark Fruin, *Kikkoman: Company, Clan, and Community*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983), pp. 67—68.

⁹⁷ *Report of Labor Research, Series X: Cost of Living among Laborers in Osaka* (Osaka: Municipal Bureau of Labor Research of Osaka, 1921); *Young, Japan in Recent Times...*, p. 110—19.

⁹⁸ White, *Report on Japanese Labor*, p. 5.

⁹⁹ Там же, с. 12.

¹⁰⁰ Там же, с. 13.

¹⁰¹ Там же, с. 5.

¹⁰² Kenneth B. Pyle, *The Making of Modern Japan*. (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1978), pp. 124—127.

¹⁰³ White, *Report on Japanese Labor*, p. 13.

¹⁰⁴ *Present Economic Conditions*, отчет посольства США, без даты [возможно, конец 1918 года], National Archives and Records Administration, Department of State General Records, Class 8, Country 94, Record Group 59.894.00, pp. 37—44: 38—39.

¹⁰⁵ Там же, с. 42.

¹⁰⁶ Havens, *Farm and Nation...*, pp. 9—10.

¹⁰⁷ Anne Walthall *Edo Riots*, in James L. McClain, John M. Merriman, and Kaoru Ugawa, eds., *Edo and Paris: Urban Life and the State in the Early Modern Era*. (Ithaca: Cornell University Press, 1994), pp. 407—428; Roger W. Bowen, *Rebellion and Democracy in Meiji Japan: A Study of Commoners in the Popular Rights Movement*. (Berkeley University of California Press, 1980).

¹⁰⁸ *Raid on Osaka Rice-Brokers: Breaking Up the «Bull» Ring*, Japan Weekly Chronicle, September 7, 1911, p. 415; *An Osaka Philanthropist: Free Rice for the Poor: Proposed Municipal Grant for the Destitute*, Japan Weekly Chronicle, September 14, 1911, p. 461.

¹⁰⁹ *The High Price of Rice: Effect on School Attendance in Osaka*, Japan Weekly Chronicle, March 14, 1912, p. 487.

¹¹⁰ *The High Price of Rice: Effect on School Attendance in Osaka*, Japan Weekly Chronicle, March 7, 1918; *Public Markets in Osaka: Successful Experiments*, Japan Weekly Chronicle, July 4, 1918, p. 9.

¹¹¹ *The Riots in Osaka: Police Reinforced by Military*, Japan Weekly Chronicle, August 18, 1918, p. 251; *Casualties and Arrests in Osaka*, Japan Weekly Chronicle, August 29, 1918, p. 297.

¹¹² Michael Lewis, *Rioters and Citizens: Mass Protest in Imperial Japan*. (Berkeley: University of California Press, 1990), p. xvii.

¹¹³ Lewis, *Rioters and Citizens...*, p. xviii.

¹¹⁴ Там же, с. xvii.

¹¹⁵ Там же, с. 97—98.

¹¹⁶ *Osaka Riots*, отчет посольства США, без даты [возможно, конец 1918 года], National Archives, Department of State General Records, Class 8, Country 94, Record Group 59.894.00, p. 61.

¹¹⁷ Lewis, *Rioters and Citizens...*, pp. 104—105.

¹¹⁸ Там же, с. 109—111.

¹¹⁹ *The Rice Riots*, отчет посольства США, без даты [возможно, конец 1918 года], National Archives, Department of State General Records, Class 8, Country 94, Record Group 59.894.00, pp. 54—56: 55.

¹²⁰ Так пишет неизвестный американский дипломат в своем отчете о бунтах. *The Profiteers (The Narikin)*, отчет посольства США, без даты [возможно, конец 1918 года], National Archives, Department of State General Records, Class 8, Country 94, Record Group 59.894.00, pp. 45—46: 45.

¹²¹ *The Causes of the Rice Riots*, отчет посольства США, без даты [возможно, конец 1918 года], National Archives, Department of State General Records, Class 8, Country 94, Record Group 59.894.00, pp. 49—53: 50.

¹²² Lewis, *Rioters and Citizens...*, pp. 117—124.

¹²³ Там же, с. 240—246.

¹²⁴ Reports, U.S. Embassy, Tokio, September 6, 1918, National Archives, Department of State General Records, Class 9, Country 94, Record Group 59.894.50/5a, pp. 1—9.

¹²⁵ Radicalism in Japanese Labour Unions: Restraining Influence of Mr. Kagawa: Moderation Unpopular, *Japan Weekly Chronicle*, October 21, 1920, p. 574; The Socialist and Labour Movement in Japan: IV, The Rise of the Labour Unions, *Japan Weekly Chronicle*, December 2, 1920, p. 761; The Socialist and Labour Movement in Japan: V, The Growing Power of Labour Movement, *Japan Weekly Chronicle*, December 9, 1920, pp. 796—797; The Socialist and Labour Movement in Japan: VIII, The Labour Movement-Recent Development, *Japan Weekly Chronicle*, December 30, 1920, pp. 898—900.

Марксистская интерпретация данных событий содержится в статье Сэн Катаяма, опубликованной в 1933 г.: «К 15-летию рисовых бунтов 1918 года в Японии». Под ред. Сэн Катаяма, Сэн Катаяма. Статьи и мемуары (к столетию со дня рождения), (М., Издательство восточной литературы, 1959), с. 121—139.

¹²⁶ Lewis, *Rioters and Citizens...*, p. 247.

¹²⁷ Masayoshi Chubachi and Koji Taira, «Poverty in Modern Japan: Perceptions and Realities». In Patrick, ed., *Japanese Industrialization...*, pp. 391—437: 427.

¹²⁸ Michael Weiner, *The Origins of the Korean Community in Japan, 1910—1923*. (Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1989), p. 101.

¹²⁹ Hastings, *Neighborhood and Nation...*, pp. 85—87.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, с. 87.

¹³² Hotta Akio, «Shushi jijo to Shichosa no Kensetu». In *Shinshu Osakashishi Hensei linkai*, *Shinshu Osakashishi* (Osaka: Osaka City Government, 1994), Vol. 6, chp. 1, sec 1, sub, 3, pp. 19—33: 28—29; Nakao Toshimitsu, «Dai-gokai Naikoku Kangyo Hakurankai to Shisei». In *Shinshu Osakashishi Hensei linkai*, *Shinshu Osakashishi* (Osaka: Osaka City Government, 1994), Vol. 6, chp. 1, sec 2, sub, 1, pp. 34—48: 38—39; Nakao Toshimitsu, «Senso to Gyozaisei». In *Shinshu Osakashishi Hensei linkai*, *Shinshu Osakashishi* (Osaka: Osaka City Government, 1994), Vol. 6, ch. 1, sec 2, sub, 2, pp. 48—63: 50—51; Shibamura Atsuki, «Gyozaisei no Kozo Henka». in *Shinshu Osakashishi Hensei linkai*, *Shinshu Osakashishi* (Osaka: Osaka City Government, 1994), Vol. 6, chp. 1, sec 5, sub, 1, pp. 120—134: 128—129.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Hayase, «The Career of Goto Shimpei...», pp. 179—199; Charles A. Beard, *The Administration and Politics of Tokyo: A Survey and Opinions*. (New York: Macmillan, 1923).

Часть IV Заключение

Преуспевшие плюралисты-прагматики: политика без гегемонии

В предшествующих социологических исследованиях подчеркивалась эффективность политической стратегии, основанной на прагматизме, терпимости и плюрализме в городских сообществах, которые отличаются огромными размерами, сильной фрагментацией и изменчивым социальным климатом. В свою очередь, неудачи местных властей зачастую были вызваны желанием навязать свою волю различным конкурирующим группам или просто пренебрежением их интересами. Пожалуй, самое удивительное то, что, несмотря на всю глубину различий между Чикаго, Москвой и Осакой, в истории этих трех городов наблюдаются схожие черты.

В работе об американской Прогрессивной партии Ричард Л. Мак-Кормик отмечал, что своими успехами ее деятели во многом обязаны особому методу реформ, вариации которого были восприняты лидерами почти всех известных социальных движений. Обычно они начинали с организации добровольного объединения и изучали проблему, собирая относящиеся к делу факты и анализируя их в соответствии с доктриной одной из новых социальных наук¹. Реформаторы в Москве и Осаке следовали похожим принципам работы, часто называя основой своей операционной модели не американский, но немецкий опыт. Обосновывая свою политику, деятели образования и здравоохранения во всех трех рассматриваемых городах часто опирались на успехи социальных исследований. Московские старообрядцы нередко придерживались тех же взглядов, что и чикагские протестанты. Не менее удивительно и то, что тактика преуспевших муниципальных лидеров в трех городах была вполне сопоставимой и состояла в сведении воедино множественных интересов городских общин и своей собственной позиции.

Стратегию прагматического плюрализма в Чикаго, Москве и Осаке конца XIX – начала XX века олицетворяли четыре крупнейших местных политика эпохи – Картер Г. Гаррисон-старший, Картер Г. Гаррисон-младший, Николай Алексеев и Секи Хаджиме. При всех различиях их личностей, при всей разнице в национальной культуре, образовании и общественном положении, четыре градоначальника успешно находили практические решения серьезнейших проблем, стоявших перед их огромными, многоликими, быстро меняющимися индустриальными городами на пике капиталистической трансформации. Они достигли успеха в то время, когда потерпели неудачу многие из их соперников и современников. Несмотря на все различия, их карьеры являют образец приверженности принципам компромисса, прагматизма и умеренных реформ. Изучение сходства и различий позволяет выявить сильные и слабые стороны политической стратегии, направленной на прагматическое и плюралистическое решение городских проблем.

Гаррисоны

В 1929 году, повествуя о своей жизни в политике, политолог Чикагского университета, олдермен и некогда кандидат в мэры Чикаго Чарльз Мерриэм заметил, что в период с 1879 по 1915 год его родной город сумел избежать крайностей американской муниципальной коррупции во многом благодаря тому, что городом управляли Картеры Гаррисоны – старший и младший². Оба Гаррисона стремились проводить политику, направленную на защиту интересов широких социальных слоев, и сдерживали аппетиты коррумпированного городского совета³. Старший Гаррисон как-то сказал, что его самые преданные сторонники принадлежали классам общества, не представленным в приемной его мэрии⁴. Гаррисон-младший утверждал, что его симпатии всегда были на стороне обездоленных⁵, – чувство, которое отчасти объясняет его близость с такими сомнительными политиками, как Майкл Кенна Красавчик и Джон Кафлин Банщик⁶.

История семьи Гаррисонов предопределила расположенность обоих Картеров к общению с представителями самых

разных общественных групп, что, в свою очередь, привело к развитию их неповторимого политического стиля. Картеры Гаррисоны были потомками вирджинских родов Гаррисонов и Кинг Картеров – семей, считавшихся самыми влиятельными в области Тайдуотер с начала XVII века. Из рода Гаррисонов вышли несколько правителей колониальной Вирджинии, также два президента США и мэры Чикаго, руководившие городом на протяжении целого поколения⁷. Переехав на запад, в Кентукки, родители старшего Картера заняли видное место в обществе Лексингтона⁸. Сам Картер окончил Йельский университет (выпуск 1845 года) и изучал право в Трансильванском университете Лексингтона. Как писал его сын, старший Гаррисон сумел приумножить наследство первых поселенцев континентальными манерами и идеями, приобретенными за два года пребывания в Латинском квартале Парижа, а также либеральным отношением к тому, что именуется неизбежным общественным злом, как то: алкоголь, азартные игры, проституция⁹. В конце концов Гаррисон, проведя некоторое время в Сент-Луисе, обосновался в Чикаго: переезд, по словам его сына, был отчасти вызван врожденным неприятием [отцом] идеи рабства¹⁰. В Чикаго, наряду с другими переселенцами из Кентукки, Картер-старший поселился в еще не тронутом урбанизацией уголке растущего города, получая более чем скромный доход от операций с недвижимостью¹¹. Там, в тихом квартале, близ местности, которой суждено было стать Юнион-парком, Гаррисон и его соседи жили в своих домах степенной, благочинной жизнью. Дома эти были изолированы от социальных недугов; из эркеров особняков не обозревались ужасы бедняцкой жизни, здесь не было и следа гнусного торгашества, которым полнился город¹².

Войдя в политическую жизнь города после катастрофического Большого пожара 1871 года, Картер Генри Гаррисон-старший уже спустя несколько лет стал первым профессиональным политиком, занявшим главное кресло в Чикагской мэрии¹³. Поначалу он в течение трех лет служил инспектором графства по непотопляемому кандидатскому списку республиканца Джозефа Медилла, затем заседал в Конгрессе от демократической партии, а в 1879 году был впервые избран мэром Чикаго¹⁴. В ретроспективе его дружба с Медиллом представляется несколько парадоксальной,

ибо главный редактор и издатель «Чикаго трибюн» впоследствии жестко критиковал Гаррисона на протяжении его карьеры мэра. Медилл, как и многие представители протестантской элиты города, обвинял Гаррисона в связях с худшими представителями чикагского общества: анархистами, социалистами, владельцами салунов и борделей и сомнительными районными тузами. Хотя на исторических выборах 1860 года молодой Гаррисон поддержал демократическую партию, Медилл, осудив поступок будущего мэра, остался его личным другом¹⁵. Магнетизм, ум, щедрость, храбрость и жизнелюбие Гаррисона привлекали даже самых непримиримых из его политических противников. Говоря о карьере Гаррисона сразу после убийства мэра в 1893 году, Медилл сказал репортеру «Лос-Анджелес Таймс», что «Гаррисон был самым необычайным человеком – я полагаю, в этом меня поддержит общественное мнение, – когда-либо жившим в нашем городе»¹⁶.

Гаррисон был политиком-виртуозом, пользовавшимся особой популярностью среди иммигрантских групп населения, с которыми он не скрывал своей близости, несмотря на собственное англосаксонское происхождение¹⁷. Старший Гаррисон, как отмечал Пол Клеппнер, чутко воспринимал настроения этнических групп, а его умение вести избирательную кампанию на нескольких языках способствовало установлению доверительных отношений между ним и теми этническими группами, которые обычно весьма прохладно относились к кандидатам-демократам¹⁸. О Гаррисоне говорили, что он олицетворяет присущий Чикаго свободный, оптимистический дух индивидуализма¹⁹. Его терпимость, безусловно, была проявлением той особой, странной терпимости города, в котором прагматичная этика рынка ставилась выше желания выказать этническую, религиозную или расовую ненависть, которую, конечно же, испытывали многие участники того же рынка²⁰. Иными словами, Гаррисон считал, что моральные принципы новоанглийской деревни не применимы к космополитичному Чикаго²¹.

Уже в инаугурационной речи, произнесенной Гаррисоном при вступлении в должность мэра Чикаго 28 апреля 1879 года, ясно обозначилось, что его поддержка имми-

грантских общин ни в коей мере не угрожает интересам его старых деловых партнеров. «Недвижимость, эта основа благосостояния, приносящая четыре пятых городского дохода, сгибается под тяжким налоговым бременем» – заявил он. «Бремя налогов удушает энергию предпринимателей, уводит инвестиции и, если не обратить на это должного внимания, иссушит источники дохода»²².

Заботясь о своей популярности в малоимущих слоях, благодороднорожденный Гаррисон никогда не забывал и о деловых интересах владельцев недвижимости. Вполне вероятно, что сам Гаррисон не видел никаких противоречий между разнородными социальными группами, составлявшими основу его политических успехов. Именно с позиций городского империалиста, а не социального реформатора, – отмечает Доналд Л. Миллер, – Картер Гаррисон полагал, что может оказать действенную помощь среднему чикагскому рабочему²³. Ратуя за экономические интересы деловых кругов, Гаррисон одновременно защищал право чикагских рабочих-иммигрантов на игорные дома, питейные заведения и бордели²⁴. В своей административной политике Гаррисон, не прибегая к оправданиям, предоставлял посты и привилегии сторонникам победившей партии за услуги во время выборов и одновременно стремился к тому, чтобы на действительно ключевые должности назначались квалифицированные специалисты. Придавая большое значение поддержке со стороны рабочих, он привлекал на свою сторону и сомневающихся бизнесменов – демократов в «шелковых чулках» и некоторых республиканцев, – которых впечатляли экономические успехи мэрии, эффективное управление муниципальными фондами и строительство в центре города; купцы и торговцы недвижимостью, подобно Оуэну Алдису, считали строительство важнейшей составляющей городского развития²⁵. Гаррисон, на политическом жаргоне конца XX века, был социальным либералом и фискальным консерваторм.

Гаррисон потерпел поражение на выборах 1887 года, что отчасти объяснялось его безуспешной попыткой занять губернаторское кресло, отчасти же – предъявлявшимися ему обвинениями в либеральности, которую он якобы проявил к социалистам и анархистам после взрыва бомбы на площади Хеймаркет²⁶. Гаррисон оставил пост

мэра состоятельным человеком²⁷. Вскоре он отправился в кругосветное путешествие, с триумфом возвратившись в Чикаго спустя два года. Заметки об этом путешествии – «Наперегонки с Солнцем» – свидетельствуют о его тонкой наблюдательности и писательском таланте²⁸.

Особенно примечательно, что во время своего турне Картер-старший посетил и Осаку, и Москву. Его заметки об Осаке от 17 октября 1887 года объединены с обзором Токио и Киото, причем все три города, заключает Гаррисон, представляют собой огромные людские ульи, изумляющие всякого, кому случится проехать или пройти по ним. «В каждом существует замок или центральный дворец, в каждом – великолепные храмы и густонаселенные, узкие улочки»²⁹. Неделя, проведенная Гаррисоном в Москве, заслужила гораздо большего внимания в его дневнике; в записи от 12 июня 1888 года он отмечает, что «едва ли во всем христианском мире найдется город, спроектированный с хаотичностью более абсолютной, чем Москва»³⁰.

В 1891 году Гаррисон баллотируется в мэры как независимый кандидат-демократ, но в предвыборной гонке со многими кандидатами победа ускользает от него. Он вновь занял пост мэра в 1893 году, как раз к началу Всемирной Колумбовой выставки³¹. Картер-старший доказал, что имеет полное право быть мэром Чикаго в этот величайший для города час³². Он с изысканной галантностью осуществлял руководство выставкой. Импресарио Сол Блум считал Гаррисона... «идеальным мэром на время выставки. Никто не смог бы сравняться с ним в учтивости, с которой он принимал особ королевской крови и других важных гостей. Для всех видных иностранцев он олицетворял собой Чикаго, и его вклад в создание положительного образа города вряд ли можно переоценить»³³.

Старший Гаррисон пал от пули убийцы 28 октября 1893 года, в последний день последней полной недели выставки, вернувшись домой после церемонии Дня американских городов³⁴. В тот день он был в прекрасном расположении духа, заявив, что «Чикаго никогда не задумывал того, чего не попытался бы осуществить, и в то же время не нашел ничего, что не было бы ему по силам»³⁵. Такая бравада была впол-

не естественна в устах человека, который нес свои шестьдесят восемь лет с легкостью двадцатилетнего³⁶. Недавно объявив о своей близкой женитьбе, Гаррисон добавил, что собирается прожить еще лет пятьдесят, а его слушатели, казалось, забыли, что этот мужчина всего в двух годах от библейского возраста в семьдесят лет³⁷. Его похороны и траурная процессия от здания мэрии к кладбищу Грэйсленд превратились в одно из самых торжественных и внушительных мероприятий, когда-либо проводившихся в городе³⁸.

Крепкий, гордый, импозантный мужчина, городской экспансионист, любивший разнообразие и ритм большого города, Гаррисон олицетворял Чикаго³⁹. Реформаторски настроенный и пользовавшийся поддержкой Роджера Салливена Эдвард Данн преодолел неприязнь, которую испытывал к клану Гаррисонов, когда заметил в своих мемуарах 1933 года, что Картер Г. Гаррисон был, возможно, самым способным, прогрессивным и благородным из всех чикагских мэров⁴⁰. С этим согласились бы, наверное, большинство жителей Чикаго той эпохи.

Писавший о Гаррисоне спустя шестьдесят лет Доналд Л. Миллер выразился более прямо. Он заключает: «Ни один из политиков в истории Чикаго, за исключением, возможно, старшего Ричарда Дейли, не пользовался таким широким уважением самых различных слоев чикагских горожан, как Картер Гаррисон. Рабочие, а среди них было немало социалистов, голосовали за него, так как он назначал лидеров профсоюзов заводскими и санитарными инспекторами, поддерживал права рабочих на объединение, забастовки и демонстрации, а в нескольких случаях отказался использовать полицию против забастовщиков – несмотря на сильное давление со стороны влиятельных капиталистов... И в то же время его поддерживали многие бизнесмены-республиканцы, владевшие небольшими предприятиями, а также крупные инвесторы в сфере городской недвижимости, ибо он доказал свою приверженность делу развития инфраструктуры, что стимулировала городской рост, повышала стоимость недвижимости и создавала тысячи рабочих мест в разных областях чикагской жизни»⁴¹.

Очень отличаясь от своего отца, Картер Г. Гаррисон-младший по-своему добивался успеха у избирателей. Бо-

лее склонный к размышлениям и менее общительный, чем его отец, молодой Картер не блистал ораторским мастерством. Он, однако, разбирался в тонкостях городского управления так же хорошо, как Гаррисон-старший, не избегал публики и за все время на посту чикагского градоначальника – а он избирался мэром пять раз – ни разу не пропустил заседания городского совета⁴².

Картер-сын служил мэром с 1897 по 1905 год, а затем еще четыре года, нанеся поражение реформатору-республиканцу Мерриэму в 1911-м⁴³. Чтобы вырвать номинацию от республиканской партии из рук партийных старожилов, профессор Мерриэм воспользовался неожиданным решением мэра-республиканца Фреда А. Бюсса не выдвигать свою кандидатуру на следующий срок, а также новым законом штата Иллинойс, требовавшим проведения первичных выборов при выдвижении кандидатов. Это позволило Мерриэму мобилизовать поддерживавших Теодора Рузвельта членов прогрессивной партии, реформаторски настроенных бизнесменов, таких как промышленник Чарльз Р. Крейн, газетный магнат Виктор Ф. Лоусон и президент «Сиэрс, Робак энд Компани» Джулиус Розенвальд, а также недовольную городской властью интеллигенцию предместий и хорошо известных филантропов, например Джейн Эддамс из Халл-хауса⁴⁴. Гаррисона, который и сам прошел через межпартийные схватки, поддерживал рабочий электорат, когда-то голосовавший за его отца. Сторонники вестсайдского республиканского босса и сенатора Уильяма Лоримера фактически бойкотировали выборы, что позволило Гаррисону одержать победу с небольшим преимуществом – 177 923 голоса против 160 791 у Мерриэма. Спустя год вражда в рядах республиканцев, проявившаяся в Чикаго, сыграла свою роль на общенациональном уровне – тогда, несмотря на серию побед на первичных выборах, партийные боссы отказались выдвинуть на пост президента США кандидатуру Теодора Рузвельта. То, что Рузвельт все-таки вступил в предвыборную борьбу как кандидат от прогрессивной партии, обусловило поражение действующего президента Уильяма Говарда Тафта и избрание президентом демократа Вудро Вильсона.

Молодого Гаррисона, человека очень состоятельного, часто фотографировали с заложенными в карманы руками – образ, сопровождавшийся лозунгом: «Чикаго повезло, что его мэр держит руки в своих собственных карманах»⁴⁵. Удавалось ли то же самое его сторонникам – совсем другая история. Как рассказывает в Автобиографии брюзги журналист Гарольд Икес, «... в организации сторонников [Гаррисона] главную роль играл Роберт («Бобби») Берк. Внешне Берк напоминал большую бочку – такой же круглый и невысокий. Он был секретарем комитета графства, должность председателя занимал Том Грахан, ну а казначеем был Фред Элред. Выдающимися членами группы были Том Кэри из Подворотни, Красавчик Кенна, Банщик Джон Кафлин, Джимми Квинн и другие из их компании. Эти господа, поверьте мне, были денежными реалистами. Политика была их повседневностью, их состоянием – да самой их жизнью. ...Этим волкам и шакалам мэр Гаррисон, говоря по правде, позволял беспрепятственно разгуливать по дорогам и переулкам города и хватать все, что плохо лежит»⁴⁶.

Проучившись некоторое время в немецкой гимназии, Картер-младший пренебрег просьбой отца поступить в Йельский университет. Вместо этого он остался в Чикаго и продолжил обучение в иезуитском Колледже св. Игнатия (в будущем – Университет Лойолы)⁴⁷. Веселая жизнь не оставалась чужда молодому Картеру, пока он не женился на светской львице из Нового Орлеана Эдит Огден⁴⁸. Его дом на углу Эшленд и Джексон-стрит долгое время оставался средоточием чикагского высшего общества⁴⁹.

Как и его отцу, молодому патрицию Гаррисону удалось заручиться политической поддержкой этнических общин Чикаго⁵⁰. Он и его отец пользовались немалой популярностью среди растущей афроамериканской общины города⁵¹. Однако так же, как его отцу, Картеру-младшему не всегда удавалось обратить свою личную популярность в голоса для демократической партии: только четыре года за двенадцать лет его мэрства демократы составляли большинство в городском совете⁵².

Терпимость Гаррисона-младшего к культурным различиям сочеталась в нем с благоразумным распределением

покровительства, что обеспечивало ему голоса избирателей из многих иноземных общин⁵³. Безо всякого сожаления вспоминая о своей дружбе с Джорджем Бреннаном «Красным», «Красавчиком» Кенна и им подобными, восьмидесятичетырехлетний Гаррисон объяснял, что районные боссы доказали ему свою преданность во время грандиозной транспортной битвы с Чарльзом Тайсоном Йеркесом и ни разу не попросили что-либо взамен⁵⁴. «Должно быть, — писал Гаррисон, — слышав о политических проказах в восемнадцатом округе, малодушные реформаторы негодуя и высокомерно раздували ноздри. В политике Красавчик и Банщик не чурались поденной работы, и это неоднократно вызывало более чем сдержанные протесты политических пуристов⁵⁵. Однако Бреннан и Кенна всегда поступали со мной честно и достойно, они относились ко мне уважительно, но без подобоострастия. Этого я не могу сказать о многих напыщенных представителях так называемых высших кругов, с которыми мне приходилось общаться во время длительного путешествия по жизни»⁵⁶.

Красавчик и Банщик вошли в местный фольклор классическими чикагскими пройдохами. Оба были выходцами из печально известного берегового района Леви, где они промышляли поставкой удовольствий и голосов избирателей. Их квартал был знаменит самыми дикими развлечениями, которые только может искать охочий до удовольствий путник — игорными домами, танцевальными залами, трактирами и борделями, ломбардами, галереями ферротипий (фотографий на металле) и игровых автоматов, домами знахарей и гадалок, «школами обаяния», жульническими аукционами, извозчицкими дворами и тому подобным⁵⁷. То была часть города, где отсутствие морали граничило с гениальностью⁵⁸. Кенна и Кафлин, начальники округов демократической партии и олдермены городского совета, правили здесь бал. На районных балах собирались деньги в пользу отцов района и их политических друзей. Обозревая одно такое сборище, Кенна, говоря, воскликнул: «Какое огромное общество мадамов, полицейских тузов, кабатчиков, карманников, домушников, шлюх и потеющих лакеев... Потрясная штука!... Чикаго — не бабский город»⁵⁹.

В последние годы историки с большим пониманием стали относиться к оценке, данной Гаррисоном своим сомнительным друзьям⁶⁰. Историки конца XX столетия, такие как Джон Тиффорд, Теренс Дж. Мак-Доналд и Энн Дуркин Китинг отмечают, что значительные успехи в развитии городской инфраструктуры и даже в сфере налогообложения перевешивали коррупцию и неэффективность американской муниципальной политики начала XX века⁶¹. Эти успехи представляются тем более замечательными, если вспомнить, вслед за Джоном М. Олсвенгом, что прогрессивный период (1890—1915) был временем, «когда к правительству с требованиями о помощи в разрешении различнейших проблем обращалось все больше экономических, социальных и культурных групп»⁶². В памятной работе Тиффорда сказано, что при всех недугах, которые были присущи американским городам в начале XX века, светлые стороны истории муниципального управления становятся тем явственнее, чем яснее понимаешь весь спектр проблем, которые приходилось решать городским властям в 1870—1900 годах⁶³. В целом американские муниципалитеты необычайно успешно справились с проблемами городского многообразия, бурного роста и финансового администрирования. К концу века жители американских городов достигли в среднем того же уровня общественного благополучия, что и обитатели любого из старых мировых центров⁶⁴.

Вступление молодого Гаррисона на политическую арену в 1897 году было бурным: собрание демократической партии, выдвинувшее его кандидатуру на пост мэра, закончилось типично чикагской дракой между сторонниками Гаррисона и короля подкупа Салливена⁶⁵. Вообще, беспорядки были вполне характерны для общественных мероприятий той эпохи. Во время ноябрьских выборов мэра города в 1894 году были ранены сотни людей, а один чикагский горожанин был убит во время связанной с выборами демонстрации городских служащих⁶⁶.

Гаррисон потерпел сокрушительное поражение на выборах 1915 года после предпринятых годом ранее безуспешных попыток реформировать правовые нормы трамвайного сообщения в городе, а также закрыть ряд салунов,

игорных притонов и пользовавшихся дурной славой заведений, которые были источником львиной части доходов его союзников из предместий⁶⁷. Вскоре запрет на торговлю спиртными напитками и акт Манна (законопроект конгрессмена из Иллинойса Джеймса Манна, объявлявший вне закона перевоз женщин за границы штата в аморальных целях) положили конец чикагскому району Леви⁶⁸. Всего сорока с небольшим лет от роду, Гаррисон никогда больше не занимал выборных должностей (при Франклине Рузвельте он, однако, служил федеральным инспектором по сбору налогов в Чикаго)⁶⁹.

Мерриэм пишет, что «Гаррисоны были мелкими боссами, но то время и не могло породить великих вождей. Конечно, имели место случаи казнокрадства, были игроки и проститутки, которых не преследовали, если они держались в тени, но [в Чикаго] не смогла укорениться та организованная система политической коррупции, что стала обыденностью во многих американских городах»⁷⁰. Далее Мерриэм с восхищением говорит о блестящей политике своих давних политических оппонентов в отношении различных соперничающих общин города. «Подобно своему отцу, — утверждает Мерриэм, — младший Гаррисон был не идеалистом, но политическим реалистом: он противостоял административной системе, основанной на раздаче sinecur и взяточничестве, и боролся против тех продажных деятелей, которые стремились полностью подчинить себе город»⁷¹. Он пытался найти общий язык как с силами реформаторов, так и с иммигрантскими общинами, олицетворяя собой дух космополитичного сообщества»⁷².

Одна из причин отсутствия в Чикаго единой крупной политической машины в указанный период заключалась в том, что город был наводнен мелкими конкурирующими политическими группировками. В то время в Америке политические пристрастия основывались на религиозном и этническом принципах, а потому неудивительно, что Чикаго, город с неоднородным населением, способствовал развитию мелких коалиций, а не единой авторитарной политической организации⁷³. На социологическом жаргоне М. Крейг Брауна и Чарльза Н. Халаби Чикаго Гаррисонов был домом для множества фракционных машин, но не пи-

томником для одной доминирующей машины⁷⁴. «Рабочие места и жилые кварталы делились по этническому принципу, — отмечает Гарри Уиллз, — а за этим следовала и политика. В городе существовало столько же «второстепенных машин», сколько было групп потенциальных избирателей»⁷⁵. Хотя это может показаться странным с современной точки зрения, подобное разнообразие политических альянсов не только предупреждало возникновение единой антидемократичной политической силы, но и создавало в городе условия для политики компромиссов и плюрализма. Социальная фрагментированность усиливалась, а не подавляла плюралистические тенденции.

При всей разнице их характеров: отец — живописная фигура в широкополой шляпе, верхом на белой лошади, один из колоритнейших персонажей в городе, сын, обладавший меньшей харизмой, но непревзойденный мастер политической тактики⁷⁶ — оба Гаррисона, по выражению Эдварда Р. Кантовича, стремились проводить политику равновесия⁷⁷. Успешные политики в городе со слабой партийной системой, Гаррисоны опирались на личную популярность и доказали свою способность чутко воспринимать интересы разных социальных, экономических, этнических и политических групп избирателей⁷⁸. Джон М. Олсвенг считает, что значительные успехи демократической партии в рассматриваемый период во многом объясняются деятельностью Гаррисонов. Работа Олсвенга указывает на популярность Гаррисонов, отца и сына: «они были популярны во всех этнических общинах (примером тому может служить низкий процент голосов, полученный демократами в 1891 году, когда старший Гаррисон выступал как независимый кандидат; и несомненный успех демократической партии во всех семи [этнических] группах на выборах 1911-го, когда младший Гаррисон в последний раз вернулся на местную политическую арену)»⁷⁹.

Политическая деятельность Гаррисонов представляет воплощение прагматического плюрализма, который преобразовал жесткое размежевание Чикаго в бесценный политический капитал, послуживший на благо городу и им самим. Гаррисоны приняли Чикаго таким, каким он был — то есть «полем битвы между классами и этнически-

ми группами, каждая из которых обладала долей могущества»⁸⁰. Мэр, по их мнению, призван стать главным посредником между соперничающими группами, обеспечивающим нормальное функционирование раздробленного города. Гаррисоны были совершенными плюралистами-прагматиками.

Согласно проведенному в 1989 году опросу местных политических обозревателей и историков о мэрах Чикаго, старшего и младшего Гаррисонов превзошел по популярности только легендарный Ричард Дж. Дейли⁸¹. Даже такой желчный критик системы американского городского управления, как Эрнест Гриффиц, отмечает, что старший Гаррисон выглядит в исторической перспективе самым ярким символом своего времени – конформист, склонный к компромиссам, он вместе с тем был выдающимся администратором и выдающимся же гуманистом. Следствием такого сочетания стали чувство сопереживания и взаимопонимание, установившиеся между мэром и горожанами. Это вряд ли могло удаться в ту эпоху более ортодоксальному реформатору⁸². «Гаррисоны сумели с удивительным мастерством и гибкостью смягчить взрывообразный рост и поражающую воображение многоликость Чикаго в начале века», – заключает Эдвард Кантович⁸³.

Николай Алексеев

Московским Гаррисоном можно с известной долей справедливости назвать Николая Алексеева, который, подобно Картеру Гаррисону-старшему, пал жертвой политического убийства: Алексеев был застрелен в городской думе 11 марта 1893 года⁸⁴. Как и в случае с Гаррисонами, современники Алексеева были бы удивлены, услышав, как московского градоначальника называют плюралистом. Но, подобно младшему Гаррисону (которого, благодаря его способности проводить успешную реформаторскую политику и несмотря на его связь с разношерстной толпой теневых боссов и политиканов-иммигрантов, Кантович назвал боссом реформ)⁸⁵, Алексеев, подчас используя жесткие методы, стремился к осуществлению целей, которые в усло-

виях современной ему Москвы были вполне передовыми и соответствовали духу реформ и прагматического плюрализма⁸⁶. В отличие от Гаррисона Алексеев, однако, не зависел от настроений большого контингента избирателей⁸⁷.

Ко времени рождения Николая 15 октября 1852 года семья Алексеевых уже входила в число наиболее влиятельных родов московского купечества. Как и в случае со столь многими купеческими династиями эпохи, предки Алексеевых происходили из крепостных – в Москву они переселились из Ярославской губернии в 1746 году. Для крепостных и вольноотпущенных крестьян, так же как для свободных посадских людей, Москва конца XVIII – начала XIX века таила немалые возможности для общественной деятельности⁸⁸. В своем превосходном исследовании «Социальные типы в Российской империи» (Social Identity in Imperial Russia) Элиз Кимерлинг Виртшафтер сообщает, что отсутствие в России традиционных для Европы цеховых организаций и гильдий в сочетании с продолжительными зимами, коротким вегетационным периодом и непредсказуемыми результатами сельскохозяйственных работ вынуждали русских крестьян заниматься ремесленным производством и торговлей – такая деятельность зачастую становилась для них жизненной необходимостью⁸⁹.

Многие из наиболее выдающихся московских семей конца XIX века произошли от скромных по рождению, но полных жизненных сил предпринимателей. Поощрение торговли Екатериной Великой (1762—1796) и разрушение Москвы во время наполеоновского нашествия в 1812 году стали сейсмическими потрясениями, которые апокалиптически выжгли московское купечество до основания и выровняли социально-экономический ландшафт города, давая дорогу новой волне мелких торговцев крестьянского происхождения⁹⁰. Как пишет Джеймс Л. Уэст, именно из среды этих простых торговцев вышли основатели величайших династий купеческой и промышленной Москвы. В 1820-х годах, пользуясь плодами технологической революции, связанной с применением пара, с запозданием происходившей в России, наиболее агрессивные из этих ранних предпринимателей, числом не более нескольких десятков, достаточно быстро взошли по экономической

лесенке к богатству и благосостоянию, основав целую новую отрасль в хлопчатобумажном производстве⁹¹.

Виртшафтер, досконально исследовавшая весь комплекс социальной системы Российской империи, помещает московский опыт в более широкие рамки, определяемые особенностями русского крепостного права. Виртшафтер напоминает читателям, что до и после отмены крепостничества любой человек, владевший необходимыми экономическими средствами, мог купить свободу у помещика или общины и после этого стать горожанином⁹². Вольную, то есть грамоту об освобождении, можно было купить не на доходы от сельскохозяйственных работ, а на выручку от побочной деятельности, такой как торговля ремесленными изделиями. Крепостные торговцы, обладавшие капиталом достаточным для покупки вольной, часто имели свое дело в городе. Обосноваться в Москве, древней столице и одновременно крупнейшем оптовом и розничном торговом центре России, было целью как освободившихся, так и пребывавших в крепостной зависимости торговцев и ремесленников⁹³. В результате новая социально-экономическая иерархия была неоднородной и открытой, притом что новопривывшие и достигшие упорным трудом благосостояния торговцы постепенно вытесняли существующую купеческую элиту⁹⁴.

Алексеевы относились к немногочисленной группе семей, которым удалось очень рано войти в первую гильдию московского купечества и продержаться в ней до разрушения всех подобных общественных институтов в 1917 году. Николай был москвичом в пятом поколении со стороны Алексеевых и уроженцем города в седьмом колене со стороны матери. Мать его жены принадлежала к еще более известному московскому роду Третьяковых⁹⁵. Ко времени рождения Николая Алексеевы, посредством браков, деловых отношений и личных связей, состояли в тесном родстве с могущественными семьями Четвертиковых, Мамонтовых и Третьяковых⁹⁶.

Собрав мастеровых крестьян из подмосковных деревень, основатель династии Семен Алексеев организовал текстильное ремесленное производство в старообрядческом Рогожском районе города (хотя сами Алексеевы и не бы-

ли последователями старообрядчества)⁹⁷. Семен купил каменный дом бывшего московского градоначальника Василия Жигарева всего за несколько месяцев до наполеоновского нашествия и пожара в Москве. Этот дом (находившийся по соседству с домами таких магнатов-старообрядцев, как Солдатенковы, Симоновы и Морозовы) стал местом рождения как Николая, так и его троюродного брата, будущего сооснователя Московского Художественного театра Константина Станиславского (Алексеева)⁹⁸. Через много лет этот дом был передан семьей Алексеевых Московскому купеческому обществу, для создания там Николаевского дома призрения вдов и сирот.

Страшный пожар французского года открыл московские «шлюзы», освободив дорогу в город тысячам крестьянских торговцев и мелких купцов из российской глубинки⁹⁹. Разрушение города при нашествии Наполеона совпало с относительным ослаблением репрессий против старообрядческих общин, так что Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Солдатенковы, Хлудовы и представители других будущих купеческих династий смогли присоединиться к этому пестрому населению странствующих торговцев, заполнявших освобожденную от французов Москву¹⁰⁰. Старообрядцы селились в двух изолированных общинах вне официальных границ города – на новом берегу реки Яузы.

После последовавшего за чумной эпидемией 1771 года запрета на проживание в городе беспоповцы* создали общину у Преображенского кладбища, близ современной станции метро Преображенская площадь. В свою очередь, поповцы стали селиться несколько южнее, близ Рогожского кладбища, вдоль современного Шоссе Энтузиастов¹⁰¹. В середине 1820-х годов в Рогожских церквях состояло около шестидесяти восьми тысяч прихожан. Обе общины пережили расцвет после вспышки холеры в 1831 году, которая обошла стороной придерживавшихся строгой гигиены старообрядцев.

Семен Алексеев, подобно многим другим православным и старообрядческим предпринимателям Рогожского района, жил рядом со своими рабочими и, вообще-то гово-

* Беспоповцы, как и поповцы, – течения в старообрядчестве.

ря, воспринимал мануфактуру как продолжение собственной семьи – такого же подхода придерживался его сын Владимир. Высокое качество алексеевской шелковой и золотой нити – их товары ценились не только в Центральной России, но и в Средней Азии, на Кавказе и в Иране – позволило Алексеевым накопить значительный капитал, нанять и привезти в Россию английских рабочих, а затем и войти в купеческую элиту Москвы¹⁰². В 1840-х годах Александр Алексеев возглавлял городское правительство¹⁰³.

Мать Николая, Елизавета, была дочерью Михаила Бостанджогло, табачного магната из греческой общины городка Нежин Черниговской области, что в 125 километрах от Киева. В 1820 году ее отец основал в Москве табачную фабрику, которая впоследствии стала крупнейшим табачным предприятием города. Во время активного участия Николая Алексеева в общественной, экономической и политической жизни Москвы фабрикой управляли братья Елизаветы (дядя Николая)¹⁰⁴.

Энергичного Николая не устраивали старомодные производственные методы семьи, и при первой возможности он реорганизовал и механизировал алексеевские текстильные фабрики. Это удалось ему в то время, когда повсеместный экономический спад вынудил большинство мужчин и немалое число женщин из промышленно развитых подмосковных районов податься в город в поисках наемного труда¹⁰⁵.

Общие крестьянские корни в течение длительного времени служили на московских фабриках основой тесных отношений между работодателями и рабочими. Это относилось и к мануфактурам Алексеевых¹⁰⁶. Социальная дистанция возрастала по мере механизации производства – рабочие продолжали жить в бараках, вдали от прихотливых новых особняков заводчиков.

Николай принял на себя руководство семейным делом как раз в то время, когда традиционные трудовые отношения стали замещаться современным производством и импортированными из Европы организационными схемами. Он был необычайно удачлив и беспощаден в насаждении новой системы управления на семейных предприятиях –

от Москвы до Харькова и, позже, до Австралии и Южной Америки. Еще до того, как он начал думать о политике, деловые успехи Николая снискали ему репутацию динамичного реформатора.

Хотя Николай вырос в Рогожском районе, его детство благодаря родственным и общественным связям семьи проходило и в Замоскворечье (на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки) – тогда этот квартал все еще был средоточием московского купечества¹⁰⁷. Историк архитектуры Дмитрий Швыдковский хорошо описал этот особенный мир в работе, посвященной дому Игумнова, ныне резиденции французского посла в России. Замоскворечье было совершенно особенной кладовой традиций; округой, исполненной неповторимой жизни, удивительным миром старорусских обычаев и верований. То было сердце России, сущность ее истинного характера... то была «самая русская» часть древнего города, где сохранилась его странная душа, где он ошеломлял иностранцев, по сути всех людей европейской культуры, которые были покорены его живостью, силой и подлинной красотой¹⁰⁸.

Николай и друзья его детства покинули свой замкнутый мир, сменили кафтаны на деловые костюмы, предпочли уютным карточным играм в кругу семьи бурлящие клубы и переселились из похожих на крепости родовых домов Замоскворечья в театрально роскошные особняки в стиле модерн, что высились в другой части города, вдоль Малой Бронной и Большой Никитской улиц и у Патриарших прудов¹⁰⁹ Алексеевы переселились на Пречистенский бульвар, недалеко от сегодняшней станции метро Кропоткинская.

Дружба Николая Алексеева с Сергеем Третьяковым (братом коллекционера Павла Третьякова и градоначальником Москвы с 1876 по 1882 год) началась в детстве и продолжалась всю жизнь, далеко выходя за пределы личных отношений и политической деятельности. Вместе они стали главными покровителями московской музыкальной сцены, деятельными участниками городского Императорского русского музыкального общества и попечителями новообразованной Московской консерватории¹¹⁰. Тесные личные и деловые связи установились у Николая с семьей Четвертиковых¹¹¹.

Алексеев, однако, стал проклятием для многих других выдающихся купеческих семей и политических деятелей, таких как архиконсервативный предводитель Московской городской думы Николай Найденов и генерал-губернатор Москвы Владимир Долгорукий¹¹². Найденов возглавлял крупный семейный Торговый банк, а также могущественный московский Биржевой комитет, куда входили промышленники старого образца (включая отца Николая Алексеева)¹¹³. Найденов был своего рода самопровозглашенным консерватором, всю жизнь хранившим верность славянофильским идеям¹¹⁴. Его враждебность к градоначальнику Алексею была отчасти вызвана глубоким недоверием к его молодости и динамизму¹¹⁵.

Сообразно московской культурной традиции представители купеческих семейств, а в их числе и Алексеевы, с недоверием относились ко всему, что так или иначе было связано с Петербургом. Притом что их доходы происходили от текстильного производства и акций железнодорожных обществ, купеческие семьи не зависели от петербургской элиты и поддерживали русскую и славянскую культуру¹¹⁶. Тем не менее культурный консерватизм не мешал отдельным представителям этих семей изучать иностранные языки (Николай Алексеев, к примеру, владел французским и немецким и неплохо знал английский) и перенимать определенные западные идеи. Они бесстрашно прививали в России западные технологии и философию управления¹¹⁷. В купеческой Москве развилась система коммерческого образования, которая вполне соответствовала мировым стандартам, а иногда даже превосходила их. Основанный в 1907 году Московский коммерческий институт* был, возможно, первым в мире высшим учебным заведением, специализирующимся на экономическом образовании¹¹⁸. Другие представители купечества, например троюродный брат Николая Константин, снискали мировую известность в самых разных областях человеческой деятельности¹¹⁹.

* В советское время известен как Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. В настоящее время – Академия народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Враждебность московского купечества к католическому и протестантскому миру Европы основывалась на неприятии западного государства, навязанного Петром Великим «подлинной» России. Эти семьи неприязненно относились к аристократии, жившей за счет государства, и опасались всякого искажения исконно русских ценностей, которые-де питались патриархальным укладом старой Руси. Московские купеческие династии, не исключая Алексеевых, стремились сохранить подлинную Россию, хотя и взращивали отрасли промышленности, банки и культурные институты, расшатывавшие этот самый старославянский мир. Это противоречие отражало и усиливало мучительную раздвоенность русского купечества в отношении собственной политической столицы и Запада¹¹⁹. Все же следует отметить, что их фрондерство никогда не доходило до оппозиции императорской семье¹²¹.

Отчужденность Москвы от имперской элиты Санкт-Петербурга выделяла древнюю столицу и сопредельные области на фоне остальной России, способствуя развитию предпринимательства, которое зиждилось на стихийной инициативе и накоплении, а не на унижительной зависимости от государства и иностранного капитала¹²². Как отмечает Томас Оуэн, капитализм московского образца представлял собой непростой союз традиционной русской культуры и европейских деловых методов¹²³. Виднейшие представители московских деловых кругов отличались глубоко современным подходом и одновременно торговали по старинке¹²⁴. Николай Алексеев, выходец из этой среды, на протяжении всей жизни был сторонником новаторских методов в организации производства и городской инфраструктуры, оставаясь при этом деспотичным, закоснелым традиционалистом.

Московскую политическую машину конца XIX – начала XX века не назвал бы демократичной и самый узколобый ретроград из Чикаго. Муниципальным статутем 1870 года городу была предоставлена некоторая автономия, но даже эта реформа была свернута в 1892-м¹²⁵. До 1905 года в выборах городской думы могло участвовать менее 1 процента московского населения¹²⁶. Градоначальник, в свою очередь, избирался из числа думских депутатов.

Рассуждать о политическом плюрализме в подобных условиях представляется весьма сложным. Однако Николаю Алексею удалось мобилизовать вокруг своих любимых проектов разные группы тесного московского мирка – и одновременно сохранить вполне либеральные для своего времени взгляды на такие вопросы, как трудовые отношения.

В 1876 году доминировавшие в думе купцы избрали градоначальником человека из своей среды – Сергея Третьякова. Последний так и не сумел найти общий язык с представленными в думе мещанами (русская общественная прослойка, несколько схожая с французской *petite bourgeoisie**) и кустарями. Третьяков с облегчением покинул кабинет градоначальника в 1882 году; его сменил постоянно проживавший в Тамбове профессор экономики Борис Чичерин¹²⁷.

Чичерин, оказавшийся неэффективным градоначальником, скандализировал московское общество, когда купил покосившуюся хибару на городской окраине, чтобы войти в число местных избирателей и государственных служащих¹²⁸. Вскоре он поссорился с московским генерал-губернатором князем Владимиром Долгоруким, которому удалось убедить новоназначенного и реакционно настроенного министра внутренних дел графа Дмитрия Толстого сместить с поста градоначальника либерально мыслящего профессора¹²⁹. Прежде чем покинуть кабинет мэра, Чичерин успел произнести несколько речей, в которых требовал реформирования городской администрации с всемерным участием всех законных сегментов общества¹³⁰. Он также вынудил думу основать несколько предприятий коммунальных услуг, которые со временем стали приносить Москве ключевые для муниципального бюджета доходы¹³¹. После Чичерина градоначальником стал льстивый чиновник С. А. Тарасов, которого в 1885 году сменил Николай Алексеев.

Джо Энн Рукмэн утверждает, что неудачные попытки городской думы выбрать действенного градоначальника в первые пятнадцать лет после муниципальной реформы 1870 года объяснялись как сковывавшим работу думы противостоянием между купцами и мещанами, так и нехват-

* Мелкая буржуазия (*фр.*)

кой у думских членов целеустремленности и дальновидности. Безусловно, одной из причин провала стало также отсутствие среди купцов динамичных политических лидеров¹³². Динамизм, интеллект и управленческая компетентность сочетались в Николае Алексееве со способностью обеспечивать единонаправленность городского администрирования – посредством компромиссов или автократических решений. Он полностью преобразил местную политику. Рукмэн отмечает, что избрание Алексея ознаменовало начало одного из самых бурных и творческих периодов в истории московского самоуправления¹³³.

Алексеев стал московским градоначальником в возрасте тридцати трех лет и немедленно принялся за реорганизацию муниципальной сферы¹³⁴. Город как раз вступал в один из самых динамичных периодов своего развития. Ведущий петербургский ученый Дмитрий Менделеев сообщает, что в Москве сосредоточено столько предприимчивых и образованных людей, что она надолго останется во главе уготованного России промышленного развития¹³⁵.

Первым делом Алексеев начал выстраивать коалицию влиятельных групп города, которая поддержала бы программы развития городского водоснабжения, строительства первой подземной канализации, расширения городских скотобоен, а также многотрудный проект мощения московских улиц¹³⁶. Все эти цели были достигнуты в том числе благодаря жесткому фискальному контролю за муниципальной деятельностью. Жесткий администратор, которым далеко не всегда восхищались местные либералы, Алексеев проявил себя виртуозом компромиссов и коалиционной политики¹³⁷.

В опубликованных в эмиграции в 1941 году воспоминаниях Николай Астров, секретарь городской думы в 1897 году и четыре месяца занимавший пост градоначальника Москвы в 1917-м, описывает сухие, официальные нравы, царившие в Московской думе¹³⁸. В Московской думе, – сообщает Астров, – царили строгие нравы, обычаи, правила, нарушить которые не представлялось возможным. Так, далеко не все делегаты могли свободно высказываться на думских заседаниях... Молодых думцев выслушивали невнимательно, а приветствовали тех, кто держался хо-

лодно и не задерживал внимание думы надолго¹³⁹. Молодой, дерзкий и импульсивный Алексеев поставил этот скучный совещательный орган с ног на голову. Со времени его избрания городским головой московское городское правительство уже никогда не было прежним.

Экстравагантный Алексеев, вполне соответствовавший представлениям о московском купце той эпохи, черпал силы из собственного сословия¹⁴⁰. Для объединения сил московской элиты в интересах своих проектов он, в частности, использовал давние дружеские связи с могущественными Третьяковыми.

Николай и сам был щедрым филантропом: он из собственного кармана финансировал несколько образовательных программ для взрослых, а также любимое детище семьи Алексеевых – Николаевский дом призрения вдов и сирот. Его вдова Александра, пережившая Николая на десять лет, также помогала Николаевскому дому (подобно его отцу и братьям). Кроме того, Александра оказывала благотворительную поддержку нескольким психиатрическим лечебницам и центрам детского здравоохранения, возможно памятуя о страданиях, которые перенесла одна из их трех дочерей, бывшая инвалидом с детства¹⁴¹.

Успехи Алексеева были впечатляющими – от успешной борьбы против хищнической политики губернских властей в сфере распределения налогов и основания муниципального общества страхования от пожаров до строительства нового здания городской думы (1890—1892) и Верхних торговых рядов (1886—1893; впоследствии советский ГУМ), которые по сей день украшают Красную площадь¹⁴². Павел Третьяков отмечал ведущую роль Алексеева в создании муниципального института, что вместил принадлежавшую семье Третьяковых знаменитую галерею русского искусства¹⁴³.

Томас Оуэн иллюстрирует эксцентричность Алексеева историческим анекдотом, который подошел бы любому чикагскому боссу. Согласно Оуэну, градоначальник напряженно искал денежные средства (около полутора миллионов рублей) для строительства первого в Москве и лучшего в Европе приюта для душевнобольных. «Как обычно, – пишет Оуэн, – к проекту привлекались со-

стоятельные купцы. Когда один богатый торговец предложил 10 тысяч рублей, Алексеев громко обратился к нему на вечере в присутствии многих влиятельных купцов, сказав, что 10 тысяч – это позорно мало. Однако, добавил Алексеев, в случае 50 тысяч он прилюдно опустится перед дарителем на колени. Купец отвечал, что за смирение московского градоначальника можно и не пожалеть таких денег. Алексеев немедленно рухнул на колени и сказал: «Я не поднимусь, пока вы не выпишите чек на пятьдесят тысяч». Смущенному купцу оставалось только согласиться. Алексеев поднялся с колен, положил чек в карман и, отряхивая брюки, произнес: «Ну вот, видите, как вышло; знаете, а я уж почти решил на колени встать за двадцать пять!» Сконфуженный жертвователь спешно ретировался, сопровождаемый всеобщим смехом»¹⁴⁴.

Очень любит алексеевские истории современный московский мэр Юрий Лужков: во время шумной, беззастенчивой предвыборной кампании 1996 года он стремился провести параллель между собой и идеальным градоначальником, Николаем Алексеевым¹⁴⁵. Согласно Лужкову, Алексеев подменял думские протоколы собственными указами, которые затем отправлял на одобрение высшим властям, утверждал планы городского строительства до думских заседаний, на которых потерпел бы поражение, и вообще избегал городскую думу, если понимал, что большинство депутатов настроено против того или иного из его проектов.

Подобно Гаррисонам в Чикаго и, кстати сказать, возглавившему Москву спустя столетие Лужкову, Алексеев не был классическим либеральным реформатором. Московская интеллигенция и реформаторы той эпохи часто подвергали его суровой критике за самовластие и деспотичные замашки. Он был известен и своим антисемитизмом. Поистине сложные отношения Алексеева с еврейским населением города и страны выявляют ряд важных противоречий в практике прагматического плюрализма, а потому существенны для настоящего исследования.

Алексеев с энтузиазмом поддерживал исходившие из Петербурга предложения имперских властей об изгнании евреев из Москвы. Такая позиция по праву снискала ему вечную ненависть российского еврейства¹⁴⁶. Внезапное вы-

селение евреев из города в 1891 году вынудило перебраться в черту оседлости на западных окраинах империи от 10 до 20 тысяч еврейских торговцев¹⁴⁷. Однако позиция Алексева была совершенно иной, когда он вместе с министром финансов Сергеем Витте возражал против правительственной инициативы ограничить экономическую деятельность евреев в Бухаре¹⁴⁸. Подобное непостоянство отражало разнообразие интересов московского купечества, к которому принадлежал Алексеев: еврейские торговцы в Бухаре способствовали торговле хлопком с владельцами московских прядильных фабрик, в то время как еврейские купцы в Москве и в непосредственной близости от города создавали неудобную конкурентную среду. Позиция Алексева была характерной для мэра, который вполне мог воспринять принципы прагматизма и плюрализма, если это соответствовало его целям.

Противоречивая карьера Алексева иллюстрирует некоторые важные особенности административной стратегии, определяемой в данной работе как прагматический плюрализм. Она выявляет нездоровые аспекты публичной политики, основанной единственно на беспощадном прагматизме. В этом отношении карьера Алексева, возможно, более показательна для истории городского управления, чем деятельность либерального и, как принято считать, всеми любимого градоначальника князя Владимира Голицына, служившего московским городским головой с 1897 по 1905 год.

В конечном итоге достижения Алексева способствовали активному продвижению реформ, включая безусловный прогресс в системе общественного здравоохранения. Как и сражавшийся в Чикаго с Йеркесом Картер Гаррисон-младший, Алексеев имел дело с достаточно одиозными союзниками и прибегал к сомнительным методам для достижения долговременных результатов, которые теперь, спустя столетие, воспринимаются как несомненный шаг вперед в реформировании муниципальной системы.

Несмотря на ограничения, налагаемые его происхождением и слабостью городского правительства, Алексеев выступал сторонником многих либеральных начинаний. Поддержка Алексеевым образовательных программ для рабочих сделала его врагами многих товарищей-фабри-

кантов. Ревностная защита местного самоуправления привела к конфликту с петербургскими чиновниками. При этом следует принимать во внимание, что многое в его реформистской политике диктовалось, по словам Оуэна, скорее озабоченностью экономической выгодой, чем личными убеждениями¹⁴⁹.

Деятельность Николая разделила местное политическое сообщество на про- и антиалексеевский лагерь¹⁵⁰. Алексеев был градоначальником в тот период городской истории, когда поступок уже можно было считать реформой, а такие поступки требовали не только деспотичного правления, но и объединения интересов различных групп в целях осуществления конкретных проектов. Забота Алексева об образовании, здравоохранении и развитии торговли безусловно способствовала реализации самых разнообразных общественных интересов.

Алексеев и его товарищи по московской купеческой элите были, хотя это и не бесспорное утверждение, самыми свободными и энергичными людьми, когда-либо жившими в России¹⁵¹. Последующие досоветские хозяева общественной, экономической и политической жизни Москвы (часто происходившие из того же социального слоя, что и Алексеев) с успехом изыскивали средства для своих начинаний, как то: поддержка благотворительных больниц и публичных библиотек, создание новых парков, расширение образовательных программ и обеспечение права рабочих на высшее образование¹⁵². Градоначальники позднимперского периода, такие как любимец города князь Голицын, профессор права Московского университета Николай Гучков и будущий герой Сербии Михаил Челноков находились в непрекращающемся конфликте с Петербургом, стремясь проводить либеральную политику, особенно в сфере образования¹⁵³. Победы городских властей зависели в том числе от способности местных администраторов находить компромиссы с центральными министерствами¹⁵⁴. В процесс муниципального управления Москвой все сильнее вовлекались средние общественные слои – подобный плюрализм был совершенно неведом Санкт-Петербургу.

Московский либерализм, особенно в среде молодых промышленников и прогрессистов, группировавшихся вокруг

общества Рябушинского, противопоставлял городских лидеров как более консервативному имперскому правительству в северной столице, так и принимавшему все более радикальный окрас социалистическому движению, требовавшему революцию снизу¹⁵⁵. Конечно, русскому либерализму конца XIX – начала XX столетия суждено было погибнуть. Но день, когда застрелили Алексеева, отделяло от революционных потрясений 1917-го целых двадцать пять лет.

Секи Хаджиме

Политику прагматического плюрализма олицетворял и мэр Осаки Секи Хаджиме. Джеффри Хейнс сообщает в своей замечательной диссертации, посвященной Секи и Осаке начала XX века, что в 1914 году экономист, специалист по трудовому праву, инженер городского транспорта и общественный реформатор Секи Хаджиме, устав от жизни университетского ученого, оставил Токио, чтобы занять пост вице-мэра Осаки¹⁵⁶. Секи служил на этом посту до назначения мэром города в 1924 году – должность, которую он занимал до самой смерти в 1935-м¹⁵⁷. За два десятилетия управления вторым по значению городом Японии Секи снискал репутацию отца Осаки.

Как человек и политический деятель Секи на первый взгляд существенно отличался от Гаррисонов и Алексеева. Профессор экономики по специальности, Секи воплощал тот тип прогрессивного интеллектуала, к которому с таким презрением относились более земные Гаррисоны и молодой Алексеев.

В отношении Осаки начала XX века нам не приходится говорить о развитой избирательной системе и, следовательно, о напряженной политической жизни, основанной на деятельности выборных органов. Токио, Киото и Осака, как столичные префектуры, не имели мэров до 1898 года, но и впоследствии выборы градоначальников в трех важнейших центрах Японии оставались косвенными: мэров выбирали городские советы, которые и сами состояли из представителей крайне ограниченного электората¹⁵⁸. Советы выставляли три кандидатуры на пост мэра, одна из ко-

торых по рекомендации министерства внутренних дел утверждалась указом императора. В таких обстоятельствах бюрократические схватки между муниципальными учреждениями и противоборство с центральными министерствами играли в политической жизни Осаки роль значительно большую, чем в Москве, с ее относительной автономией, или в Чикаго, с его многосоставной избирательной структурой и сложными политическими играми. В общественной жизни Секи непросто отыскать красочные эпизоды, которыми изобилуют биографии более авторитарных Гаррисонов и Алексеева.

Все же при более близком рассмотрении между городскими головами Чикаго, Москвы и Осаки наблюдается определенное сходство. Подобно Гаррисонам, Секи учился в университетах Германии. Подобно Алексееву, его глубокий интерес к вопросам национального возрождения уравновешивался европейским опытом. Секи, как оба Гаррисона и Алексеев, был прагматиком, использовавшим все находившиеся в его распоряжении средства городского управления. Подобно мэрам Чикаго, отцу и сыну, и московскому градоначальнику, Секи сознавал, что будущее его страны – в экономических успехах ее городов.

Секи не питал иллюзий в отношении города, которым управлял. В Осаке его привлекало именно то, что город казался разрастающимся промышленным чудищем, так не похожим на родную для него интеллектуальную среду университетского Токио¹⁵⁹. Секи, что не менее важно, верил в политику постепенных реформ, в политику компромисса, а также в возможность достижения относительного баланса между фрагментированными социальными группами Осаки.

Старший из четырех детей в семье, Секи родился 26 сентября 1873 года в отдаленном храме близ полуострова Изу на западном побережье Японии¹⁶⁰. Его отец, скончавшийся, когда Хаджиме был еще подростком, преподавал математику, его мать тоже учительствовала в частных и государственных школах. Когда Хаджиме исполнилось четыре года, семья переехала в Токио, в район Асакуса. Его детство было вполне типичным для Токио эпохи реставрации Мэйдзи.

Секи Хаджиме, как и многие молодые люди его поколения, одновременно восхищался западной культурой и опа-

сался, что Япония может утратить национальную самобытность. Он обучался в основанной в период Мэйдзи токийской Коммерческой школе, которая была призвана распространять идущие с Запада новые знания. Эта школа, позднее получившая статус университета, оставалась домом Секи до его отъезда в Осаку в 1914 году. Здесь, прежде чем в возрасте двадцати четырех лет занять должность факультетского преподавателя, он получил среднее и высшее образование и закончил аспирантуру.

До того как приступить к преподавательской работе, Секи и пятеро его коллег из токийской Коммерческой школы провели около двух лет в европейских университетах¹⁶¹. Проведенное на Западе время Секи, образцовый японский студент, использовал для прилежных штудий. В Бельгии он обучался планированию городского транспорта и экономике – знание этих дисциплин сослужило ему добрую службу на посту осакского мэра. Овладев французским, немецким и английским, Секи завершил свое пребывание в Европе большим туром по Германии и Англии, а на пути домой посетил Соединенные Штаты. Очевидно, что в дальнейшем интеллектуальном развитии Секи значительную роль сыграл курс лекций, который он прослушал в Берлинском университете. Во время поездки по Соединенным Штатам Секи побывал в крупнейшем транспортном центре североамериканского континента – Чикаго, где на него произвела огромное впечатление сеть надземных пригородных рельсовых дорог.

Секи и многие его однокашники по Коммерческой школе предпочитали исторический подход к экономическому развитию, согласно которому экономическое мышление должно реализоваться в культурном, политическом и социальном контексте. Представляется уместным отметить, что Секи глубоко изучил работы немецкой исторической школы и даже основал в токийской Коммерческой школе Берлинскую ассоциацию¹⁶².

Секи все в большей степени становился критиком нерегулируемой рыночной экономики. По сути, он был экономистом, которого сегодня назвали бы кейнсианцем. Пользуясь неограниченной экономической свободой, утверждал Секи, финансисты становятся просто сводниками капита-

ла, а не строителями, управляющими и истинными капиталистами¹⁶³. Благоразумие и умеренность подсказывают нам, писал он, что для укрепления национальных интересов необходимы уступки как со стороны управляющих, так и со стороны рабочих¹⁶⁴. Более того, пригодный для жилья город можно построить только посредством создания нравственной экономики, основанной на социальной справедливости¹⁶⁵. Как мы наблюдали это и при рассмотрении карьеры Гаррисонов и Алексеева, Секи проявил себя истинным плюралистом-прагматиком, политиком, готовым к компромиссу, – это очень помогло ему в грубом и беспорядочном мире городской политики Осаки.

Жизнь Секи в Токио мало отличалась от той, что вели его университетские коллеги¹⁶⁶. Он преподавал, написал несколько книг и почти пятьдесят статей, несколько раз принял участие в студенческих демонстрациях и диспутах с центральными властями, а также консультировал различные правительственные и негосударственные учреждения. Уважаемый экономист, Секи приобрел немалый опыт теоретических исследований. В конце концов его утомили академическое высокомерие, непрекращающаяся подпольная борьба и бесцельные интеллектуальные игры в университетских кругах. Убежденный в необходимости реформы трудового законодательства, Секи написал на эту тему несколько популярных брошюр и ученых трактатов, стал попечителем профсоюза и основал Кокумин Кейсай Заши (Журнал национальной экономики). Откликнувшись на ряд газетных статей о пустующем в Осаке кресле вице-мэра и, возможно, побуждаемый видным осакским банкиром Кояма Кензо, с которым Секи был знаком в бытность того директором токийской Коммерческой школы, Секи принял окончательное решение перейти из мира идей в мир общественной деятельности¹⁶⁷. При горячей поддержке мэра Икегами Сабуро муниципальное собрание Осаки единогласно избрало Секи вице-мэром¹⁶⁸.

Как и другие японские реформаторы той эпохи, а равно и их коллеги в таких городах, как Чикаго и Москва, Секи не принадлежал к рабочему классу и, возможно, даже выступал против признания за рабочими избирательных прав. Он опасался массовых волнений и обострения классового

противоборства и постепенно разочаровался в возможности реформировать общество путем изменения трудовых отношений. Его реформаторство проистекало не только из идеалистических убеждений, но даже в большей степени из прагматизма. Сделав для себя вывод, что источник рабочей проблемы кроется в жилищно-бытовых условиях пролетариата, Секи отказался от доктрины, согласно которой реформы должны начинаться и заканчиваться внутри заводской территории. Он полагал, что обустройство должно охватить и жилые кварталы пролетариата, распространившись в конечном итоге на весь промышленный город.

Получив пост вице-мэра Осаки, Секи был полон решимости привнести рациональность в тот городской бедлам, который представляла из себя Осака в начале века. Он немедленно определил и в течение короткого времени успешно разрешил целый ряд городских проблем, в особенности в сфере транспорта, где ему особенно пригодились полученные в академические годы профессиональные знания. Он сосредоточился на вопросах безопасности трамвайного сообщения, а после распространения автомобильного транспорта – на строительстве автомагистралей¹⁶⁹.

Секи был одним из виднейших разработчиков принятого в 1919 году национального Закона о городском планировании¹⁷⁰. Секи и его коллег в других городах (например, Оцуки Рюджи в Киото и Ямасаки Рютаро) вдохновлял опыт британских и американских реформаторов. Секи и другие муниципальные социалисты считали планирование инструментом, способным противостоять растущим городским недугам Японии. Однако центральное правительство с подозрением относилось к идее предоставления слишком большой автономии местным властям. Удерживая контроль над расходованием городских бюджетов, токийское правительство не давало развиваться программам, которые выходили за рамки узконаправленной модернизации существующих городских районов. Как и в Чикаго и, в особенности, в Москве осуществлению реформ препятствовала неразвитость местных институтов¹⁷¹. Назначаемые из центра чиновники в провинциальных центрах (в Америке – в столицах штатов) блюли свою «охотничью территорию». Испытывая недостаток в средствах и законодательных ре-

сурсах, муниципальные власти Осаки не имели возможности последовательно проводить политику прагматического плюрализма перед лицом становящегося все более авторитарным имперского правительства в Токио.

Несмотря на все различия в характерах и национальной культуре, в образовании и общественном положении, Гаррисоны (отец и сын), Николай Алексеев и Секи Хаджиме успешно противостояли практическим проблемам, связанным с управлением гигантскими, глубоко фрагментированными и быстро меняющимися промышленными городами в эпоху бурного роста капитализма. На этом поприще потерпели неудачу многие из их предшественников и последователей. Несмотря на все различия, их карьеры служат ярким примером приверженности политике компромисса, прагматизма и умеренных реформ. Все четверо были практиками прагматического плюрализма, общественными деятелями, всячески способствовавшими развитию своих городов и во многом улучшившими жизнь их обитателей.

Примечания

¹ Richard L. McCormick, «Public Life in Industrial America, 1877—1917», in Eric Fone, ed., *The New American History* (Philadelphia: Temple University Press, 1990), pp. 93—117: 107.

² Charles E. Merriam, «Chicago: A More Intimate View of Urban Politics» (New York: Macmillan, 1929), pp. 19—21, 190—192.

³ Более подробное описание практики *boodling* (т.е. подкупа политических деятелей), посредством которого местный олдермен распределял общественные привилегии ради собственной выгоды, см.: Lloyd Wendt and Herman Kogan, *Bosses in Lusty Chicago: The Story of Bathhouse John and Hinky Dink* (1943; reprint, Bloomington: Indiana University Press, 1967), pp. 34—35.

⁴ Claudius O. Johnson, *Carter Henry Harrison I: Political Leader* (Chicago: University of Chicago Press, 1928), p. 185.

⁵ Carter H. Harrison, Jr., *Stormy Years: The Autobiography of Carter H. Harrison, Five Times Mayor of Chicago* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1935), p. 51.

⁶ Кенна и Кафлин – персонажи классического исследования Вендта и Когана «Боссы алчного Чикаго» (*Bosses in Lusty Chicago...*). О связи между салунами и политикой в урбанистической Америке про-

шлого столетия см.: Perry R. Duis, *The Saloon: Public Drinking in Chicago and Boston, 1880—1920*. (Urbana: University of Illinois Press, 1983), pp. 114—142.

⁷ Johnson, Carter Henry Harrison I..., pp. 3—6.

⁸ Краткий биографический очерк о Картере Генри Гаррисоне-старшем см.: Donald L. Miller, *City of the Century: The Epic of Chicago and the Making of America* (New York: Simon and Schuster, 1996), pp. 439—440.

⁹ Carter H. Harrison, Jr., *Growing Up With Chicago*. (Chicago: Ralph Fletcher Seymour, 1944), p. 259.

¹⁰ Harrison, *Stormy Years...*, p. 17

¹¹ Harrison, *Growing Up with Chicago*, p. 11

¹² Richard Sennett, *Families against the City: Middle Class Homes of Industrial Chicago, 1872—1890* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970), p. 22.

¹³ Об этом пишет Пол Майкл Грин: Paul Michael Green, «The Chicago Democratic Party, 1840—1920: From Factionalism to Political Organization» (Ph.D. diss., University of Chicago, 1975), p. 1.

¹⁴ Johnson, Carter Henry Harrison I..., pp. 62—71.

¹⁵ Miller, *City of the Century...*, pp. 437—439.

¹⁶ Там же, с. 437.

¹⁷ Green, «The Chicago Democratic Party...», pp. 37—44. Эдвард Герберт Мазур отмечает, что популярность Гаррисона была особенно высока среди бедных еврейских иммигрантов, поскольку он сдерживал попытки протестантов пуританского толка и евреев-реформаторов, праздновавших Шаббат по воскресеньям, навязать свои местнические обычаи обитателям гетто». Edward Herbert Mazur, *Minyans for a Prairie City: The Politics of Chicago Jewry, 1850—1940* (Ph.D. diss., University of Chicago, 1974), p. 99.

¹⁸ Paul Kleppner, «Chicago Divided: The Making of a Black Mayor (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1985), p. 22.

¹⁹ R. Reid Badger, *The Great America Fair: The World's Columbian Exposition and American Culture* (Chicago: Nelson-Hall, 1979), p. 89.

²⁰ Bill Granger and Lori Granger, *Lords of the Last Machine: The Story of Politics in Chicago* (New York: Random House, 1987), p. 28.

²¹ Это особо отмечает друг Гаррисона Уиллис Джон Эббот в написанной после убийства Гаррисона биографии мэра. Willis John Abbott, *Carter Henry Harrison: A Memoir* (New York: Dodd, Mead, 1895), pp. 235—241.

²² Alfred Theodore Andreas, *History of Chicago* (Chicago: A. T. Andreas, 1884—1886), Vol. 3, p. 856.

²³ Miller, *City of the Century...*, p. 444.

²⁴ Там же, с. 448.

²⁵ Там же, с. 441.

²⁶ Abbott, Carter Henry Harrison..., pp. 139—144. Гаррисон был на площади Хеймаркет утром трагического дня, но, сочтя толпу спокойной, уехал оттуда до того, как прогремел взрыв. Краткий отчет о событиях того дня можно найти в следующих работах: Ray Ginger, *Age of Excess: The United States from 1877 to 1914*, 2d ed. (New York: Macmillan, 1975), pp. 59—60; Ray Ginger, *Altgeld's America: The Lincoln Ideal versus Changing Realities* (1958; reprint, New York: Markus Wiener, 1986), pp. 42—48. Пожалуй, самый полный рассказ о взрыве на Хеймаркет-сквер содержится в работе Пола Эврича: Paul Avrich, *The Haymarket Tragedy* (Princeton: Princeton University Press, 1984).

²⁷ Frederick Rex, *The Mayors of the City of Chicago, from March 4, 1837, to April 13, 1933* (Chicago: Chicago Municipal Reference Library, 1947), pp. 65—69.

²⁸ Carter H. Harrison, Sr., *A Race with the Sun* (New York: G. P. Putnam; Chicago: W. E. Dibble, 1889).

²⁹ Там же, с. 78.

³⁰ Там же, с. 387.

³¹ Abbott, Carter Henry Harrison..., pp. 190—198; Miller, *City of the Century...*, pp. 482—487.

³² Wendt and Kogan, *Bosses in Lusty Chicago...*, p. 59.

³³ Sol Bloom, *The Autobiography of Sol Bloom* (New York: G. P. Putnam, 1948), p. 132.

³⁴ Более подробно о Гаррисоне-старшем см.: Johnson, Carter Henry Harrison I... О событиях 28 октября 1893 года, то есть об убийстве Гаррисона в собственном доме неудачливым претендентом на должность в городском правительстве Патриком Юджином Прендергастом см.: Abbott, Carter Henry Harrison..., pp. 225—235; Carl S. Smith, *Urban Disorder and the Shape of Belief: The Great Chicago Fire, the Haymarket Bomb, and the Model Town of Pullman*. (Chicago: University of Chicago Press, 1995), pp. 266—268; Badger, *The Great America Fair...*, p. 129; Edward R. Kantowicz, *Carter H. Harrison II: The Politics of Balance*, in Paul M. Green and Melvin G. Holli, eds., *The Mayors: The Chicago Political Tradition* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987), p. 19.

³⁵ Abbott, Carter Henry Harrison..., p. 232.

³⁶ Там же, с. 226.

³⁷ Там же.

³⁸ Miller, *City of the Century...*, pp. 434—437.

³⁹ Там же, с. 437.

⁴⁰ Edward F. Dunne, *Illinois: The Heart of the Nation* (Chicago: Lewis Publishing, 1933), Vol. 2, p. 203.

⁴¹ Miller, *City of the Century...*, p. 444.

⁴² Edward R. Kantowicz, «Polish-American Politics in Chicago, 1888—1940 (Chicago: University of Chicago Press, 1975), p. 72.

⁴³ О выборах 1911 года см.: Steven J. Diner, *A City and Its Universities: Public Policy in Chicago, 1892—1919* (Chapel Hill: University

of North Carolina Press, 1980), pp. 154—175.

⁴⁴ Michael P. McCarthy, «Prelude to Armageddon: Charles E. Merriam and the Chicago Mayoral Election of 1911», *Journal of the Illinois State Historical Society* 67, no. 5 (November 1974), pp. 505—518.

⁴⁵ Подпись к фотографии 1897 года на с. 88 книги: Harrison, *Stormy Years...*

⁴⁶ Harold L. Ickes, *The Autobiography of a Curmudgeon* (New York: Reynal and Hitchcock, 1943), p. 35.

⁴⁷ Harrison, *Stormy Years...*, p. 26.

⁴⁸ Harrison, *Growing Up with Chicago*, pp. 56—76; Green, *The Chicago Democratic Party*, pp. 74—78.

⁴⁹ John Drury, *Old Chicago Houses* (New York: Bonanza, 1941), pp. 157—202.

⁵⁰ Miller, *City of the Century...*, pp. 441—446.

⁵¹ Charles Branham, *Black Chicago: Accommodationist Politics before the Great Migration in Melvin G. Holli and Peter d'A. Jones, eds., Ethnic Chicago*, rev. ed. (Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans, 1984), pp. 338—379; 376—377.

⁵² Kleppner, «Chicago Divided...», p. 22.

⁵³ Mazur, *Minyans for a Prairie City...*, p. 139; Kantowicz, «Polish-American Politics...», pp. 57—85.

⁵⁴ Harrison, *Growing Up with Chicago*, p. 289.

⁵⁵ Там же, с. 213.

⁵⁶ Там же, с. 211—212.

⁵⁷ Stephen Longstreet, *Chicago, 1860—1919* (New York: David McKay, 1973), p. 353.

⁵⁸ Там же, с. 354.

⁵⁹ Там же, с. 358.

⁶⁰ Это отмечает Дэвид Телен в эссе 1979 года, посвященном американской урбанистической историографии. См.: David P. Thelen, «Urban Politics: Beyond Bosses and Reformers», *Reviews in American History* 7, no. 3 (September 1979), p. 406—412.

⁶¹ Jon C. Teaford, «The Unheralded Triumph: City Government in America, 1870—1900» (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1984); Terrence J. McDonald, *The Parameters of Urban Fiscal Policy: Socioeconomic Change and Political Culture in San Francisco, 1860—1906* (Berkeley: University of California Press, 1987); Ann Durkin Keating, *Building Chicago: Suburban Developers and the Creation of a Divided Metropolis* (Columbus: Ohio State University Press, 1988).

⁶² John M. Allswang, *Bosses, Machines and Urban Voters* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986), pp. 14—15.

⁶³ Teaford, «The Unheralded Triumph...», p. 4.

⁶⁴ Там же, с. 6.

⁶⁵ Wendt and Kogan, *Bosses in Lusty Chicago...*, pp. 59—67.

⁶⁶ Ray Stannard Baker, *The Civic Federation of Chicago*, *Outlook* 52 (July 27, 1895), p. 132—133.

⁶⁷ Kantowicz, Carter H. Harrison II, p. 30; Harold F. Gosnell, *Machine Politics: Chicago Model* (1937; reprint New York: AMS, 1969), pp. 142—144.

⁶⁸ Wendt and Kogan, *Bosses in Lusty Chicago...*, pp. 336—339; Paul S. Boyer, *Urban Masses and Moral Order in America, 1820—1920*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978), p. 191; Herbert Asbury, *Gem of the Prairie: An Informal History of the Chicago Underworld* (New York: Knopf, 1940), pp. 281—319.

⁶⁹ Harrison, *Growing Up with Chicago*, p. 289; Green, «The Chicago Democratic Party...», pp. 219—254.

⁷⁰ Merriam, *Chicago...*, p. 20.

⁷¹ Там же, с. 21.

⁷² Там же, с. 21—22.

⁷³ Значение религиозной и этнической составляющих во внутренней политике США XIX века рассматривается в работах: Paul Kleppner, «The Third Electoral System, 1853—1892: Parties, Voters, and Political Cultures» (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979); Richard Jensen, *The Winning of the Midwest: Social and Political Conflict, 1888—1896* (Chicago: University of Chicago Press, 1971).

⁷⁴ M. Craig Brown and Charles N. Halaby, *Machine Politics in America, 1870—1945*, *Journal of Interdisciplinary History* 17, no. 3 (Winter 1987), pp. 587—612; 595—596.

⁷⁵ Garry Wills, «Sons and Daughters of Chicago» (*New York Review of Books*, June 9, 1994), p. 52—59: 52.

⁷⁶ Merriam, *Chicago...*, p. 20.

⁷⁷ Kantowicz, Carter H. Harrison II, pp. 16—32.

⁷⁸ В период с 1890 по 1916 год выборы в городе проводились 25 раз: в десяти случаях победили демократы, в девяти — республиканцы, три раза победу разделили демократическая и республиканская партии, наконец, три раза победителями вышли другие партии. См.: John M. Allswang, *A House for All Peoples: Ethnic Politics in Chicago, 1890—1936* (Lexington: University Press of Kentucky, 1971), pp. 23—24, 34—35.

⁷⁹ Там же, с. 34.

⁸⁰ Miller, *City of the Century...*, p. 486.

⁸¹ Melvin G. Holli, *Ranking Chicago's Mayors: Mirror, Mirror, on the Wall, Who Is the Greatest of Them All?* In Green and Holli, eds., *The Mayors...*, pp. 202—211.

⁸² Ernest S. Griffith, *A History of American City Government: The Conspicuous Failure, 1870—1900* (New York: National Municipal League; Lanham, Md.: University Press of America, 1983), pp. 103—104.

⁸³ Kantowicz, Carter H. Harrison II, p. 17.

⁸⁴ Я хотел бы выразить благодарность Галине Ульяновой из Института истории РАН за помощь и советы в подготовке материала о жизни и карьере Николая Алексеева.

⁸⁵ Kantowicz, Carter H. Harrison II, p. 22.

⁸⁶ В англоязычной литературе исчерпывающий анализ деятельности Алексеева на посту градоначальника дан в работе: Walter S. Hanchett, *Moscow in the Late Nineteenth Century: A study in Municipal Self-Government* (Ph.D. diss., University of Chicago, 1964), pp. 137—142.

⁸⁷ Эми Бриджес напоминает нам, что отличительной чертой политической жизни в городской Америке XIX века были жаркие предвыборные баталии, которые обеспечивали благоприятные условия для волеизъявления «первого поколения промышленных рабочих и их предшественников». См.: Amy Bridges, *A City in the Republic: Antebellum New York and the Origins of Machine Politics* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1984), p. 8.

⁸⁸ Elizabeth Kridl Valkenier, Book Review: *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*, edited by James L. West and Iurii A. Petrov, *Harriman Review* 10, no. 4 (August 1998), pp. 38—40: 40.

⁸⁹ Elise Kimerling Wirtschafter, *Social Identity in Imperial Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997), p. 78—79.

⁹⁰ James L. West, *Merchant Moscow in Historical Context*, in James L. West and Iurii A. Petrov, eds., *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie* (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 3—12: 7.

⁹¹ Там же.

⁹² Wirtschafter, *Social Identity*..., p. 132.

⁹³ Irina V. Potkina, *Moscow's Commercial Mosaic*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 37—44.

⁹⁴ Из зарегистрированных в 1748 году в Москве 382 купеческих семей первой гильдии в последние два десятилетия XVIII века в городе оставалось только 26 семей, и только 10 из 235 семей, зарегистрированных в 1766—1767 годах. Из 137 семей купцов первой гильдии, зарегистрированных в Москве в конце XVIII века, только 21 семья сохранила свои позиции к 1815 году. В 1873 году только 108 из 623 семей купцов первой гильдии Москвы вели свою родословную от купеческих фамилий XVIII столетия; предки 185 семей перешли в первую гильдию из других социальных групп в период с 1800 по 1861 год. См.: Wirtschafter, *Social Identity*..., p. 72.

⁹⁵ Я бы хотел выразить благодарность Галине Ульяновой за эту информацию, почерпнутую из ее обширной базы данных о благотворительной деятельности семей московских предпринимателей: *Благотворительность московских предпринимателей, 1869—1914, база данных, 1998*.

⁹⁶ Thomas C. Owen, *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1981), pp. 221—222; Павел Бурыйшкин, *Москва купече-*

ская: записки (1954; репринт, М., Современник, 1991), сс. 129—130. О знаменитой семье Шереметьевых см.: М. И. Пыляев, *Старая Москва* (1891; репринт, М., Сварог, 1995), с. 162—186.

⁹⁷ Бурыйшкин, *Москва купеческая*..., с. 129—130; Alfred J. Rieber, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982), p. 205. О старообрядческой общине в Рогожской слободе см.: Roy R. Robson, *Old Believers in Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995), pp. 53—74.

⁹⁸ Я признателен Галине Ульяновой за информацию об этом первом доме Алексеевых.

⁹⁹ James L. West, *A Note on Old Belief*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 13—18: 16—17.

¹⁰⁰ Там же, с. 17; Ю. А. Петров, *Династия Рябушинских* (М., Русская книга, 1997), с. 8—10.

¹⁰¹ Galina Ulianova, *Old Believers and New Entrepreneurs: Religious Belief and Ritual in Merchant Moscow*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 61—71: 67—68.

¹⁰² Rieber, *Merchants and Entrepreneurs*..., p. 205.

¹⁰³ Бурыйшкин, *Москва купеческая*..., с. 130.

¹⁰⁴ Я благодарен Галине Ульяновой за информацию о матери Николая Алексеева.

¹⁰⁵ Rose L. Glickman, *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914* (Berkeley: University of California Press, 1984), p. 45.

¹⁰⁶ Mikhail L. Shastillo, *Peasant Entrepreneurs and Worker Peasants: Labor Relations in Merchant Moscow*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 85—93.

¹⁰⁷ Более подробно о жизни Замоскворечья см.: Я. М. Белицкий, *Забытая Москва* (М., Московский рабочий, 1994), с. 190—280; М. М. Новиков, *От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике* (Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1952), с. 18—25.

¹⁰⁸ Dmitri Chvidkoski [Shvidkovskii], *Le Monde du 'Zamoskvoretche' dans la culture de Moscou*, in Olda Morel et al., eds., *La maison Igoumnov: Residence de l'ambassadeur de France Moscou* (Paris: Les amis de la maison Igoumnov, 1993), pp. 33—41, 140—143: 140.

¹⁰⁹ Christine Ruane, *Caftan to Bussiness Suit: The Semiotics of Russian Merchant Dress*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 53—60; William Craft Brumfield, *Aesthetics and Commerce: The Architecture of Merchant Moscow*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 119—31; Joseph C. Bradley, *Merchant Moscow after Hours: Voluntary Associations and Leisure*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 133—143; Edith W. Clowes, *Merchants on Stage and in Life: Theatricality and Public Consciousness*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow*..., pp. 147—159; и Elena Chervich and Mikhail Anikst, in collaboration with Nina Baburina, *Grafica Russa, 1880—1917* (Florence: Cantini Editore, 1990).

¹¹⁰ Jo Ann Ruckman, *The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905* (De Kalb: Northern Illinois University Press, 1984), p. 103; Е. И. Казанский, *Музыка в Москве, Москва в ее прошлом и настоящем*, том 11, с. 60—90; В. Герье, *О Московской городской думе*, под ред. А. С. Киселева и др., «Московский архив: Историко-краеведческий альманах» (М., Московское городское объединение архивов, 1996), с. 421—438; В. П. Зилоти, *В доме Третьякова* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954), с. 161—187.

¹¹¹ Rieber, *Merchants and Entrepreneurs...*, p. 205. Сергей Четвериков тепло вспоминает Николая Алексеева в своих мемуарах, см.: *Безвозвратно ушедшая Россия. Несколько страниц из книги моей жизни* (Берлин: Москва-Логос, 192?), с. 83—94.

¹¹² Л. Ф. Писарькова, *Городские головы Москвы (1863—1917 гг.)*, *Отечественная история* 1997, № 2, с. 3—19: 8—10.

¹¹³ Iurii A. Petrov, 'Moscow City': Financial Citadel of Merchant Moscow, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 45—50: 40. Информация о семье Алексеевых почерпнута из книги Ульяновой Благодарительность московских предпринимателей.

¹¹⁴ См. мемуары Найденова: Н. А. Найденов, *Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. 1903—1905* (Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1976).

¹¹⁵ Owen, *Capitalism and Politics...*, pp. 86—87.

¹¹⁶ Яркие воспоминания о купеческом меценатстве содержатся во многих мемуарных работах. См., например: Валерий Брюсов, *Дневники, 1891—1910* (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1927); Валерий Брюсов, *Из моей жизни. Моя юность, памяти* (М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1927); Четвериков, *Безвозвратно ушедшая Россия...*; В. С. Мамонтов, *Воспоминания о русских художниках* (М., Издательство Академии художеств СССР, 1950); Владимир Немирович-Данченко, «Моя жизнь в русском театре» и Зилоти, *В доме Третьякова*.

Анализ истории меценатства в «купеческой Москве» содержится, в частности, в следующих работах: Stuart Ralf Grover, *Savva Mamontov and the Mamontov Circle, 1870—1905: Art Patronage and the Rise of Nationalism in Russian Art* (Ph. D. diss., University of Wisconsin, Madison, 1971); Beverly Whitney Kean, *French Painters, Russian Collectors: The Merchant Patrons of Modern Art in Pre-Revolutionary Russia* (London: Hodder and Stoughton, 1994).

¹¹⁷ Ruckman, *The Moscow Business Elite...*, pp. 128—129.

¹¹⁸ Sergei V. Kalmykov, *Commercial Education and Cultural Crisis of the Moscow Merchant Elite*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 109—116.

¹¹⁹ Владимир Немирович-Данченко, «Моя жизнь в русском театре». Увлекательный рассказ современника о годах становления Московского Художественного театра см.: З. И. Жамурина, *Московские театры в XIX веке. Москва в ее прошлом и настоящем* 11, с. 29—59.

¹²⁰ Это особо отмечается в работе Б. В. Ананьича: B. V. Anan'ich, *The Economic Policy of the Tsarist Government and Enterprise in Russia from the End of the Nineteenth through the Beginning of the Twentieth Century*, in Greg Guroff and F. V. Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* (Princeton: Princeton University Press, 1983), pp. 125—139.

¹²¹ Rieber, *Merchants and Entrepreneurs...*, pp. 165—170, 285.

¹²² Этот вопрос исследован в эссе Уильяма Блеквелла: William Blackwell, *The Russian Entrepreneur in the Tsarist Period: An Overview*, in Guroff and Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia...*, 13—26.

¹²³ Thomas C. Owen, *Doing Business in Merchant Moscow*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 29—36: 32.

¹²⁴ Thomas C. Owen, *Entrepreneurship and the Structure of Enterprise in Russia, 1800—1880*, in Guroff and Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia...*, pp. 59—83: 72.

¹²⁵ Ruckman, *The Moscow Business Elite...*, p. 115.

¹²⁶ Laura Engelstein, *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982), pp. 51—53.

Согласно правительственным постановлениям, до 1870 года городской совет состоял из представителей пяти сословий (социальная иерархия в Российской империи несколько напоминала французскую сословную систему представительства). После 1870 года в городской думе на основе имущественного ценза были установлены три новых «курии». В соответствии со статутом 1892 года курии были упразднены, а избирательное право предоставлено всем купцам «первой гильдии» и дееспособным владельцам недвижимости. По сути, в праве голоса при выборах в городскую думу было отказано всем, кто не владел собственным домом, — хотя в противоположность Чикаго и Осаке в выборах — через доверенных лиц — могли участвовать проходившие по имущественному цензу женщины.

Более конкретно: «вне зависимости от сословной принадлежности, право на участие в выборах получали проживавшие в городе налогоплательщики, владевшие недвижимостью или уплачивавшие особые налоги на проведение торговой и производственной деятельности. Кроме того, избирательными правами были наделены такие юридические лица, как различные правительственные ведомства, учреждения, объединения, компании, церкви и монастыри. Голосовать имели право мужчины, достигшие двадцатипятилетнего возраста, в то время как соответствовавшие избирательному цензу женщины могли голосовать только через специальных уполномоченных. Права на участие в выборах оказались лишены наемные рабочие (то есть подавляющее большинство не владеющих недвижимостью городских жителей), а также квалифицированные служащие, или «белые воротнички», то есть инженеры, врачи, учителя, чиновники и др». (Valeriia A. Nardova, *Municipal Self-Government after the 1870 Reform*, in Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova, eds., *Russia's Great Reform, 1855—1881* [Bloomington: Indiana University Press, 1994], pp. 181—196: 184).

¹²⁷ Юрий Лужков, *Москва — столица патриархальная*, *Общая газета*, 1994, № 26 (1—7 июля), с. 16.

¹²⁸ Valerii A. Nardova, *Municipal Self-Government after the 1870 Reform*, p. 184.

¹²⁹ Герье, О Московской городской думе, с. 424—425.

¹³⁰ А. А. Кизеветтер, На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914)», (Прага: Орбис, 1929), с. 19.

¹³¹ Л. Ф. Писарькова, Городские головы Москвы..., с. 7—8.

¹³² Ruckman, *The Moscow Business Elite*..., pp. 115—116.

¹³³ Там же, с. 116.

¹³⁴ Более подробно о деятельности Алексева на посту градоначальника см.: Rieber, *Merchants and Entrepreneurs*..., pp. 205—26, а также статью Аллы Белоусовой и Николая Ламана *Московский городской голова. К столетию со дня смерти Николая Александровича Алексева*, «Независимая газета», 17 марта 1993 г., с. 5.

¹³⁵ D. I. Mendelev, *Introduction, The Industries of Russia*, Vols. 1—2: *Manufactures and Trade*, trans. John M. Crawford. (Chicago: World Columbian Exposition, 1893), p. xix.

¹³⁶ Эти шаги градоначальника имели большой общественный резонанс. См., например: Писарькова, *Городские головы Москвы*..., с. 8—10; И. П. Машков, *Путеводитель по Москве* (М., Московское архитектурное общество, 1913), с. 85—106. Машков описывает городские системы водоснабжения и канализации в справочнике по архитектуре Москвы, подготовленном для участников 5-го конгресса архитекторов, который проходил в городе в 1913 г.

¹³⁷ См.: Лужков, Москва...

¹³⁸ О деятельности Астрова на посту мэра см.: Писарькова, *Городские головы Москвы*..., с. 15—16.

¹³⁹ Н. И. Астров, *Воспоминания* (Paris: YMCA Press, 1941), том. 1, с. 261.

¹⁴⁰ Склонность к «театральности» была в полной мере присуща купеческой Москве. См.: Clowes, *Merchants on Stage*...

¹⁴¹ Ульянова, *Благотворительность московских предпринимателей*...

¹⁴² Г. Ярославский, *Городское самоуправление Москвы*, (Москва в ее прошлом и настоящем 12), с. 17—48; Brumfield, *Aesthetics and Commerce*...

¹⁴³ Ю. Александров, *Гоголевский бульвар*, в сборнике *Московский архив. Историко-краеведческий альманах*, под ред. А. С. Киселева и др. (М., Московское городское объединение архивов, 1996), сс. 95—106. См. также письмо Павла Третьякова от 11 декабря 1893 г. В. В. Стасову об основании Третьяковской галереи: Письмо № 162 П. М. Третьякова В. В. Стасову, в книге *Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897*, под ред. Н. П. Галкиной и М. Н. Григорьевой (М., Искусство, 1949), сс. 171—174, 263—265. О заботе и активной поддержке галереи Алексеевым с благодарностью пишет знаменитый художник Илья Репин в письме Павлу Третьякову, датированном 12 августа 1891 г.: Письмо № 107, И. Е. Репин — П. М. Третьякову, в книге

Письма И. Е. Репина. *Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898* (М., Искусство, 1946), с. 148, под редакцией М. Н. Григорьевой и А. Н. Щекотовой. Другие свидетельства можно найти в мемуарах дочери Павла Третьякова Александры: Александра Павловна Боткина, Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве (М., Издательство Третьяковской галереи, 1951), с. 249—259.

¹⁴⁴ Owen, *Capitalism and Politics*..., p. 87. См. также: Valentine T. Bill, *The Forgotten Class: The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900* (New York: Praeger, 1959), p. 171. Этот эпизод нашел отражение и в книге Бурыйкина *Москва купеческая*, с. 130.

¹⁴⁵ Лужков, Москва; Юрий Лужков, *Мы дети твои, Москва* (М., Вагриус, 1996), с. 199—208.

¹⁴⁶ Hanchett, *Moscow in the late Nineteenth Century*..., p. 141.

¹⁴⁷ Timothy J. Colton, *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*... (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995), p. 35; Hans Rogger, *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. (Berkeley: University of California Press, 1986), p. 69. О развитии политики самодержавного правительства в отношении еврейского населения империи после аннексии Польши см.: Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union* (Syracuse: Syracuse University Press, 1951); Т. Б. Гейликман, *История общественного движения евреев в Польше и России* (М., Государственное издательство, 1930); Юлий И. Гессен, *История еврейского народа в России* (СПб, Типография Л. Я. Ганзбурга, 1916).

Согласно работе М. С. Куповецкого, Еврейское население Москвы (XV—XX вв.) в сборнике под ред. Е. М. Поспелова и др., *Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры* (М., Московский филиал географического общества СССР, 1987), с. 58—71, начиная с XVII века, еврейское население Российской империи в основном происходило из присоединенных к России областей Белоруссии, Украины и Польши. Евреи уже некоторое время проживали в Москве, но сколько-нибудь значительная еврейская община сформировалась здесь только в XIX веке. Ко времени отмены крепостного права в 1861 г. в Москве проживало менее 300 евреев. Еврейское население Москвы стремительно росло в течение последующих трех десятилетий и ко времени указа о высылке 1891 года его численность достигала 35 000. После указа о высылке некоторые евреи просто расселились по окрестностям города, но большинство, вероятно, вернулось в Польшу и прилегающие области.

Еврей-купцам первой гильдии было разрешено вернуться в Москву после 1899 года при соответствующем разрешении министерства финансов в Санкт-Петербурге и генерал-губернатора Москвы. В город прибыло также большое число евреев-студентов: к 1916 году в Москве насчитывалось около 3000 студентов еврейского происхождения. Ко времени же революции 1917 года численность постоянно проживающих в Москве евреев достигла 60 000, что составляло примерно 3% от общего населения города.

- ¹⁴⁸ Owen, *Capitalism and Politics...*, p. 103.
- ¹⁴⁹ Owen, *Capitalism and Politics...*, p. 103.
- ¹⁵⁰ Ruckman, *The Moscow Business Elite...*, p. 117.
- ¹⁵¹ West, *Merchant Moscow in Historical Context*, p. 5.
- ¹⁵² Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906—1914* (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1987), pp. 154—180; М. П. Щепкин, *Общественное хозяйство города Москвы в 1863—1887 годах. Историко-статистическое описание.* (М., Московская городская типография, 1890).
- ¹⁵³ Писарькова, *Городские головы Москвы...*, с. 10—15.
- ¹⁵⁴ О функциях имперских министерств в указанный период см.: Hans Rogger, *Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881—1921* (London: Longman, 1983), pp. 27—43.
- ¹⁵⁵ Petrov, *Moscow City*; James L. West, *Visions of Russia's Entrepreneurial Future: Pavel Riabushinsky's Utopian Capitalism*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 161—170; James L. West, *The Fate of Merchant Moscow*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 173—178; James L. West, *Merchant Moscow in Historical Context*, in West and Petrov, eds., *Merchant Moscow...*, pp. 3—12; James Lawrence West, *The Moscow Progressists: Russian Industrialists in Liberal Politics, 1905—1914* (Ph.D. diss., Princeton University, 1974), pp. 57—64; Ruth AmEnde Roosa, *Russian Industrialists in an Era of Revolution: The Association of Industry and Trade, 1905—1917*, ed. Tomas C. Owen (Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1997); Ruth AmEnde Roosa, *Russian Industrialists during World War I. The Internationalization of Economics and Politics*, in Guroff and Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia...*, p. 159—187; Ruth AmEnde Roosa, *The Association of Industry and Trade, 1906—1914: An Examination of the Economic Views of Organized Industrialists in Pre-revolutionary Russia* (Ph.D. diss., Columbia University, 1967).
- ¹⁵⁶ Эти данные почерпнуты из работы: Jeffrey Eldon Hanes, «Seki Hajime and the Making of Modern Osaka» (Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1988), pp. 1—11.
- ¹⁵⁷ Mayor of Osaka [Mr. Ikegami Saburo]: *Impending Resignation*, Japan Weekly Chronicle (Kobe), November 15, 1923, p. 687; Mayor of Osaka: *Retiring Bonus*, Japan Weekly Chronicle, December 13, 1923, p. 829.
- ¹⁵⁸ Edward Seidensticker, *Low City, High City: Tokyo from Edo to the Earthquake* (New York: Knopf, 1983), p. 30.
- ¹⁵⁹ Hanes, «Seki Hajime...», p. 2.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 25—27.
- ¹⁶¹ Там же, с. 29—33.
- ¹⁶² Там же, с. 38—46, 67.
- ¹⁶³ Там же, с. 101.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 6—8.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 2—5.

- ¹⁶⁶ Там же, с. 67—95.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 251—255.
- ¹⁶⁸ New Deputy-Mayor for Osaka: Dr. Seki Recommended, Japan Weekly Chronicle, July 16, 1914, p. 137.
- ¹⁶⁹ Hanes, «Seki Hajime...», pp. 322—323.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 208—233, 322—331.
- ¹⁷¹ См., например, работу Чарльза Бирда о муниципальном управлении, написанную в 1923 году для недавно основанного по указанию мэра Токио Гото Симпеи Токийского института муниципальных исследований. В отчете Бирда рассматриваются многие вопросы муниципального управления в японских городах. Charles A. Beard, *The Administration and Politics of Tokyo: A Survey and Opinions* (New York: Macmillan, 1923). О карьере токийского градоначальника Гото Симпеи см.: Yukiko Hayase, «The Career of Goto Shimpei: Japan's Statesman of Research, 1857—1929» (Ph.D. diss., Florida State University, 1974).

Практика прагматического плюрализма: город, переходный капитализм и значение Москвы

Чикаго, Осака и Москва начала XX века удачно описываются характеристикой, данной Чикаго Линкольном Стеффенсом: «[город] насилия, тонущий в грязи; громкий, не подчиняющийся законам, неприятный, зловонный, непочтительный, новый; разросшаяся деревня, «громила» среди городов, цирк для всей страны»¹. Все три городских сообщества олицетворяли новый тип урбанистического образования: быстро адаптирующийся, сложный, многоликий городской центр столичного размаха, созданный благодаря частному капиталу и, в свою очередь, воссоздающий частный капитал, которым движут передовые технологии².

Чикаго, так же как Москву и Осаку, часто изображали суровым, тяжелым городом. Столица Среднего Запада заставила Редьярда Киплинга воскликнуть в 1899 году: «Раз увидев его, я искренне желаю никогда не видеть его снова! Его населяют дикари. Его вода – это вода Хугли [река, протекающая по Калькутте], а его воздух – грязь»³. Киплингу не стоило утруждать себя яростными инвективами – много лет описывавший чикагскую городскую жизнь журналист Джордж Эйд однажды заметил: «Этот город никогда не бывает удовлетворен собой»⁴.

Но не все в Чикаго, Москве или Осаке измерялось жестокостью и грубостью. Чикаго стали воспринимать как воплощение американского города именно благодаря его новизне и дерзкой утилитарности. Однако бок о бок с торговлей и промышленностью здесь всегда бурлила культурная и интеллектуальная жизнь⁵. Американский социолог конца XX века Гарри Уиллз справедливо отметил: «У Чикаго богатая история гнусностей и злодеяний – и реакция на бунт на площади Хеймаркет, и «резня» в день Святого Валенти-

на, и расщепление атома на площадке Стег-филд* Чикагского университета. Однако пришлось время отказаться от досужих разговоров об этом «мужском городе», у которого будто мышцы вместо головы. Дело в том, что у Чикаго с самого начала голова была на плечах. Этот разум в первую очередь работал ради торговли и технологий, но был направлен и на реформаторскую, творческую в социальном смысле деятельность»⁶. Подобно Чикаго, домом для социальных реформаторов, удачливых дельцов, изобретателей и художников были в начале XX века и Москва, и Осака.

Сто лет назад Чикаго, Москва и Осака были во многом схожими городами, укорененными в различных общественно-политических системах. Различия между этими системами предопределили дальнейшее развитие всех трех городов. В период, рассматриваемый в настоящей работе, Чикаго, Москва и Осака были крупнейшими торговыми центрами на пике крупных социальных, технологических, экономических и политических преобразований. Некоторые характеристики роднили эти города друг с другом больше, чем с их национальной общественной средой обитания. Методы, предлагавшиеся в этих городах для решения разнообразных вопросов городского устройства, зачастую отличались от тех, что применялись в иных центрах Соединенных Штатов, России и Японии.

Неготовность общества наделить законным статусом практику прагматического плюрализма привела в конечном итоге к размыванию богатого наследства этих великих частных метрополисов. Плюралистичный подход к понятию власти и вопросам городского управления отличается хрупкостью, а потому он должен быть в равной мере отражен и в коллективной памяти, и в правовых нормах. Для существования политики компромиссов легенды о хищных чикагских политиках важны настолько же, насколько городские хартии и законы штата. Уничтожение большевиками коллективной памяти о дореволюционном времени повредило политике прагматического плюрализма в

* Стег-филд – здание Чикагского университета, в подвале которого, на площадке для игры в сквош, Энрико Ферми и его коллеги осуществили 2 декабря 1942 года первую контролируемую ядерную цепную реакцию.

Москве в той же мере, в какой ее сгубили изменения в городских законах прежних времен. Тем не менее постигшая эту политику неудача не умаляет ценности сравнительных исследований исторического периода, который рассматривается в настоящей книге.

Три крупных капиталистических города в переходный период

Питер Холл утверждает, что в истории творческих городов прослеживаются общие закономерности⁷. Размеры города приобретают важность, так как способствуют его усложнению и диверсификации. Жилищные условия в таких центрах часто ужасающие. Города с большим творческим потенциалом часто находятся в переходном состоянии от старых к новым и неизведанным формам организации⁸. Избыточное богатство привлекает переселенцев с четырех сторон света⁹. Холл пишет, что, возможно, ни один город не может быть творческим без постоянного притока новой крови¹⁰.

Чикаго, Москва и Осака разделяют эти черты с десятками других городов, составляющих предмет авторитетного исследования Холла «Города в цивилизации». Речь идет об открытых, неиерархичных городах, которые, согласно Холлу, и есть ключ к творчеству и цивилизации. Именно социально фрагментированные и пространственно сжатые сообщества, в которых большие массы людей, не имеющих особых причин приязненно относиться друг к другу, вынуждены искать пути мирного сосуществования, служат источником прагматического плюрализма.

Чикагским магнатам удалось использовать правительственные институты и ресурсы для защиты собственных крупных вложений. По иронии судьбы их успех в известной мере объясняется полувековым опытом социальной, экономической и политической фрагментации. Чикагские землевладельцы учились премудростям коалиционной политики по мере того, как разнообразные классовые и этнические пирамиды приходили на смену унитарным общественным системам. Они удерживали власть в той

мере, в какой это было необходимо для защиты своей собственности, поступаясь властью там, где это не имело значения.

Постоянно изменяющиеся условия многополярной политической игры приводили к образованию удивительных коалиций, как становится очевидно на примере семидесятилетней истории «транспортных войн» в Чикаго. Реформаторы-аристократы объединялись с этническими политическими машинами, профсоюзные боссы искали союзников в корпоративной среде, средний класс общества взаимодействовал с примыкающими к нему социальными группами, город сотрудничал с деревней, ирландцы и немцы – с поляками и евреями.

Как следует из ожесточенных дебатов вокруг городской хартии в первые годы XX века, ни одна из социальных групп не могла взять верх в быстро меняющемся мире Чикаго. Развивающиеся политические структуры несколько сглаживали острые углы социальной разобщенности, способствуя созданию равных возможностей для всех горожан. Кроме того, новые институты побуждали наиболее успешных городских политиков, таких как Картеры Гаррисоны, овладевать политикой компромиссов. Этому способствовала и процветающая национальная и местная экономика: расширяющаяся экономическая база, казалось, предоставляла неисчерпаемые возможности для улучшения качества жизни. Как отмечала Эстер Фукс, американская городская политика стала гораздо более конфликтной как раз тогда, когда изменились приоритеты, – вопрос состоял более не в том, «кто получит тот или иной кусок растущего пирога, а кто получит больше пирога»¹¹.

В противоположность бурному расцвету Соединенных Штатов, экономику царской России ожидал крах. Министры Николая II не признавали необходимости сотрудничества с новыми социальными силами российского общества. Национальные политические институты исключали возможность общественной активности широких масс. Чиновники и правящая верхушка свели на нет все попытки учреждения более плюралистичных по духу институтов, предпринимавшиеся в период революции 1905 года¹². Прагматический плюрализм проиграл.

Примечательно, что по мере роста городской экономики и населения в местной политической жизни Москвы стали отчетливее проступать плюрастические тенденции. Деятельные градоначальники из купеческой среды – такие как Николай Алексеев – успешно укрепляли власть городского правительства, расширяя сферу муниципальных услуг. Филантропы и общественные деятели способствовали учреждению образовательных, медицинских и общественных организаций, призванных помочь растущему рабочему классу. Местные обычаи и политическая культура отражали бурный характер московской экономической жизни.

Самодержавное правительство, его чиновники и представители в Москве, опирающиеся на местных консерваторов, всячески препятствовали образованию новых институтов. В эпоху обостряющейся политической конфронтации реформаторски настроенным московским купцам и землевладельцам становилось все сложнее искать союзников на правом или левом флангах российского общества. В условиях непримиримой борьбы за абсолютную власть политика компромиссов и различий потерпела неудачу. По мере вхождения России в советскую эпоху в небытие ушли те самые общественные группы, которые создавали живую, динамичную Москву рубежа веков.

Конец XIX века был ознаменован умеренными реформами и в Осаке. Высокие темпы развития национальной экономики благотворно сказались на местной политической системе: с 1890 по 1914 год уровень производства и реальные доходы населения в Японии выросли почти вдвое¹³. Наиболее успешные осакские политики, такие как Секи Хаджиме, исповедовали принципы терпимости и компромиссов. Их достижения были значительны, а порой и осязаемы, как в случае грандиозного проекта строительства городского порта.

Общественные бедствия, например «рисовые бунты» 1918 года, были обусловлены неспособностью ведущих осакских промышленников и финансистов объединиться в гражданские коалиции, которые могли бы смягчить негативные последствия индустриализации. Окончательное поражение плюрализма в Осаке по форме отличалось от исхода этой политики в Москве: маятник японского общества

качнулся в сторону ультраправого авторитарного правления и воинствующего экспансионизма. Институты и нормы политического поведения, основанные на внимании к различным общественным интересам, не смогли укорениться на общенациональном уровне: основы местной культуры прагматического плюрализма в Осаке были подорваны.

Так, полная потрясений политическая история Чикаго, Москвы и Осаки доказывает, что прагматичные городские правители могут выполнять роль исключительно важного буфера между избирателями и наиболее разрушительными факторами социальных, экономических и политических преобразований. Прагматичные политики, приверженные стратегии компромиссов и умеющие выработать коалиционный подход к решению конкретных вопросов общественной значимости, способны смягчить напряженность, возникающую в результате дробления некогда прочной социальной, политической, экономической и культурной иерархии. Однако для этого городские политики должны стремиться защищать интересы своего региона и сообщества, не отдаваясь алчности и страсти к политическим барышам. Местные партийные машины не смогут защитить своих избирателей от худших последствий экономической неустойчивости, нехватки ресурсов и структурных реформ, если они занимаются только погоней за богатством.

Хуан Клос, мэр Барселоны в конце XX века, сказал, что основа города – это сложность, которая складывается из многих тысяч человеческих отношений¹⁴. Политики обязаны принимать сложность и оставаться смиренными даже в честолюбивых замыслах, потому что успех преходящ, а финансовые ресурсы – конечны. Строительство коалиций между несопоставимыми на первый взгляд общественными группами – один из немногих инструментов, остающихся в распоряжении властей большого города. Клос, его предшественник легендарный Паскаль Маргалл и их коллеги уверенно вошли в число самых успешных городских управляющих XX века именно благодаря прагматичному, ориентированному на результат подходу к управлению Барселоной¹⁵. Уроки, которые можно вынести из их деятельности, не ограничены в пространстве и времени и представляют ценность не меньшую, чем

опыт управления взрывообразно растущими промышленными городами конца XIX столетия.

Поражение молодых демократических институтов в Москве и Осаке, а также возникновение хищнической политической машины в Чикаго на исходе Первой мировой войны устанавливает пределы прагматического плюрализма. Подобно описанным Холлом городам-новаторам, политика коалиционного строительства требует постоянного внимания. Стабильность, которую-де приносят исповедующие прагматический плюрализм политические деятели, оказывается иллюзорной перед лицом стремительно меняющегося мира. Удержание власти во время резких социальных и экономических сдвигов – результат необычайно хрупкого равновесия¹⁶. Так, невозможно не считать выдающимся политическим достижением длительное пребывание во власти демократической партии в Чикаго, в частности то, что демократы занимали кресло чикагского мэра с 1931 по 1979 год.

Действенность политической стратегии прагматического плюрализма особенно ярко проявляется в сложные периоды социальных и экономических перемен. Говоря о воздействии революции Мэйдзи на провинцию Кавасаки, Нил Л. Уотерс высказал мысль, которая в равной степени подходит для описания ситуации в Чикаго, Москвы и Осаке: «Экономическое многообразие и сильная местная власть оказались необычайно эффективной защитой от нежелательных последствий перехода к режиму Мэйдзи»¹⁷.

«Несмотря на то что правители Кавасаки при Мэйдзи были на бумаге функционерами жестко централизованной системы, – продолжает Уотерс, – они решительно и небезуспешно приспособляли заданную сверху программу реформ к местным интересам»¹⁸. Последнее привело не к сворачиванию реформ, но совсем напротив. «Способность местных властей защитить провинцию Кавасаки от некоторых кратковременных, но от того не менее разрушительных последствий ранних административных и экономических реформ Мэйдзи, – утверждает Уотерс, – объясняет, почему провинции удалось перейти от Бакумацу к Мэйдзи без всплесков насилия»¹⁹.

Насилие, увы, сопутствовало всем трем городам, рассматриваемым в настоящей работе. Наиболее яростные

нападки на политику реформ и прагматического плюрализма происходили со стороны авторитарных популистов, провозглашавших принципы национальной исключительности. В своем исследовании творческих городов Питер Холл отмечает, что «для обществ, находящихся в стадии экономических преобразований, характерны и перемены в общественных отношениях, системе ценностей и взглядов на мир. Представляется уместным следующее обобщение: в таких обществах очевидно неустойчивое и напряженное равновесие между парадигмой консервативных сил и ценностей – аристократических, иерархичных, религиозных, конформистских – и прямо противоположными, то есть буржуазными, открытыми, рационалистическими, скептическими ценностями. Такие общества охвачены тревогой: они постепенно утрачивают прежние ориентиры и глубоко озабочены тем, что с ними происходит»²⁰.

Если рассматривать Москву в сравнительном контексте, сопоставляя ее историю с историей других подобных городов, самобытность этого города, как, впрочем, и всей России, окажется не такой исключительной, как настаивает националистический миф.

Москва и сущность русской «исключительности»

Многие эпизоды, о которых повествуется в настоящей работе, казалось бы, подтверждают мнение о принципиальном отличии Москвы и России от стран, располагающихся вдоль североатлантического побережья. Революция системы управления, приведшая к бурному росту Чикаго в рассматриваемый период, была ответом на развитие североамериканского потребительского рынка представителей среднего класса. Ведущие чикагские предприниматели – Пульман, Мак-Кормик, Филд – производили товары и услуги для стремительно растущего рынка людей со средним достатком. Выдающиеся осакские предприниматели, например Сибусава и Номура, также чутко реагировали на развивающийся средний класс японского общества. С другой стороны, старообрядческие купцы и промышленники Москвы гораздо дольше, чем это представляется

разумным, приглядывались к относительно вялому, преимущественно аграрному российскому рынку.

Складывается впечатление, что столь важный для Чикаго и Осаки средний слой в российском обществе попросту отсутствовал²¹. Харли Бальцер утверждает обратное, а именно, что «к 1900 году специалисты составляли большинство нарождающегося в России среднего класса и играли более активную роль в политической жизни, чем торговая и промышленная буржуазия»²². Однако, «географические и экономические различия во многом препятствовали выработке единого подхода к решению общественных задач»²³. По причинам, изложенным в настоящей работе, это тем более справедливо в отношении Москвы, пожалуй самого автономного экономического центра России.

Кристиан Руан полагает, что утверждения об отсутствии в России профессионального сословия однобоки. «По причине того, что русские профессионалы не вполне соответствуют критериям англо-американской модели, — пишет она, — большинство западных ученых склонны считать, что профессиональная революция в России окончилась неудачей». Руан утверждает, что российские специалисты и профессионалы принимали деятельное участие в важных общественных преобразованиях, хотя и не создали западную модель профессиональной деятельности²⁴. Настоящая книга вполне согласуется с данным выводом.

Подчиненные государственной системе, которая подавляла свободное предпринимательство, зажатые в тисках сословного общества и зачастую прибегающие к националистической риторике, призванной скрыть слабость российского капитализма, некоторые из московских купцов так и не изжили своих предрассудков²⁵. «Устаревшие взгляды оборачивались традиционализмом в бизнесе, консерватизмом в политике и национализмом в культуре»²⁶.

России действительно была присуща некоторая непохожесть — не в последнюю очередь из-за своеобразия русского самодержавия²⁷. Растущее профессиональное сословие российского общества сохраняло верность стародавним идеалам государевой службы²⁸. Российские рабочие были зажаты между городом и деревней, порою разрываясь между фабрикой и крестьянским хозяйством²⁹. Неустойчивое

положение рабочих препятствовало техническому прогрессу, вело к производственным срывам и, по мнению некоторых исследователей, катастрофически снижало промышленный потенциал города. В первые десятилетия XX века Москва сохраняла удивительно патриархальный облик³⁰.

Наиболее уместным представляется здесь сравнение с Осакой. Безусловно, осакские дельцы немало натерпелись от имперских чиновников из Токио. Об этом говорится на многих страницах этой книги. Однако правительства периодов Мэйдзи и Тайсё, по сути, были привержены идее превращения Японии в промышленно развитую капиталистическую державу. Императоры и их советники стремились построить современное японское государство по европейскому образцу (несмотря на неясность в выборе конкретной европейской модели и неопределенность понятия державы).

Романовы не ставили перед собой таких целей со всей определенностью³¹. Они преследовали другую задачу: сохранить место России в игре европейских держав, не затронув систему власти в самой стране. После беспорядков 1905—1907 годов Николай II при каждой возможности отступал от реформ³². Непоследовательная политика парализовала самодержавную власть, установленную династией Романовых. При удивительном сходстве между Москвой и другими крупными городскими сообществами начала XX века Россию отличала от Японии и Америки именно бездарная и некомпетентная имперская элита.

Поле для исследований

Сами по себе поиски аналогий между Москвой и европейскими или североамериканскими городами, а также между Россией и Западом, не могут до конца прояснить все вопросы истории развития русского общества. Бесконечные доводы «за и против» русской исключительности вызывают досаду. В настоящей работе предпринята попытка выйти за пределы вековых споров и рассмотреть отдельные аспекты российской истории с позиции некоторых отдаленных во времени реальностей русского общества. В данном случае феномен Москвы был изучен в

сравнении с историографией городских сообществ в США и других странах, а также в свете дискуссии о связи между прогрессом и городской средой.

Следует надеяться, что очерки, подобные тем, что предложены в настоящем томе, будут способствовать развитию городской историографии и с течением времени расширят поле теоретических исследований, посвященных месту города в истории цивилизации. Классические труды Льюиса Мамфолда «Культура городов» и «Город в истории», а также выдающаяся работа Питера Холла «Города в цивилизации» устанавливают высокую планку для будущих исследователей³³.

Историко-социологические работы ученых, не обладающих широтой и видением Мамфолда и Холла, могут тем не менее сыграть известную роль в деле формулировки общих положений и развития исторических моделей. Как убедительно продемонстрировал Дэвид Хэммак в работе о Нью-Йорке, анализ сложных исторических процессов немислим без языка цифр и конкретных примеров³⁴. Шесть социологических этюдов и очерки о четырех градоначальниках, приведенные в этой книге, отвечают требованию Хэммака: в них предпринята попытка изучить некоторые закономерности городской жизни Чикаго, Москвы и Осаки. В то же время они лишь добавляют несколько штрихов к массиву существующих сравнительных исследований городской истории.

Россия на рубеже веков отличалась от Европы, Северной Америки и Японии настолько же, насколько Москва во многих отношениях походила на Чикаго и Осаку. Все же о каком сходстве идет речь? При всей непохожести России и Запада, при всей разнице между московскими и чикагскими дельцами, между хмуро молчащими московскими рабочими и их воинственными собратьями в Чикаго или между православными интеллектуалами-славянофилами и адептами инструментализма Дьюи, Москва, безусловно, не была более отсталой, чем Чикаго или Осака. По крайней мере, можно с известной определенностью утверждать, что москвичи Антон Чехов, Александр Горский, Василий Кандинский, Антон Рубинштейн и Константин Станиславский (назовем лишь некоторых) оста-

вили более глубокий след в мировой культуре, чем их современники из Чикаго или Осаки.

Культурные достижения Москвы вряд ли можно назвать случайностью³⁵. Совсем наоборот: они были прямым следствием грубоватого московского меркантилизма, социальной напряженности, политической неустойчивости и переходного капитализма. Культурные достижения Москвы уходят корнями в ту же почву, что и прагматический плюрализм этого города в отношении социальных различий. Культура произрастала из столкновения между талантом и городом. Об этом в своих знаменитых мемуарах «Моя жизнь в искусстве» с гордостью пишет Станиславский: «Судьба благоволила мне всегда. Она окружила меня людьми и обществом. Во-первых, я вошел в жизнь в пору значительного оживления искусства, науки и эстетики. В Москве это произошло в том числе благодаря молодым купцам, которых интересовали не только их дела, но и искусство»³⁶.

Элиз Кимерлинг Виртшафтер справедливо отмечает, что Россия вообще и Москва в частности отличались от остального мира необычайным динамизмом. Так случилось вопреки или, быть может, благодаря отсутствию конституционного самоуправления и чрезмерного вмешательства государства в процесс промышленного развития³⁷. Москва, так же как Осака и Чикаго, во всем была предвестником XX века.

Назад в будущее

Наверное, ни один футуролог не смог бы в 1900 году правильно предсказать судьбы Чикаго, Москвы и Осаки в XX веке. Многие из того, что произошло за последние столетия, вряд ли могло привидеться людям на рубеже веков. После Первой мировой войны траектории развития великих вторых городов разошлись.

Всем им, однако, сопутствовал рост населения: к 1990-м годам число жителей Чикаго составило более восьми миллионов, Москвы – около девяти миллионов, а Осаки – десять миллионов человек. Все три города остаются центрами экономической мощи, ежегодно производя больше ма-

териальных ценностей, чем многие страны мира. Все три города по-прежнему выполняют роль крупнейших транспортных центров. Тем не менее сегодня значение Чикаго и Осаки для своих стран неизмеримо меньше, чем столетие назад. Москва, в свою очередь, вошла в число мировых столиц: в городской иерархии Москве нет равных на сотни миль на запад – до Берлина, и на тысячи миль на восток – до Пекина.

Городская застройка начала XX века претерпела в каждом из трех городов коренные изменения. В районе чикагского Лупа по-прежнему высятся небоскребы героической эпохи, однако богатые кварталы переместились на север, ближе к обновленной Мичиган-авеню. Город все глубже врывается в прерию вдоль соединяющих штаты автомагистралей. Завод и склады Пульмана, занимавшие такое важное место в жизни Чикаго XIX века, давно закрылись, оставив огромные шрамы в Саут-сайде – южных районах города.

Красная армия остановила гитлеровский вермахт на самых подступах к Москве, избавив город от разрушения во Второй мировой войне. Малочисленные островки купеческой Москвы пережили маниакальные проекты советской эпохи, превратившие древний торговый город в столицу тоталитарной империи. Старинные особняки на Спиридоновке, Малой Бронной, Большой Никитской и других улицах ныне служат посольствами иностранных держав. Деревянный город, составлявший значительную часть Москвы на рубеже веков, сохранился лишь в смутных воспоминаниях старожилов: в 1960–1970-х годах Москву заполнили типовые многоэтажки.

За исключением нескольких крупных общественных зданий и сооружений на или близ острова Наканосима, таких как Банк Японии, библиотека префектуры, Дворец собраний и Императорский монетный двор, Осака прошлого была уничтожена американскими бомбами и хищными фирмами по строительству недвижимости. Сегодняшняя Осака – это море цемента и дурного вкуса.

Горожанин XIX века мог бы предвидеть, что в ближайшие сто лет его город ожидает рост населения и физические изменения облика. Предсказать сложнейшие социальные и экономические перемены оказалось бы несрав-

ненно труднее. После 1920 года все три города стали резко отличаться от того, чем были раньше, притом что Чикаго и Осака сохранили некоторые общие черты, а Москва переросла в совершенно иную урбанистическую форму.

Для Чикаго XX век ознаменовался тремя важными тенденциями развития, которые коренным образом изменили лицо города. В демографическом плане расовый вопрос стал существенным фактором городской жизни благодаря миграции с юга десятков тысяч афроамериканцев. Этническая и религиозная принадлежность по-прежнему имеют в Чикаго значение. Однако расовый барьер фактически стер этнические различия между белыми обитателями города, которые все чаще противопоставляются чикагцам афроамериканского происхождения. В политическом контексте острое соперничество между десятками партийных группировок, о котором повествуется в главах этой книги, сменилось полувековым господством одной партийной машины. Политика партийной машины превратила некогда многоликий Чикаго в город жесткого выбора – белые против черных, политика партийной машины против реформистской оппозиции, предместья против центра.

С точки зрения экономики Чикаго перестал быть местом, где будущее превращалось в настоящее, к началу 1920-х годов. Основой экономической мощи Северной Америки стал Солнечный пояс*, постепенно вытеснявший с этих позиций Средний Запад. По численности населения Чикаго формально стал третьим городом США (уступив к началу 1980-х Лос-Анджелесу), притом что его экономическое могущество было подорвано гораздо раньше. По сравнительным показателям экономика города переживает упадок и сталкивается с многочисленными проблемами, вызванными постиндустриальным переходным периодом и глобализацией экономики. Битвы за трамвайные пути забыты, как и сами трамваи; в мире вашингтонских бюрократов и управляющих транснациональными банками споры вокруг городской хартии выглядят почти причудой. Вопросы, которые актуальны для политической жизни Чикаго на рубеже XXI века, принципиально отли-

*Штаты, расположенные на крайнем юге, юго-западе и западе США.

чаются от тех, что тревожили умы горожан в начале XX столетия.

Осака тоже сталкивается с трудностями постиндустриальной глобализации. Текстильное производство и другие отрасли промышленности, основанные на дешевой рабочей силе, ушли в прошлое. После чудовищных разрушений Второй мировой войны город буквально восстал из пепла: своеобразной кульминацией двадцатипятилетних усилий по его восстановлению стала Всемирная выставка в Осаке в 1970 году. Война оставила и более глубокие, хотя менее заметные раны. Осацкий порт был ориентирован на внутренние области азиатской империи Японии, утерянной в 1945 году. Некоторые районы старой Осаки пользуются дурной славой и считаются одними из наиболее опасных в Японии. На послевоенный период приходится упадок осакских предприятий тяжелой промышленности, и это ставит перед руководством города трудноразрешимые социально-экономические проблемы, подобные тем, что тревожат Чикаго, Манчестер и Марсель.

Опасность кроется для Осаки и в чрезмерной централизации государственной власти в послевоенной Японии. Сосредоточенная в Токио политическая и экономическая власть приводит к оттоку из Осаки жизненно необходимых финансовых ресурсов. Немногочисленные оставшиеся здесь штаб-квартиры крупных компаний выполняют скорее декоративные функции. К 1990-м годам соседствующий с Токио Йокогама обогнал Осаку, став вторым по величине японским городом. Как и Чикаго, Осака перестала быть местом, где будущее становится настоящим.

Главная тема в московской городской истории XX века – это роль Москвы как огромной имперской столицы. Предпринятый Лениным в 1918 году перенос политической столицы из Санкт-Петербурга в Москву должен был стать временной мерой, вызванной суровой действительностью Гражданской войны. Ничто в жизни не бывает постояннее временного. Советская власть обосновалась в Москве, и город стал расти с большевистским размахом. Москва превратилась в ставку и командный центр идеологической империи, влияние которого ощущалось на всех континентах. Отсюда осуществлялся надзор за беспрецедентной в исто-

рии военной машиной и системой лагерей. Москва стала выставкой достижений социалистического строя. Социализм и столичный статус преобразили город, создав новую культуру абсолютной власти, основанной на принципе «кто кого», в которой не было места для политики компромиссов, превалировавшей в Москве накануне Октябрьской революции³⁸. Москва превратилась в столицу гигантской континентальной империи, простершийся на дюжину часовых поясов, в то время как Чикаго и Осака из вторых городов постепенно становились третьими. Часы от Праги до Пхеньяна показывали московское время. Такого будущего не предрек бы в 1900 году ни один прорицатель.

Распад Советского Союза почти не отразился на господствующем положении Москвы в Центральной Евразии. Что касается экономики, сегодня Москва еще больше отличается от остального Центральноевразийского региона, чем десять лет назад. Современная Москва небезуспешно рвется на самую вершину мировой городской иерархии. Москва настоящего – это империалист среди городов, в масштабах, о которых не могли и помыслить москвичи конца XIX века.

Несмотря на все перемены, политическая жизнь современной Москвы ближе к настроениям начала XX столетия, чем в Чикаго или Осаке. Советская власть не уничтожила мир 1900-х, но скорее сохранила его в янтарной скорлупе. Янтарь треснул, и на поверхности стали появляться доисторические создания. Современные москвичи жарко спорят о проблемах социального неравенства, филантропии и образования – почти так же, как это делали их прадеды. Основной вопрос, стоящий перед Москвой сегодня, не отличается от того, что тревожил умы людей столетие назад: как Россия может остаться великой державой и на равных с Западом участвовать в общемировых процессах развития, не отступая от собственных традиций, нравов и представлений? В поисках ответа москвичи пытаются историю, надеясь, что их будущее можно найти в прошлом. События и темы, обсуждаемые в настоящей работе, созвучны современной Москве. В отличие от Чикаго и Осаки, Москва остается тем городом, где будущее можно найти в прошлом.

Примечания

¹ Lincoln Steffens, «The Shame of the Cities». (1904, reprint, New York: Hill and Wang, 1992), p. 163.

² Уместно вспомнить фразу Генри Смита: «Город никогда не таков, как мы его себе представляем, он всегда более сложен и изменчив, чем наше представление о нем». Henry D. Smith II, «Tokyo and London; Comparative Conceptions of the City», in Albert Craig, ed., *Japan: A Comparative View*, (Princeton: Princeton University Press, 1979), pp. 49—99: 49.

³ Rudyard Kipling, *How I Struck Chicago, and How Chicago Struck Me: Of Religion, Politics, and Pig Sticking, and the Incarnation of the City among Shambles*, in Bessie Louise Pierce, comp., *As Others See Chicago: Impressions of Visitors, 1673—1933*, (Chicago: University of Chicago Press, 1933), p. 251.

⁴ George Ade, *Stories of the Streets and of the Town: From the Chicago Record, 1893—1900*. ed. Frank J. Meine. (Chicago: Claxton Club, 1941), p. 104.

⁵ Положение, красноречиво и убедительно доказанное в работе: Helen Lefkowitz Horowitz, *Culture and the City: Cultural Philanthropy in Chicago from the 1880s to 1917*. (Lexington: University Press of Kentucky, 1976).

⁶ Garry Wills, «Chicago Underground». *New York Review of Books*, October 21, 1993, p. 22.

⁷ Peter Hall, *Cities in Civilization*. (New York: Pantheon, 1998), pp. 282—287.

⁸ Там же, с. 284.

⁹ Там же, с. 285.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ester R. Fuchs, *Mayors and Money: Fiscal Policy in New York and Chicago*. (Chicago: University of Chicago Press, 1992).

¹² Более подробно о периоде реакции см. работу Эшера: Abraham Ascher, *The Revolution of 1905*. Vol. 2; *Authority Restored*. (Stanford: Stanford University Press, 1992).

¹³ Thomas R. H. Havens, *Farm and Nation in Modern Japan: Agrarian Nationalism, 1870—1940*. (Princeton: Princeton University Press, 1974), p. 87.

¹⁴ Joan Clos I Matheu, *The Barcelona Model of Urban Success*, лекция прочитанная на конференции «Реальный и воображаемый Город», в Центре современной культуры Барселоны, Барселона, 11 октября, 1997. По тексту, опубликованному в: Joan Clos, *Barcelona: patrimoni, creacio, qualitat*, in Pep Subiros, ed., *Debat de Barcelona (III): Ciutat real, ciutat ideal* (Barcelona: Centre de Cultura Contemporània de Barcelona, 1998), pp. 113—116.

¹⁵ Об успехах Барселоны в период между 1980 и 1990 годами см. работу Санчеса: Joan-Eugeni Sanchez, *Barcelona: The Olympic City*. In Chris Jensen-Butler, Arie Shachar, and Jan van Weesep, eds., *European Cities in Competition*, (Brookfield, Vt.: Avebury, 1997), pp. 179—208.

¹⁶ Robert A. Slayton, «Labor and Urban Politics: District 31, Steel Workers Organizing Committee, and the Chicago Machine». *Journal of Urban History* 23, no. 1 (November 1996), pp. 29—65: 31.

¹⁷ Neil L. Waters, *Japan's Local Pragmatists: The Transition from Bakumatsu to Meiji in the Kawasaki Region*. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983), p. 55.

¹⁸ Там же, с. 81.

¹⁹ Там же, с. 76.

²⁰ Hall, *Cities in Civilization*, p. 285.

²¹ Kendal E. Bailes, *Reflections on Russian Professions*, in Harley D. Balzer, ed., *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*, (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996), pp. 39—54: 41.

²² Harley D. Balzer, *Conclusion: The Missing Middle Class*, in Balzer, ed., *Russia's Missing Middle Class...*, pp. 293—320: 293.

²³ Там же, с. 293—294.

²⁴ Christine Ruane, *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914* (Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1994), p. 9.

²⁵ Там же, с. 4. Этот тезис развит в следующих работах: Thomas Owen, *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika* (Oxford, U. K.: Oxford University Press, 1995); *Entrepreneurship and the Structure of Enterprise in Russia, 1800—1880*, in Greg Guroff and F. V. Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union*, (Princeton, Princeton University Press, 1983), pp. 59—83,

²⁶ William Blackwell, *The Russian Entrepreneurship in the Tsarist Period: An Overview*, in Guroff and Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia...*, pp. 13—26: 18.

²⁷ Marc Raeff, *Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime*. Trans. Arthur Goldhammer. (New York: Columbia University Press, 1984), pp. 188, 223.

²⁸ Ruane, *Gender, Class...*, p. 9.

²⁹ Зависимость московских заводов и фабрик от наемной рабочей силы из окрестных деревень убедительно доказана в работе: Robert E. Johnson, *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1979).

³⁰ Irina V. Potkina, *Moscow's Commercial Mozaic*, in James L. West and Iurii A. Petrov, eds., *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*, (Princeton: Princeton University Press, 1998), pp. 37—44: 41.

³¹ К большому огорчению многих ведущих российских предпринимателей и промышленников, которые, согласно Сирилу Блейку и Рут Амьенде Руса, ожесточенно боролись за государственное стимулирование экономики. См.: Cyril E. Black, Russian and Soviet Entrepreneurship in a Comparative Context, in Guroff and Carstensen, eds., Entrepreneurship in Imperial Russia..., pp. 3—11; Ruth AmEnde Roosa, The Association of Industry and Trade, 1906—1914: An Examination of the Economic Views of Organized Industrialists in Pre-revolutionary Russia. (Ph.D. diss., Columbia University, 1967); Ruth AmEnde Roosa, Russian Industrialists during World War I. The Internationalization of Economics and Politics, in Guroff and Carstensen, eds., Entrepreneurship in Imperial Russia..., pp. 159—187; Ruth AmEnde Roosa, Russian Industrialists in an Era of Revolution: The Association of Industry and Trade, 1905—1917, ed. Tomas C. Owen, (Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1997).

³² Marc Raeff, The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700—1905 American Historical Review 54, no. 2 (April 1979), pp. 399—411: 411.

³³ Lewis Mumford, The Culture of Cities (New York: Harcourt, Brace, 1938); Lewis Mumford, The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects». (New York: Harcourt, Brace, and World. 1961); Hall, Cities in Civilization.

³⁴ David C. Hammack, Power and Society: Greater New York at the Turn of the Century». (New York: Russell Sage Foundation, 1982), p. 22.

³⁵ Aaron Joseph Cohen, Making Modern Art National: MassMobilization, Public Culture, and Art in Russia during First World War (Ph.D. diss., Johns Hopkins University, 1998).

³⁶ Станиславский (Алексеев) Константин, Моя жизнь в искусстве (М., Иностранные языки, 1958), с. 36.

³⁷ Elise Kimerling Wirtschafter, Social Identity in Imperial Russia». (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997), p. 75.

³⁸ Более подробно об этих процессах см.: Blair A. Ruble, Failure of Centralized Metropolitanism: Inter-war Moscow and New York, Planning Perspectives 9, no. 4 (1994), pp. 353—376; Timothy J. Colton, Moscow: Governing the Socialist Metropolis. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995).

Именной указатель

- Абе Ису 352, 361—363, 375
 Адлер, Данкмар 78, 79
 Алавердян, С. К. 322, 336, 346
 Александр II 35, 105, 109, 117, 118, 235
 Алексеев, Н. А. 44, 47, 57, 138, 382, 394—396, 398—409, 411, 413, 418—420, 422, 430
 Алексеев, С. 396, 397
 Алтгелд, Джон Питер 191
 Арнольд, Бьон Дж. 203, 209, 213, 258
- Бауман, Н. Э. 342
 Беман, Спенсер 78, 79, 96
 Берк, Роберт 196, 389
 Бернхам, Дэниел 75, 78, 79
 Блум, Сол 76, 94, 386
 Боголепов, Н. П. 233
 Бреннан, Джордж «Красный» 390
 Бюсс, Фред 207, 208, 302, 305, 388
- Вахтёров, В. П. 229, 230, 258, 260
 Веблен, Торстейн 157
 Верно, Чарльз 206, 207, 223
- Гарлан, Джон Мейнард 192—196, 198, 200—202, 213, 215, 258
 Гаррисон, Картер Генри (младший) 43, 47, 175, 178—181, 185, 193, 194, 196—198, 201, 208—213, 216, 258, 298, 302, 303, 308, 317, 382—384, 387, 389, 391—395, 406, 413
 Гаррисон, Картер Генри (старший) 43, 47, 179, 181, 186, 187, 196, 298, 382—388, 393—395, 413—415
 Герье, В. И. 245, 246, 250, 253, 258, 420, 422,
 Гидион, Зигрид 87
 Годай Томоацу 149, 282
 Голицын, В. М. 251, 406, 407
 Гопкинс, Джон 179—181
 Гото Симпеи 352, 360, 375, 425
 Гучков, Н. И. 138, 238, 239, 258, 407
 Гучков, Ф. 238
- Данн, Эдвард 191, 198—202, 205—210, 212, 222, 223, 305, 309, 361, 387
 Дарроу, Кларенс 207, 223
 Де Приест, Оскар 65, 66, 90, 313
 Дейли, Ричард Дж. 178, 308, 314, 319, 320, 387, 394
 Деянов, И. Д. 232, 233
 Долгоруков, В. А. 120
 Драйзер, Теодор 74, 75, 177, 178, 183
 Духовской, М. В. 243, 258
 Дю Сэбл, Батист Пуан 62, 63

Екатерина II 99, 109, 244, 395

Ивамото Эйносукэ 279

Икегами Сабуро 164, 172, 267, 270, 369, 411

Йейтс, Ричард 185

Йеркес, Чарльз Тайсон 175, 178, 179, 181, 187—190, 193—198, 203—205, 210, 211, 265, 390, 406

Каваками Хаджиме 363, 376

Канаи Нобуру 359

Катаока Ясуси 279, 280

Катаяма Сэн 353, 361—363, 372, 375—378,

Кафлин, Джон 181, 196, 197, 382, 389, 390, 413

Келли, Флоренс 75, 303, 317

Келли, Эдвард Дж. 308, 314, 319, 320

Кенна, Майкл 181, 196, 197, 382, 389, 390, 413

Кеннели, Мартин Х. 314

Кермак, Энтони 209, 308, 314, 319, 320

Кизеветтер, А. 134, 136, 252, 422

Кимура Нисабуро 368

Клос и Метью, Хуан 431

Котоку Сусуи 363, 376

Краус, Зигмунд 24

Крейгер, Де—Витт 189

Кроуфорд, Чарльз 190, 191

Ленин (Ульянов), В. И. 125, 345, 346, 440

Лоример, Уильям 193, 201, 208, 302, 388

Мак-Кормик, Кирис 71, 88, 92, 433

Мацумура Тосио 287

Медден, Мартин 179

Медилл, Джозеф 197, 383, 384

Мид, Джордж Герберт 304, 314

Молтби, Мило Рой 203

Морозов, И. 103, 131

Морозов, С. Т. 112

Мерриэм, Чарльз Е. 185, 301—303, 309, 313, 314, 317, 382, 388, 392

Нагучи Магоичи 278—281

Найденов, Н. А. 111, 117, 400, 420

Наито Конан 156, 157, 359, 374

Наумов, Д. 335

Николай II 45, 125, 232, 343, 344, 346, 429, 435

Никон, патриарх 108

Нисимура Сутезо 275, 283

Номура Дзицусабуру 149, 150

Номура Токусичи (Синносукэ) 149, 150

Окада Синичиро 278, 279

Окума Сигенобу 359

Осипов, Е. 335

Пастухов, Н. 106, 254, 255

Пауэрс, Джонни 180, 196

Пётр I 99, 101, 109, 401

Пирогов, Н. И. 334, 335

Победоносцев, К. П. 111, 232—234

Пульман, Джордж М. 65, 72, 79—81, 89, 96, 97, 180, 181, 433, 438

Робинс, Маргарет Драйер 304

Рузвельт, Теодор 388

Рузвельт, Франклин Делано 75, 196, 392

Рут, Джон Велборн 78, 82, 95, 96

Сабашников, М. В. 249, 251, 252

Сабашников, С. В. 249

Салливен, Луис Генри 78, 79

Салливен, Роджер 179, 180, 181, 194, 196, 197, 201, 208, 222, 387, 391

Секи Хаджиме 10, 44, 47, 164, 270, 288, 353, 357, 363—365, 371, 382, 408—413, 430

Сибусава Эичи 146—149, 151, 354—356

Солодовниковы 112, 339

Станиславский (Алексеев), К. С. 397, 436, 437, 444

Стед, Уильям Томас 75

Стеффенс, Линкольн 63, 297, 426

Столыпин, П. А. 45, 236, 237, 252, 258, 343

Сумитомо Кичизаэмон XV 279

Сытин, И. Д. 106

Тацуно Кинго 278, 279

Толстой, Д. А. 231, 232, 233, 250, 402

Толстой, Л. Н. 237, 261

Томпсон, Уильям 193, 308, 313, 314, 319

Третьяков, С. М. 112, 138, 399, 402, 420

Уваров, С. С. 231, 232

Уемура, мэр 266

Фитцпатрик, Джон 198

Фишер, Уолтер 209

Фудзита Дэнзабуру 148, 156, 282

Фукуда Токузо 357

Хамфри, Джон 191, 192, 193

Хантер, Роберт 68, 69

Хаяси Ичизо 369

Херст, Уильям Рэндольф 205

Хидака Ютака 280, 281

Цурухара, Садакичи 275

Чернышевский, Н. Г. 135, 244

Чехов, А. П. 335, 436

Чичерин, Б. Н. 402

Шанявская, Л. А. 250, 251

Шанявский, А. Л. 249—252, 258, 263, 339

Щукин, С. С. 131

Эббот, Эдит 68, 75, 91, 304

Эддамс, Джейн 68, 75, 92, 303, 304, 313, 318, 388

Эли, Ричард 80, 96, 97

Ямагучи Ханроку 275, 276

Ямасита, мэр 286

Янжул, И. И. 243

Библиография

- Banfield, Edward C.** Civility and Citizenship in Liberal Democratic Societies. New York: Paragon House, 1992.
- Barker, Theo.** London: A Unique Megalopolis? In Theo Barker and Anthony Sutcliffe, eds., *Megalopolis: The Giant City in History*, 43—60. London: St. Martin's, 1993.
- Barker, Theo, and Anthony Sutcliffe, eds.** *Megalopolis: The Giant City in History*. London: St. Martin's, 1993.
- Benjamin, Walter.** *The Correspondence of Walter Benjamin*. Ed. and annotated by Gershom Scholem and Theodor W. Adorno. Trans. Manfred R. Jacobson and Evelyn M. Jacobson. Chicago: University of Chicago Press, 1994. *One-Way Street and Other Writings*. London: N.L.B., 1979. *Reflections: Essays, Aphorisms. Autobiographical Writings*. Trans. Edmund Jephcott. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978.
- Black, Cyril E., et al.** *The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study*. New York: Free Press, 1975.
- Boyer, John.** *Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848—1897*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Buchanan, William.** Glasgow Art, Glasgow Craft, Glasgow International. In William Buchanan, James Macaulay, Andrew MacMillan, George Rawson, and Peter Trowles, eds., *Mackintosh's Masterwork: Charles Rennie Mackintosh and the Glasgow School of Art*, 147—58. San Francisco: Chronicle, 1989.
- Buchanan, William, James Macaulay, Andrew MacMillan, George Rawson, and Peter Trowles, eds.** *Mackintosh's Masterwork: Charles Rennie Mackintosh and the Glasgow School of Art*. San Francisco: Chronicle, 1989.
- Celik, Zeynep, Diane Favro, and Richard Ingersoll, eds.** *Streets: Critical Perspectives on Public Space*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Cohen, Michael A., Blair A. Ruble. Joseph S. Tulchin, and Allison M. Garland, eds.** *Preparing for the Urban Future: Global Pressures and Local Forces*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1996.
- Davis, Diane E.** *Urban Leviathan: Mexico City in the Twentieth Century*. Philadelphia: Temple University Press, 1994.
- Demetz, Peter.** *Prague in Black and Cold: Scenes from the Life of a European City*. New York: Hill and Wang, 1997.
- Fainstein, Susan S.** *The City Builders: Property, Politics, and Planning in London and New York*. Oxford, U.K.: Blackwell, 1994.
- Ferguson, Priscilla Parkhurst.** *Paris as Revolution: Writing the Nineteenth-Century City*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Fredrickson, George M.** In *Black and White: Review of Studies in Social and Economic History of Witwatersrand, 1886—1914*, Vol. 1: New Babylon; Vol. 2: New Nineveh, by Charles van Onselen, *New Republic*, February 27, 1984: 37—39.
- Fritzsch, Peter.** *Reading Berlin, 1900*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- Giner, Salvador.** Political Economy, Legitimation, and the State in Southern Europe. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule*. Southern Europe, 11—44. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
- Giustino, Cathleen M.** Architects and the Task of Urban Planning in Late Imperial Czech Prague, 1866—1900: Winning Jurisdiction from Below. In Charles McClelland, Stephan Merl, and Hannes Siegrist, eds., *Professionen im modernen Osteuropa*, 464—91. Berlin: Duncker and Humblot, 1995.
- Architects and the Task of Urban Planning in the Late Imperial Czech Prague, 1866—1900: Winning Jurisdiction From Below. Paper presented at the Workshop for Young Scholars in East European Studies, sponsored by the American Council of Learned Societies and the Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C., August 1994.
- Gutierrez, Ramon, Margarita Gutman, and Victor Perez Escolano, eds.** *El arquitecto Martin Noel: Su tiempo y su obra*. Seville: Junta de Andalucía, 1995.
- Gutman, Margarita.** Martin Noel y el neocolonial en la Argentina: inventando una tradicion. In Ramon Gutierrez, Margarita Gutman, and Victor Perez Escolano, eds., *El arquitecto Martin Noel: Su tiempo y su obra*, 41—57. Seville: Junta de Andalucía, 1995.

Halfani, Mohamed. Marginality and Dynamism: Prospects for the Sub-Saharan African City. In Michael A. Cohen, Blair A. Ruble, Joseph S. Tulchin, and Allison M. Garland, eds., *Preparing for the Urban Future: Global Pressures and Local Forces*, pp. 83—107. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1996.

Hall, Peter. *Cities in Civilization*. New York: Pantheon, 1998.

Haneck, Peter. *The Garden and the Workshop: Essays on the Cultural History of Vienna and Budapest*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Hohenberg, Paul M., and Lynn Hollen Lees. *The Making of Urban Europe, 1000—1994*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

Jensen-Butler, Chris, Arie Shachar, and Jan van Weesep, eds., *European Cities in Competition*. Brookfield, Vt.: Avebury, 1997.

Jordan, David P. *Transforming Paris: The Life and Labors of Baron Haussmann*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Kaplan, Temma. *Red City, Blue Period: Social Movements in Picasso's Barcelona*. Berkeley: University of California Press, 1992.

Klima, Ivan. *The Spirit of Prague and Other Essays*. Trans. Paul Wilson. New York: Granta, 1994.

Kriedte, Peter, et al., eds. *Industrialization before Industrialization: Rural Industry in the Genesis of Capitalism*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1981.

Landes, David S. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York: Norton, 1998.

Lee, R. D., Richard D. Easterlin, Peter H. Lindert, and Etienne van de Walle, eds. *Population Patterns in the Past*. New York: Academic Press, 1977.

Lindblom, Charles E. *Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems*. New York: Basic Books, 1977.

Linz, Juan J. *Transitions to Democracy*. Washington Quarterly 13, no. 3 (Summer 1990): 143—64. Crisis, Breakdown, and Reequilibration. In Juan J. Linz and Alfred Stepan, eds., *The Breakdown of Democratic Regimes*, 3—124. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Linz, Juan J., and Alfred Stepan, eds. *The Breakdown of Democratic Regimes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Maier, Charles S. *Recasting Bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany, and Italy in the Decade after World War I*. Princeton: Princeton University Press, 1975.

McCarney, Patricia K., ed. *Cities and Governance: New Directions in Latin America, Asia, and Africa*. Toronto: University of Toronto Press, 1996.

McClelland, Charles, Stephan Merl, and Hannes Siegrist, eds. *Professionen im modernen Osteuropa*. Berlin: Duncker and Humblot, 1995.

McNeill, William H. *The Changing Shape of World History*. In Philip Pomper, Richard H. Elphick, and Richard T. Vann, eds., *World Historians and Their Critics*, 8—26. Middletown, Conn.: Wesleyan University, 1995.

The Eccentricity of Wheels, or Eurasian Transportation in Historical Perspective. *American Historical Review* 92, no. 5 (December 1987): 1111—26.

Medick, Hans. *The Proto-Industrial Family Economy*. In Perer Kriedte et al. eds., *Industrialization before Industrialization: Rural Industry in the Genesis of Capitalism*, Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1981.

Mendels, Franklin. 'Proto-Industrialization': The First Phase of the Industrialization Process. *Journal of Economic History* 32, no. 1 (1972) 241—61.

Meyerling, Anne C. *Workers in European Cities, 1880 to 1950*. *Journal of Urban History* 23, no. 4 (1997): 513—22.

Michels, Robert. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Hearst's International Library, 1915.

Missac, Pierre. *Walter Benjamin's Passages*. Trans. Shierry Weber Nicholsen. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

Moore, Barrington, Jr. *Injustice: The Social Bases of Obedience and Revolt*. White Plains, N.Y.: M. F. Sharpe, 1978.

Mumford, Lewis. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, Brace, and World, 1961.

The Urban Prospect. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1956. *The Culture of Cities*. New York: Harcourt, Brace, 1938.

O'Donnell, Guillermo. *Introduction to the Latin American Cases*. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Latin America*, 3—18. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

O'Donnell, Guillermo, and Philippe C. Schmitter. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*, Part 4, 3—78. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

O'Donnell, Guillermo, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Transitions from Authoritarian Rule: Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Polanyi, Karl. *The Great Transformation*. New York: Farrar and Rinehart, 1944.

Pomper, Philip, Richard H. Elphick, and Richard T. Vann, eds. *World Historians and Their Critics*. Middletown, Conn.: Wesleyan University, 1995.

Porter, Roy. *London: A Social History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

Prendergast, Christopher. *Paris and the Nineteenth Century*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1992.

Prisley, Leticia. Los intelectuales argentinos ante el problema de la modernización y de la selección de tradiciones (1900—1920). In Ramon Gutierrez, Margarita Gutman, and Victor Perez Escolano, eds., *El arquitecto Martin Noel: Su tiempo y su obra*, 59—69. Seville: Junta de Andalucía 1995.

Przeworski, Adam. Some Problems in the Study of the Transition to Democracy. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*, 47—63. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Rex, John. *Race, Colonialism and the City*. London: Routledge and Kegan Paul, 1973.

Richie, Alexandra. *Faust's Metropolis: A History of Berlin*. New York: Carroll and Graf, 1998.

Rodriguez, Alfredo, and Lucy Winchester. *The Challenges for Urban Governance in Latin America: Reinventing the Government*

of Cities. In Patricia K. McCarney, ed., *Cities and Governance: New Directions in Latin America, Asia, and Africa*, 23—38. Toronto: University of Toronto Press, 1996.

Sanchez, Joan-Eugeni. Barcelona: The Olympic City. In Chris Jensen-Butler, Arie Shachar, and Jan van Weesep, eds., *European Cities in Competition*, 179—208. Brookfield, Vt.: Avebury, 1997.

Sargent, Charles S. *The Spatial Evolution of Greater Buenos Aires, Argentina, 1870—1930*. Tempe: Center for Latin American Studies, Arizona State University, 1974.

Sassen, Saskia. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 1994.

Saunier, Pierre-Yves. Center and Centrality in the Nineteenth Century: Some Concepts of Urban Disposition under the Spot of Locality. *Journal of Urban History* 24, no. 4 (May 1998): 435—67.

Schmitter, Philippe C. An Introduction to Southern European Transitions from Authoritarian Rule: Italy, Greece, Spain, and Turkey. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe*, 3—10. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Speculations about the Prospective Demise of Authoritarian Regimes and Its Possible Consequences. *Latin American Program Working Papers*, no. 60. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1979.

Scobie, James R. *Buenos Aires: Plaza to Suburb, 1870—1910*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1974.

Shain, Yossi, and Juan J. Linz. The Power-Sharing Model. In Yossi Shain and Juan J. Linz, eds., *Between States: Interim Governments and Democratic Transitions*, 41—51. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1995.

Shain, Yossi, and Juan J. Linz, eds. *Between States: Interim Governments and Democratic Transitions*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1995.

Sharpe, William, and Leonard Wallock, eds. *Visions of the Modern City: Essays in History, Art, and Literature*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.

Steiber, Nancy. *Housing Design and Society in Amsterdam: Reconfiguring Urban Order and Identity, 1900—1920*. Chicago: University of Chicago, 1998.

Stepan, Alfred. Paths toward Redemocratization: Theoretical and Comparative Considerations. In Guillermo O'Donnell, Philippe

C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*, 64—84. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Sutcliffe, Anthony. Introduction: The Giant City as a Historical Phenomenon. In Theo Barker and Anthony Sutcliffe, eds., *Megalopolis: The Giant City in History*, 1—13. London: St. Martin's, 1993.

Sutcliffe, Anthony, ed. *Metropolis, 1890—1940*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Szelenyi, Ivan. *Urban Inequalities under State Socialism*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1983.

Tilly, Louise. *Politics and Class in Milan, 1881—1901*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1992.

Wechsler, Diana. Las ideas estéticas en Buenos Aires: entre nacionalismo y cosmopolitismo (1910—1930). In Ramon Gutierrez, Margarita Gutman, and Victor Perez Escolano, eds., *El arquitecto Martin Noel: Su tiempo y su obra*, 71—79. Seville: Junta de Andalucía, 1995.

Whitehead, Laurence. International Aspects of Democratization. In Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*, 3—46. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

Wilentz, Sean, ed. *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985.

Wilson, Elizabeth. *The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women*. Berkeley: University of California Press, 1991.

Witte, Bernd. *Walter Benjamin: An Intellectual Biography*. Trans. James Rolleston. Detroit: Wayne State University Press, 1991.

Young, David M. *Chicago Transit: An Illustrated History*. DeKalb: Northern Illinois Press, 1998.

Библиотека Московской школы
политических исследований

Блэр А. Рубл

Стратегия большого города Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи

Редактор Л. Бусуек

Корректор В. Фрадкина

Компьютерная верстка О. Козак

ББК 63.3 (0)
Р 82

Перевод с английского Марка Дадяна

Художественное оформление серии Андрея Бондаренко

*Издание осуществлено при поддержке
Совместной программы Совета Европы и Европейской Комиссии.*

Часть тиража передается в государственные, муниципальные и публичные библиотеки, а также в университеты Российской Федерации.

Блэр А. Рубл

Р 82 Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго "позолоченного века", Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. (Blair A. Ruble. Second Metropolis. Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka. — Cambridge University Press, 2001.) — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — 456 с.

Книга Блэра А. Рубла (1949), директора Института перспективных русских исследований им. Дж. Кеннана и содиректора проекта сравнительных урбанистических исследований при Международном исследовательском центре Вудро Вильсона (США) — это в сущности полувековой эпизод увлекательной, почти авантурной истории Москвы, Чикаго и Осаки в реальном контексте «дикого капитализма» второй половины XIX — начала XX века. Исследуя причины и суть конкретных городских проблем, автор приходит к выводу о том, что городские лидеры были обречены выстраивать коалиции между несопоставимыми, на первый взгляд, общественными группами, извлекающая «выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывали отвращение». Эффективность городской власти напрямую зависела от способности реализовать один из немногих действенных политических методов управления материальными и людскими ресурсами, которому автор дал определение прагматического плюрализма. Уникальный опыт «вторых столиц» России, США и Японии в применении этого инструмента оптимального управления во многих его аспектах актуален и сегодня.

ББК 63.3(0)

Подписано в печать 3.09.2004
Формат издания 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 28.5. Тираж 1000. Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22
e-mail: msp@co.ru
<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000

ISBN 5-93895-060-0

© Copyright Woodrow Wilson
International Center for Scholars 2001
© М. Дадян, перевод, 2004
© Московская школа
политических исследований, 2004

Подписано в печать 3.09.2004
Формат издания 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”
Усл. печ. л. 28.5. Тираж 3000. Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22
e-mail: msps@co.ru
<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000